

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Выпуск

15

МОСКВА 2019

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

Т 78

Серия основана в 1997 году

Редакционная коллегия:

Ю.А. Петров (ответственный редактор),
А.В. Голубев, А.А. Горский, В.Н. Захаров, Е.Ю. Зубкова,
С.В. Журавлев (зам. ответственного редактора), Д.Ю. Козлов,
В.В. Кондрашин, В.А. Кучкин, Д.Б. Павлов, Н.М. Рогожин,
Т.М. Смирнова (редактор-координатор),
В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев

Рецензенты:

д-р ист. наук И.Б. Орлов,
д-р ист. наук В.П. Булдаков

Утверждено к печати

*Ученым советом Института российской истории
Российской академии наук*

Т 78 Труды Института российской истории / Рос. акад. наук,
Ин-т рос. истории. — М., 1997 — .

Вып. 15 / [отв. ред. Ю.А. Петров ; ред.-координатор
Т.М. Смирнова] ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук . — 2019 . —
360 с. — ISBN 978-5-8055-0371-0

Пятнадцатый выпуск «Трудов Института российской истории» по традиции знакомит читателей с основными направлениями деятельности ИРИ РАН. Содержание выпуска определяется актуальными научными проблемами, важнейшими юбилейными датами в истории страны, а также научными дискуссиями, которые нашли отражение в переработанных в научные статьи докладах сотрудников Института и выступлениях приглашенных исследователей на заседаниях Ученого совета и центров ИРИ РАН.

Выпуск отличается широтой хронологического охвата, разнообразием проблематики и междисциплинарным характером статей. Представленные работы вводят в научный оборот широкий комплекс новых источников, способствуют расширению исследовательской лаборатории, многие статьи носят дискуссионный характер.

ISBN 978-5-8055-0371-0

© Институт российской истории РАН, 2019

© Российская академия наук, серия
«Труды Института российской истории»
(разработка, оформление), 1997 (год
основания), 2019

® Центр гуманитарных инициатив, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

«АКТЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»: ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И АРХЕОГРАФИИ

<i>Е.Л. Конявская</i> Завещание великой княгини Софьи Витовтовны: утраты текста и датировка	11
<i>В.А. Кучкин</i> Завещание Василия II и приписная к нему грамота	21
<i>Н.М. Рогожин</i> Посольская книга по связям России с Турцией 1512–1564 гг. как исторический источник	36

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

<i>Т.Ю. Красовицкая</i> История как политический ресурс в феврале — октябре 1917 г.	50
<i>Т.М. Смирнова</i> Детство послереволюционной России: основные итоги и перспективы изучения	70

ИСТОРИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

<i>А.И. Курянов</i> Дворянские выборы в русской беллетристике 30—40-х годов XIX в.	83
<i>М.Г. Вандалковская</i> Русская литература — фактор сохранения национальной идентичности в эмиграции в 1920—1930-е годы	102

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

<i>Д.Б. Павлов</i> Д.В. Пулята и его военно-инструкторский проект в Корее и Китае	120
<i>И.В. Быстрова</i> Документы Архива У. Черчилля в Кембридже как источник по истории советско-британских отношений в годы Второй мировой войны	155

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

В.С. Батченко

Кампания регистрации и перерегистрации религиозных общин
1929—1931 гг.: нормативные акты и провинциальная практика
(по материалам Западной области) 179

В.В. Кондрашин

Региональные и национальные особенности голода в СССР
в 1932—1933 гг. 196

А.Р. Дюков

«Кулацкая высылка» 1930-х годов из Белорусской ССР:
депортационные акции и общая численность выселенных 220

М.Ю. Мухин

Деньги и самолеты в дни войны и мира: проблема финансовых
взаимоотношений военного ведомства и авиапромышленности
в 1941—1950 гг. 244

Н.А. Араловец

Наркомания в России на рубеже XX—XXI вв.: проблемы изучения 265

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Б. Перхавко

О роли многофакторного подхода в уточнении социальной
стратификации российского общества XVII в.: постановка проблемы
и некоторые результаты 278

Е.Л. Киселева

Документы о чистке центральных учреждений СССР и РСФСР
как отражение социальных процессов конца 1920-х — начала
1930-х годов: *a case study* 314

Сведения об авторах 358

ВВЕДЕНИЕ

Пятнадцатый выпуск «Трудов Института российской истории» традиционно знакомит читателей с основными направлениями научной деятельности сотрудников ИРИ РАН. Особое внимание уделяется наиболее перспективным исследовательским направлениям; материалам, связанным с празднованием значимых исторических дат; малоизученным и дискуссионным проблемам.

Выпуск отличается широтой хронологического охвата и разнообразием проблематики, что отражает широкий спектр специализации сотрудников Института. В пятнадцатый том вошли работы, посвященные политической, социальной, культурной и экономической истории, истории внешней политики, региональной и национальной истории. Особое место в предлагаемом выпуске занимают работы по археографии, источниковедению и методам исторического исследования. Многие статьи носят междисциплинарный характер. Ряд работ характеризуется новаторским подходом, претендует на переосмысление сложившихся в исторической науке стереотипов.

Статьи систематизированы по шести рубрикам. Открывает выпуск рубрика «Акты Российского государства»: Вопросы источниковедения и археографии», в которую вошли две работы, выполненные в рамках большого археографического проекта «Акты Российского государства. Государственные и корпоративные архивы России XIII—XVII веков». Целью данного проекта является подготовка нового издания договоров и завещаний русских князей XIV в. — 30-х годов XVI в. В ходе этой подготовки неизбежно встает задача разработки правил передачи текста оригинала при публикации, а, следовательно, и анализа с этой точки зрения уже существующих на сегодняшний день изданий актов. Эти вопросы в той или иной степени затрагиваются во всех статьях данной рубрики.

Открывает рубрику статья Е.Л. Конявской «Завещание великой княгини Софьи Витовтовны: утраты текста и датировка». Объектом исследования, которое находится на стыке источниковедения, археографии и палеографии, является завещание Софьи Витовтовны, вдовы великого князя Василия Дмитриевича. Особое внимание автор уделяет методике восстановления утрат текста и проблеме датировки завещания.

Статья В.А. Кучкина «Завещание Василия II и приписная к нему грамота» представляет собой сопоставительный анализ двух душевных грамот великого князя Василия Васильевича Темного. Автор реконструирует историю происхождения завещаний Василия II, анализирует их содержание и историю изучения, уделяя особое внимание работам М.М. Шербатова, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, А.В. Экземплярского, А.Е. Преснякова и Л.В. Черепнина.

Завершает рубрику статья Н.М. Рогожина «Посольская книга по связям России с Турцией 1512—1564 гг. как исторический источник». Дав краткую характеристику всему комплексу источников по истории Османской империи и русско-турецких отношений за XV—XVII вв., сосредоточенному в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), автор подробно останавливается на материалах Посольского приказа, их составе и содержании. Один из центральных вопросов статьи — в какой степени возможно восстановить утраченные тексты. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, автор детально реконструирует историю происхождения посольских книг и выявляет их первоисточники, то есть документы, тексты которых входили в посольские книги.

Рубрика «Революция и Гражданская война» продолжает начатую в 14 выпуске «Трудов Института российской истории» публикацию статей, посвященных 100-летию Великой российской революции и Гражданской войны. Юбилейная рубрика представлена двумя статьями — Т.Ю. Красовицкой и Т.М. Смирновой.

Статья Т.Ю. Красовицкой «История как политический ресурс в феврале — октябре 1917 г.» носит междисциплинарный характер. В ней поднимаются не только сугубо исторические, но и культурологические, философские проблемы, такие, как смысл исторической науки, ее роль в политических процессах. Автор анализирует роль исторических знаний в процессе формирования и сохранения национальной идентичности и обосновывает усиление этой роли в периоды социально-политической трансформации; поднимает проблему соотношения в годы революции и Гражданской войны тенденций этнодифференциации и этноинтеграции.

В историографической статье Т.М. Смирновой «Детство после-революционной России: основные итоги и перспективы изучения» акцент сделан на историографии конца XX — начала XXI в. Именно в этот период история детства начинает формироваться в качестве отдельного самостоятельного направления отечественной исторической науки. Проанализировав основные этапы и наиболее значимые тенденции в изучении истории советского детства, автор особо останавливается на принципиальном значении характера источниковой

базы, которая во многом предопределяет результаты исследования; подводит итоги изучения проблемы и определяет актуальные задачи, стоящие перед современными исследователями.

Третья рубрика выпуска, «История в литературе», отражает единство двух взаимодополняющих сторон связи истории и литературы. Речь идет, с одной стороны, об отражении в литературе тех или иных исторических процессов. С другой стороны, о влиянии, которое литература оказывает на жизнь общества в целом и отдельных его групп.

Статья А.И. Куприянова «Дворянские выборы в русской беллетристике 30—40-х годов XIX в.» посвящена отражению в художественной литературе 1830-х годов общественных настроений, вызванных избирательной реформой 1831—1832 гг. Наиболее подробно автор останавливается на анализе изданной в 1842 г. комедии-водевиле Д.И. Брайкевича «Добавление к Дворянским выборам».

М.Г. Вандалковская в своей статье «Русская литература — фактор сохранения национальной идентичности в эмиграции в 1920—1930-е годы» поднимает обратную проблему — влияния литературы на жизнь общества. В центре внимания статьи находится проблема сохранения национальной идентичности нашими соотечественниками, высланными или вынужденными покинуть Россию после революции 1917 года. Автор на фактическом материале убедительно показывает, какую значимую роль сыграла в этом процессе русская литература в целом и в частности творчество А.С. Пушкина.

Далее следует рубрика «Внешняя политика», так же представленная двумя статьями — Д.Б. Павлова и И.В. Быстровой.

Открывает рубрику статья Д.Б. Павлова «Д.В. Путята и его военно-инструкторский проект в Корее и Китае», посвященная предпринятым в конце XIX в. попыткам официального Петербурга превратить дальневосточных соседей России в антияпонский плацдарм, а заодно существенно укрепить ее влияние в сопредельных с ней странах Дальнего Востока. В силу различных и в основном независимых от России причин эти планы отчасти и ненадолго удалось реализовать лишь в Корее. В итоге по вине высших корейских и китайских властей шанс предотвратить экспансию Японии на Азиатский материк был упущен.

В статье И.В. Быстровой «Документы Архива У. Черчилля в Кембридже как источник по истории советско-британских отношений в годы Второй мировой войны» дан обзор документов и материалов по истории советско-британских отношений в период Второй мировой войны, которые находятся на хранении в Архивном центре Черчилля в Кембридже. Автор анализирует состав и инфор-

мационный потенциал фондов премьер-министра Великобритании У. Черчилля и его супруги Клементины Спенсер-Черчилль, министра производства О. Литлттона, постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании А. Кадогана и помощника-секретаря по военным делам Военного кабинета Э. Джейкоба. Особое внимание уделяется имеющимся в фондах источникам личного происхождения (телеграфная переписка Уинстона Черчилля и его супруги в период ее визита в СССР, дневник Э. Джейкоба и др.).

Самая значительная по объему рубрика, «Новейшая история России», представлена пятью статьями, посвященными актуальным проблемам социальной, политической и экономической истории советской и постсоветской России.

Открывает рубрику статья В.С. Батченко «Кампания регистрации и перерегистрации религиозных общин 1929—1931 гг.: нормативные акты и провинциальная практика: (по материалам Западной области)». На основе широкого круга источников, многие из которых ранее не были введены в научный оборот, в статье рассматриваются правовая база процедуры регистрации религиозных объединений конца 1920-х — начала 1930-х годов, а также ее практическое воплощение в отдельном регионе — в Западной области. На материалах Западной области прослеживается социально-политическое и культурное значение данной кампании.

В.В. Кондрашин в своей статье «Региональные и национальные особенности голода в СССР в 1932—1933 гг.» поднимает чрезвычайно важную как с научной, так и с политической точки зрения проблему обоснованности теории «голодомора», трактовки голода 1932—1933 гг. в СССР как геноцида украинского народа. После краткого историографического обзора данной проблемы автор концентрирует свое внимание на малоизученных и наиболее дискуссионных аспектах темы голода начала 1930-х годов.

Далее следует близкая по проблематике статья А.Р. Дюкова ««Кулацкая высылка» 1930-х годов из Белорусской ССР: депортационные акции и общая численность выселенных». На основе широкого круга источников, многие из которых ранее не были введены в научный оборот (в том числе документы Центрального архива ФСБ России и Национального архива Республики Беларусь), автор детально восстанавливает все осуществленные в рамках «кулацкой высылки» депортационные акции с территории БССР. Большое внимание уделяется также установлению общей численности депортированных.

Статья М.Ю. Мухина «Деньги и самолеты в дни войны и мира: проблемы финансовых взаимоотношений военного ведомства и авиапромышленности в 1941—1950 гг.» посвящена анализу фи-

нансового взаимодействия советской авиапромышленности и военного ведомства СССР в период Великой Отечественной войны и первого послевоенного пятилетия. Особое внимание уделяется системному финансовому кризису авиапромышленности в первое послевоенное пятилетие и его связи с осуществлением реконверсии советской оборонной промышленности на выпуск гражданской продукции.

Завершает рубрику статья Н.А. Араловец «Наркомания в России на рубеже XX—XXI вв.: проблемы изучения», поднимающая чрезвычайно актуальную, но в то же время мало изученную проблему наркомании и борьбы с ней в России в конце XX — начале XXI в. Автор исследует основные факторы, влияющие на рост потребления наркотиков в России, особенности их распространения, возрастно-половой состав наркоманов. Особое внимание уделено проблеме создания специальных проектов по борьбе с распространением наркотиков и по профилактике наркомании.

Завершает выпуск рубрика «Методы исследования», представленная статьями В.Б. Перхавко и Е.Л. Киселевой.

Новаторская по своему содержанию статья В.Б. Перхавко «О роли многофакторного подхода в уточнении социальной стратификации российского общества XVII в.: постановка проблемы и некоторые результаты» предлагает по-новому взглянуть на социальную структуру допетровской России. Автор обосновывает точку зрения о том, что деление средневекового русского социума на классы и сословия является упрощенным и не отражает реальную систему общественных отношений средневекового русского социума. Опираясь на многофакторный подход и понятийно-терминологический метод, автор предлагает собственную реконструкцию социальной картины России XVII в. и дает краткий социальный портрет основных общественных групп.

Статья Е.Л. Киселевой «Документы о чистке центральных учреждений СССР и РСФСР как отражение социальных процессов конца 1920-х — начала 1930-х годов: *a case study*» посвящена анализу основных групп документальных источников, возникших в результате кампании чистки 1929—1932 гг. в центральных учреждениях СССР и РСФСР. Автор на конкретных примерах демонстрирует колоссальный информационный потенциал этих источников и предоставляемые ими широкие возможности для реконструкции биографий служащих, исследования социальных процессов методами микроистории, создания в рамках этого исследования *case study*. Статья вводит в научный оборот широкий комплекс источников.

Таким образом, новый выпуск «Трудов Института российской истории» отличается широтой хронологического и тематического охвата, включает освещение новых историографических сюжетов, поднимает как острые социальные вопросы современности, так и вечные философские проблемы. Особо следует отметить введение в научный оборот новых источников, а также наличие в выпуске обзоров документальных фондов зарубежных архивов.

«АКТЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»: ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И АРХЕОГРАФИИ

Е.Л. Конявская

ЗАВЕЩАНИЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ СОФЬИ ВИТОВТОВНЫ: УТРАТЫ ТЕКСТА И ДАТИРОВКА*

Завещание великой княгини Софьи Витовтовны дошло до нас со значительными утратами текста. В статье рассматривается возможность восполнения таких утрат. Предложены конъектуры при прочтении документа. Дана новая датировка акта.

Ключевые слова: древнерусские акты; Софья Витовтовна; завещание; утраты текста; датировка.

E.L. Konyavskaya

The testament of great princess Sofya Vitovtovna: losses of the text and dating

The testament of great princess Sofya Vitovtovna was preserved with significant losses of the text. The article considers the possibility of replenishing such losses. Conjectures are offered when reading the document. A new dating of the act is given.

Keywords: Old Russian acts; Sofya Vitovtovna; testament; text losses; dating.

Завещание Софьи Витовтовны, вдовы великого князя Василия Дмитриевича, дошло до нас в подлиннике (РГАДА. Ф. 135 (Древлехранилище). Отд. I. Рубр. I. № 20), но текст его сохранился не полностью.

Завещание написано на бумажном листе размером 524 × 283 мм. Значительные утраты имеются по обоим краям листа, лист наклеен на плотную бумагу XVIII в., поэтому можно определить лишь размеры вержеров: 4 на 10 мм.

Грамота написана коричневыми чернилами мелким полууставом, переходящим в скоропись середины XV в. Текст занимает 72 строки.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00247 «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI — первая треть XVI в.)».

На лицевой стороне грамоты были привешены две печати: желтовосковая (95 мм от левого края) — Софьи Витовтовны (на красном шелковом шнуре с изображением человеческой фигуры, держащей в руках другую фигуру¹) и черновосковая (135 мм от левого края) — митрополита Ионы (на коричневом шелковом шнуре с изображением Богоматери с Христом-младенцем). Последняя в настоящее время хранится отдельно. Обе печати с повреждениями.

Утраты текста завещания (более всего пострадал текст начала первых 9 строк грамоты)² с уверенностью можно восстановить лишь в нескольких случаях.

Первая утрата восстановлена в издании ДДГ:

[Во има Свѣтыа и Живоначальна Троици, \bar{W}]ца и с(ы)на и С(ва)т(а)го Д(у)ха³

Текст в квадратных скобках восстановлен уже в писарской копии, что было без каких-либо пометок перенесено в издание текста в СГГД⁴. Оттуда конъектура была почерпнута в издание Л.В. Черепнина, но здесь публикаторы уже отметили реконструкцию. Конъектура корректна с учетом аналогий: именно так начинаются духовная грамота и приписная к ней сына Софьи — Василия Темного. В пределах 10 лет эта традиция закономерно должна была удерживаться в великокняжеской канцелярии. Позже такая формула invocacion встречается в завещаниях сыновей Василия — Андрея и Бориса и др.⁵ Восстанавливаемые слова соответствуют длине утраченной части строки (80 мм) и примерному количеству букв в строке (примерно 30 букв), но поскольку такой текст встречается в завещании далее, нужно давать его реконструкцию в такой же форме (с использованием сокращений под титлами и выносных букв):

[Во има С(ва)тыа и Живоначальна Тро(и)ци, \bar{W}]ца и с(ы)на и С(ва)т(а)го Д(у)ха

Та же ситуация с восстановлением следующей утраты:

се ѡз, грѣш[наа и худаа раба Божіа Софѣа, пишу сию д(у)х(о)вную грамоту

Предлагается опустить союз «и» между «грешная» и «худая», поскольку это будет больше соответствовать формуляру:

се ѡз, грѣш[наа худаа раба Божіа Софѣа, пишу сию д(у)х(о)вную грамоту

Дальнейшие утраты представляют собой проблему и могут быть предложены лишь те или иные гипотезы, которые далеко не всегда можно оформить как конъектуры. Такова, в частности, ситуация в следующей статье:

А при[[казываю]... [моє]му с(ы)ну, великому кн(а)зю Васил(ь)ю Васил(ь)евич(ю).
А г(о)с(поди)нь мои, с(ы)нь мои, великіи кн(а)зь Василен Василіевич, печа[[луеть...]]⁶

Первая утрата — начала 3-й строки («А при|... му с(ы)ну») составляет 75 мм (примерно 28—29 букв в строке). Вторая — начала 4-й строки — 106 мм (примерно 42 буквы в строке).

Аналогии духовных грамот князей и княгинь показывают, что в большинстве случаев речь здесь должна идти не о материальных феноменах. Как правило, князья «приказывали» своих детей своим княгиням, реже — старшему сыну. «Женских» завещаний сохранилось мало, и их аналогии тоже не дают нужной подсказки. Елена Ольгердовна, вдова Владимира Андреевича Серпуховского, в своей духовной (1433 г.) «приказывает» великому князю Василию Васильевичу и Софье Витовтовне печалование о ее снохах. К моменту составления духовной грамоты умерли и ее супруг, и все ее сыновья. Еще одно завещание — Юлиании, вдовы Бориса Васильевича Волоцкого (1503 г.), — подобных распоряжений вообще не содержит.

Могла ли Софья отдавать здесь распоряжение относительно попечения о внуках? Ее сын, их отец имел такую заботу как перво-степенную обязанность. Сноха ее — великая княгиня Мария была женой здравствующего сына Софьи. Остается еще упоминаемая в завещании княгиня Евфросиния, по-видимому, вдова брата Василия Дмитриевича — Петра Дмитриевича. Тем не менее, было бы некоторой натяжкой считать, что первые строки духовной грамоты были посвящены только этой персоне. Возможно, были живы (но пребывали в монастырях) и другие родственницы вдовствующей княгини, о которых после преставления великой княгини должно печаловаться ее сыну. Могли в этой статье быть упомянуты и бояре.

Значительная утрата скрывает информацию о сакральных предметах, которые завещает Василию его мать:

[А бл(аго)с(ло)вляю] своего с(ы)на, великого кн(а)за, даю ему ѿ с(ва)тости
щикъ съ мѡщи, а в нем кр(е)сть възь... [Ви]тѡвътъ.

Потеря текста в начале 5-й строки составляет 102 мм (около 40 букв в строке).

Понятно, что в этой статье перечисляются предметы «от святости», многие из которых Софья получила от своего отца Витовта. Из летописей известно, что в 1398 г. она с детьми ездила к Витовту в Смоленск и вернулась от отца с щедрыми дарами, получив «многы иконы, обложенныя златом и серебром, еще же часть Святых страстеи Спасовых, иже давно принесены были в Смоленескъ от Царягорода»⁷. С этими святынями, привезенными из Смоленска, связывает плохо сохранившийся текст завещания И.А. Стерлигова, предлагая следующую конъектуру: «Даю ему отъ святости ящикъ съ мощми, а в немъ крестъ взъ... (далее в тексте утраты; вероятно, следует читать: “воздвизальный, чимъ мя благословиль отец мой”». — *И. С[терлигова]*) Витовтъ»⁸. Таким образом, с учетом формуляра и аналогий в тексте грамоты должно читаться:

[А бл(аго)с(ло)вляю] своего с(ы)на, великого кн(а)за, даю ему ꙗ с(ва)тости ꙗщикъ съ мощми, а в немъ кр(е)стъ взъ[двизальный, чимъ ма бл(аго)сл(о)виль ꙗ(е)ць мой великий кн(а)зь Ви]товтъ⁹.

Видимо, этот крест упоминает Василий Васильевич в своем завещании (основной текст): «кр(е)стъ золот, что ма бл(а)гословила моя мати, великая | кн(а)г(и)ни»¹⁰, — им он наделяет сына Юрия.

В отношении следующей утраты предположения могут быть гораздо менее определенными:

Да бл(аго)с(ло)вляю его, даю ему, чимъ ма бл(аго)с(ло)виль г(о)с(поди)нь мои, муж мои, ꙗ(е)ць его, вели[кии кн(а)зь Василеи Дмитриевич]... по своей д(у)х(о)вной грамотѣ, и тѣ волости и села моему с(ы)ну, великому кн(а)зю, ѡпри[[сно своего] при[купа], да ѡприс[но селца Се]мчиньского и Кжели, въ чем есмь волна, по господара своего жалован(ь)ю, великого | княз(а) Васил(ь)а Дмитриевич(а).

Утрата в начале 6-й строки — 102 мм (около 40 букв в строке).

Такого рода статья, казалось бы, вообще не нуждается в конретизации: всё, что завещал ей муж, — завещается сыну. Эта норма предполагает владение вдовой княгиней завещанными территориями «до живота», а потом последние переходят к сыну/сыновьям. Исключением могут быть прикупы княгини и владения, которые особо оговорены в завещании супруга, — в них она «вольна». Здесь речь о таких исключениях идет, и именно они позволяют гипотетически ограничить владения, о которых го-

ворилось в утраченном тексте. Это должны быть московские и коломенские территории, поскольку именно таковыми являются «опричные» селцо Семчинское и Гжеля (первое относилось к московским территориям, второе — к коломенским). Из числа московских и коломенских можно выделить те, что не упоминаются в дальнейшем тексте духовной Софьи (то есть не были завещаны ею другим лицам), но присутствуют в завещании Василия Дмитриевича (как завещанные княгине) и последующих духовных — Василия Васильевича и его сыновей (как переданные им по завещанию матери/бабки). Из московских владений Софье Витовтовне Василий Дмитриевич завещал:

А из сел из моск|ковскихх даю своеи княгинѣ: Митин починок со всѣм, что к нему пота|гло, да Семчинское село и з Самсоновѣм лугом и со всѣм, как было за моею ма|терью, да селце Федоровское Свиблово на Ауоуѣ и с мельницею, да Крилать|ское село, что было за Татаром¹¹.

О коломенских селах там сказано:

А княгинѣ своеи даю волости коломенские Пѣсочну да Брашеву | з Селцем, з Гвоздною и с Ыванем, да Оусть-Мерску, да Гжелю, и с путми, | з селы з своими, что в тѣх волостех ни есть.

С коломенскими волостями, правда, дело осложняется тем, что в дальнейшем они окажутся среди владений Ивана Васильевича, сказано, что их Василий Васильевич передает «из оудѣла с(ы)на своез(о) Иванова» «своеи кн(а)г(и)нѣ».

В любом случае титулование князя и подробное перечисление волостей и сел не могут уместиться на 102 мм, поэтому здесь целесообразно предполагать некоторое обобщенное указание, например:

Да бл(аго)с(ло)влѣю его, даю ему, чимъ ма бл(аго)с(ло)виль г(о)с(поди)нѣ мои, муж мои, ѡ(е)ць его, вели|[кии кн(а)зь Василии Дмитриевич из коломенских волостей и московских сел] по своей д(у)х(о)вной грамѡтѣ, и тѣ волости и села моему с(ы)ну, великому кн(а)зю, ѡпри|[сно своего] при[купа], да ѡприс[но селца Се]мчиньского и Кжели, въ чем есмь волна, по господара своего жалован(ь)ю, великого | княз(а) Васил(ь)а Дмитриевич(а).

Последующие утраты не столь велики, но восстановление их оканчивается не менее сложным:

А что есмь переже сего дала два свои села, Ёкуловское да Рѣпинское... | и тѣ оба села мои с(ы)ну же моему, великомѣ кн(а)зю Ва[силь]ю, в том воленъ онь, за собою ли их держит, кого ли ими самъ пожалѣет.

За пропуском в конце 9-й строки может скрываться небольшое слово, отчасти оно видно, но буквы плохо различимы. По всей вероятности, одна из них «о», видно, что одна буква — выносная, возможно, последняя буква утрачена вместе с частью края бумаги. Попытка реконструкции этой утраты была предпринята М.А. Несиним, который предлагает нечитаемые несколько букв расшифровать как «ему», то есть сыну Василию. Вместе с тем, исследователь отметил возникающее в таком случае противоречие: эти села фигурируют в приписной духовной грамоте Василия Васильевича как переданные Софьей Федору Басенку. Эти данные М.А. Несин предлагает проигнорировать, посчитав их некоей ошибкой: «Причину этого противоречия и Василий Темный, и Басенок, и писавший грамоту дьяк Василий Беда, по-видимому, навек унесли в могилу»¹².

Прежде чем прийти к такому заключению, исследователь делает замечание, хотя и не развивает его: «Эти два села, которые княгиня дает сыну не просто в распоряжение, а в личное владение, она прежде передавала кому-то другому...»¹³. Басенок в качестве «другого» им не рассматривается, поскольку его имя (равно как и прозвище) не может уместиться на столь малом пространстве. Но в утраченном слове целесообразно видеть именно это «кому»¹⁴:

А что есмь переже сего дала два свои села, Ёкуловское да Рѣпинское [кому], | и тѣ оба села мои с(ы)ну же моему, великомѣ кн(а)зю Ва[силь]ю, в том воленъ онь, за собою ли их держит, кого ли ими самъ пожалѣет.

Можно предложить реконструкцию небольшой утраты в 35-й строке, в начале которой нет фрагмента текста размером 21 мм (примерно 8—9 букв в строке) — в статье об остальных «святостях» (наиболее значимые сакральные предметы расписаны с подробностями и распределены ранее):

| [А что с]а останет которые с(ва)тости, описно того, кого есмь чимь бл(аго)с(ло)вила, ч(е)стные кр(е)сты и с(ва)тые иконы или мѡщи с(ва)т(ы)хъ |... въ болшемъ в дубовом и въ меншем ларчику, и въ ящичку въ болшем, и въ корѡбѣ, и въ всѣмъ тѣм бл(аго)с(ло)вила внѣка ж своего | ...

Второй пропуск в статье — в начале 36-й строки (42 мм — примерно 17 букв в строке). Следующая за этой статья будет посвящена

не распределенному ранее — казне и личным вещам, и они будут завещаться любимому внуку Юрию¹⁵. Это делает возможным потерю текста в 36-й строке трактовать как завещание указанного ему же. Что же касается пропуска в 35-й строке, то можно предположить, что здесь читалось «чюдотворец»:

| [А что с]А останет которые с(ва)тости, ѿприсно того, кого есмь чимь бл(аго)с(ло)вила, ч(е)стные кр(е)сты и с(ва)тые иконы или мѡщи с(ва)т(ы)хъ | [чюдотворец] въ болшемъ в дубовом и въ меншем ларчику, и въ ящичку въ болшем, и въ коробьи, и ѡз всѣмъ тѣм бл(аго)с(ло)вила внѣка ж своего | [кн(а)за Юриа].

Две утраты обнаруживаются в статье, где владения завещаются московскому Архангельскому собору и Вознесенскому монастырю. В последнем великая княгиня приняла пострижение и была погребена:

А на поминок д(у)ши своез(о) господаря, мѣжа своего, великого кн(а)за, Васил(ь)я Дмитріевич(а), и своее свекрови, великіе | [кнагин]и Ѡвдот(ь)и, и по своеи д(у)ши, и по д(у)ши с(ы)на своего, княз(а) Ивана, даю великому архангилѣ Михаилѣ къ сбѣрной ц(е)ркви [... село свое Баню, а къ с(ва)т(о)мѣ В(о)знесен(ь)ю въ манастырь даю село свое Дореньское, да внѣтри города двор свои [...евьское мѣсто, что есмь взала оу Ивана оу Старкова.

В отношении кремлевского двора и имени «места» (это 55-я строка, утрачено 9 мм — 3—4 буквы в строке), предположения выдвигать затруднительно из-за недостатка информации. Там же, где речь идет о селе Баня (утрата 10 мм — 4—5 букв в строке), резонно ожидать пояснения — где оно находится, например: «в Горетовѣ село свое Баню»:

А на поминок д(у)ши своез(о) господаря, мѣжа своего, великого кн(а)за, Васил(ь)я Дмитріевич(а), и своее свекрови, великіе | [кнагин]и Ѡвдот(ь)и, и по своеи д(у)ши, и по д(у)ши с(ы)на своего, княз(а) Ивана, даю великому архангилѣ Михаилѣ къ сбѣрной ц(е)ркви | [в Горетовѣ] село свое Баню, а къ с(ва)т(о)мѣ В(о)знесен(ь)ю въ манастырь даю село свое Дореньское, да внѣтри города двор свои [...евьское мѣсто, что есмь взала оу Ивана оу Старкова.

Наконец, пропуск в одно слово имеется в одной из последних статей (конец 67-й строки, 9 мм, 3—4 буквы в строке), регламентирующих взыскание долгов с серебряников:

[А кото]рѣи будеть издѣлныи серебреникъ изможенъ в животоѣ а не охѣдѣль, *возможет* заплатити и все серебро, и на том с(ы)нѣ мои, | [вели]кїи княз(ь), *велит* все издѣльное серебро взати, то *счинит* с(ы)нѣ мои великїи княз(ь) и своез(о) ради сп(а)с(е)нїа, а и за мою д(у)шю по обыску без...

В утраченном слове в качестве предпоследней смутно видна широкая буква — «м» или «д». Аналогий подобных выражений в актах не обнаруживается, но по смыслу и размеру слова целесообразно предположить, что это слово «обиды»:

[А кото]рѣи будеть издѣлныи серебреникъ изможенъ в животоѣ а не охѣдѣль, *возможет* заплатити и все серебро, и на том с(ы)нѣ мои, | [вели]кїи княз(ь), *велит* все издѣльное серебро взати, то *счинит* с(ы)нѣ мои великїи княз(ь) и своез(о) ради сп(а)с(е)нїа, а и за мою д(у)шю по обыску без [обиды].

Восстановив в основном утраченный текст грамоты, можно решать вопросы, связанные с ее характеристикой. Одним из таких вопросов является ее датировка.

Последний публикатор акта Л.В. Черепнин датировал завещание июнем — июлем 1451 г.¹⁶, аргументируя такую датировку тем, что в это время княгиня находилась в Москве, которую осаждал Мазовша. Великий князь Василий Васильевич оставил в Москве мать, внука Юрия и «множество боаръ и дѣтеи боарьскихъ»¹⁷. Посады горели, угроза возможной гибели в случае проникновения войск в город (а летописи сообщают, что враги пытались прорваться в кремль через ворота и «гдѣ нѣсть крѣпости каменныя»¹⁸) виделась вполне реальной. Такая обстановка должна была подвигнуть великую княгиню к составлению духовной, где Юрию Васильевичу предназначалась большая часть ее владений.

Логика датировки Л.В. Черепнина понятна, но данные, позволяющие датировать акт не предположительно, а точно, содержатся в нем самом. Грамота написана митрополичьим дьяком Ярлыком («А д(у)х(о)внѣю грамоту [пи]с[а]ль митрополич дьяк Ирлык»), известным по целому ряду документов. Одни из них им составлялись либо заверялись, другие написаны от его имени (данные грамоты монастырям и его завещание)¹⁹. В конце текста грамоты после указания имени писца и перед подписью митрополита («Смѣрены Іона, архїеп(и)с(ко)п кіе(вскїи и) всеа Р[уси]») обнаруживается длинная горизонтальная монограмма, текст которой переводится с уйгурского языка, как: «В шестидесятое (лето) ноября второго»²⁰. Хотя монограмма, равно как и варианты ее перевода, была известна еще

с XIX в., при изучении завещания Софьи эти данные не были учтены²¹. Датировка согласно дате в монограмме — 2 ноября 1451 г.²² — не имеет непосредственных исторических подтверждений, но и не противоречит исторической обстановке и обстоятельствам жизни самой Софьи Витовтовны²³.

¹ См. последнюю работу об этой печати: *Пчелов Е.В.* Печать Софьи Витовтовны и изображение на ней // Международная нумизматическая конференция «Нумизматические коллекции: наследие исторической Литвы и связанных с ней стран — открытия для просвещения и науки». — Vilnius, 2012. — С. 142—143. Исследователь определил сюжет, взятый из античной геммы: похищение Бореем Орифии.

² Об утратах, которые имеются на сегодняшний день, говорится и в Архивной описи 1767 г.: «по обоим краям многих слов не достает». В созданной тогда же писарской копии они, как правило, отмечены. Вместе с тем, ни о ветхости документа, ни об утратах его текста не говорится в Описях Посольского приказа 1614 и 1626 гг.

³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. — М.; Л., 1950. — С. 176 (№ 57). — Далее: ДДГ.

⁴ См.: *Собрание государственных грамот и договоров ...* — М., 1813. — Т. 1. — С. 191—194 (№ 83). Не оговаривая, публикаторы добавили и символическую инвокацию (крест).

⁵ См.: *Каптанов С.М.* Русская дипломатика. — М.: Высш. шк., 1988. — С. 183.

⁶ В квадратных скобках — части слова, восстановленные Л.В. Черепниным.

⁷ Полное собрание русских летописей. — М.; Л.: Наука, 1949. — Т. 25. — С. 226. — Далее: ПСРЛ.

⁸ *Стерлигова И.А.* Москва как ковчег. URL: http://www.ng.ru/specfile/2000-06-15/1_kovcheg.html (дата обращения: 02.06.2018).

⁹ Благодарю В.В. Игошева за консультацию.

¹⁰ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Ф. 135. — Отд. I. — Рубр. II. — № 21.

¹¹ Там же. — Рубр. I. — № 15..

¹² *Несин М.А.* Воевода Федор Васильевич Басенок [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 124. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Nesin_04.pdf (дата обращения: 03.06.2018).

¹³ Там же.

¹⁴ В значении: «если кому и давала...».

¹⁵ Софья не перечисляет компоненты «казны» и «рухляди», видимо, считая безусловно приоритетными сакральные ценности. Но об одном предмете из этой части завещанного Юрию (что осталось от «казны или какие рухляди моее клѣтныя») можно узнать уже из его духовной: он оставляет сестре, великой рязанской княгине Анне «манисто, чѣм ма бл(аго)с(ло)вила баба моѧ великаа кн(а)г(и)ни Соф(ь)ѧ» (ДДГ. — С. 222 (№ 68)).

¹⁶ *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. — Ч. 1. — С. 157—158.

¹⁷ ПСРЛ. — Т. 25. — С. 271.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ранее Ярлык называл себя дьяком великого князя (*Кауштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. — М.: Наука, 1970. — С. 362 (№ 10); Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. — Т. 2. — С. 56 (№ 93). — Далее: АСЭИ). В последних актах он представлен как старец Симонова монастыря.

²⁰ См.: *Бобровников А.А.* О монгольских подписях на русских актах: (письмо к В.В. Вельяминову-Зернову) // Известия Императорского археологического Общества. — СПб., 1861. — Т. 3. — Стб. 19—29; *Морозов Д.А.* Уйгурские автографы московских дьяков: (дополнение к древнерусской дипломатике) // Памяти Лукичева: сб. ст. по истории и источниковедению / сост. Ю.М. Эскин. — М.: Древлехранилище, 2006. — С. 185—186. Уйгурские записи-монограммы встречаются и в других грамотах XV в., в том числе и в актах, которые составлялись при участии Ярлыка. Так, в договоре 1436 г. Василия II с Дмитрием Юрьевичем подобная монограмма завершает текст противня Василия Васильевича (см.: *Грязнов А.Л.* Дьяческие монограммы на духовных и договорных грамотах московских князей XV века // Вспомогательные и специальные науки истории в XX — начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка: материалы XXVI Междунар. науч. конф. — М.: РГГУ, 2014. — С. 153); уйгурским письмом подписался Ярлык и на духовной Есипа Дмитриевича Акинфова (АСЭИ. — М., 1964. — Т. 3. — С. 138 (№ 100)).

²¹ Характерно, что монограмма не была прочитана и гораздо менее далекими потомками составителей грамоты. В Описи Посольского приказа 1614 г. читается: «...а в котором году писана, и того не написано» (ДДГ. — С. 453). То же и в Описи 1626 г.

²² Нет сомнения, что в канцелярии, где составлялся акт, дьяки использовали сентябрьский стиль, поскольку в середине XV в. он уже не имеет альтернативы.

²³ События второй половины 1451 г. в летописях отсутствуют. Первое сообщение после победы над Мазовшей касается Рождества.

В.А. Кучкин

ЗАВЕЩАНИЕ ВАСИЛИЯ II И ПРИПИСНАЯ К НЕМУ ГРАМОТА*

В статье уточняется датировка двух завещаний московского великого князя Василия II и исследуются причины появления на свет не одного, а двух testamentов этого князя, по времени разделенных между собой всего несколькими днями. 5 марта 1462 г. Василий II решил заняться самолечением, жечь трут на позвоночнике. Выяснилось, что этому энергично противодействовала его жена Мария. Но Василий жены не послушал и лечение провел. Оно дало отрицательный результат. Тогда между 6 и 12 марта 1462 г. было написано первое завещание Василия II, из которого следует, что у спорившей с мужем Марии был отобран ряд сел, в том числе и некоторые села, приобретенные Марией на свои средства. Это вызвало резкое недовольство окружения Василия II, которому становилось все хуже. Он поддался увещаниям и около 25—26 марта 1462 г., за два или один день до смерти, составил второе завещание, возвращавшее великой княгине ее владения.

Ключевые слова: душевные грамоты; Василий II; М.М. Щербатов; Н.М. Карамзин; С.М. Соловьев; Л.В. Черепнин.

V.A. Kuchkin

Testament of Basil II, and the letter of attribution

The article proposes exact dating of the two testaments made by Moscow Grand Prince Vasily II, and explains why these two testaments were issued within only several days. On March 5, 1462 Vasily II decided to try a specific medicine of his own choice, and his wife Maria strongly argued against this. Vasily didn't listen, and finally tried the medicine, which affected his health. In these days, from March 6 to March 12, the first testament was written. This testament deprived Grand Princess Maria of several villages — including those that she had bought on her own. Vasily's court decisively disapproved this, and Vasily, whose health was failing, listened to their admonition. On March 25—26, a day or two before his death, he issued the second testament which restored the Grand Princess' property.

Keywords: spiritual letters; Basil II; M.M. Shcherbatov; N.M. Karamzin; S.M. Soloviev; L.V. Cherepnin.

* Работа выполнена в рамках проекта «Акты Российского государства. Государственные и корпоративные архивы России XIII—XVII веков» с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

Две душевные грамоты великого князя Василия Васильевича Темного были обнаружены среди документов Московского архива Коллегии иностранных дел и введены в научный оборот Н.Н. Бантыш-Каменским в 1767 г. Оба завещания были написаны «по бл(а)гословлению отца нашег(о) Феодосіа, митрополита всеа Руси» и по времени составления близки друг другу. Однако по содержанию они резко различаются между собой. Если вторая грамота, обозначенная в ее тексте как «душевная приписная», перечисляет не всех наследников Василия II, в ней не упоминаются его младшие сыновья Борис и Андрей Меньшой, текст грамоты укладывается всего в 17 статей, то первая грамота, определяемая как «большая душевная грамота», говорит о всех наследниках Василия II и текст ее гораздо пространнее «приписной» грамоты — он состоит из 74 статей. Обе грамоты писал дьяк великого князя Василий Беда, человек стремительной карьеры, привезший своему князю известие о кончине в Новгороде Великом его злейшего врага — двоюродного брата Дмитрия Шемяки, за что сразу получил чин дьяка и был приближен к Василию II. Самое существенное различие между «большой» и «приписной» грамотами состоит в том, что в последней были изменены владельческие права жены Василия II великой княгини Марии Ярославны.

Первым исследователем завещаний Василия II стал известный русский историк XVIII в. М.М. Щербатов. В своей «Истории Российской от древнейших времен» он, изложив историю правления ослепленного великого князя, охарактеризовал его завещательные распоряжения относительно состава будущих уделов жены и сыновей. Выясняется, однако, что при этом душевные грамоты Василия II были использованы М.М. Щербатовым в минимальной степени¹. Историк следовал в основном не им, а летописному рассказу о распределении владений между женой и сыновьями Василия II, в основу которого были положены те же грамоты. Не приводя многочисленных совпадений этого рассказа с щербатовским текстом, остановимся на одном, но весьма показательном примере. Летопись так описывает наследие, полученное великой княгиней Марией Ярославной от мужа: Василий II «казну всю и Романов городок, и что есть властей и сел во всем великом княжении, что было за великими княгинями прежними, и что сам поимал у кого из изменников многое множество, и прикупил что, то все дал великой княгини Марии»². М.М. Щербатов рассказывает об этом факте теми же или схожими словами: «Супругъ же своей великой княгине Марии дал все прежняя бывшия волости за великими княгинями, Романов городок и все, что было взято у изменников себѣ и что прикупил, со

всѣми своими сокровищами»³. Объединяет оба отрывка еще и то обстоятельство, что ни в том, ни в другом не назван Ростов — главное владение вдовой Марии Ярославны. Но М.М. Щербатов явно был знаком с двумя душевными грамотами Василия II, он дал на них прямую ссылку⁴, а в конце IV тома своей «Истории» подробно пересказал содержание обеих грамот. Пересказ содержал многочисленные ошибки в географических названиях. Например, в первой грамоте было напечатано Дорожекъ вместо да Рожекъ, Ущелина вместо оу Щелина, Масленасно вместо Масленскиѣ, Иметь вместо Иледамъ, Бохтюлу вместо Бохтюгу и т. д., а во второй — Почалу вместо Почал и др. Появление этой второй грамоты М.М. Щербатов объяснял следующим образом: «Видно, что в болезни своей великий князь, припомятовав еще нечто, соизволил вторую духовную грамоту написать...»⁵. Из такого объяснения следует, что М.М. Щербатов связывал составление завещаний Василия II с его болезнью, но точно датировать их не сумел, как и установить соотношение между ними, что позволяло понять причину появления «приписной» грамоты.

Не оставил без внимания завещания Василия II и Н.М. Карамзин. Говоря о последних днях этого князя, Н.М. Карамзин рассказал о его неудачной попытке самолечения, которая имела место в начале марта 1462 г., а затем перешел к характеристике его «большой» душевной грамоты, ставя ее написание в связь с ухудшившимся состоянием здоровья завещателя⁶. Поэтому можно считать, что первый русский официальный историограф датировал «большую» душевную грамоту великого князя Василия Васильевича мартом 1462 г., хотя прямо о такой дате он не говорил.

Содержание грамоты Н.М. Карамзин свел к двум важным моментам: возобновлению Василием II в своих владениях системы уделов (каждый из его сыновей получал в собственность по нескольку городов, а его жена, великая княгиня Мария Ярославна, унаследовала «Ростов (с условием не касаться собственности тамошних князей), городок Романов, казну свою (т. е. своего мужа Василия II. — В.К.), все удельные волости, которые бывали прежде за великими княгинями, и все, им купленные или отнятые у знатных изменников (что составляло великое богатство); сверх того клятвою обязал сыновей слушаться родительницы не только в делах семейственных, но и в государственных») и назначению гарантом соблюдения своего завещания короля Польского и великого князя Литовского Казимира IV⁷.

Что касается второй, «приписной», душевной грамоты Василия II, то в основном тексте своей «Истории государства Россий-

ского» Н.М. Карамзин о ней ничего не сказал и, естественно, никакой оценки не дал. Однако в примечании 372 к V тому «Истории» он отметил ее существование: «Василий написал и другое завещание (стр. 207), также подписанное митрополитом Феодосием; оно слугит единственно прибавлением к первому»⁸.

С.М. Соловьев также использовал «большую» душевную грамоту Василия II при характеристике итогов его правления. Он внимательнее Н.М. Карамзина исследовал текст этой грамоты и показал, что при делении своих разросшихся владений на уделы наследникам (жене и сыновьям) Василий II основную их часть закрепил за своим старшим сыном Иваном, который получил больше, чем другие четыре сына Василия II, вместе взятые. Восстановление удельной системы в 1462 г. вовсе не означало, по мнению С.М. Соловьева, отказа от политики централизации, которую вел в течение многих лет Василий II, борясь со своим дядей Юрием Дмитриевичем, его сыновьями Василием и Дмитрием Шемякой, захватив в итоге их владения, заставил бежать из отчинного Можайска двоюродного брата Ивана Андреевича, взяв Можайск себе, а позднее арестовал своего шурина серпуховского князя Василия Ярославича и присоединил его серпуховские земли к своим. В руках преемника Василия II Ивана III оказывалось гораздо больше земельных владений и других имущественных ресурсов, чем у его родных братьев, от которых в будущем можно было бы ожидать выступлений против великого князя. Военный перевес был также на стороне Ивана III⁹. Но оценивая по-новому содержание первого завещания Василия II, С.М. Соловьев совершенно не останавливался на вопросе о том, когда оно было написано. Ничего не сказал он и о второй душевной грамоте великого князя, 16 лет управлявшего своим государством, будучи слепым.

Написавший в XIX в. самую обстоятельную биографию Василия II А.В. Экземплярский не мог, естественно, оставить без внимания завещательные грамоты этого князя. Он поступил с ними так, как это сделал С.М. Соловьев. После описания жизненного пути Василия II А.В. Экземплярский оценил некоторые положения его «большой» душевной грамоты. Оценка эта повторяла по сути дела то, что написал о первом завещании Василия II С.М. Соловьев: преобладание владений будущего великого князя Ивана III над взятыми вместе владениями его младших братьев Юрия, Андрея Большого, Бориса и Андрея Меньшого. При этом время написания «большой» душевной грамоты читателям не сообщалось, о существовании второй, «приписной», душевной грамоты вообще ничего не говорилось, ее значение было сведено к нулю. В последнем случае А.В. Экземплярский также следовал за С.М. Соловьевым.

Главному завещательному распоряжению Василия II уделил значительное внимание А.Е. Пресняков. В своей монографии «Образование Великоорусского государства», защищенной в 1918 г. в качестве докторской диссертации, исследователь посвятил несколько страниц текста анализу «большой» душевной грамоты упомянутого московского великого князя. В этой грамоте А.Е. Пресняков увидел отражение двух важных исторических процессов, происходивших в Московском великом княжестве с середины 20-х годов по начало 60-х годов XV столетия. На первый указывал еще Н.М. Карамзин, считавший, что вместо уничтоженных уделов своих близких родственников своим завещательным распоряжением Василий II учредил новые: своей жены и своих сыновей. О втором подробно писал С.М. Соловьев. Это смешение в одно целое всех великокняжеских владений, несмотря на разные пути их приобретения: по наследству, в результате завоеваний, путем покупок или обменов. Основная часть этих владений (московско-владимирский центр Великороссии по словам А.Е. Преснякова) оказывается в руках только одной, великокняжеской, семьи московских Рюриковичей и становится местом возникновения единого Великоорусского государства, во главе которого стоит единодержавный правитель¹⁰. Таким путем А.Е. Пресняков пытался выявить в «большой» душевной грамоте Василия II следы старины, показательной чертой которой было принципиальное наделение наследников правителя земельными владениями, что сохраняло в последних семейно-вотчинный уклад. Однако, с другой стороны, решительное преобладание владений преемника Василия II на великокняжеском столе его старшего сына Ивана III над владениями всех его младших братьев делало существенный шаг к единодержавию «при все нарастающей потребности в единой власти» в русском обществе второй половины XV в.¹¹

Анализ первой душевной грамоты Василия II А.Е. Пресняковым по своей тщательности и обоснованности выводов и до сегодняшнего дня остается лучшим среди разборов этого документа историками XVIII—XX столетий. Но при всех положительных качествах очерка А.Е. Преснякова необходимо отметить, что точной даты первого завещания Василия II он не дал, отметив только, что «большая» душевная грамота написана незадолго до кончины этого князя, «постигшей его в марте 1462 г.»¹². А о второй, «приписной», душевной грамоте Василия II А.Е. Пресняков не написал ничего, продолжив традицию, начатую С.М. Соловьевым.

Такая традиция была прервана Л.В. Черепниним. Этот историк более строго, чем его предшественники, подошел к вопросу о точ-

ном времени составления первого завещания Василия II. Поскольку завещание было написано «по бл(а)гословлению отца нашег(о) Феодосіа, митрополита всеа Руси», Л.В. Черепнин постарался выяснить, когда Феодосий был возведен на митрополичью кафедру. Об этом поставлении, вызванном кончиной 31 марта 1461 г. митрополита Ионы, сообщали многие русские летописи. В частности, в новгородском летописании под 6969 годом было отмечено, что «тое же весны преставися Иона митрополить всея Руси и поставиша на митрополию Феодосіа архіепископа Ростовьского»¹³. В московском великокняжеском своде конца XV в. сообщалось, что «тоя же весны поставленъ на митрополию архіепископъ Ростовьски Феодосеи владыками Русскими нашеа земля Московския, Суздальским Филиппом, Рязанским Ефросимом, Коломенским Геронтиемъ, Сарьскимъ Васианом. А Новгородскы архіепископъ Иона и Тферьскы владыка прислаша послы з грамотами своими...»¹⁴. Однако в ростовском владычном летописании под тем же годом указывалось, что «тоѡ же весны мѣсяца маіа 3 поставиша на Москвѣ Феодосья Бывалцева, архіепископа Ростовьскаго, в митрополиты своими епископы на Русь»¹⁵. Та же дата названа и в московском митрополичьем летописании: «Тое же весны поставиша митрополита на Москвѣ еп(и)с(к)опа ростовскаго Феодосіа, собра еп(и)с(к)опы м(ѣ)сяца мая 3 д(е)нь»¹⁶. Л.В. Черепнин, естественно, при установлении точной даты поставления в митрополиты Феодосия воспользовался свидетельствами тех летописных сводов, где было указано 3 мая как день избрания в митрополиты ростовского архиепископа. Таким образом, были точно определены широкие хронологические рамки написания «большой» душевной грамоты Василия II: 3 мая 1461 г. — 27 марта 1462 г. (день смерти завещателя). Хотя такая дата приведена Л.В. Черепниным при публикации завещания Василия II в 1950 г.¹⁷, в его исследовании 1948 г. этого документа предположительно названо и другое, более узкое, время его создания: «повидимому, в марте (1462 г. — В.К.) после этих казней во время своей болезни Василий II и написал свою духовную»¹⁸.

Указав на бесспорные хронологические рамки составления «большой» душевной грамоты Василия II и вероятное время ее написания, Л.В. Черепнин перешел к анализу содержания великокняжеского завещания. Анализ был сведен к внутренней характеристике написанного в документе: кто и что получил от отца и мужа, в каких отношениях должны были быть между собой наследники Василия II. Все Васильевичи обязаны были подчиняться матери, а младшие сыновья — еще и старшему брату Ивану III. Последний, в свою очередь, должен был держать братьев «в братстве без оби-

ды». Вдовая мать — великая княгиня Мария — наделялась правом требовать послушания от сыновей и могла наказывать строптивцев¹⁹. В черепнинской характеристике «большой» душевной грамоты Василия II не рассмотрен только вопрос, по какому принципу наделял своих наследников завещатель драгоценными предметами из великокняжеской казны.

В конце рассмотренной части своей монографии Л.В. Черепнин коснулся и проблемы второй, «приписной», душевной грамоты Василия II: «Завещательные распоряжения “большой” княжеской духовной были дополнены в “приписной” к ней грамоте, посвященной, главным образом, дополнительному наделению селами княгини и разделу между сыновьями московских дворов»²⁰. Как можно будет убедиться далее, такая характеристика «приписной» душевной грамоты Василия II могла появиться только после беглого знакомства исследователя с этим документом.

В 1958 г. с большой статьей «О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв.» выступил А.А. Зимин²¹. Это была своеобразная рецензия на первую часть «Русских феодальных архивов XIV—XV вв.» Л.В. Черепнина и на его публикацию княжеских договоров и завещаний указанного времени — «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». Но в довольно обширный список духовных и договорных грамот, нуждавшихся, по мнению А.А. Зимина, в датировках, оба завещания Василия II включены не были²². Повидимому, их датировки Л.В. Черепниным, на взгляд А.А. Зимина, были проведены безупречно.

В 2004 г. в 7 томе «Православной энциклопедии» появилась большая статья Б.Н. Флори, посвященная Василию II. Статья носила обзорный характер, но для предсмертных распоряжений лишенного зрения правителя место в ней, естественно, нашлось. Вот как характеризует «большую» душевную грамоту автор статьи: «по духовной грамоте вел. князя в 1462 г. были выделены уделы младшим сыновьям — Андрею Большому, Борису и Андрею Меньшому. Однако в состав новых уделов вошла лишь часть земель, принадлежавших ранее удельным князьям. Такие важные города, как Галич и Боровск (2-й по значению центр Серпуховского княжества), вместе с традиц. владениями вел. князей и с приобретениями самого В.В. (как Суздаль) были переданы старшему сыну — Иоанну. Такие решения были явно направлены на то, чтобы не допустить в будущем повторения событий междоусобной войны»²³. Хотя содержание первого завещания Василия II представлено в рассматриваемой статье очень сжато, в нем отмечено лишь самое главное, а вторая, «приписная»,

душевная грамота Василия II даже не упомянута, обращает на себя внимание уверенное, без обязательных оговорок типа «вероятно», «по-видимому», «скорее всего», отнесение составления грамоты к 1462 г., а не к 3 мая 1461 г. — 27 марта 1462 г. Были ли основания для столь твердого решения? Оказывается, были.

Обращение к первоисточникам показывает, что почти все русские летописные своды последней четверти XV — первой трети XVI в. описывают один примечательный факт, случившийся между 3 мая 1461 г. и 27 марта 1462 г. В указанный промежуток времени в пятницу на Федоровой неделе (первая неделя великого поста) Василий II решил заняться самолечением. Московский великокняжеский свод конца XV в. довольно подробно описал эту процедуру: «А в то же время в пяток на Федоровѣ недѣле князь велики, чаа себѣ сухотной болести, повелѣ жеши ся, яко же есть обычаи болящим сухотною. И повелѣ ставити, зажигаа труд (т. е. трут, березовая губка. — В.К.) тои на многих мѣстех по многу, идѣ же и не бѣ ему никоеа болѣзни, тогда бо и не чюаше того. Егда же разгнишася раны оны, и бысть ему болѣзнь тяжка, и вѣсхотѣ в черньци постричися, и не даша ему воли, и в тои болѣзни преставися мѣсяца марта 27 день в субботу въ 3 часѣ нощи»²⁴. Более краток текст о том же случае в московском митрополичьем летописании: «кн(я)зь велики повелѣ жеши у себѣ труд на хрепте болѣзни ради от сухотной, и с тѣх рань разболѣся и преставис(я) марта 27, кн(я)живѣ лѣт безо очию 16, а всех кн(я)жения его 36 лѣт»²⁵. Л.В. Черепнин установил, что пятница Федоровой недели приходилась в 1462 г. на 5 марта²⁶. В подтверждение правильности даты и развития самого события историк сделал ссылку на ряд летописей, хотя следовало бы просмотреть все опубликованные к 1948 г. летописные своды, содержавшие рассказ о самолечении Василия II в марте 1462 г. В одном из них обнаруживаются дополнительные детали этого лечения великого князя: Василий II «повелѣ у себя на хрептѣ трудѣ жеши сухотныя ради болести, великая же княгини его и бояре его вси възбраняху ему, он же не послушавъ ихъ, и с тѣх мѣсть разболѣся»²⁷. Выясняется, что жена Василия II Мария Ярославна и все его бояре заставляли великого князя отказаться от самолечения, но он поступил по-своему, видимо, сильно страдая от болей. Известие о действии великой княгини Марии и великокняжеских бояр следует признать достоверным. Оно сохранилось в Ермолинской летописи, использовавшей ростовское владычное летописание. Мария Ярославна была тесно связана с Ростовом. После смерти мужа она приезжала в Ростов, который стал ее главным владением по завещанию Василия II, там жили служившие ей люди, она хорошо знала архимандрита московского кремлевского

Спасского монастыря Трифона, ставшего в 1462 г. ростовским архиепископом. Через нее или через ее окружение известие о том, что она вместе со всеми боярами «возбраняху» Василию II распространенное в народе лечение, и могло попасть в ростовское летописание. От чего же лечился великий князь?

Летописи называют эту болезнь сухотной болестью, или просто сухотной. Очевидно, что сухотная болезнь, а также неудачное ее лечение и привели через 22 дня к смерти Василия II. Хотя под сухотной болезнью современные медики понимают инфекции разного рода, правы те из них, которые считают, что это не особая болезнь, а заключительная, четвертая, стадия болезни, которая в просвещенном и галантном XVIII в. определялась как французская, возникающая при любовных отношениях. А поскольку покровительницей любви признавалась Венера, то и болезнь стала называться еще и по ее имени. Четвертая стадия этой болезни неизлечима. Она характеризуется проникновением возбудителя инфекции — бактерии *treponema pallidum* — в спинной мозг человека, что приводит к потере веса больного, его усыханию, выпадению волос и зубов, разрушению нервной системы и, как следствие, к параличу и смерти. Это должно было быть известно Василию II, поскольку он лечился «якоже есть обычаи болящимъ сухотною»²⁸. Поскольку после самолечения 5 марта улучшения у Василия II не наступило и неизбежной становилась скорая кончина, великому князю необходимо было написать завещание. Он и составил «большую» душевную грамоту, где «при своем животѣ, в своем смыслѣ» распределил свои владения, собиравшиеся им налоги и хранившееся в его казне драгоценное имущество между сыновьями и женой. Однако уже через несколько дней стало ясно, что «большая» грамота нуждается в поправках, и Василий II велел написать новую «душевную приписную грамоту», будучи только «въ своем смыслѣ». О здоровье речь уже не шла. Было очевидно, что прожить великому князю осталось недолго.

Вопреки существующим представлениям о том, что два завещательных распоряжения Василия II рисуют идиллические отношения между ним и его супругой, и «большая» душевная грамота, и «приписная» душевная грамота щедро наделяют будущую вдову городами, волостями, селами, слободами, дворами, денежными доходами и драгоценными вещами, сопоставление текстов двух грамот приводит к иным выводам.

Так, в статье 38 первого завещания Василия II сообщается о владениях его жены в Переяславле Залесском: «А в Переславле даю своей кн(а)г(и)нѣ село Рюминское з дв(о)ры з городскими, да Марининѣ слободѣ, да село Доброе и з дворы з городскими, кото-

рые дворы танули к путнику». Из этого распоряжения завещателя можно заключить, что слобода Маринина в Переяславле Залесском целиком переходила после его смерти к его жене Марии Ярославне. Однако во втором завещании Василия II в статье 2 разъяснялось: «Да что есмь писал в болшой въ своеи грамотѣ кн(а)г(и)нѣ своеи Маринину слободу, а ѿ дву станѣх, ѿ Сурем(ь)евьском селѣ з деревнами да ѿ бортницѣх и ѿ бобровникѣх с числаки не ѿписано, и аз и тѣ два стану даю кн(а)г(и)нѣ своеи к Марининѣ слободе». Выясняется, что в первоначальной редакции завещания Василия II Маринина слобода переходила к его жене без двух станов. Положение было исправлено в его второй, «приписной», душевной грамоте.

Согласно статье 1 этой второй грамоты великой княгине передалось несколько подмосковных сел, в их числе «село Дьяковское, что собѣ выменила оу кн(а)г(и)ни оу Василисы, со всѣм». Речь идет о старом подмосковном селе, которое попало в руки великой княгини Марии Ярославны в результате обмена с женой второго сына Владимира Серпуховского Семена. Село Дьяковское, как и другие подмосковные села, упомянутые в статье 1 второго завещания Василия II, в первом завещании этого князя не фигурируют. Становится очевидным, что это обменное село своей жены Василий II сначала забрал себе, но через некоторое время передумал и вернул его законной обладательнице.

Статья 8 второго завещания Василия II определяла, что «в Можайске даю своеи кн(а)г(и)нѣ село Чертановское з деревнами и з дворы з городскими, да Белевици з деревнами, да Исмеиское село з деревнами, да мельницу под городом под Можайском на Москвѣ на реце, что нарадил ей еѣ же поселской Васюк». Из приведенного текста становится ясно, что жена Василия II Мария Ярославна для своих хозяйственных нужд построила водяную мельницу на р. Москве под Можайском. Кроме мельницы ей должно было принадлежать село или села близ Можайска, жители которого (или которых) могли поставлять на мельницу зерно для помола. Но в первом завещании Василия II ничего подобного сказано не было. Статья 13 этого завещания фиксировала, что Можайском должен полностью владеть второй сын Василия Васильевича Юрий (Георгий): «Да даю с(ы)ну же своему Юрью Можаяскъ с волостями и с путми, и з селы, и со всѣми пошлинами». Следовательно, мельница на р. Москве, возведенная поселелькой Марии Ярославны Васюком, и другие объекты владения великой княгини близ Можайска отходили от нее к ее сыну Юрию. Положение было исправлено во втором завещании Василия II. Таким образом, можно констатировать, что первое завещание Василия II ограничивало владельческие права великой княгини

даже в тех случаях, когда речь шла о приобретенных лично ею селах в результате обмена или покупок на собственные средства.

Ничего подобного не встречалось в душевных грамотах деда Василия II Дмитрия Донского и отца Василия II великого князя Василия Дмитриевича. Те не только не посягали на личные владения своих жен, но и оставляли за ними волости и села, которыми при жизни владели сами. В этом отношении показательна статья 25 второго завещания Дмитрия Донского: «А что княгини моее купля Лохно, то ее и есть. А на Коломнѣ мои примысль Самоилецевъ починок с деревнями, Савельевъский починок, Микульское село, Бабышево, Ослебятевское, а то княгини моеи. А что ее село Рѣпеньское и прикупъ, то ее и есть». Более обобщенный характер, но только в отношении прав великой княгини на переданные ей мужем ее примыслы, носит статья 27 того же завещания: «А тѣми своими примыслы всѣми бл(аго)с(ло)вляю княгиню свою, а в тѣхъ примыслѣх волна моа княгини, с(ы)ну ли которому дасть, по д(у)ши ли дасть. А дѣти мои в то не вступаютъс(а)». В последнем завещании Василия I клаузула «а что ее прикуп и примысль, а то ее и есть» встречается в статье 7 (описание владений великой княгини в Коломне), статье 9 (подмосковные владения), статье 10 (юрьевские владения), статье 11 (белозерские владения), статье 15 (перемыславские владения). Выясняется, что мать Василия II Софья Витовтовна, по происхождению литовская княжна, приобретала на свои средства в свою полную собственность села преимущественно в Московском княжестве и в бывшем великом княжестве Владимирском. Никаких препон в таких приобретениях она со стороны своего мужа не встречала, чего нельзя сказать о поведении ее сына Василия II. Очевидно, что между ним и его женой произошло резкое обострение отношений. И причина ссоры — отраженные в Ермолинской летописи противоположные позиции великого князя и великой княгини относительно методов лечения больного великого князя. А если так, то первая душевная грамота не могла быть написана в 1461 г., между 3 мая 1461 г. и 31 декабря 1461 г. Она могла быть написана только после 5 марта 1462 г., несколькими днями, а возможно, и неделей позже указанной даты, то есть примерно 6—12 марта 1462 г., когда Василий II чувствовал себя еще «при своем животѣ, в своем смыслѣ». Таким образом, главное завещание Василия II было написано в марте 1462 г., и Б.Н. Флоря безусловно прав, датируя его составление указанным годом.

Очевидно, что вторая, «приписная», грамота была составлена позднее. В ней речь уже не шла о жизни («животѣ») Василия II, говорится только, что он был разумен («въ своем смыслѣ»).

При написании этой грамоты присутствовали духовный отец Василия II настоятель кремлевского Спасского монастыря Трифон и два боярина: московский наместник князь Иван Юрьевич Патрикеев и Федор Михайлович. Последний — преданный боярин Василия II Ф.М. Челядня из старинного боярского рода Ратшичей²⁹. Он заменил собой трех других бояр, присутствовавших при составлении «большой» душевной грамоты Василия II. Не оказалось среди свидетелей «приписной» грамоты и второго духовника Василия II — архимандрита московского Симонова монастыря Афанасия. И это показательно. Все свидетели составления «приписной» грамоты жили в Кремле, они могли быть быстро вызваны к великому князю для решения срочного дела. Симоновского архимандрита надо было вызывать специально и ждать его приезда. По всей видимости, составление «приписной» грамоты было делом столь спешным, что за настоятелем Симонова монастыря решили даже не посылать. Если так, то написание этой грамоты надо датировать за день или за два дня до смерти Василия II, то есть 25—26 марта 1462 г.

Анализ статей 1, 2 и 8 «приписной» грамоты хотя и приводит к выводу о том, что первоначально, в «большой» грамоте, права великой княгини на некоторые приобретенные ею села не учитывались, однако эти три статьи не исчерпывают всего содержания «приписной» грамоты. В частности, в статье 12 этой грамоты сообщается, что московский кремлевский двор князя Ивана Можайского получает старший сын Василия II Иван. В статье 13 фиксируется передача кремлевского двора серпуховского князя Василия Ярославича второму сыну Василия II Юрию. Наконец, статья 15 «приписной» грамоты утверждает владельцем кремлевского двора Дмитрия Шемяки третьего сына Василия II Андрея Большого. Младшим сыновьям Василия II не доставалось ничего, хотя Л.В. Черепнин в 1948 г. утверждал, что смысл появления «приписной» грамоты сводился к «дополнительному наделению селами княгини и разделу между сыновьями московских дворов». Как видим, раздел коснулся только трех старших сыновей Василия II, дворы же были не просто московские, а еще и кремлевские. Василий II старался устранить объекты собственности в московском кремле всех своих родственных врагов: отравленных, посаженных в тюрьму, бежавших за границу.

Впрочем, главное внимание в «приписной» грамоте уделялось владениям великой княгини Марии Ярославны. Помимо статей 1, 2 и 8, содержание которых было рассмотрено выше, о селах этой княгини речь шла в статьях 3, 4, 5, 6, 9, 10, 14, 16, 17 рассматриваемой грамоты. В статье 3 указывались села в Переяславле Залесском, в статьях 4 и 9 — села в Муроме, в статьях 5 и 17 — села в Коломне,

в статье 6 — села в московских станах, в статье 10 — села в бывшем Серпуховском княжестве, в статьях 14 и 16 — дворы в московском кремле, в Москве (видимо, на посаде) и «за городом». Выясняется, что месторасположение сел, которыми после смерти Василия II должна была распоряжаться его вдова, было относительно компактным. Это сам город Москва, подмосковные станы, части территории Московского княжества еще XIV в. Коломна и Серпухов, а также часть территории великого княжества Владимирского Переяславль. В рамках очерченной территории жены московских великих князей всегда имели свои владения. Поэтому можно догадываться, что наделение Марии Ярославны селами в данном регионе носило традиционный характер, ей передавались поселения, которыми с давних времен распоряжались московские великие княгини.

Сколько же сел переходило по «приписной» грамоте к Марии Ярославне? Точную цифру назвать трудно, поскольку такие констатации, как «что ми дала дочи еѣ Ърина, Ълексеѣва жена Игнатъевич(а), свои села на рече на Москвѣ» (статья 6), «что ми дала Анна, Васил(ь)ева жена Иванович(а), села свои муромские и в Вотском Стародубѣ» (статья 9), «даю своеи кн(а)г(и)нѣ села Долматовьские Юрьева в Хотуньском и в Ростуновѣ, и в Перемышле, и з деревнами тѣх сел» (статья 10), «да за городом которые мои дворы, ѡтчина моа и купла, примысль мои, и сады мои, и в тѣх дворех волна моа кн(а)г(и)ни» (статья 16), не содержат ни названий сел или дворов, ни указаний на их количество. Поэтому приходится исходить из самых минимальных показателей. Если речь идет о селах на р. Москве, то надо считать, что таких сел было 2. Если указываются села в трех разных станах, то общее их количество не должно превышать цифры 3 и т.д. В итоге же получается следующая картина.

Согласно статье 1 великая княгиня Мария Ярославна получала 3 села. По статье 2 — 2 села, центры двух станов. По статье 3 — 2 села. По статье 4 — 3 села. По статье 5 — 1 село. По статье 6 — 3 села. По статье 8 — 3 села. По статье 9 — 2 села. По статье 10 — 3 села. По статье 17 — 2 села. Всего, таким образом, Мария должна была получить 24 села. Цифра вполне внушительная. Она указывает на то, сколько поселений отобрал у своей жены Василий II, составляя свою первую, «большую», душевную грамоту, но под давлением обстоятельств вынужден был вернуть, написав новую, «приписную», грамоту. В этой связи обращает на себя внимание еще один факт.

В мае 2017 г. при копировании «приписной» грамоты для нового издания «Договоров и завещаний русских князей XIV—XVI вв.» Е.Л. Конявская обнаружила странную запись, которая никогда не

отмечалась исследователями и публикаторами XVIII—XX вв. и до сих пор не печаталась: «Г(оспод)и, бл(а)гослови г(осподи)ну н(ы)не». Запись сделана почерком и чернилами, какими написана вся грамота, то есть принадлежит Василию Беде. Смысл записи понять сложно. Поскольку грамота написана от лица великого князя, под словом «г(осподи)ну» можно понимать именно его, а всю запись — как просьбу о его благословении свыше, нужном ему в его безнадежном положении. Однако тогда надо было бы ожидать формы не «г(осподи)ну», а «г(осподи)на». Несколько месяцев шли поиски рационального истолкования обнаруженной записи, но результатов они не давали. И лишь когда стало выясняться, что «приписная» грамота содержит не дополнительное щедрое пожалование новых земель Марии Ярославне, а список конфискованных у нее владений, которые необходимо вернуть, стало понятно, что под загадочным словом «г(осподи)ну» скрывается женщина. Так определялась великая княгиня — Мария Ярославна, к которой прилагался очень редкий термин — «господина», хотя в великокняжеской семье единственным господином был глава семьи — сам великий князь. Василий Беда желал благословения свыше именно ей, признавая великую княгиню главой семьи, а не ее крайне своенравному и жестокому мужу, и желал тогда, когда вступила в юридическую силу составленная им «приписная» грамота, подписанная митрополитом Феодосием и скрепленная печатями великого князя Василия II и главы русской церкви.

¹ В составе владений Андрея Старшего М.М. Шербаков указал Устюжну, которая названа в «большой» душевной грамоте Василия II, но в летописном пересказе завещательных распоряжений Василия II отсутствует. См.: *Шербаков М.М.* История Российская от древнейших времен. — СПб., 1781. — Т. IV, ч. I. — С. 597; Полное собрание русских летописей. — СПб., 1859. — Т. VIII. — С. 150. — Далее: ПСРЛ.

² ПСРЛ. — Т. VIII. — С. 150.

³ *Шербаков М.М.* Указ. соч. — Т. IV, ч. I. — С. 598.

⁴ Там же. — С. 598 (примеч. 55): «Архивы Иностран. Коллег. грамоты великих князей № 75 и 76».

⁵ Там же. — СПб., 1784. — Т. IV, ч. 3. — С. 121.

⁶ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. — М., 1993. — Т. V. — С. 194.

⁷ Там же.

⁸ Там же. — С. 377 (примеч. 372). Указание на с. 207 в примечании 372 относится к изданию: Собрание государственных грамот и договоров ... — М., 1813. — Ч. I, на которой была напечатана «приписная» грамота.

⁹ *Соловьев С.М.* Сочинения. — М., 1988. — Кн. 2. — С. 434—435.

¹⁰ *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства: очерки по истории XIII—XV столетий. — Пг., 1918. — С. 414—415.

¹¹ Там же. — С. 416.

- ¹² Там же. — С. 414.
- ¹³ ПСРЛ. — Л., 1925. — Т. IV, ч. I, вып. 2. — С. 456 (Голицинский список Новгородской IV летописи).
- ¹⁴ Там же. — М.; Л., 1949. — Т. XXV. — С. 277.
- ¹⁵ Там же. — СПб., 1910. — Т. XXIII. — С. 156.
- ¹⁶ Там же. — М., 2001. — Т. VI, вып. 2. — Стб. 147.
- ¹⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. — М.; Л., 1950. — С. 193 (№ 61).
- ¹⁸ *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. — М.; Л., 1948. — Ч. I. — С. 158—159.
- ¹⁹ Там же. — С. 159—160.
- ²⁰ Там же. — С. 160.
- ²¹ *Зимин А.А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. // Проблемы источниковедения. — М., 1958. — Вып. VI. — С. 275—324.
- ²² Там же. — С. 314.
- ²³ *Флоря Б.Н.* Василий II Васильевич // Православная энциклопедия. — М., 2004. — Т. VII. — С. 113.
- ²⁴ ПСРЛ. — Т. XXV. — С. 278.
- ²⁵ Там же. — Т. VI, вып. 2. — Стб. 158.
- ²⁶ *Черепнин Л.В.* Указ. соч. — Ч. I. — С. 158.
- ²⁷ ПСРЛ. — Т. XXIII. — С. 157.
- ²⁸ Там же. — СПб., 1913. — Т. XVIII. — С. 215.
- ²⁹ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М., 1969. — С. 71; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. — М., 1988. — С. 172.

Н. М. Рогожин

ПОСОЛЬСКАЯ КНИГА ПО СВЯЗЯМ РОССИИ С ТУРЦИЕЙ 1512—1564 ГГ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье дается общая характеристика деятельности и делопроизводства Посольского приказа. Анализируются состав, содержание и публикации документов на примере посольской книги по связям России с Турцией 1512—1564 гг.

Ключевые слова: Российский государственный архив древних актов (РГАДА); Посольский приказ; посольские книги; Османская империя; международные отношения XVI в.; грамота; договор; наказ (инструкция); статейный список (отчет посла).

N.M. Rogozhin

**Posol'skaya kniga on Russia's relations with the Ottoman Empire
of 1512—1564 as a historical source**

The article observes activity and office-work of Russian Ambassadorial Department (Posolsky Prikaz). The structure, contents and publications of documents (on the example of the Ambassadorial Book on communications of Russia with Turkey, 1512—1564) are studied.

Keywords: Russian State Archive of old documents (RGADA); Posolsky Prikaz; posolskie knigi; the Ottoman Empire; international relations of 16th century; gramota (document); treaty, nakaz (instruction); stateiny spisok (envoy's report).

В настоящее время важнейшие и малоизученные источники по истории Османской империи и русско-турецких отношений за XV—XVII вв. сосредоточены в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве. Основные фонды-коллекции представлены среди документов Посольского приказа, Иностранной коллегии и Министерства иностранных дел. Только в коллекциях Посольского приказа находится 674 единиц хранения документов по связям России с Османской империей за период с 1497 по 1719 г.¹ Это — подлинники, копии, переводы договоров и грамот от турецких султанов русским царям; грамоты русских царей, верховных ви-

* Работа выполнена в рамках проекта «Акты Российского государства. Государственные и корпоративные архивы России XIII—XVII веков» с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

зирей, константинопольских патриархов, русских великих князей и турецких муфтиев; дела о приездах в Россию турецких посольств и о русских дипломатических миссиях в Турцию. Наиболее ценными в информационном отношении во всей коллекции являются посольские книги и их первоисточники (черновики) — столбцы.

Чтобы представить ценность посольских книг как исторического источника, надо знать предысторию их происхождения. Посольские книги — документ текущего делопроизводства. Порядок и очередность их появления обуславливались непосредственным поводом (отправление и проезд русских и иностранных посольств). До конца XVII в. русская дипломатическая практика не знала постоянных дипломатических представительств в иностранных государствах. Дипломатическая служба состояла в чередовании конкретных поручений разным лицам (послам, посланникам или гонцам). Постоянные приезды и отправления дипломатов разного уровня накладывали отпечаток на характер посольского делопроизводства в России.

Дипломатические представители разных стран привозили с собой подлинные экземпляры грамот и договоров, которые копировались в Посольском приказе. Копии официальных документов и все другие документы, появлявшиеся в ходе подготовки и во время посольств как русских за рубеж, так и иностранцев в Россию, подшивались в хронологической последовательности друг к другу и образовывали так называемые *столбцы*. Из них по завершении посольства выбирались те материалы, которые были необходимы для дипломатической практики, и переписывались в определенном порядке в тетради, а затем переплетались в книгу. Следует отметить, что столбцы не уничтожались, а продолжали храниться в Посольском приказе как справочный рабочий материал.

Посольские книги уникальны тем, что обобщают содержание ряда первоисточников (подлинники грамот и договоров, копии документов в столбцах), многие из которых не сохранились. Тем самым значительно возрастает их ценность как исторического источника.

Состав и содержание посольских книг являются адекватным отражением динамики и характера отношений России с различными странами и народами. Это локальный архив по тому или иному дипломатическому вопросу, который решался в ходе посольств.

В настоящее время в РГАДА хранятся 28 посольских книг по связям России с Османской империей за период с 1512 по 1699 г.² Все книги написаны славянской скорописью XVI—XVII вв. на бумаге самого высокого для того времени качества. Чтобы книги лучше сохранить, в XIX в. их переплели в кожаные, с тиснением и застежка-

ми, переплеты. Последнее сделано не только для красоты, но и чтобы уберечь книги от пожаров.

К сожалению, многие документы архива Посольского приказа, особенно относящиеся к концу XV и началу XVI в., были утрачены. Вероятно, во время стихийных бедствий (пожары Москвы 1571, 1602, 1702 г., события «Смутного времени», война 1812 года) погибла и определенная часть посольских дел по связям России с Турцией. Некоторые из них пришли в ветхость и пропали. Какое-то количество книг и столбцов помимо РГАДА (различными путями) попали в другие архивохранилища (ГИМ, БАН, РНБ и др.). Чтобы установить относительно полный состав «турецких» (то есть по связям России с Турцией) посольских книг, существовавших более 200 лет, необходимо иметь представление о наиболее значительных их утратах. В этом случае наибольшие возможности для реконструкции утраченных дипломатических документов представляют Описи архива Посольского приказа.

В XVI—XVII вв. наличие посольских книг фиксировалось в Описях Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614, 1626, 1632 и 1673 гг. Сопоставление сохранившихся книг с указанными описями показало, что в действительности их (книг) было значительно больше. Имеются сведения об утраченных тетрадах (заготовках будущей книги) 1615 г. о сопровождении Иваном Одогуровым турецкого посольства и восьми тетрадах посольства (1624 г.) Ф. Лызова, последние содержат записи расходов во время сопровождения турецких послов из Воронежа до Москвы³.

Как мы знаем, утраты восполняются первоисточниками посольских книг (черновиками) — *столбцами*, и именно в них сохранились все документы, связанные с посольством И. Одадунова (1614—1615 гг.)⁴. К тому же, в столбцах обнаружены материалы посольства П. Мансурова (1615 г.)⁵, которых нет в книгах: отписки⁶, статейный список черновой⁷ и статейный список белой⁸.

Известны следующие разновидности документов, тексты которых входили в посольские книги: грамоты — *верительные* главам государств; *любительные* для проезда через различные государства в страну назначения; *указные* грамоты выдавались *приставу*, то есть лицу, провожавшему посла, и служили для обеспечения посольства продовольствием и средствами передвижения. Грамоты *опасные* гарантировали свободный въезд и выезд иностранных послов из России. *Докончания* — это грамоты перемирные или договорные; они содержали условия мира или перемирия.

Во время подготовки посольств к отправлению и по мере продвижения Посольский приказ вел служебную переписку с местными воеводами посредством т. н. *памятей*, а в ответ получал *отписки*.

Руководством для дипломатов во время посольской миссии был *наказ* (инструкция), в котором подробно перечислялись возложенные на посла поручения, его обязанности и нормы поведения в чужой стране. Очень важно, что излагались даже речи и ответы на возможные вопросы турецких дипломатов. Это было подробнейшее указание не только на задачи посольства, но и на то, как их выполнять. Поэтому наказ был документом совершенно секретным, предназначенным только для членов посольства.

Дипломатическая практика выработала особую форму наказа. Обычно вначале идет перечень лиц, входящих в состав посольства, далее следует подробный маршрут посольства с указанием количества стрельцов, назначенных для охраны. По дороге в Константинополь послы добирались до Воронежа, затем рекой Доном до Азова. Конная охрана шла берегом и оберегала посольский караван от нападения крымских татар, ногайцев и др. На особом «разменном месте» около Азова происходил церемониал встречи и передачи посольства туркам. До встречи с султаном послам запрещалось заходить в дома его подданных. Царскую грамоту послы должны были передать в каком-нибудь нейтральном месте, на пристани или специальном шатре. В Кафе послы должны были иметь переговоры только с турецкими людьми, строжайше запрещалось ездить на поклон к султанскому вассалу — крымскому хану. В наказе точно указывалось, с кем из турецких деятелей послы должны были видаться и о чем говорить. Как правило, посольство обязано было вручить в Константинополе две одинаковые грамоты: одну — визирю, а другую — султану. Результат посольства определялся исходом конференции с визирем и пашами. Вот почему в наказе особенно тщательно разрабатывались различные варианты ответов посла на предъявленные ему вопросы. На многих страницах каждого наказа можно встретить одну и ту же фразу: «А будет визирь учнет спрашивать» о том-то и отвечать ему так-то... Почти в каждом наказе имеется ответ про Азов и донских казаков, про кабардинских горских черкесов и кумыцких князей, которые издавна служат великим государям; про Казань, Астрахань, Ногаев, про Иверскую землю, про Сибирское государство и, наконец, про отношения Русского государства «с цесарем римским, шпанским, французским, датским, английским, польским, швейским королями и шахом Кизылбашским».

Обычно послы должны были жаловаться на польского короля, сдержанно говорить о цесаре и указывать на неизменно дружеские отношения и ссылки с остальными европейскими дворами. Что касается кизылбашского (персидского) шаха, то послы должны были подчеркивать исключительно торговый интерес, который связывает

с ним русского царя. При этом указывалось: «Ни о каких государственных делах с шахом ссылки не бывало», — так должны были говорить русские послы. Московское правительство интересовалось также судьбой других государств, имевших отношения с Турцией. В ряде наказов можно прочесть вопрос о судьбе островов Родоса, Крита и др. Особое внимание обращалось на воспроизведение точного титула московского правителя как на аудиенции, так и в ответных султанских грамотах. Известны случаи, когда русские послы и гонцы по году и больше оставались в Константинополе лишь потому, что не могли договориться о титуле.

Часто к наказу прилагалась роспись русских пленных, которых просили вернуть в Москву без выкупа, а также роспись подарков с точным указанием их стоимости и адресата. В приложении к наказу давались копии тех грамот, которые везли с собой послы. Если по наказу мы можем проследить, какое задание было дано послам, то по статейному списку есть возможность проверить, как оно было выполнено.

Русское правительство обычно интересовало вопросы: кто является другом и союзником турок, с кем они ведут войну или собираются вступить в военные действия. Все это надо было проводить тайно, используя в качестве дополнительного аргумента соболиные меха и деньги. Нередко в наказе прямо указывалось на необходимость предложить определенному турецкому чиновнику или даже верховному визирю солидную сумму. Особое внимание обращалось на отношения Турции с Ираном. Москву интересовало, на чьей стороне перевес, может ли Иран выдержать борьбу с Турцией и каково положение на Кавказе. Послы должны были точно разведать, как долго, где и с каким успехом идет между ними война.

Вслед за наказом послам вручались *росписи* подарков главам правительств и их приближенным. Росписи также определяли количество подарков, *корма* в зависимости от служебного положения членов посольства.

Основным отчетным документом посольств были *статейные списки*, получившие свое наименование потому, что их содержание излагалось по статьям и пунктам наказа. Отчеты послов — чрезвычайно ценный источник не только для изучения международных отношений; это еще и свидетельство очевидца обо всех событиях, происходивших в дороге и во время пребывания в Османской империи. Нередко в статейных списках можно встретить описание народного восстания или дворцового переворота, сведения о конфликтах между высшими чиновниками турецкого государства, об интригах иностранных дипломатов, о военных победах и неудачах Турции.

Отчеты русских послов, побывавших в Турции, появляются в архиве Посольского приказа уже в XVI в. Однако в первые сто лет русско-турецких отношений их содержание было достаточно кратким и ограничивалось записями об отправлении посольства и подробными донесениями послов как с дороги, так и из турецкой столицы. В XVII столетии отчеты становятся намного более подробными и многословными.

После возвращения посла из-за границы царь вместе с думным посольским дьяком выслушивал отчет посла, и следовали *распросные речи* членов посольства, которые также записывались.

Посольские книги содержат также довольно много документов о турецких посольствах, посетивших Москву. В текстах книг имеются целые разделы, озаглавленные «Приезды турецких послов, гонцов и купчин». С характерной для служащих Посольского приказа аккуратностью записывались не только имена турецких послов, цели их посольств, но и самым подробным образом описывалось пребывание дипломатов в Москве, приемы их у царя и разговоры с думными боярами. Обычно тут же прилагался перевод грамот, представленных турецкими послами царю от султана и визиря, а также грамоты от визиря патриарху. Выступления и речи турецких послов заносились в посольские книги и являются интересным и живым материалом. Они существенно дополняют и разъясняют смысл и содержание султанских грамот.

Следует сказать, что количество турецких посольств XVI—XVII вв., побывавших в Москве, значительно меньше, чем русских, отправленных в Константинополь. Характерным для турецкой дипломатии того времени является отправка одних и тех же лиц в качестве послов или гонцов по несколько раз.

Все материалы по каждому посольству собирались в *столбце* — то есть документы подклеивали друг к другу, и они образовывали что-то подобное свиткам. После этого из них выбирали наиболее важные и необходимые для дальнейшей дипломатической практики документы, которые переписывали в тетради, а затем переплетали в книги⁹.

В общем, можно сказать, что «турецкие» посольские книги — это целая энциклопедия по истории дипломатии, географии и культуры России и Османской империи XVI—XVII вв. В них можно прочитать поздравления русскими царями турецких султанов с воцарением, дружественные договоры о мире и свободном проезде купцов через оба государства; узнать, что турецкие купцы покупали в России в основном ловчих птиц (кречетов и соколов) для охоты и мех соболя, а русские везли из Оттоманской Порты оружие и лошадей. Иногда правители обращались друг к другу за военной помощью. Русские

правители просили турецких султанов быть посредниками в переговорах о мире с крымскими ханами, обращались с просьбой отпустить пленных, особенно знатного происхождения. Конечно, были и разногласия, в основном из-за пограничных городов и земель, таких, как Азов, Чигирин, побережье Днепра и проч.

Даже беглая характеристика состава и содержания посольских книг свидетельствует о многоаспектности отраженной в них информации, одинаково важной как для исследователей России, так и Турции. Потенциальные возможности посольских книг далеко не исчерпаны. В этом случае очень важно иметь оперативный доступ к содержащейся в них информации, в том числе и в не опубликованных книгах. С этой целью мною подготовлен и опубликован «Обзор...» всего комплекса посольских книг, то есть 766 книг; из них 610 книг по связям России с 17 иностранными государствами Европы и Азии и 156 книг — по связям с народами, позднее вошедшими в состав Российского государства. Описание каждой из них включает в себя: название фонда и архивные шифры; хронологический период; формат; количество листов; краткое содержание; наличие публикаций и дополнительной литературы¹⁰.

На основании «Обзора ...» мною же разработана информационно-справочная система, рассчитанная на широко распространенные совместимые персональные компьютеры семейства IBM¹¹. Общий объем файлов системы около 10 Мб.

Несколько слов следует сказать о степени опубликованности посольских книг в целом и по связям России с Турцией в частности. Интенсивно публикация Посольских книг велась лишь во второй половине XIX в. В этот период было осуществлено несколько их серийных изданий в: «Древней Российской Вивлиофике», «Памятниках дипломатических сношений древней России с державами иностранными» (10 томов) и «Сборниках Русского исторического общества» (10 томов). В дальнейшем издания носили эпизодический и, как правило, выборочный характер. Для публикаций отбирались отдельные, наиболее древние источники. Но во многих случаях в издания включался не весь комплекс документов посольских книг, а лишь наиболее важные из них (грамоты, наказания или статейные списки).

Поэтому уровень и степень издания этих материалов нельзя признать удовлетворительным. Достаточно сказать, что в настоящее время из 766 сохранившихся книг по связям России со странами и народами Западной и Восточной Европы опубликовано всего 119. Что касается Турции, то из 28 посольских книг частично опубликованы только две — № 1 и № 2. Первая в отрывках и не полностью¹², а из второй книги издан только статейный список И.П. Новосильцева¹³.

На наш взгляд, пофондовая серийная публикация посольских книг могла бы стать одним из важнейших направлений научно-издательской деятельности Центра источниковедения истории России и Центра истории русского феодализма ИРИ РАН. Тем более что уже есть значительный опыт. В последние годы в Институте российской истории РАН совместно с РГАДА опубликованы полные тексты нескольких посольских книг¹⁴. Кроме того, совместно с Йельским университетом (США) издана посольская книга по связям России с Англией 1613—1614 гг. на английском языке¹⁵.

Однако эти издания не приобрели еще серийного характера. Целесообразно направлять усилия на последовательную (в хронологическом порядке) публикацию всех посольских книг по отдельным странам и регионам, например Турции. Публикация должна воспроизводить тексты документов посольских книг без каких-либо сокращений. Учитывая, что первоисточники посольских книг — дела (в столбцовой форме) — нередко содержат документы, не вошедшие в книги, их следует помещать в изданиях в качестве подстрочных примечаний и приложений. Подобные издания могли бы носить совместный, международный характер, и в этом случае содержание посольских книг может быть дополнено параллельными источниками из архивов других стран.

В 2018 г. благодаря спонсорной поддержке Фонда президентских грантов готовится к изданию посольская книга по связям России с Турцией № 1, которая включает материалы с 1512 по 1564 г.¹⁶

Содержание книги составляют документы, связанные со следующими посольствами:

— отправление в Константинополь русских посланников: М.И. Алексеева; В.А. Коробова; Т. Кадышева; Д.С. Быка; Б.Я. Голохвастова; И. Лазева; Т.Г. Моклюкова; И.С. Морозова; купца А. Можайтинова; казака К. Мудранова; Т. Кадышева;

— приезды в Россию турецких послов, гонцов и купцов: посла кн. Камала Феодорита; посла кн. Скиндера; посла А. Халкокондиля; посланца Ахмата; купца Мустафы Челибея;

— приезды в Москву посланцев из Азова, Кафы, Молдавии, Константинополя;

— отпуски грамот к духовенству в Константинополь;

— переводы грамот представителей константинопольского духовенства к русскому царю и митрополиту¹⁷.

Официальные дипломатические отношения Турции с Россией начались сравнительно поздно, лишь во второй половине XV в. После овладения Балканским полуостровом и его славянскими стра-

нами, завоевания Константинополя, Крыма и устья Дона турецкие султаны выступают инициаторами сближения с Московским государством. Первые контакты имели сугубо практический характер и выражались во взаимных торговых интересах как турецких, так и русских купцов. Конечно, торговые связи начались гораздо раньше официального дипломатического признания. Кроме того, Кафа в Крыму и Азов на устье реки Дона являлись не только крупными торговыми центрами, но и важными стратегическими пунктами.

Первый официальный документ русско-турецких отношений — грамота великого князя Ивана III турецкому султану Баязиду II от 31 августа 1492 г.¹⁸ В тексте грамоты русский князь выразил свою озабоченность тем, что между ним и султаном не послы, а только купцы «ездят». Последующие сто лет отношений между Россией и Турцией носили мирный характер, в них преобладал дружественный тон и обоюдная заинтересованность в развитии торговли. Как следует из грамот, которыми регулярно обменивались Иван III и султан Баязид II, русско-турецкая торговля была достаточно интенсивной.

Поводом для составления посольской книги № 1 послужило известие, которое получил великий князь Василий Иванович и бояре о вступлении на османский престол нового султана Селима I. В ответ московское правительство принимает решение послать к турецкому султану с грамотой в Царьград «своего человека». В качестве посла 15 декабря 1512 г. был отправлен через Крым Михаил Алексеев. В наказе послу было строго приказано «на калянях ему не ставитися, ни в землю челом не ударити». В «верительной грамоте» новому султану предлагались будущая «дружба и любовь» и высказывалось пожелание о развитии торговли и содействии купеческому обмену. Кроме того, посольство Алексеева должно было получить у султана Селима I определенные гарантии о дружественном отношении к России. Как следует из ответных грамот султана, он был в курсе московских дел и выдвинул перед Москвой ряд требований о взаимоотношениях с Москвой мусульманских ханств Востока и в частности крымского хана, стремясь подчинить их своему влиянию.

Посольство Алексеева вернулось в Москву в мае 1514 г. Вместе с послами прибыл в Россию первый турецкий посол князь Мангуйский Феодорит Камал. В трех грамотах (написанных на сербском языке), которые привез турецкий посол, султан Селим I подтвердил желание быть в дружбе, дал заверения в беспрепятственной торговле с русскими купцами и просил оказать послу Камалу содействие в приобретении в Москве товара, которого нет в его государстве. Со

стороны султана была также и попытка вмешаться в казанские дела. В грамоте от 1 августа 1513 г. он просил великого князя отпустить в Крым к Менгли-Гирею находящегося в Москве хана казанского Абдул-Латифа. В одной из своих бесед с боярами Камал впервые затронул вопрос об азовских набегах казаков на украинные земли России. В свою очередь Москва жаловалась на набеги крымских царевичей и просила, чтобы султан их прекратил и тем самым доказал свою дружбу. В официальном ответе, данном Камалу, сообщалось, что с ним вместе поедут к султану русский посол Василий Коробов и русские купцы. Русское правительство просило, чтобы помимо пошлин, установленных в Турции, с русских купцов никаких пошлин не брали. Но главной причиной отправки в Турцию посольства Коробова были непрекращающиеся набеги крымского хана и азовско-го гарнизона на южные окраины России.

Посольство Коробова отправилось из Москвы 15 марта 1515 г. через Азов. С этого времени этот путь в Турцию стал постоянным для русских дипломатов на протяжении XVI—XVII вв. Азов был удобным местом для сбора сведений о Турции и соседних странах (Иран, Крым, Ногаи). Коробову было строжайше предписано обо всем, что он узнает в Азове, сообщать в Москву немедленно. А именно: про турецкого султана, отношения с Ираном (Кизылбашами), где кочуют крымские татары и ногаи, какие у них отношения с Литвой и т. д. В Константинополе Василий Коробов должен был добиться точного ответа: кого султан, а следовательно, и великий князь Московский должен считать своим другом, а кого недругом.

С этой целью Коробову была дана договорная грамота в трех вариантах. В первом варианте было сказано, что друзья султана будут друзьями великого князя, и наоборот. Во втором варианте был упомянут конкретный недруг, против которого султан и великий князь должны были стоять «заодин», т. е. вместе, — это Сигизмунд, король польский и великий князь литовский. В третьем варианте среди недругов был прибавлен крымский хан Менгли-Гирей с сыновьями. Кроме того, было разрешено включить в число недругов угорского (венгерского) короля и других по желанию султана.

Второй вопрос, который должен был разрешить Василий Коробов, это благоприятный режим для торговли России и Турции. Особое внимание он должен был обратить на то, что азовские и белгородские казаки помогают польскому королю в его борьбе с Москвой. Если султан хочет быть другом великому князю, то он должен был им это запретить.

Вернулся Василий Коробов из Турции 19 февраля 1516 г. и привез султанскую грамоту, подтверждавшую дружбу и выполнение желаний России о льготах торговым людям.

Следующим послом в Турцию был назначен Дмитрий Степанов-рязанец. Причиной снаряжения посольства послужили набеги крымских царевичей на русскую землю, желание великого князя ориентироваться во взаимоотношениях султана с ногаями, Крымским, Астраханским и Казанским ханствами и отсутствие посла от султана в Москву. Однако Д. Степанов по дороге был убит на Дону татарами.

В марте 1519 г. русское правительство направило в Турцию через Азов нового посла, Бориса Голохвастова. Он также должен был собрать сведения о взаимоотношениях турецкого султана с ногаями, Астраханью и Крымом. В июле 1519 г. Голохвастов прислал из Азова в Москву известие о том, что турки приступили к завоеванию черкесской земли и султан приказал крымскому хану отправить туда 8 тыс. человек. О турках посол сообщил, что они ведут войну с Кизылбашами (Ираном) и благодаря тому, что в Иране научились делать пушки и пищали, шах бьет турок. Ответная грамота Селима I, привезенная Голохвастовым 8 января 1521 г., говорит лишь о дружбе и охране русской торговли, в которой турки были заинтересованы. Никаких конкретных предложений для установления более тесных и дружественных отношений со стороны султана не поступило.

Совершенно другой, более подробный характер, носят письма, приходившие в Москву от местных турецких властей и также включенные в состав посольской книги. В них сообщалось о военных действиях ногайских и астраханских татар, твердом желании султана держать Дон в своих руках и развернуть там торговлю. Тут же указывались товары, которыми турки интересовались (черно-бурая лисица, соболь, рыбий зуб и кречеты); сообщалось, что крымский хан собирается идти на Русское государство войной и т.д.

В 1520 г. умер турецкий султан Селим I и на престол под именем Сулеймана вступил его сын, получивший впоследствии прозвище Кануни или «великолепный». Как только в Москве было получено известие о вступлении на трон нового султана, в Константинополь было отправлено посольство Третьяка Губина, чтобы услышать от нового султана подтверждение дружбы, братства и любви. Кроме того, послу было предписано указать султану на недружелюбное отношение к России со стороны крымского хана Мухаммед-Гирея и его сына Богодур-царевича, желавших рассорить Россию с Турцией. Предлагалось также создание на Дону сфер влияния России и Турции. Посол должен был доказать султану, что ни крымский хан, ни тем более султан не имеют никакого права претендовать на Поволжье, и в частности, на Казанское ханство. Следовало также жаловаться султану на вероломство крымского хана.

В ноябре 1521 г. с инструкциями о крымском хане к Т. Губину был послан гонец Иван Лазарев. В свою очередь посол из Азова информировал свое правительство обо всех турецких новостях.

В 1522 г. Т. Губин вернулся в Москву вместе с турецким послом Скиндерсаком, который имел специальное задание произвести в Москве закупку товаров лично для султана и его двора. Из султанской грамоты, которую привез Скиндерсак, видно, что никаких политических требований и предложений кроме заверений в дружбе и режиме торговли турецкая сторона не выдвигала. Вот почему турецкому послу на прощальной аудиенции было предложено узнать у нового султана Сулеймана о возможности заключить письменный мирный договор.

Посольство Ивана Семеновича Брюхова (Морозова) в 1523 г. имело своей основной задачей склонить султана Сулеймана к «учинению договорной записи» о взаимной дружбе, об обмене послами, свободном проходе и торговле купцов. Особо было приказано просить султана воспретить туркам и их подданным совершать нападения из Азова на русские деревни, забирать в плен русских людей, продавать их в рабство и требовать за них выкуп. Из сообщений Брюхова, присланных по пути в Турцию, можно заключить, что нападения турок и их подданных-кочевников из Азова на русскую землю продолжались, несмотря на уверения султана в дружбе и любви. Посол должен был информировать турок об установившейся дружбе между Россией и астраханским царем Усейном и о прибытии в Москву астраханского посольства.

С 20-х годов XVI в. и вплоть до первой русско-турецкой войны в 1569 г. в отношениях между Русским государством и Турцией наступает определенное затишье.

Кроме указанных выше документов посольств в посольской книге № 1 имеются следующие материалы:

1. Отправление в Царьград:

— торговых людей Алексея Можайтинова с товарищами для возвращения оставшегося имущества посольства И.С. Брюхова (Морозова);

— Кудояра Мудоранова с жалобой на купца Скиндерсака;

— татарина Темеша Кадышева с известием об умершем в Москве посланнике Скиндерсаке.

2. Значительный комплекс документов связан с приездами в Россию послов, гонцов и купцов из Турции:

— Камала князя Феодорита с предложением о дружбе;

— посла князя Скиндерсака с уверением о дружбе и для покупки в Москве товаров;

- грека Андреяна Халкокондила для налаживания торговли;
- посланца Ахмата для покупки соболей и кречетов;
- купца Мустафы Челебея по торговым делам;
- посланца от Санджяка Кафинского из Кафы за покупками;
- посланцев из Азова с различными вестями;
- посланцев от греческого духовенства и патриарха;
- посланцев от молдавского господаря.

3. В следующей группе материалов документы об отправлении посланников с письмами в Кафу, Азов, Царьград (к патриархам и греческому духовенству) и к польскому королю.

4. Отдельную подборку составляют переводы грамот патриарха царьградского и других духовных лиц к российским государю и митрополиту, а также переводы грамот волошского воеводы.

Как видно из изложенного, содержание посольской книги № 1 по связям России с Турцией 1512—1564 гг. достаточно информативно и представляет собой значительный интерес для изучения начального периода становления русско-турецких связей.

¹ РГАДА. — Ф. 89. — Оп. 1—4.

² Там же. — Оп. 1. — Д. 1—28 (посольские книги); Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV — начало XVIII в.) / сост. и авт. вступ. ст. Н.М. Рогожин. — М.: Ин-т истории СССР, 1990. — С. 115—120.

³ Опись архива Посольского приказа 1626 года. — М., 1977. — Л. 352 об.—353 об.

⁴ РГАДА. — Ф. 89. — Оп. 1. — Д. 1, ч.1. — 194 л.; ч. II. — 191 л.

⁵ Там же. — Д. 2. — 108 л.

⁶ Там же. — Д. 3, ч. 1. — 159 л.; ч. II. — 168 л.

⁷ Там же. — Д. 2. — 267 л.

⁸ Там же. — Д. 4. — 268 л.

⁹ *Рогожин Н.М.* Посольские книги России конца XV — начала XVII вв. — М.: ИРИ РАН, 1994. — 223 с.

¹⁰ Обзор посольских книг ...

¹¹ Авторская электронная база данных «Посольские книги России конца XV — начала XVIII в.» расположена в сети Internet: Посольские книги России конца XV — начала XVIII в.: Электронная база данных. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Posolbook/PosolBook.html>

¹² См.: Сборник Русского исторического общества. — 1910. — Т. 95. — С. 83—130, 226—238, 334—337, 426—432, 619—630, 667—706; *Дунаев Б.И.* Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. — М.: Синод. тип., 1916. — С. 33—92.

¹³ Путешествия русских послов XVI—XVII вв. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. — С. 63—99; Записки русских путешественников XVI—XVII вв. — М.: Сов. Россия, 1988. — С. 187—219.

¹⁴ Посольская книга по связям России с Англией, 1613—1614 гг. / подгот. текста и вступ. ст. Н.М. Рогожина; под ред. и с предисл. В.И. Буганова. — М.: Ин-т истории СССР, 1979. — 244 с.; Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями), 1588—1594 гг. / [сост. М.П. Луки-

чев, Н.М. Рогожин]. — М.: Ин-т истории СССР, 1988 (1989); Посольские книги по связям Молдовы с Россией 1684—1690—1691 гг. / сост. И.А. Еремия, Н.М. Рогожин. — Кишинев, 1993. — 316 с.; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой, 1489—1549 гг. / сост. Б.А. Кельдасов, М.П. Лукичев, Е.Е. Лыкова, Н.М. Рогожин. — Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. — 357 с.; Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством, 1672—1675 гг. / [сост. М.М. Батмаев, Н.М. Рогожин]. — Элиста: Джангар, 2003. — 316 с.; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.) / [отв. ред. В.В. Трепавлов]. — М.: [ИРИ РАН], 2003. — 93 с.; Посольская книга по связям Молдовы и Валахии с Россией, 1674—1675 / сост. Н.М. Рогожин, И.А. Еремия, Д.В. Лисейцев. — Кишинев: Молд. гос. ун-т, 2005. — 70 с.; Посольская книга по связям России с Англией, 1614—1617 гг. / сост. Д.В. Лисейцев. — М.: [ИРИ РАН], 2006. — 396 с.; Посольская книга по связям Московского государства с Крымом, 1567—1572 гг. / [отв. ред. М.В. Моисеев; подгот. текста А.В. Малов, О.С. Смирнова; статьи, коммент. А.В. Виноградов, И.В. Зайцев, А.В. Малов, М.В. Моисеев]. — М.: Фонд «Русские Витязи», 2016. — 399 с.

¹⁵ England and the North: The Russian Embassy of 1613 and 1614 / Ed. by M. Jansson, N. Rogozhin; Transl. by P. Bushkovitch; Under the dir. of V. Buganov. — Philadelphia: American Philosophical Society, 1994. — 236 p.

¹⁶ РГАДА. — Ф. 89. — Оп. 1. — Д. 1.

¹⁷ Публикации: Сборник Русского исторического общества. — 1910. — Т. 95. — С. 83—130, 226—238, 334—337, 426—432, 619—630, 667—706; Дунаев Б.И. Указ. соч. — С. 33—92. Опубликованы л. 206—337 об.

¹⁸ См.: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. — М.: в тип. Н.С. Всеволожского, 1894. — Т. V. — № 22, 23.

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Т.Ю. Красовицкая

ИСТОРИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС В ФЕВРАЛЕ — ОКТЯБРЕ 1917 Г.

История, смысл которой периодически оспаривается, важна не только как один из важных инструментов понимания жизни до нас, но и переустройства ее оснований и правил. Революционные события актуализируют и то, и другое. В 1917 г. условные национальные рефлекссы подвергаются активному внесению в революционный контекст, смысл которого уточняется посредством исторической перспективы. Статья носит междисциплинарный характер. В ней поднимаются не только сугубо исторические, но и культурологические, философские проблемы, такие, как смысл исторической науки, ее роль в политических процессах, история как интегратор национальной идентификации, тенденции как этнодифференциации, так и этноинтеграции.

Ключевые слова: использование истории политическими и этническими элитами; революция; политика; этнос; национализм.

T.Ju. Krasovitskaya

History as a political resource in February — October 1917

History, the meaning of which is periodically challenged, is important not only as one of the important tools for understanding of life before us, but also the re-organization of its foundations and rules. Revolutionary events actualize both. In 1917, conditioned national reflexes are subjected to active introduction into a revolutionary context, the meaning of which is clarified through the historical perspective. The article is of an interdisciplinary nature. It raises not only purely historical, but also cultural, philosophical problems, such as the meaning of historical science, its role in political processes, history as an integrator of national identity, trends in both ethno-differentiation and ethno-integration. Keywords: use of history by political and ethnic elites; revolution; politics; ethnos; nationalism.

В 1923 г. в прениях по докладу П.Н. Милюкова «Современная Россия и задачи эмиграции» социолог П.А. Сорокин, по происхождению из народа коми, напомнил: «Я существенно отличаю свои

взгляды от взглядов Милюкова». Из-за того, что «вместо национализма П.Н. Милюков проводит водораздел по линии республики. *Я на первый план выставил бы принцип национальный. Я республиканец, но не боюсь принципа национализма. Тот пафос, то основное чувство, которым объята Россия, и которое гораздо более важно, чем республика,— это принцип национализма*»¹. Народы, чего бы они ни добивались в феврале — октябре 1917 г., осознавали себя как отличные от других общности.

История, смысл которой периодически оспаривается, становится важной не только как один из инструментов понимания жизни до нас, но и как механизм создания национальных рефлексов, направленных на осознание исторической перспективы. Обращенность к истории всегда стремительно растет в переломные эпохи. С этой точки зрения важен анализ символического и прагматического значения *исторических знаний, роли этнокультурного пространства и планов его реконструкции*.

Полезно поставить вопрос: обеспечивала ли она новых российских политиков достаточным потенциалом понимания такого положения вещей? Ведь память об истоках идентичности становится одним из проявлений феномена времени. Отмечая «взрыв такой деятельности», В.В. Розанов заметил и его опасность: «наши иллюзии творят жизнь не меньше, чем самые заправские факты»².

Иллюзии иллюзиями, но вслед проблемам «как устроить будущее?», а также проблемам «вертикальных» связей с новой властью центра (Временным правительством) обозначились проблемы «горизонтальных» связей с соседями. Вначале в них не усматривались сепаратистские устремления. Требовалась лишь ясность в том, на какой территории будут действовать национальные структуры управления, если разрушены старые имперские структуры управления? Каковы будут их границы и компетенции?

Вышеупомянутый комплекс проблем нашел отклик у образованной части населения. Обратим внимание на то, что в руководстве национальных структур управления: Украинской центральной рады, Милли Идарэ и пр. — оказались профессиональные историки и/или всерьез историей интересующиеся. Временное правительство (в первую очередь, наиболее авторитетный историк в нем П.Н. Милюков) переустройство имперской России видело в модернизации ее политической и социальной сферы. Историки (и в Петрограде, и на местах) выступили в качестве медиума-посредника между прошлым и своими современниками. А.-З. Валиди значительно умножил свой политический вес после того, как занялся историческими исследованиями и выявлением новых исторических документов. Занятия

историей Украины, конечно же, выдвинули и М. Грушевского в лидеры Украинской центральной рады. Глубокие знания политической истории Р. Дмовского легли в основу создания и обоснования его теории наций³. Наконец, нельзя не упомянуть и самого П.Н. Милюкова, крупнейшего историка, одного из лидеров Временного правительства, С.Ф. Ольденбурга, крупнейшего востоковеда, В.И. Вернадского и др.

Следует назвать и актуализированные этнокультурные ресурсы — «исторические продукты». Они сами по себе отражали не только реальные уровни развития этносов, но в некоторой мере их амбиции. Так, у большинства «восточных» этносов исторические продукты преобладали в форме национальных мифов и эпосов, активизировалось их собирание и публикация. Исключение представляли татары и башкиры. По количеству исторических исследований, весьма, конечно, специфических, они могли уже конкурировать с имперской наукой. Акцентирование внимания к мифам и символам становилось частью объективного процесса этнической консолидации. Историки, филологи, антропологи, изучая их, придавали им «научность». Спустя некоторое время, когда исторические мифы или фальшивые святыни бывают раскрыты, они уже выполнили свою роль — добились пробуждения нужных для элит национальных чувств.

Для западных этносов в большей мере характерно использование в 1917 г. другого источника — этнографических карт. Отсутствие мусульманского двора как социального заказчика исторических произведений — основная причина забвения картографических жанров исламской историографии в Поволжье и Приуралье⁴. Правда, таким источником интересовались известные востоковеды из Российской академии наук В. Бартольд, А. Крымский и др.

Внимание к картографическому жанру вообще отражало то, что политическая, экономическая, культурная и социальная жизнь полиэтнических областей далека от картографической простоты. В академических кругах имела успех роскошно изданная книга Ф. Ратцеля, родоначальника науки о взаимосвязи природного ландшафта и человеческого поведения⁵. Актуальным оказалось положение о взаимосвязи территории («почвы») и населения («народа»), из которой рождаются государства. Это серьезная интеллектуальная посылка, рожденная на стыке академической науки и практической политики. География модерна, вдохновленная Великими географическими открытиями, постулировала существование мира как единого целого, создавала его картину, выстроенную по принципам адекватности картографических проекций этнографическим реалиям.

В 1910 г. была образована Постоянная комиссия по составлению этнических карт России, ее возглавил академик С.Ф. Ольденбург. К 1917 г. работали отделы: 1) Европейской России и Кавказа и 2) Сибири и Туркестана. Из-за внимания к этническим границам на занятых неприятелем территориях Комиссия в свою очередь озабочилась сбором этнографического материала. Летом 1917 г. Постоянная комиссия по составлению этнических карт России стала основой Комиссии по изучению племенного состава населения России (КИПС). Налицо поворот, с одной стороны, к проблеме, обусловленной развитием научного знания, с другой, общественным поворотом, он детерминирован характером социальных изменений.

Открывалась весьма интересная лаборатория слияния интеллектуальной истории и политической практики, широких возможностей осмысления самых неожиданных хитросплетений национальных и имперских идентичностей.

До появления самостоятельного национального дискурса в имперских обществах не существовало комплексного языка описания империи. В контексте 1917 года (к сожалению, уже в эмиграции) Г.П. Федотов писал:

«Почему русская интеллигенция в XIX веке забыла, что живет не в Руси, а в империи?.. После Пушкина, рассорившись с царями, *[она]* потеряла вкус к имперским проблемам ... Темы политического освобождения и социальной справедливости завладели ею всецело, до умоисступления. [В результате] почти все крупные исследования национальных и имперских проблем оказались предоставленными историкам националистического направления. Те, конечно, строили тенденциозную схему русской истории, смягчавшую все темные стороны исторической государственности... Так укрепилось в умах не только либеральной, но отчасти и революционной интеллигенции наивное представление о том, что русское государство, в отличие от государств Запада, строилось не насилем, не завоеванием, а колонизацией»⁶.

Этнорегиональный подход оставался настолько неопределенным, что о наличии его в историографии можно говорить лишь условно. По сути дела на звание этнического региона претендовали любые территории, принципы их вычленения оставались нечеткими и в практической перспективе бесконечно многообразными. На то, что регионы воображаются в соответствии с теми же механизмами, по которым воображаются нации, позднее указал норвежский историк Ивер Нойманн⁷.

Выдвигались вопросы неоформленных юрисдикций, их законодательное, управленческое, институциональное и иное наполне-

ние. Обозначилось начало территориальных споров, связанных, по А.И. Миллеру, с реализацией планов «идеального отечества». Вдохнув воздух свободы, этнические элиты рассматривали прошлые и текущие дискуссии по этой проблеме как базу укрепления своих структур власти⁸.

На Востоке последствия организованных или спонтанных кочевий и переселений усложняли многообразие этносов и их культур, отсутствие демаркационных линий. Постоянные культурные столкновения влияли на восприятие пограничных областей далеко не в узко географическом контексте. На территории бывшей Российской империи проживали социокультурные сообщества, скомбинированные из кочевых, горских, степных земледельческих этносов и полиэтнических групп. Особого внимания требовали многослойные зоны контактов, различия и континуитет во внешности и привычках людей, в их воззрениях и отношении к истории формирования пограничных областей⁹.

Утрачиваемое в имперский период понятие *этноцентрума* (осознания этносом самого себя в рамках пространства, где этнос обитает), эта форма этнического мышления включала всё, что окружает этнос: от рельефа местности (горы, реки, леса) до высокодифференцированных понятий (государственная идея, войны, союзы, культурные контакты и пр.)¹⁰. Многократные культурные и иные заимствования создавали высокую напряженность в межэтнических «швах».

Имелось достаточно оснований, чтобы понятие исторического пространства усилило внимание к нему активистов 1917 года. Во-первых, преемственностью, целостностью исторического и социального процесса в рамках родного этноса. Конечно, меньше обращалось внимания на многомерность исторического пространства, на единство позитивных и негативных его сторон; на кооперационный эффект человеческой деятельности и роль исторических личностей, на неразрывность судеб различных государств и возглавляющих их политиков. Больше внимание отводилось идеологическим и партийно-клановым установкам в трактовке исторических событий, несмотря на их ограниченность и субъективизм. Механизмы реализации этнически окрашенных требований представлялись довольно смутно, но границы переставали носить отвлеченный научно-кабинетный характер. Их исследование во многих регионах еще и не начиналось.

Но историческая наука становилась ядром национальных культур, интегратором национальной идентификации. Обращенность к истории диктовалась не просто интересом к прошлому, а нацеленностью в будущее. Она казалась полезной для сбрасывания с себя

комплексов национально-исторической неполноценности, для обоснования перспективы собственного будущего в новом государстве. Репрезентирующая функция национальной истории превращалась в важный фактор, влияющий на планы государственного переустройства. В феврале 1917 г. сложные отношения русского национализма с империей были перенаправлены на русских либералов и в их лице на Временное правительство¹¹. Либералы порицали национализм за архаизм, стихийность, пережиток племенных инстинктов — полную противоположность духу и разуму эпохи Просвещения. Но этнические элиты, во что бы то ни стало желавшие отсчитывать историю своих наций с древнейших времен, как и либералы, сами высоко ценили идеи Просвещения. По сути, они и реализовались-то преимущественно на этом поле деятельности. Они считали, что чем «древнее» нация, тем лучше. Каждая «уважающая себя нация» спешила обзавестись историей, уходящей вглубь веков. Важной частью идеологии национализма был тезис о «естественности наций», изображавшихся едва ли не предвечными компонентами Божьего замысла и воспринимавшихся в качестве необходимых продуктов длительного, измеряемого многими столетиями исторического развития, в ходе которого сформировались отличительные особенности национального характера. В итоге даже противники национализма верили в «естественность» наций, только делали из нее выводы о враждебном прогрессу и цивилизации характере национального начала.

Однолинейный процесс управления границами между разными этносами также оставался сложным наследством бывшей империи новому формирующемуся государству. Именно границы встали в повестку дня этнических элит и создаваемых ими структур в разных формах¹². Началось «присвоение» средствами воображаемой географии той или иной национальной территории, лавирование, модификация границ, столкновения с претензиями соседей. Проявление проблемы «этнографических» границ с правовой точки зрения явно противоречило представлениям Временного правительства о правах человека, закладываемых в конституционные основания Российской республики.

Но активизировались собиратели старых документов, рукописных книг, коллекционеры раритетов, исследователи-любители. На территории Средней Азии существовали крупные книгохранилища, основанные еще до арабского завоевания. «В Бухаре, например, — отмечал известный знаток рукописей А.А. Семенов, — с начала XV в. существовала большая библиотека общественного пользования, основанная известным шейхом Мухаммедом Парса (умер в 1419 г.). Она заключала множество рукописей разнообразного содер-

жания, среди них было немало драгоценных по своей древности и редкости». «Рукописи продавались, — продолжает А.А. Семенов, — во всех городах Средней Азии, но самые обширные книготорговли были в Бухаре и Карши, где на базарах существовали специальные ряды продавцов рукописей и печатных изданий. Здесь у книготорговцев можно было найти немало рукописей, высокохудожественно оформленных, украшенных чудесными миниатюрами, рукописи разнообразного сочинения и различных эпох». Помимо памятников письменности местного происхождения существовало огромное количество рукописей иноземного происхождения: из Аравии и Египта, из Турции и Ирана, из Афганистана и Индии, из Кашгара и Поволжья. Оживленные торговые, политические и религиозные связи со всеми этими странами весьма способствовали притоку в Среднюю Азию самой разнообразной литературы. «При этом нередко случалось, что именно в Средней Азии оказывались списки совершенно уникальные, нигде больше не встречающиеся или собственноручно переписанные разными знаменитостями не только в области литературы и истории, но и в области восточной каллиграфии»¹³. Башкирский лидер А.-З. Валиди имел собственную богатую историческую библиотеку. История ее трагична. Во время гражданской войны библиотека была отправлена из Уфы в Оренбург в 17 сундуках. До сих пор нет сведений о том, где находится библиотека, и полного ее научного описания¹⁴.

Пополнялись библиотеки медресе. К началу XX в. количество рукописных и печатных книг библиотеки при Стерлибашском медресе (открыта с 1720 г.) достигло 14 тыс. экземпляров. Особенно бурно стали открываться публичные библиотеки. Основная их масса была организована частными лицами и содержалась за счет их личных средств. В 1908 г. мулла Мухаммет наджиб открыл бесплатную сельскую татарскую библиотеку в Вятской губернии. В 1910 г. стараниями Н. Исхакова подобная библиотека была открыта в Сарапуле, в 1913 г. Наджип-муллой — в Кургане. Начали работать татарские библиотеки в Оренбурге, Троицке, Москве, мусульманское отделение Казанской публичной библиотеки. В 1913 г. здесь выписывали более 40 газет и журналов из Москвы, С.-Петербурга, Баку, Стамбула, Каира. Челябинскую татарскую библиотеку в 1911 г. посетило более 14 тыс. читателей.

Поиском предков занялись священники, учителя, писатели, обеспокоенные настоящим и будущим своего народа. Их важным достоинством была вера в свой народ и великие деяния его предков. В. Шнирельман подчеркивает важность свидетельств о том, «откуда у “инородцев” такая болезненная тяга к истории и такое непреодо-

лимое желание “хотя бы с помощью исторических мифов выйти из состояния народов, “не помнящих родства”»¹⁵. Две темы в этих свидетельствах, добавим, были в фокусе внимания: героические (часто мифологические) личности и проблема территорий. Герои эпосов и исторических драм вбирали в себя важные данные по этим вопросам.

М. Гафури записал и опубликовал в 1909 г. башкирский эпос «Заятулак и Хыухылу». До 1917 г. эпос распространялся в рукописном варианте, трактуя личности героев в возвышенно-романтическом плане. Публиковались и фрагменты «Манаса», «Джунгара», в собирательстве последнего большую роль сыграл один из калмыцких активистов Н. Очиров. В 1917 г. в пропаганде эпосов актуальнее было, перефразируя позднего переводчика «Манаса» С. Липкина, «стремление народа, рассеянного поработителями, сплотиться». В границах одной традиции (эпоса) имелись и разные версии группировки этносов по происхождению: дифференциации в далекой древности, маркирования и разделения общностей. В этногенетических мифах представлены тенденции как этнодифференциации, так и этноинтеграции. Попытки элит утвердить общее этническое происхождение древними этногенетическими легендами в общем мейнстриме, как и издание других документов, русских переводов, во многом определялись политическими и конъюнктурными обстоятельствами.

Множились формы «исторических продуктов», инспирированных национальными темами. Жанр исторических драм стал достаточно популярным у этнических элит. Он позволял актуализировать «полезные» страницы истории, героизировать или драматизировать их в зависимости от решаемых задач.

Незадолго до 1917 г. татарский писатель Г. Исхаки в повести «Исчезновение через двести лет» в форме фантастического повествования представил мифологизированное видение национальной истории. Стержневым в ней стал эсхатологический миф, в котором художественная идея раскрывалась через столкновение различных мифологических кодов¹⁶. В качестве эсхатологической основы выступал миф о казанской царице Сююмбеки. Для татарской культуры этот образ символичен. В начале XX в. в прозе и поэзии образ Сююмбеки становится одним из наиболее частотных мифологических образов. Эсхатологическая семантика мифа обнаруживалась в судьбе главного героя — историка Джагфара, у которого при родах умирает жена Сююмбеки, а также в сновидениях героя, в которых он видит разрушение башни Сююмбеки. Символичным оказывается и финал повести: Джагфар умирает на развалинах древних Булгар, месте, сакральном для татар. Отмечается процесс постепенного растворения татар среди других народов, падение нравственности

молодежи, отсутствие условий для получения образования на европейском уровне. Для спасения некогда имевшей государственность нации, по его мнению, необходимо, во-первых, открыть новые учебные заведения и перестроить ныне действующие, убрав из них схоластику. Образование должно отвечать потребностям времени, в школах, медресе должны изучаться научно-практические дисциплины (как и в Европе). Во-вторых, следует распространять научную литературу, издавать книги, которые бы побуждали татар к деятельности по изменению нынешней ситуации¹⁷.

В 1917 г. в журнале «Анг» появилась статья Г. Губайдуллина «Умирает ли нация?»¹⁸. В момент выхода статьи в российской тюркской среде усилилась активность, рожденная и подкрепленная общероссийской, невиданной ранее, политизацией. Своей статьей 20-летний автор, взбудоражив тюркскую общественность, внес новые нюансы в беспокойный контекст этого времени: «Если со временем люди перестанут делиться на нации, народ, объединенный в образование под названием “нация”, исчезнет, люди будут различаться между собой как-то иначе или нет?» Выдвигаются следующие аргументы: тысячелетний опыт истории демонстрирует этнические формы существования культуры: «Если бы не было наций, то не было бы истории, как предмета изучения». Хотя общий вывод Г. Губайдуллина сводился к тому, что «жизнь вне наций невозможна», он не делил народы по «национальным квартирам». Нации, по его мнению, «прививают другим» свою культуру или «заимствуют, обновляют ее по-своему»: «Мировая культура — сумма национальных культур».

Отвечая на вопрос «Может ли погибнуть отдельно взятая нация?», Г. Губайдуллин утверждал, что «не сумевшая приспособиться к жизни нация терпит поражение в борьбе с другими и исчезает». Он добавлял: «в истории таких примеров множество»¹⁹. Другие авторы развешивали идеи раскрытия сил и склонностей до «максимального напряжения и проявления», до проведения суда над собой и переживания поворотного пункта, а затем их преодоления и крушения, умирания того человеческого дела, которое достигнуто кризисом. Публицистику наводнили трактовки кризиса, задач преодоления чувства катастрофы, новых жизнеощущений, глубочайших потрясений в тысячелетних основах истории.

Любители интеллектуальных занятий были весьма озабочены общественно-политическим звучанием своих работ, их значения и последствий для будущей культурно-духовных процессов. Набирался опыт публичных выступлений. Обсуждались и развивались понятия «государство», «закон», «конституция», «гражданин», «гражданские права», «свобода», «рабство», «собственность», «революция», «про-

свещение» для выражения позиции по актуальным политическим проблемам, для обоснования практических действий. Уточнялась концептуальная «нагруженность» понятий при осмыслении принципов свободы личности, верховенства закона, конституционного правления. Возрастала общеизвестность и многократность употребления понятий для описания окружающей социально-политической реальности. Беспроигрышный путь — обращение к славному прошлому, призванному быть залогом славного будущего. Социально-политический контекст позволял основные социально-политические понятия использовать при осмыслении возможных перспектив развития обществ в будущем. Эти практики, предполагалось, должны стимулировать творческую активность, вдохновлять людей на великие свершения.

Роль исторического прошлого нерусских этносов интересовала и русских писателей. Д.Н. Мамин-Сибиряк в рассказе «Байгуш», повествуя о мелодии, сыгранной стариком-башкиром на домбре, писал: «Для меня теперь сделалось ясным: народ умер, и эта песня была последним блуждающим огоньком, вспыхивающим на его могиле. Жизненная энергия иссякла, и будущего не было». В 1914 г. рассказ был переиздан в Дешевой библиотеке для семьи и школы²⁰. Другой русский писатель, А.М. Федоров, написавший в 1897 г. роман о башкирах, полный сочувствия к ним, показал обреченность попыток исправить бедственное положение народа. Однако он ярко показал живучесть мифологем в повседневной жизни башкир в эти годы:

«Я опьянен. Иль вижу въяве диво?
Иль грезит степь былым передо мной?
Арабский конь промчался горделиво:
То *Зюлькарнейн*²¹ ведет полки спесиво,
Но мирный скиф отхлынул пред войной.
Войска прошли. Опять игра тумана:
Чудь... Половцы... *Биармии* орда...
Как сонмы туч, как волны океана,
Колышутся обозы *Тамерлана*,
Звонят мечи, кровь льется, как вода.
Кричат орлы. Зловещий ворон стонет...
Туман исчез, и даль опять светла.
Но кто там вновь? Иль ветер тучу гонит?
Иль снова степь кого-нибудь хоронит?
То Русь идет... Гудят колокола...
Очнулся я... Волшебств исчезла сила.
Передо мной беспечно степь цветет.
Немой курган, безвестная могила...
Лишь о минувшей вольности уныло
Башкир-ямщик тоскует и поет».

С большим интересом изучал фольклор тюрков М. Горький. В июне 1912 г. он писал В.И. Анучину: «Г.Н. Потанину почтеннейший поклон. Недавно прочитал его “Восточные мотивы” — с наслаждением! Не найдется ли у кого книжки “Легенды минусинских татар”?»²²

Конечно, как при использовании эпосов, на содержание литературных произведений также влияли политические и конъюнктурные обстоятельства, но очевидна болезненная тяга к истории, использование склонности народного воображения к идеализации образов эпических и литературных героев.

Г. Федотов заключал в эмиграции: «Было еще одно движение среди народов России, центр которого оказался за рубежом и которое мы совершенно проглядели. Это было пантюркское движение, связывавшее литературное и политическое пробуждение русских татар с возрождением Молодой Турции»²³. Это было особенно плодотворно для понимания некоторых механизмов в поздней истории Российской империи, фиксируя внимание на их роли в процессах строительства наций в имперском ядре. Сам по себе процесс был, как заметил один из наиболее тонких современных российских историков А.Я. Гуревич, «не складом фактов, а творческим процессом»²⁴.

Многие этнические активисты пользовались связями в научной среде, но их не удовлетворяли отказы и отложенные обещания новых политиков. Они считали, что у каждой культуры есть своя судьба или predetermined жизнь. Многие активисты умело перемещались в центр событий, усиливая пафос идеологических лозунгов для продвижения собственного научно-информационного продукта, превращения его в продукт политический. Их поле ширилось благодаря деятельности различных этнических антрепренеров и политиков. Они сталкивали соперничающие этноцентристские версии.

Коснемся деятельности Лиги нерусских народов России в Швейцарии и Комитета защиты прав тюрко-татарских мусульман России, организованном в Стамбуле. В них входили представители этносов Европейской части России, Закавказья, Средней Азии, Северного Кавказа и др.²⁵ Одна из программ Комитета была разработана на состоявшейся в Будапеште в декабре 1915 г. встрече членов Комитета — представителей тюркских народов Туркестана, азербайджанцев, волжских и крымских татар. На ней ставилась цель изучения проблем и защита интересов лишенных собственной государственности либо аннексированных народов и стран. В декабре 1915 г. делегация Комитета защиты прав тюрко-татарских мусульман России побывала в столицах держав Четвертного Соглашения и была принята премьер-министрами Австрии, Венгрии и Болгарии, а также

министром иностранных дел Германии. От имени Комитета она обратилась в генштабы стран Антанты и президенту США В. Вильсону для защиты прав российских тюрок. В 1916 г. Ю. Акчура искал сочувствующих идее самоопределения тюркских народов у Европы на Третьем конгрессе угнетенных наций в Лозанне. Ю. Акчура составил меморандум Комитета с требованием независимости тюрко-татарских народов, была составлена также карта Казанского ханства²⁶. Правительствам этих стран был представлен ряд материалов, в том числе Меморандум Комитета по защите прав мусульманских тюрко-татарских народов в России. В документе содержались требования восстановить государственность этих народов. Кроме того, европейцам был представлен документ под названием «Die Gegenwärtige Lage der mohammedanischen Turko-Tataren Russlands und ihre Bestrebungen» («Настоящее положение мусульман тюрко-татар в России и их усилия»). В ходе визитов делегаты получали заверения, что Германия и Австро-Венгрия окажут им всяческую помощь²⁷.

На III Конгрессе союза народов в Лозанне (Швейцария) 29 июня 1916 г. от казанских татар в состав делегации входил Юсуф Акчура, от узбеков Мукумиддин Бекжан, от киргизов — Ахмет Сафа, от кумыков — Ахмед Саиб Каплан, от черкесов — Азиз Мекер, от азербайджанцев — Ахмед-бек Агаев и Али-бей Гусейнзаде. Кроме общих документов, были подготовлены и отдельные «меморандумы» от каждого народа, которые были оглашены и изданы в ходе конгресса отдельной брошюрой. Кроме того, был издан и распространен Меморандум Комитета защиты прав тюрко-татарского мусульманского населения России (*Memorandum du Comité de la Défense des droits des peuples Turco-Tatars Musulmans en Russie*)²⁸. Во всех документах содержались общие и согласованные требования «полного равноправия тюрко-мусульман с русскими», «культурной автономии, невмешательства в их религиозную, культурно-языковую жизнь». В начале 1916 г. Обществом защиты прав угнетенных народов России (*Ligue des Allogeus de Russie*) была направлена декларация на имя Президента США В. Вильсона, под которой стояли подписи татарина Ю. Акчуры, крымского татарина Кади Абдурашида Ибрагима, азербайджанцев А. Агаева, А. Гусейнзаде. В выработке текста декларации принимал участие и А.С. Капланов. Декларация опубликована в журнале «Мусульманское обозрение»²⁹, выходящем в Париже. Декларация составлена от имени «русских мусульман (т.е. татар, башкир, киргиз, сартов (узбеков), таджиков, туркмен, племен Дагестана и др.), составляющих двадцатимиллионную общность». «Спасите нас от уничтожения и исчезновения (*Venez à notre secours! Sauvez-nous de la destruction*)», — говорилось в декларации³⁰. Деятельность Кон-

гресса широко освещалась в печати Германии, Франции, Венгрии, Турции, Швеции и вызвала бурный резонанс в самой России, где эта тема стала предметом дискуссий. Работал Польский национальный комитет в Париже. Он был основан 15 августа 1917 г. в Лозанне (с местопребыванием в Париже). В Швейцарии активизировались члены Лиги освобождения Грузии во главе с князем Г.В. Мачабели, пылким автором идеи восстановления независимости Грузии при поддержке Германии³¹.

Интересную характеристику дает этой деятельности бывший Верховный комиссар Временного правительства при Ставке Верховного главнокомандующего В.Б. Станкевич (Владас Станка, из обедневших литовских дворян): «Все народы во имя своих святейших интересов вынуждены были создать свои “Пьемонты” за рубежом России. Духовный огонь Польши горел в австрийском Кракове, украинцы жили своим Львовом, литовцы печатали книги и закладывали фундамент в восточной Пруссии, Финляндия имела свои очаги в Швеции. **Это не было сепаратизмом, это было жизненной и технической необходимостью.** При первой возможности все готовы были перенести свои национальные ковчеги в Россию»³².

На западных границах бывшей Российской империи проблема этнических границ стала одной из важнейших. Соседям белорусов — полякам «идеальное отечество» представлялось в границах 1772 г. С этим не соглашались деятели Белоруссии, Украины, да и Литвы, при обсуждении территории юрисдикции. Могилевский белорусский национальный комитет требовал включить в «свои земли» Белосток, Двинск и Вильно, что вызывало противоречия с поляками, латышами и литовцами. Для уточнения этнографических границ комитет создал специальную комиссию из известных ученых, в чьих работах отводилось внимание пространству как некоему потенциалу саморазвития, фактору политического развития государств. В комиссию вошли специалист по истории западных славян ректор Московского университета М.К. Любавский, академик А.А. Шахматов, исследователь национальной и культурной самобытности белорусов М.Ф. Довнар-Запольский, сторонник идей западнорусизма академик Е.Ф. Карский.

Е.Ф. Карский даже составил этнографическую карту Беларуси в 1903 г. В ней он обозначил этническую территорию, где белорусы составляют абсолютное или относительное большинство. В 1917 г. карту в Петрограде переиздала Комиссия по изучению племенного состава населения России³³. Это было одно из первых ее действий.

Правду сказать, Карский не мог предугадать, какую роль эта карта будет играть в руках большинства политиков первой полови-

ны XX в.! Вспоминают, что первый руководитель Белорусской ССР А. Червяков всегда носил ее в кармане и извлекал ее оттуда при первой же надобности.

Вернемся к оценкам Федотова:

«Русские националисты первые заметили опасность, угрожающую Империи. Они ответили на нее усилением русификации, травлей инородцев, издевательствам над украинцами и еврейскими погромами. Они старательно раздували искры сепаратизмов. Два последних императора, ученики и жертвы реакционного славянофильства, игнорируя имперский стиль России, рубили ее под самый корень. Революционная интеллигенция лишь накануне первой революции пошла навстречу национальным движениям меньшинств. Некоторые из левых партий (не большевики) включили в свою программу федеративный строй Российской республики. С этим и застал нас 1917 год»³⁴.

В 1917 г. страстей было в избытке, но мы ошибемся, утверждая, что рассорившись с царями, академическая элита потеряла вкус к имперским проблемам, для которых внутренние границы мало того что не важны, они подлежали эффективному уничтожению. Какие же интересы «продвигали», например, теоретики-востоковеды? Они преобладали почти абсолютно в том, что им больше, чем другим, приходилось осваивать взаимосвязи стран и народов, выявлять стандартизацию их культур, реагировать на нарастание культурной дифференциации и дезинтеграции, связанных с этнической и религиозной феноменологией. Их работы особенно важны для понимания процессов строительства наций в имперском ядре. Выявляя национальный дискурс в *имперском* обществе, востоковеды использовали научные связи и традиции, уже наработанные в Западной Европе, общаясь с ней на одном языке в едином научном сообществе.

Что касается этнических элит, то их подходы опирались на собственные исследования, целенаправленные на восприятие этнических границ как проблем, связанных с проблемой «идеального отечества». Подходы в немалой степени зависели от политических взглядов и ориентаций, образованности, уровня развития тех или иных этносов. Отметим у них слабые стороны использования исторического ресурса: доминировали стереотипы восприятия инструментов власти, восприятие их сквозь призму русификации, имперства и т.п. Они отталкивались от этого довлеющего над ними комплекса при формировании планов создания институтов культуры, намечая практики социального конструирования реальности, используя разные традиции взаимодействия с миром, человеком и

вообще любым партнером по диалогу. Ситуация рассматривалась как подготовительный этап вызревания управленческих конструкций, отвергающих имперскую унификацию³⁵.

Следует учесть болезненную реакцию академических научных элит, имевших большое влияние во Временном правительстве.

Академические востоковеды и слависты оставили в наследство Временному правительству идеологически нейтральное знание. К 1917 г. востоковеды, например, обобщили теоретико-практический материал для «взвешивания» модернистских амбиций христианского Запада и традиционалистской медлительности мусульманского Востока. Понятийный и методологический арсенал, которым они пользовались, оставался детерминированным позитивизмом, мировоззрением, казавшимся имманентным либерализму. Методология позитивизма стимулировала внимание к историко-культурологической проблематике. Но расширение проблематики («местными деятелями») влекло к серьезным политическим импликациям, к ревизии политических следствий реликтов традиционной картины мира. Интерес востоковедов к периферийным («местным») ориенталистам усиливался. Бартольд выделял «прогрессистов», с которыми «совместная работа отнюдь не невозможна». Им «достается благородная задача *точного, беспристрастного описания современного местного состояния умов* и течения религиозной мысли». Известные востоковеды были связаны профессиональными связями с учеными в российской провинции, более того, они поддерживали разыскания «местных деятелей», если те ограничивались только разысканиями.

Отношение же славистов к М. Грушевскому (его они искренне спасали от репрессий имперской власти), который с помощью этноцентристской исторической версии стремился легитимизировать политические претензии, стали резко негативными³⁶. «Как и Вы, — писал А.А. Шахматов А.Ф. Кони 15 июля 1917 г., — я с особенным ужасом останавливаюсь *перед предательством украинцев во главе с Грушевским. Это самый тяжелый удар по России...* Наши социалисты, а в числе их даже Керенский, пошли на удочку Грушевского, и одобрили то, что им, как государственнымникам, должно было бы претить»³⁷. Автор работ по истории Петра I М.М. Богословский на события на Украине обратил внимание 19 июня, уехав на летние каникулы на дачу в деревню. Он записал в дневнике:

«Был старый-старый, сколоченный веками из разных пристроек и частей дом. В последние два века дому старались придать единство фасада. Но фасад не объединил составлявших его частей. Разразилась небывалая в мире гроза, и дом не выдержал, треснул и готов

совсем разваливаться. Пока он был цел, люди, жившие в нем, чувствовали стыд и уважение к старому дому; когда он стал рассыпаться, исчезла и нравственная сдержка, и обитатели дали волю самым низменным инстинктам. Вот сравнение, пришедшее мне в голову при мысли о том, что творится в России. Украина совсем отделилась от нас. Михайла Грушевский, австрийский профессор, созвал “Центральную раду” и издал “универсал” об отделении Украины, грозя защищать ее “самостоятельностью” (слово, которое он же и сочинил) вооруженной украинской силой. В Киеве, несмотря на запрещение военного министра, собрался украинский “вийскивый” съезд, который и поддержал Раду в ее решении. В ответ на эти угрозы оружием князь Львов обратился к “братьям-украинцам” с благодушнейшим воззванием в сентиментальном тоне. Колпаки! Горемыкина упрекали за то, что он правит Россией в туфлях и в халате, а князь Львов еще и в колпаке. У правительства не только ушла из рук власть, но, видимо, и из голов их исчезло самое понятие о власти, и они полагают, должно быть, что все дело правительства в составлении разных воззваний и убеждений. Убеждать может каждый из нас, а дело власти — *принуждать* силой, когда не слушаются слов. Михайло Грушевский — ослепленный дурак-фанатик, под его командой действует только кучка лиц, по всей вероятности, не без участия австрийских интриг и денег. Смуту они производят большую, налогов украинцы не будут платить, потому что не знают, кому их платить, Раде или Временному правительству, а правительство пишет воззвания. Ах, сочинители воззваний, академики-доктринеры в колпаках!»³⁸.

В письме М. Гершензона Л. Шестову от 30 сентября 1917 г. читаем: «Я думаю, что лучшие люди России разделились на две партии: партию сердца и партию идеи, идеологии; одним больно за живого человека, за нуждающихся и обремененных, другим — тебе в том числе — не менее больно за ценности — за государственность, за целость и мощь России». Вот М. Гершензон в письме жене 1 октября 1917 г. рисует температуру этого «раздела»: «Бердяев, Вышеславцев, прив. доц. Коческьян, проф. Алексеев и др. до часа ночи жесточайшим образом поносили революцию, революционную интеллигенцию, которая растила народную душу (это Бердяев, криком, стуча кулаком по столу: “ее мало вешать, мало расстреливать” и т.д.), и народ, показавший свой звериный лик (это Вышеславцев). Я был истинно поражен... Когда кончилось, осталось нас человек 20, Лосева пригласила в столовую чай пить. Тут у меня с Н.А. вышел короткий разговор в повышенном тоне. Я ему сказал: им (револ. интеллигенции) больно за живого человека, а тебе нет. Он — как! Мне не больно? — Я: тебе больно за отвлеченную Россию, за “ценность”. На другой день он прислал мне письмо на 8 стр.».

3. Когут считал, что «Грушевский заменил парадигму, в которой украинцы не играли практически никакой роли в истории — даже

на своей собственной территории, — на парадигму, в которой у них было древнее прошлое»³⁹. Дав народу свою историю, которая отличала бы его от других народов — прежде всего русского, Грушевский положил начало процессу трансформации неисторической этнографической массы в историческую украинскую нацию. Грушевский обращался к исторической памяти как к способу этнического конструирования сообщества и стоящих перед ним проблем. Он описывал историю о том, откуда взялись украинцы и как оказались там, где живут. Его нарратив памяти строился на метафорах холистических, основывался их на органике. В «холистической» парадигме история понималась как судьба⁴⁰.

В. Шнирельман выделил важные компоненты, которые входили в сферу внимания этнических элит. Эти компоненты увязывались с: 1) автохтонностью, 2) культурной преемственностью, 3) военной славой древних предков, 4) участием в создании древних государств, 5) культуртрегерской или цивилизаторской миссией древних предков, 6) биологической преемственностью⁴¹.

У академической элиты важной целью оставалось приобщение «инородцев» к русской государственности и русской культуре, изучение темпов обрусения, успехов или неудач ассимиляционной практики.

Обозначилась более общая проблема — отношение науки к политике и власти как отдельный политический, социальный и интеллектуальный сюжет, включавший общественную мораль. В некотором смысле это почти метафизическая проблема соотношения научной истины и политической позиции. Вышеприведенные факты из переписки ученых в 1917 г. свидетельствуют: в исторической науке, как институте одновременно и познания, и особого рода социальной солидарности, появились любопытные aberrации, которые были по-своему понятны, однако в них нельзя не усмотреть их скорого поражения: и как науки, и как общественного института. В целом «выдвижение» на авансцену политики тюркско-исламскими элитами своих научных ресурсов не вызвало в 1917 г. такой нервной реакции в самом профессиональном сообществе, которая проявилась относительно аналогичных действий элит славянских этносов (особенно украинских, меньше — белорусских). В условиях переходного состояния государства всё это усложняло поиск необходимого баланса между автономизмом и универсализмом.

Непосредственность «профессионалов» из национальных комитетов, их энергия и искренность, с которыми отстаивались требования, продиктованные их специфическими интересами, резкая критика, с которой они выступали против кадетско-профессор-

ской компетентности в реальном положении дел, их напористость встречали большее сочувствие. Но в «академическом» знании сохранялось оперирование одними и теми же оппозициями дискурса, остались и прежние иерархические пары. Объединял многие исследования их русоцентризм. В них «русский социум», «русская культура», «православное христианство» были позитивным членом. Он господствовал не только над негативным «нехристианским Востоком», «Азией», «мусульманским миром», «исламом», «инородцами» вообще. В риторике «русская революция» как иерархическая пара выступала как положительный член (довольно быстро она названа и «великой»). Исследования, конечно, несли политическую нагрузку. Оставался и механизм ее давления. Это, с одной стороны, укрепляло идейный каркас и востоковедения, и славистики, структурированную и централизованную научную парадигму. Февраль же выписал новое пространство, сформировал новую драматургию и новую сценографию. Национальные элиты требовали буквальной реализации идеала. Всего исторически итогового в реальной и причудливой мультиэтнической композиции. Всему этому надлежало стать отправной точкой зарождающегося кипучего эксперимента развития, в центре которого — «демократические стандарты», но с принципиально разным представлением об этих стандартах, ограничивающих не только *территории*, а универсальные и не слишком универсальные ценности. Историческое знание «металось» между двух полюсов — вполне еще вероятных «этнических» триумфов и не менее вероятных и прогнозируемых этатистских поражений.

Проекты государственного будущего из элементов государственного прошлого не имели твердых точек опоры в самом этом прошлом. Абстрактные идеи творческого обновления, продвигаемые Временным правительством, выглядели, как ни странно, более конкретными именно потому, что ориентировали на *трансформацию* прежних государственных форм, а не на их копирование. В самой неопределенности этих идей проявилось осознание сложности и новизны проблемы, не содержащей в отечественной истории готовых идеологических и институциональных решений.

¹ Дни. — 1923. — 15 марта; *Дойков Ю.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона: биография. — Архангельск, 2009. — Т. 2: 1922—1968 годы. — С. 16.

² *Розанов В.В.* Сочинения. — М.: Советская Россия, 1990. — С. 337—338.

³ *Dmowski R.* : 1) *Myśli nowoczesnego Polaka.* — Lwów: Nakładem Towarzystwa Wydawniczego, 1907. — 279 s. ; 2) *Niemcy, Rosja i kwestia polska.* — Lwów: Nakładem Towarzystwa Wydawniczego, 1908. — 271 s.

⁴ *Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV—XIX веков: пути развития: рукописи, тексты и источники. — М.: Восточная литература, 2009. — 304 с.

- ⁵ *Ратцель Ф.* Народоведение. — 4-е изд. со стереотипа. — СПб.: Просвещение, 1904. — 2 т. 1-е изд.: СПб., 1900—1901.
- ⁶ *Федотов Г.П.* Судьба империй // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1947. — № 17. — С. 149—169.
- ⁷ *Нойманн И.Б.* Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. — М.: Новое издательство, 2004. — 335 с.
- ⁸ *Миллер А.И.* Конфликт «идеальных отечеств» // Родина. — 1999. — № 8. — С. 79—82.
- ⁹ *Маловичко С.И., Покотилова Т.Е.* Исследовательское поле Центра «Новая локальная история» // Источниковедческая компаративистика и историческое построение: тез. докл. и сообщ. XV науч. конф., Москва, 30 янв. — 1 февр. / отв. ред. В.А. Муравьев. — М., 2003. — С. 201.
- ¹⁰ *Mühlmann Wilhelm.* Rassen, Ethnien, Kulturen: Modern Ethnologie. — Neuwied: Berlin: Luchterhand, 1964. — 398 S.
- ¹¹ *Уортман Р.С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: (в 2 т.). — М.: ОГИ, 2002—2004. — 2 т.
- ¹² *Рибер А.* Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе. — М.: Новое издательство, 2004. — С. 57; *Маловичко С.И.* Провинциальная историография второй половины XVIII — XIX вв.: выработка черт эрудитского типа исторического знания // Источниковедческая компаративистика и историческое построение: тез. докл. и сообщ. XV науч. конф., Москва, 30 янв. — 1 февр. / отв. ред. В.А. Муравьев. — М., 2003. — С. 199—202.
- ¹³ *Семенов А.А.* : 1) По границам Бухары и Афганистана: (путевые очерки 1898 г.). I. Куляб // Исторический вестник. — 1902. — № 3. С. 961—992; 2) По границам Бухары и Афганистана: (путевые очерки 1898 г.). II. От Куляба до Сарая // Там же. — № 4. — С. 98—122.
- ¹⁴ *Валиди Тоган Заки.* Воспоминания. — Уфа: Китап, 1994. — Кн. 1. — С. 160.
- ¹⁵ *Шницерльман В.* В поисках самобытности: у истоков советского мультикультурализма // Неприкосновенный запас. — 2011. — № 4 (78). — С. 149—166.
- ¹⁶ *Зарипов М., Амирханов Р.* Гаяз Исхаки (1878—1954) // Татарские интеллектуалы: исторические портреты / сост. Р. Мухаметшин. — 2-е изд., перераб. и доп. — Казань: Магариф, 2005. — С. 203—213.
- ¹⁷ См.: *Ибрагимов М.И.* «Исчезновение через двести лет» Гаяза Исхаки и «неомифологические» тексты русской прозы начала XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. «Литературоведение. Межкультурная коммуникация». — 2010. — № 4 (2). — С. 848—849.
- ¹⁸ *Губайдуллин Г.* Умирает ли нация? // Анг. — 1917. — № 11/12. — С. 164—167; Газиз Губайдуллин: научно-биографический сборник. — Казань: Рухият, 2002. — С. 82—86.
- ¹⁹ *Сенюткина О.Н.* Актуальность творческого наследия Газиза Губайдуллина: (к 125-летию со дня рождения) // Бюллетень / Рос. акад. наук, О-во востоковедов. — Приложение 7: Газиз Губайдуллин и становление советского востоковедения в 1920—1930 гг.: материалы конференции, Москва 2012 г. / сост. Э.С. Кульпин-Губайдуллин, А.Д. Васильев, Д.Д. Васильев. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — С. 31—34.
- ²⁰ *Мамин-Сибиряк Д./Н.].* Байгуш: из путешествий по Южному Уралу. — М.: Юная Россия, [1914]. — 24 с.
- ²¹ *Александр Македонский.*
- ²² *Рахимкулов М.* Максим Горький: «На Белой места такой красоты — ах-нешь...» // Бельские просторы. — 2008. — № 3 (112). — С. 75—85.
- ²³ *Новый журнал.* — Нью-Йорк, 1947. — № 17. — С. 149—169.

- ²⁴ Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. — 1991. — № 2/3. — С. 31. См. также об этом: Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. — М.: Академкнига, 2003. — 591 с.
- ²⁵ Исхаков С. Европа и мусульмане из России: первый опыт сотрудничества в начале XX века // Европа: журнал Польского института международных дел. — 2003. — Т. 3, № 3 (8). — С. 108—110.
- ²⁶ Хабутдинов А.Ю. Лидеры нации. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2003. — С. 84.
- ²⁷ Червоная С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории // Отечественные записки. — 2003. — № 5. — С. 152—165.
- ²⁸ Les Exposés des Délégations des Nationalités Tatare, Tchagatai et Kirghize-Kaisak. — Lausanne: Imprimeries réunies, 1916. — 18 p. См. также: Исхаков С.М. Указ. соч.
- ²⁹ Revue du Monde Musulman. — 1916. — Vol. LVI. — P. 146, 147.
- ³⁰ Алиев К. Ахмед Саиб Каплан. Общественно-политический деятель и интеллектуал XX века // Кумыкский мир. — 2014. — 29 нояб.
- ³¹ См. об этом подробнее: Греков Б.И. Национальный аспект внешней политики Германии в годы Первой мировой войны (Лига нерусских народов России) // Первая мировая война. Пролог XX века. — М., 1998. — С. 419—431.
- ³² Станкевич В./Б./ Судьбы народов России: Белоруссия, Украина, Литва, Латвия, Эстония, Армения, Грузия, Азербайджан, Финляндия, Польша. — Берлин: Изд-во И.П. Ладыжникова, 1921. — С. 6.
- ³³ Карский Е.Ф. Этнографическая карта белорусского племени / сост. Е.Ф. Карский. — Пг.: б.и., 1917. — VI, 32 с., 1 карт. — (Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России / Российская академия наук; 2).
- ³⁴ Федотов Г. Судьба империй // Федотов Г.П. Новый град: сб. ст. — Нью-Йорк, 1952.
- ³⁵ См.: Красовицкая Т.Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века — начало (20-е годы) XX в. — М.: Новый хронограф, 2011. — С. 611.
- ³⁶ Робинсон М.А. М.С. Грушевский и русская академическая элита // Славянский альманах, 2008. — М.: Индрик, 2009. — С. 177—206.
- ³⁷ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН). — Ф. 134. — Оп. 14. — Д. 1. — Л. 203.
- ³⁸ Богословский М./М./ Дневники, 1913—1919: из собрания Государственного Исторического музея / отв. ред. С.О. Шмидт. — М.: Время, 2011. — С. 373—374.
- ³⁹ Торбаков И. Историческая наука как инструмент формирования новых государств // Независимая газета. — 1996. — 20 окт.; Когут З. Російський централізм і українська автономія: ліквідація Гетьманщини, 1760—1830. — Київ: Основи, 1996. — 317 с.
- ⁴⁰ От греч. слова «холоно» — цельность или «целостность».
- ⁴¹ Шнирельман В. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. — С. 514.

Т.М. Смирнова

ДЕТСТВО ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ*

Статья посвящена особенностям изучения истории российского послереволюционного детства. Автор анализирует основные историографические тенденции, акцентируя внимание на отечественной историографии конца XX — начала XXI в. и задачах, стоящих перед современными исследователями.

Ключевые слова: детство; революция; Гражданская война; историография; социальная история; история повседневности; гендерная история.

T.M. Smirnova

Childhood of post-revolutionary Russia: main results and prospects for study

The article is devoted to the peculiarities of studying the history of the Russian post-revolutionary childhood. The author analyzes historiographical trends, emphasize attention on Russian historiography at the end of XX — beginning of XXI centuries, and the objective, facing modern researchers.

Keywords: childhood; revolution; Civil war; historiography; social history; history of everyday life; gender history.

Столетие российской революции 1917 года и начала Гражданской войны оживило дискуссии о роли этих знаковых событий в дальнейшем развитии России, о советской эпохе в целом и отдельных ее периодах, о наиболее значимых достижениях и наиболее мрачных страницах этой эпохи. Особое место в дискуссиях неизменно занимает тема «советского детства», в которой нашли свое воплощение как наиболее яркие достижения послереволюционной социальной трансформации, так и ее наиболее трагические моменты. Неудивительно, что споры между сторонниками и противниками «советского детства» как особого социального явления не утихают на протяжении всего постсоветского периода. Закономерно, что наибольшее внимание уделяется периоду формирования основ данного исторического феномена, то есть первым послереволюци-

* Работа выполнена в рамках проекта «Россия в годы Гражданской войны, 1918—1922 гг.: основные тенденции исторических исследований» при поддержке РГНФ заявка № 17-81-01001 «а (ц)».

онным годам. При этом активное участие в дискуссиях принимают политики, журналисты, публицисты. Именно они в первую очередь формируют общественные представления о том, что же представляло собой российское послереволюционное детство во всей совокупности этого сложного, многогранного и противоречивого явления. На эти представления накладывает отпечаток и мнимая очевидность истории детства — темы, близкой и знакомой каждому человеку. Таким образом, параллельно с научной историей детства на уровне массового сознания формируется некая мифологизированная, если можно так назвать, «обывательская» история. Ее основными источниками являются собственные воспоминания, воспоминания родственников и друзей, семейные легенды, а также материалы СМИ, прежде всего, псевдоисторические ток-шоу и документальные фильмы, популярные ныне сериалы и художественные фильмы о жизни в СССР, а также интернет-пространство и художественные произведения, претендующие на статус исторических.

В сложившейся ситуации особая ответственность ложится на профессиональных историков. Между тем, детство, как специфическая демографическая категория, долгое время не являлось предметом специальных исследований отечественной исторической науки. Один из основателей отечественной антропологии и социологии детства И.С. Кон писал, что когда он в начале 1970-х годов всерьез заинтересовался историей российского и советского детства, то «обнаружил, что этим никто не занимался всерьез с дореволюционных времен»¹. В центре внимания отечественных исследователей были не столько сами дети, сколько «детская политика», проблемы охраны материнства и детства. О начале формирования в отечественной исторической науке истории детства как отдельного направления можно говорить лишь с конца XX в.²

Советская историография, безусловно, не была единой на протяжении всех семидесяти с лишним лет существования СССР, ее различные периоды имели свою специфику, но принципиальным объединяющим началом были единая методологическая основа и специфика источниковой базы, состоящей преимущественно из нормативно-распорядительной документации. Отдавая должное достижениям советской историографии в изучении истории детства в целом и истории российского детства в годы революции и Гражданской войны в частности³, необходимо в то же время признать, что воссоздавая и анализируя «детскую политику» большевистского правительства, советские исследователи опирались преимущественно на его законодательскую деятельность, многочисленные распоряжения центральной власти, направленные на обеспечение

детей, на улучшение условий их жизни. Данная источниковая база (весьма солидная по своему объему, но отличающаяся видовым однообразием и идеологической заданностью) создавала видимость научно-исторической основы парадигмы счастливого советского детства. История «счастливого советского детства» по сути сводилась к истории государственной «детской политики», а точнее, декларируемых властью принципов этой политики, с акцентом на достижениях советской власти в сфере охраны материнства и детства при максимальном смягчении (либо полном игнорировании) наиболее острых проблем и «болезненных» вопросов. К последним следует отнести такие проблемы, как практика детского заложничества в годы Гражданской войны; положение в Советской России детей «лишенцев» и представителей социально-чуждых слоев; жизнь детей в ГУЛАГе; роль репрессивных методов в борьбе с массовой детской беспризорностью; влияние на рост детской беспризорности кампании по раскулачиванию, коллективизации и паспортизации населения; злоупотребления в советских детских домах; реальные условия жизни так называемых «морально-дефективных детей»; степень распространения девиантных форм поведения у подростков и проблема роста детской преступности и т.д.

С конца 1980-х годов, в связи со сменой идеологических ориентиров и переосмыслением истории России в целом, изменилась и оценка послереволюционных преобразований в сфере охраны материнства и детства и положения детей в Советской России в целом. В противовес предшественникам авторы периода «перестройки» и первых постсоветских лет сознательно акцентировали внимание на наиболее острых проблемах (беспризорность, судьбы детей «врагов народа», детская преступность, проституция, наркомания, младенческая смертность и т.п.), использовали преимущественно темные краски и подчеркнуто мрачные эпитеты («убитое детство», «детство страдающее», «ненужное детство», «не рожденное детство» и т.п.). В значительной степени эта критика была справедливой, полезной и даже необходимой. Она явилась своеобразной «шоковой терапией», которая должна была привлечь к проблемам детства внимание общества и власти, выражаясь словами современников, пробудить общество «от летаргического сна, наполненного иллюзиями и мифами, одним из которых стал не нашедший своей действительной реализации лозунг о счастливом детстве, о том, что все лучшее у нас принадлежит подрастающему поколению»⁴. Как подчеркивает председатель Советского, а затем и Российского детского фонда (СДФ/РДФ), директор НИИ детства А.А. Лиханов, акцент на негативе был сделан для того, чтобы «те, кто проблемы детства видят в розо-

вых очках, в этот раз не ошиблись в реальных оценках»⁵. Любопытно, что именно «реакцией на “розовые очки”, через которые смотрели на советское детство некоторые исследователи более ранних поколений»⁶ впоследствии назвала данный историографический этап К. Келли.

Радикальные изменения, происшедшие в сфере идеологических ориентиров и политических оценок, на первых порах никак не затронули исследовательские подходы. В центре внимания исследователей по-прежнему оставалась «детская политика», но с акцентом уже не на декларируемые принципы, а на неудачи в их реализации. Противопоставление реальности декларациям власти сводилось к разоблачению мифа о «счастливом советском детстве», в то время как научной реконструкции реальной повседневной жизни детей, их чувств и переживаний, взаимоотношений друг с другом и с «миром взрослых» по-прежнему не было. Научно-исторический анализ заменили очередным идеологическим штампом, и Советский Союз, традиционно именовавшийся «Родиной счастливого детства», отныне стали называть «Государством Неизбывного Сиротства»⁷.

Критическое переосмысление истории советского детства в литературе позднесоветского и раннего постсоветского периодов носило не столько научный, сколько политический характер вплоть до откровенно публицистического «плача о детстве»⁸, напиiskanного мрачными сюжетами послереволюционного российского детства, взятыми в отрыве от общеисторического контекста. Между тем, ведущие зарубежные исследователи полагают, что «большое число советских детей жили в эти времена не катастрофически хуже, чем дети рабочих или крестьян других стран тех же хронологических периодов»⁹.

«Первой ласточкой», символизирующей новые подходы в изучении социальной истории России в целом и истории советского детства в частности, стали публикации издаваемого с 1997 г. ежегодника «Социальная история». Применительно к исследуемой проблеме особо следует отметить совместную работу А.К. Соколова и С.В. Журавлева, посвященную не политике власти по отношению к детям, а самим детям 1930-х годов, их чувствам, переживаниям, школьным будням, особенностям повседневной жизни детей в колхозах и в детских домах¹⁰. Опубликованная в том же ежегоднике статья О.Е. Кошелевой «Дети как наследники в русском праве с древнейших времен до петровского времени» посвящена более раннему периоду истории России, но в методологическом плане имеет важное значение для изучения истории детства в целом и детства периода Гражданской войны в частности¹¹.

Качественные изменения в историографической ситуации произошли на рубеже XX и XXI вв. В силу целого комплекса взаимодополняющих причин, включая социально-экономические и философские, в отечественной историографии истории детства над пафосом разоблачения советских идеологических постулатов постепенно начинает преобладать научно-исторический анализ проблемы. С одной стороны, поиск путей решения «детских проблем», обострившихся в условиях социальной трансформации постсоветского общества, заставил внимательнее относиться к собственному историческому опыту и, прежде всего, опыту Гражданской войны. С другой стороны, именно в эти годы в России под влиянием западной историографии начинают активно развиваться история детства, метафизика и социология, антропология, онтология и этнография детства.

К началу нынешнего столетия российскими исследователями был освоен значительный объем иностранной литературы, посвященной различным аспектам истории детства¹²; стали осуществляться совместные исследовательские проекты и постоянно действующие международные научные семинары¹³. Не вызывает сомнений значительный вклад зарубежных исследователей в изучение истории российского/советского детства¹⁴. Ряд исследователей связывает начало коренных изменений в отечественной истории детства именно с влиянием зарубежной историографии и, прежде всего, с проникновением в российскую историческую науку идей Ф. Арьеса. Работа Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке» по праву считается новаторской и парадигмообразующей, заложившей основу современной истории детства¹⁵.

Наряду с изменениями методологической базы значительное развитие на рубеже XX—XXI вв. получила и исследовательская лаборатория. В частности, активно применяются новые методы социальной истории, устной истории и истории повседневности, гендерного анализа, этнопедагогики и др. Возрастающий интерес к истории «снизу», к человеку в истории, а в данном случае — к детям, потребовал соответствующих изменений в источниковой базе. В 1990-х — начале 2000-х годов нормативные материалы перестают быть в центре внимания исследователей, уступив место ставшим популярными так называемым «письмам во власть» (в том числе письмам детей в редакции журналов и газет, в госорганы, лично Н.К. Крупской и М.И. Калинину); материалам обследований и проверок детских учреждений; отчетам и сводкам местных партийных и государственных органов, прежде всего, уполномоченных Деткомиссии ВЦИК и работников органов народного образования, а также разнообразным источникам личного происхождения, которые в

последние годы занимают все более прочные позиции в источниковой базе истории детства.

Особое внимание уделяется ранее засекреченным документам. Важным событием для специалистов по истории советского детства стала фундаментальная публикация «Дети ГУЛАГа, 1918—1956»¹⁶, в которую вошли документы ГА РФ (из фондов НКВД, ГУЛАГа, ОГПУ, Деткомиссии ВЦИК), РГАСПИ и ряда других архивов. Среди региональных документальных публикаций необходимо отметить сборник документов «Дети и молодежь Смоленщины, 1920—1930-е годы»¹⁷. В издание, подготовленное на высоком профессиональном уровне, включено 244 документа из фондов комсомольских и партийных организаций Государственного архива новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Составители сборника подчеркнули, что «при отборе документальных источников соблюдался комплексный подход, который дает возможность многоаспектного изучения темы»¹⁸.

Как упоминалось выше, в научный оборот активно вводятся «детские тексты» (автобиографии, дневники и письма детей, школьные сочинения, детский фольклор) и визуальные источники¹⁹. Издание «детских текстов» становится важным направлением публикаторской деятельности. Среди наиболее интересных публикаций следует отметить антологию «Городок в табакерке: детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890—1990)», подготовленную в рамках работы семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики»²⁰. С точки зрения истории советского детства периода Гражданской войны большой интерес представляют ее третья (««Школу должны строить учащие и учащиеся», 1910—1919») и четвертая (««Мы дети пионеры, мы дети всем примеры», 1920—1929») главы. Антология содержит не только «детские тексты». Здесь есть не публиковавшиеся ранее стенограммы и протоколы заседаний местных органов социального призрения и народного образования, комсомольских комитетов, педагогических советов; материалы обследований приютов, в том числе для «социально-дефективных», и даже именные списки воспитанников детских учреждений. Однако многие документы опубликованы в сокращении, выборка документов носит избирательный характер без научного обоснования ее репрезентативности.

Применение новых методологических подходов, расширение источниковой базы и развитие исследовательской лаборатории историков способствовало и расширению спектра изучаемых проблем. Так, еще недавно практически не изученными оставались такие проблемы, как внутренний мир ребенка, особенности восприятия им окружающей реальности; восприятие ребенком революцион-

ных событий и Гражданской войны, влияние происходивших после революции социально-политических и экономических преобразований на место ребенка в обществе, отношение к нему этого общества и на процессы взросления детей; отношение детей к религии и к борьбе с ней в советском обществе; положение в России так называемых «дефективных» детей и «детей ГУЛАГа»; судьбы после революции детей представителей «социально чуждых» слоев, повседневный досуг советских детей в семьях и детских домах, проблемы усыновления и патронатного воспитания и многие другие. Сейчас эти вопросы активно изучаются²¹.

Одной из приоритетных проблем истории послереволюционного советского детства неизменно остается отличающаяся особой практической значимостью и политической остротой история борьбы с детской безнадзорностью и беспризорностью: формы и методы ликвидации беспризорности; привлечение к борьбе с беспризорностью общественности и организация культурно-воспитательной работы с безнадзорными; состав и динамика половозрастной структуры беспризорных как особой социальной группы; особенности региональной специфики ликвидации безнадзорности и беспризорности²². Значительно слабее изучены тесно связанные с темой беспризорности и безнадзорности проблемы детской преступности и различных форм девиантного поведения, таких, как детская проституция, наркомания, алкоголизм и др.²³

Будучи одной из «болевых точек» советского прошлого, тема голода 1921—1922 гг., зарубежной помощи голодающим детям и трагических последствий кампании по эвакуации детей из голодающих губерний находится в центре разнообразных политических спекуляций журналистов и псевдоисториков. В сложившейся ситуации большое значение приобретает объективный научно-исторический анализ названных проблем. Несмотря на то, что в последние годы в изучении данной темы наметился определенный прорыв, ряд вопросов нуждается в специальном исследовании (эвакуация голодающих детей в Бухару и их последующая реэвакуация; причины срыва эвакуации детей в Германию; судьбы детей, по тем или иным причинам не реэвакуированных и оставшихся за границей, и др.)²⁴.

По-прежнему привлекают внимание исследователей различные аспекты традиционной для отечественной историографии истории советской системы охраны материнства и детства, изучаемые с привлечением новых источников²⁵.

О выходе истории детства как самостоятельного научного направления на новый уровень свидетельствует создание в ряде российских вузов учебной дисциплины «История детства», а также по-

явление целого ряда историографических и библиографических работ по этой проблеме²⁶. Различные аспекты истории детства неизменно становятся темами кандидатских и докторских диссертационных исследований. Однако популярность рассматриваемой нами темы и ее политическая востребованность имеют и оборотную сторону — «побочный эффект» в виде работ-скороспелок «на злобу дня». Стремясь не упустить момент, некоторые исследователи торопятся сделать громкие заявления об изучении ими новой темы, не потрудившись предварительно должным образом ознакомиться с историографией проблемы и весьма поверхностно изучив источники. Слабое знание источниковой базы нередко компенсируется откровенным плагиатом и недобросовестным цитированием — фактически, скрытой формой плагиата²⁷.

Значимым событием в развитии отечественной истории детства в качестве отдельного направления стали публикации по этой теме энциклопедических изданий. В 2006 г. в Санкт-Петербурге была издана предназначенная не столько специалистам, сколько широкому кругу читателей научно-популярная энциклопедия «Русские дети: основы народной педагогики»²⁸. Как говорится во введении, «энциклопедия воссоздает условия жизни детей русской деревни в XIX — первой четверти XX в.»²⁹. Однако в действительности в сферу интересов авторов входят лишь особенности педагогических приемов и жизни детей в российской дореволюционной деревни. О том, как изменилась жизнь детей после 1917 г., нет никакой информации.

«Энциклопедический словарь русского детства» в двух томах, подготовленный доктором культурологии, кандидатом философских наук С.Б. Борисовым, по замыслу автора, был «призван охватить собою по возможности все “единицы” (“атомы”), “элементы”, составлявшие в прошлом и составляющие в настоящем культурную (социально-культурную и культурно-антропологическую) среду русского детства»³⁰. В соответствии с указанными грандиозными задачами издание предназначалось «специалистам в области социологии детства, культурантропологии детства, исторической антропологии, истории детства, истории культуры, истории быта, истории повседневности», а также «работникам образовательно-воспитательной сферы, преподавателям вузов, аспирантам, студентам»³¹. Однако на деле данный, весьма занимательный, справочник о жизни детей разных поколений вряд ли будет полезен специалистам. Охватывая гигантский объем самой разной и, безусловно, любопытной информации о жизни детей — популярные детские песни и кинофильмы, распространенные игры, представленные в динамике, любимые сладости, детские праздники, модная одежда и т.д. — справочник не дает систематиче-

ской и надежной, научно-обоснованной, подкрепленной ссылками на источники информации. Неравномерное освещение материала, произвольный, ничем не обоснованный выбор проблематики статей, обширные цитаты, зачастую иллюстрирующие частный случай, а не типичное явление, — всё это может привести к искаженным представлениям о прошлом. В частности, в издание включены такие статьи, как «Гадом буду», «Жади́на-говя́дина», «Обертывать тетради и учебники», «Сдергивание трусов», «Уша́ми шевелить» и многие другие. В то же время нет статей об Обществе друг детей, о Совете защиты детей и Деткомиссии ВЦИК; о патронатном воспитании и др. Распределение статей по объему также порой вызывает недоумение. Например, статьи «Ударять книгой (учебником) по голове» или «Плевать» занимают почти такой же объем, как и статья «Дома пионеров и школьников». Статья «Детская комната (во дворе дома)» не несет в себе практически никакой информации о том, что это такое (где и по чьей инициативе создавались, как и на какие средства функционировали, каковы их задачи, насколько были распространены и т.д.). Статья о прививках содержит информацию начиная с 1970-х годов. Остается неясным, в чем заключалась профилактика детских болезней до 1970 г. и когда именно в России появился обязательный «календарь прививок». «Детский городок» ошибочно трактуется только как разновидность парка с детскими аттракционами. Статистический материал зачастую приводится без ссылок на источники (см., например, статью «Беспризорность детская»). Все это вызывает сомнение в полезности данного издания специалистам по истории детства. Тем не менее, широкой аудитории данный двухтомник, безусловно, будет интересен. Отдавая должное автору, проделавшему колоссальную работу по сбору материала, стоит особо подчеркнуть значение самого факта начала процесса разработки и издания справочной литературы энциклопедического характера по истории российского детства. Остается лишь пожелать продолжить эту работу на новом научном уровне.

Несмотря на значительные успехи, достигнутые в последнее десятилетие отечественной и зарубежной историографией в изучении детства и материнства в послереволюционной России, данная тема по-прежнему не теряет своей актуальности. По мере изучения проблемы выявляются всё новые и новые ее аспекты, пока не нашедшие отражения в исследованиях; открывается доступ к засекреченным ранее архивным фондам; соответственно, обнаруживаются допущенные ранее ошибки и неточности. Вокруг различных аспектов этой темы не утихают дискуссии (как научные, так и политические).

¹ Кон И.С. Социологическая психология: избранные психологические труды. — М.: Моск. психол.-социал. ун-т; Воронеж: МОДЭК, 1999. — С. 44.

² Подробнее см.: *Келли К.* Об изучении истории детства в России XIX—XX веков // Какорея: из истории детства в России и других странах: сб. ст. и материалов / [сост. Г.В. Макаревич]. — М.: [б.и.]; Тверь: Науч. кн., 2008. — С. 8—46; *Кон И.С.* : 1) Ребенок и общество: учеб. пособие для студентов вузов ... — М.: Academia, 2003. — 335 с. ; 2) Детство как социальный феномен // Журнал исследований социальной политики. — 2004. — Т. 2, № 2. — С. 151—174; *Ромашова М.В.* : 1) Занимательное источниковедение: история детства // Вестник Пермского университета. История. — 2012. — Вып. 3 (20). — С. 172—179 ; 2) Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Там же. — 2013. — Вып. 2 (22). — С. 108—116; *Смирнова Т.М.* Российское детство в XX веке: новые обобщающие работы и новые вопросы // Ребенок в истории и культуре. — М., 2010. — С. 499—515. — (Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики»; вып. 4).

³ Несмотря на определенную ограниченность советской историографии истории детства, обусловленную господствующими в ней методологическими подходами, автор данной статьи далек от игнорирования достижений советских исследователей в изучении данной проблемы. В этом отношении справедливой представляется позиция И.С. Кона, с сожалением отмечающего получившие на рубеже XX и XXI вв. распространение случаи, когда авторы исследований опирались преимущественно на зарубежную историографию, игнорируя при этом работы своих советских предшественников. В частности, И.С. Кон сожалеет о том, что авторы и редакторы изданного в Москве в 1998 г. учебного пособия по педагогической антропологии «Природа ребенка в зеркале автобиографии», «не забыв поблагодарить своих зарубежных спонсоров, не сочли нужным упомянуть никого из своих предшественников 1970—1980-х годов, на труды которых, включая саму постановку проблемы, они фактически опирались, создавая у молодого читателя ошибочное впечатление, будто история автобиографии и детства в России начинается только с их собственной работы» (*Кон И.С.* Детство как социальный феномен. — С. 161). В данной статье нет подробного анализа советской историографии, анализируются лишь основные тенденции в изучении истории советского послереволюционного детства с акцентом на историографию конца XX — начала XXI в. и задачи, стоящие перед современными исследователями. Подробнее о советской историографии данной проблемы см.: *Смирнова Т.М.* Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни, 1917—1940 гг. — М.: Ин-т рос. истории; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2015. — С. 9—46.

⁴ Положение детей в СССР, 1990 год: Состояние. Проблемы. Перспектива. — М.: Дом, 1990. — С. 3.

⁵ Положение детей в России, 1992 г.: социальный портрет / под общ. ред. А.А. Лиханова, Е.М. Рыбинского. — М.: Дом, 1993. — С. 8.

⁶ *Келли К.* Об изучении истории детства в России XIX—XX веков. — С. 12.

⁷ См.: Положение детей в СССР, 1990 год: Состояние. Проблемы. Перспектива. — С. 6, 88.

⁸ См.: Положение детей в России, 1992 г.: социальный портрет. — С. 4—8.

⁹ Там же.

¹⁰ *Журавлев С.В., Соколов А.К.* «Счастливое детство» // Социальная история, 1997: ежегодник. — М., 1998. — С. 159—204.

¹¹ *Кошелева О.Е.* Дети как наследники в русском праве с древнейших времен до петровского времени // Социальная история, 1998/1999: ежегодник. — М., 1999. — С. 177—202.

¹² См., напр.: *Ball Alan M.* : 1) The Roots of Besprizornost' in Soviet Russia's First Decade // *Slavic Review*. — 1992. — Vol. 51, no. 2. — P. 247—270 ; 2) And Now My Soul is Hardered: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918—1930. — Berkeley: University of California Press, 1994; *Bernstein L.* : 1) Fostering the Next Generation of Socialists: Patronirovanie in the Fledgling Soviet State // *Journal of Family History*. — 2001. — Vol. XXVI, no. 1. — P. 66—89 ; 2) The Evolution of Soviet Adoption Law // *Journal of Family History*. — 1997. — Vol. XXII, no. 2. — P. 204—226 ; 3) Communist Custodial Contests: Adoption Rulings in the USSR after the Second World War // *Journal of Social History*. — 2001. — Vol. 34, 4. — P. 843—861; *Chao P.* Women under communism: Family in Russia and China. — N.Y., 1977; *Goldman W.Z.* Women, the state and revolution: Soviet family policy and social life, 1917—1936. — Cambridge: Cambridge University Press, 1993. — P. 97—99, 307—308; *Holmes Larry E.* The Kremlin and the Schoolhouse: Reforming Education in Soviet Russia, 1917—1931. — Bloomington: Indiana University Press, 1991; *Lindenmeyr A.* Maternalism and Child Welfare in Late Imperial Russia // *Journal of Women's History*. — 1993. — Vol. 5, no. 2. — P. 114—125; *Meckel R.A.* Childhood and the Historians: A Review Essay // *Journal of Family History*. — 1984. — Vol. 9, no. 4. — P. 415—424; *Ransel David L.* Mothers of Misery: Child Abandonment in Russia. — Princeton: Prenceton University Press, 1988; и др. Подробнее см.: *Children in Historical and Comparative Perspective: An International Handbook and Research Guide* / ed. by J.M. Hawes, N. Ray Hiner. — London, 1991; *Childhood Studies: A Reader in Perspectives of Childhood* / ed. by Mills J., Mills R. — London; N.Y., 2000.

¹³ См., напр.: *Sowjetjugend, 1917—1941: Generation zwischen Revolution und Resignation* / C. Kuhr-Korolev, S. Plaggenborg, M. Wellman, eds. — Essen: Klartext Verlag, 2001; *Russian Studies in History*. — N.Y., 2010. — Vol. 48, no. 4: Children on the Margins in Soviet Russia / ed. by S. Zhuravlev.; и др. Постоянными участниками организованного при РГГУ семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики» наряду с отечественными исследователями являются Катриона Келли, Жаклин Олич, Лари Холмс и многие другие зарубежные историки.

¹⁴ См., напр.: *Caroli D.* L'Enfance abandonnée et délinquante dans la Russie soviétique (1917—1937). — Paris: L'Harmattan, 2004; “Homeless Children”: *Encyclopedia of Russian History*. — New York, 2003; *Kelly C.* : 1) Children's World: Growing Up in Russia, 1890—1991. — New Haven; London: Yale University Press, 2007. — P. 714 ; 2) Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero. — London: Granta books, 2005 ; 3) “The School Waltz”: The Everyday Life of the Post-Stalinist Soviet Classroom // *Forum for Anthropology and Culture*. — 2004. — No. 1. — P. 108—158 ; 4) “Thank You for the Wonderful Book”: Soviet Child Readers and the Management of Children's Reading, 1950—1975 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. — 2005. — Vol. 6, no. 4. — P. 717—753; *Kuhr-Korolev C.* «Gezähmte Helden»: Die Formierung der Sowjetjugend, 1917—1932. — Essen: Klartext Verlag, 2005; и др.

¹⁵ *Сальникова А.А.* Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. — Казань: Казан. гос. ун-т, 2007. — С. 16; см. также: История детства как предмет исследования: наследие Ф. Арьеса в Европе и России и новые подходы к истории детства: [сборник статей материалов Междунар. науч. конф., Москва, РГГУ, 1—2 окт. 2009 г.]: [в 4 ч.]. — М.: РГГУ, 2012—2013. — № 1—4; *Кон И.С.* Открытия Филиппа Арьеса и гендерные аспекты истории детства // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. «Культурология. Искусствоведение»*. — 2010. — № 15 (58). — С. 10—24.

¹⁶ *Дети ГУЛАГа, 1918—1956* / под общ. ред. А.Н. Яковлева; сост. С.С. Виленский и др. — М.: Междунар. фонд «Демократия», 2002.

¹⁷ *Дети и молодежь Смоленщины, 1920—1930-е годы: документы и материалы* / под ред. Е.В. Кодина. — Смоленск: Маджента, 2006.

¹⁸ Там же. — С. 7.

¹⁹ См., напр.: *Градскова Ю.* «Нигде так не оберегают детство, как в нашей стране»: дошкольные учреждения в советском документальном кино, 1946—1960-е годы // *Визуальная антропология: режим видимости при социализме.* — М., 2009. — С. 359—370; *Минина М.* Образ сироты в советском плакате 1920—1930-х годов // Там же. — С. 272—288; *Нарский И.В.* Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические послания и советское детство: (автобио-историко-графический роман). — Челябинск: Энциклопедия, 2008; *Сальникова А.А.* Указ. соч.

²⁰ Городок в табакерке: детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890—1990): взрослые о детях и дети о себе: антология текстов: [в 2 ч.] / [сост. В. Безрогов, К. Келли, А. Пиир, С. Сиротина]. — М.; Тверь, 2008. — Ч. 1: 1890—1940.

²¹ См., напр.: *Рожков А.Ю.* : 1) Неформальные сообщества школьников: уникальное и типичное в обретении коллективной идентичности в 1920-е годы // *Ребенок в истории и культуре.* — М., 2010. — С. 344—369. — (Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики»; вып. 4) ; 2) «Кровный союз» в краснодарской школе: практики коллективной идентичности учащихся 1920-х годов // *Культурная жизнь Юга России.* — 2011. — № 4 (42). — С. 107—110 ; 3) «Бог есть, но я в него уже не верю»: детские религиозные/антирелигиозные представления и практики в 1920-е годы // Там же. — 2012. — № 4 (47). — С. 86—90; *Рыбакова Т.М.* Украденное детство: (репрессированные дети и дети репрессированных родителей в 1930—1940-е годы) // *Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность.* — Глазов, 1999. — С. 54; *Рябинина Н.В.* «Морально-дефективные» — кто они?: к истории детской беспризорности и преступности в 1920-е годы // *Век нынешний, век минувший...: исторический альманах.* — Ярославль, 1999. — С. 56—65; *Салова Ю.Г.* Детский досуг в Советской России (1920-е годы). — Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2000; *Смирнова Т.М.* : 1) Дети лихолетья: повседневная жизнь советских детдомовцев, 1917 — начало 1920-х гг. // *Материнство и детство в России XVIII—XXI вв.* — М., 2006. — Ч. I. — С. 255—299 ; 2) «Любимые дети Советской республики»: история патронирования детей в Советской России, 1918—1930-е гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «История России».* — 2007. — № 2. — С. 25—37 ; 3) Опыт патронатного воспитания детей в Советской России и современность // *Какорея: из истории детства в России и других странах.* — М.; Тверь, 2008. — С. 174—196; *Шуткова Е.Ю.* Проблемы изучения истории репрессий в отношении несовершеннолетних граждан в период Советской власти // *Вестник Удмуртского университета. Сер. «История России: теория и практика».* — 2002. — № 4. — С. 59—69; и др.

²² См.: *Бендер Е.А.* Борьба с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в РСФСР в 1920—1930-е гг.: (на материалах Ленинграда и Ленинградской области): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — СПб., 2015; *Блонский Л.В.* Детская беспризорность в СССР периода НЭПа: опыт ликвидации (на материалах Нижнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Саратов, 2004; *Егорькова И.А.* Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в 1918—1935 гг.: по материалам Нижегородского края: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Владимир, 2011; *Лаврова И.А.* Борьба с беспризорностью на Урале в 1929—1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Екатеринбург, 2009; *Мамеева Т.Н.* Социально-культурная деятельность государственных и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности в Москве в 20-х — начале 30-х гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01. — М., 2004; *Маслова О.Б.* Ликвидация массовой детской беспризорности в Советской России в 1920-е годы: на материалах Ставрополья

и Терека: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Пятигорск, 2010; *Реутова А.Д.* Ликвидация массовой детской беспризорности в 1921—1935 годах: (на материалах Верхневолжья): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Иваново, 2004; *Сажина Н.С.* Деятельность государства и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности в 1921—1928 гг.: (на материалах Урала): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Екатеринбург, 2003; *Славко А.А.* : 1) Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. — М.: ИНИОН РАН, 2005 ; 2) Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в Советской России 1917—1952 гг. — Сыктывкар: КРАГСиУ, 2009 ; 3) История беспризорного и безнадзорного детства в России (конец 1920-х — начало 1950-х годов). — Чебоксары: Перфектум, 2012.

²³ См.: *Льбина Н.Б., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в.) — М.: Прогресс-Академия, 1994; *Синова И.В.* Дети в городском российском социуме во второй половине XIX — начале XX в.: проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.

²⁴ См., напр.: *Смирнова Т.М.* : 1) Эвакуация голодающих детей Советской России за границу, 1921 год // *The Soviet and Post-Soviet Review*. — 2003. — Vol. 33, 2/3. — P. 251—288 ; 2) «Отправлять детей физически здоровых, умственно развитых и морально безупречных...»: эвакуация голодающих детей Советской России за границу, 1921 год // Советская социальная политика 1920—1930-х годов: идеология и повседневность: сб. ст. / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. — М., 2007. — С. 349—391; *Федотова А.Ю.* Помощь голодающему населению ТАССР советскими и иностранными организациями в 1921—1923 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Казань, 2011; и др.

²⁵ См.: *Авдеев А.* Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: сб. ст. / под ред. М.Б. Денисенко, И.А. Троицкой. — 2-е изд. — М., 2010. — С. 13—72. — (Демографические исследования; вып. 14); *Журавлева В.А., Ковалева Л.А., Петришова Е.В.* Некоторые аспекты государственно-правового регулирования охраны материнства и детства в 20—30-е годы XX века // Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2007: материалы IX междунар. науч.-практ. конф., 29—30 марта 2007 г. — Челябинск, 2007. — Ч. 1. — С. 116—118.

²⁶ См.: Библиографический указатель работ по истории детства: (из фонда Научной библиотеки РГГУ) / авт.-сост. В.Г. Безрогов, О.Л. Шенягина. — М., 2009. — 53 с.; *Келли К.* Об изучении истории детства в России XIX—XX веков. — С. 8—46; *Ромашова М.В.* : 1) Занимательное источниковедение: История детства. — С. 172—179 ; 2) Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события. — С. 108—115; *Смирнова Т.М.* Российское детство в XX веке: новые обобщающие работы и новые вопросы. — С. 499—515.

²⁷ Подробнее см.: *Смирнова Т.М.* Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни (1917— 1940 гг.). — С. 25—34.

²⁸ Русские дети: основы народной педагогики: иллюстрированная энциклопедия / авт.: Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. — СПб.: Искусство-СПб., 2006. — 566 с.

²⁹ Там же. — С. 5.

³⁰ *Борисов С.Б.* Энциклопедический словарь русского детства: в 2 т. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 2008. — Т. 1: А—Н. — С. 3.

³¹ Там же. — С. 2.

А. И. Куприянов

ДВОРЯНСКИЕ ВЫБОРЫ В РУССКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ 30—40-Х ГОДОВ XIX В.

Избирательная реформа 1831—1832 гг., которая резко подняла имущественный ценз, необходимый для участия в дворянских выборах, вызвала в обществе определенные надежды на оздоровление моральной обстановки в провинциальном обществе. Эти ожидания нашли свое отражение и в художественной литературе того времени. Обращение к этому историческому источнику необходимо уже потому, что из-за цензурных ограничений пресса не могла освещать проблемы выборов. Один из авторов (Брайкевич) вопреки цензуре ознакомил публику с закулисной стороной выборов. Ему удалось убедительно показать, что все надежды властей и общества на благотворное влияние электоральной реформы 1831—1832 гг. оказались несостоятельны.

Ключевые слова: Россия; дворянство; выборы; публичная сфера; публичное пространство, гендер; литература.

A.I. Kupriyanov

Noble elections in the Russian fiction of the 30—40^s of the XIX century

The electoral reform of 1831—1832, which sharply raised the property qualification necessary to participate in the elections of the nobility, caused certain hopes in the society for improving the moral situation in the provincial society. These expectations were reflected in the fiction of the time. Appeal to this historical source is necessary already because due to censorship restrictions the press could not cover the problems of elections. One of the authors (Braikevich) acquainted the audience with the behind-the-scenes side of the elections. He managed to convincingly show that all the hopes of the authorities and society for the beneficial effect of the electoral reform of 1831—1832 proved to be untenable.

Keywords: Russia; the nobility; elections; public sphere; public space; gender; literature.

Избирательная реформа 1831—1832 гг., которая круто подняла имущественный ценз, необходимый для участия в дворянских выборах, вызвала в обществе определенные надежды на оздоровление моральной обстановки в провинциальном обществе. Эти ожидания нашли свое отражение и в художественной литературе того време-

ни. Обращение к этому историческому источнику необходимо уже потому, что из-за цензурных ограничений пресса не могла освещать проблемы выборов. Даже редактор официозной «Северной пчелы» Ф.В. Булгарин жаловался А.Х. Бенкендорфу на цензурные гонения: «Самая невинная шутка, острое или затейливое словцо, всякое колкое выражение рассматривается как преступление и личность безжалостно преследуется»¹. В условиях такого цензурного гнета лишь беллетристика наряду с театральной сценой были теми сегментами пространства публичной сферы, где могли быть продемонстрированы и проанализированы злободневные проблемы дворянских выборов.

В 1832 г. Дмитрий Никитич Бегичев (друг А.С. Грибоедова) анонимно издал роман «Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян». В нем был выведен уездный предводитель дворянства Сундуков, происходивший из приказных, богатый помещик и отъявленный негодяй. В заключительной шестой части книги читатель узнает, что Сундуков достиг должности губернского предводителя дворянства и мечтает заполучить еще более важное место. Вероятно, как должен догадаться читатель, он мечтал о губернаторском кресле. Однако автор надеется, что это ему не удастся. Как будто никаких оснований для подобных ожиданий нет. Сундуков, пользуясь богатством, связями и открытым образом жизни, привлекавшим провинциальных дворян, всегда добивался желанной цели. Оставалась лишь надежда на проницательность верховной власти, которая не позволит ему занять кресло губернатора. Что же касается предводительской должности, уже тот факт, что Сундуков стал губернским предводителем, косвенно свидетельствует, что в дворянском обществе никаких перемен не произошло. Да и в предисловии, где автор рассуждает о преимуществах и недостатках гласности/анонимности авторства литературного произведения, есть показательный пассаж о дворянских выборах:

«Весьма вероятно также и то, может быть, что некоторые молодые помещики, оставившие недавно военную службу, осмелились бы даже на выборах говорить, что я сочинитель, *следовательно*, человек ученый, умный, и меня надобно баллотировать в предводители — хотя из этого великолепного *следовательно* ничего еще не следует. Притом же, преимущество передо мною получил бы, и по всей справедливости, тот у кого вкусный стол и хорошие вина... Но за всем тем, это распространило бы некоторое уважение ко мне в уезде; по крайней мере говорили бы, что меня хотели баллотировать в предводители...»².

В этом рассуждении Бегичева о возможности баллотироваться на должность предводителя благодаря известности как литератора

авторская самоирония переходит в насмешку над дворянами (офицеры осмелились бы) и нравами, царящими на дворянских выборах. По сравнению с недавними пьесами Г.Ф. Квитки о дворянских выборах ничего не изменилось. Открытый для дворян дом, домашние праздники и вкусные обеды — вот слагаемые успеха в конкурентной борьбе. Как и у Квитки, благомыслящие — это молодые военные, вышедшие в отставку. Вот только оптимизма в Бегичева меньше, чем у его литературного предшественника. В пьесах Квитки партия «благомыслящих» все же одерживает верх, а у Бегичева торжествуют предводители, подобные Сундукову.

Что же, Бегичев, занимавший в 1830—1836 гг. пост воронежского гражданского губернатора, был знаком с закулисной стороной выборов и знал, о чем пишет. Тем неожиданней в 3-м издании его книги, вышедшем в 1841 г., появилась восторженная оценка избирательной реформы 1831—1832 гг. «Преобразование» дворянских выборов уже вызывает у автора подлинный энтузиазм. Избирательная реформа перечисляется им в ряду благотельных перемен, происшедших в царствование Николая I. Эти перемены для него настолько масштабны и неожиданны, что он именует их «чудесами», свершившимися на наших глазах. «Чудесам» Россия обязана исключительно воле монарха: «Мощная рука истинного Благотелья нашего Николая I-го, подвинула нас вперед на целое столетие».

Автор восхищается «чудесным» преобразованием общественной нравственности как следствием законодательной деятельности монарха:

«Ежели вспомним, что было не далее как пять или шесть лет тому назад, и сравним, что теперь, то нельзя не прийти в изумление чудесному преобразованию и улучшению общественной нравственности. Многие изданные в царствование Николая I-го новые законоположения, в особенности же о Дворянских выборах, рекрутский устав, увеличенное жалованье гражданским чиновникам, всего же более незабвенный памятник правления его — Свод Законов и данное сообразно духу настоящего времени направление образованию и воспитанию юношества, имели такое благотворное влияние на общественную нравственность, что описанные в нашей книге злоупотребления, бесстыдное и наглое лихоимство, ябедничество, своеволие, разврат соделались уже теперь не своевременным изображением нравов, а историческими фактами»³.

Такой панегирик в стиле эпохи барокко был совершенно неуместен для русской литературы 30—40-х годов XIX в. Мне трудно заподозрить высокопоставленного чиновника, гражданского губер-

натора, в искренности этих строк. В отчетах III Отделения за 1830-е годы регулярно отмечались все перечисленные им пороки как характерные черты государственных аппарата управления. А в 1835 г. в разделе отчета III Отделения «Обозрение расположения умов» отмечалось: «Впечатление, произведенное сим новым узаконением (о гражданских чинах и должностях. — А.К.) на всех служащих, до коих оно касается, весьма невыгодно; и вообще никто его не одобряет»⁴.

Кажется, что мотивом неприкрытой лести в адрес монарха было стремление обойти цензуру, которая могла запретить книгу из-за показа дворянства и чиновничества в самом неприглядном виде. Достаточно сказать, что персонажи книги наделены характеристическими фамилиями в традициях назидательно-дидактической литературы XVIII в.: судья Кривотолков, заседатели Лентягин и Бульбулькин, исправник Обиралов, предводитель Сундуков, князь Развратов, помещик Пустельгин. Кроме того, некоторые персонажи носят имена и фамилии героев «Горе от ума» Грибоедова, в том числе, Фамусов и Чадский. Все злоупотребления, лихоимство и прочие безобразия помещиков и служащих дворян в один миг (5—6 лет) «чудесным» образом утратили свою актуальность и превратились в «исторические факты», благодаря преобразованиям благодетельного императора. Такая неприкрытая лесть действительно была эффективным средством против цензуры, о чем свидетельствует выход 3-го издания «Семейства Холмских» в 1841 г. Вместе с тем, она ставила репутацию автора под удар жизненных реалий семейного и общественного быта русского дворянина, оставшихся неизменными.

И все же, думается, что такая идеализация российской действительности была не только средством обойти цензуру, но в определенной мере отражала и настроения автора. Во всяком случае приведенная ниже сентенция из романа свидетельствует, по крайней мере, об искренности ожиданий Бегичева:

«Не осмелятся теперь дворяне, подобно Тимофею Сундукову, являться на выборы и употреблять прежние козни и интриги для наполнения судов безнравственными и развратными клиентами своими. Теперь всякий благомыслящий дворянин имеет возможность принять участие в общем деле и воспользоваться всемилостивейше предоставленным нам драгоценнейшим правом избирать из среды себя судей, коим вверяем мы спокойствие и благосостояние свое и имений наших. Не будет уже теперь стыдно, как бывало прежде, всякому образованному и хорошей нравственности молодому дворянину, принимать на себя звание уездного судьи, исправника и заседателя»⁵.

О том, что с институтом дворянских выборов Бегичев связывал позитивные перемены в местном управлении, свидетельствует и другое его сочинение — «Провинциальные сцены» (1840 г.). В них Бегичев сталкивает два представления о службе по выборам. Традиционные представления выражает городничий («необыкновенной толщины, с большим брюхом» — так описывает автор этот персонаж), который решительно отказывается выдать дочь замуж за «волтерьянца» Зарницкого. Все вольтерьянство молодого человека состоит в том, что он служит по дворянским выборам: «Дворянин, имеет хорошее состояние, а вздумал пойти в заседатели в земский суд! Говорят: по просьбе дворянства и по дружбе к другому, такому же волтерьянцу Рамирскому, который, также по просьбе дворянства, согласился пойти в исправники. Хорошего выбрал друга!»⁶. Его логика понятна — места заседателей и даже земского исправника непрестижны, их должны занимать бедные дворяне. Состоятельному дворянину делать в полиции нечего. Но это общий посыл, а был в критике жениха городничим и личный мотив, о котором он умалчивал. Однако читателю-современнику о нем не составляло труда догадаться: уездная полиция, состоявшая из деятельных и честных молодых отставных офицеров, много выигрывала в общественном мнении в сравнении с ним самим и чинами возглавляемой им городской полиции.

Городничему у Бегичева противостоят другие дворяне: жених дочери, его друг — «волтерьянец» Рамирский, а также некие помещики, по просьбе которых Рамирский и согласился пойти в исправники. Так же, как в двух пьесах Г.Ф. Квитки о дворянских выборах, у Бегичева положительные персонажи все в прошлом военные. Другая их характерная черта — все они люди молодого или среднего возраста. Именно с молодым образованным поколением Бегичев, как и Квитка, связывал надежды на перемены в отношении дворянства к службе по выборам.

Бегичев даже утверждал, что ситуация на дворянских выборах уже резко изменилась, а уездный предводитель дворянства Сундуков «вдруг низвергнут был с высоты величия своего! На последних выборах клиенты его не имели уже права участвовать, явились настоящие, почтенные дворяне, и Тимофею Игнатьевичу последовал ужаснейший сюрприз: ему положены были решительно все черные шары...»⁷. Вместе с тем, Бегичев в «Провинциальных сценах» скорректировал свой неумный восторг по поводу перемен на дворянских выборах. Избранный вместо Сундукова уездным предводителем благонамеренный отставной офицер (гусар), вводя нового губернатора — своего однополчанина в курс дела в уезде, характеризует судью как доброго человека, на которого «сердится невозмож-

но» в силу его полной некомпетентности: «он служит четвертый срок, а решительно ничего не понимает! Нынешний выбор оставили его из уважения к его летам, и только взяли с него слово, что он переменит секретаря, который делает из него все что хочет». Однако этот простодушный «старик» обманул дворян — и секретарь суда по-прежнему остался на своем месте⁸. Удивляет, впрочем, не этот обман, а готовность дворян избирать на такое ответственное место человека, чья некомпетентность давно всем известна.

Действие своего произведения Бегичев из цензурных соображений относит к 1780-м годам. Получается, что это не сатира на современные нравы, а историческое предание о временах минувших. Однако все реалии произведения относятся к 1820—1830-м годам. Да и сам автор проговаривается, когда заявляет о нравах прошлого века. Видимо, делает это специально, чтобы показать: описываемые события происходят в XIX в. Отсутствие же на съезде мелкопоместных клиентов Сундукова позволяет констатировать, что шокирующее фиаско уездного производителя произошло на первых выборах по положению 1831 г.

У другого популярного в 1830-х годах писателя — М.Н. Загоскина в романе «Искуситель» (1838 г.) нет никакой идеализации дворянских выборов, как у Бегичева. Однако главные претенденты на кресло губернского предводителя дворянства собственных партий не сколачивают. Вероятно, тем самым Загоскин хотел подчеркнуть, что в екатерининскую эпоху, когда происходили описываемые события, нравы дворянского сословия были лучше и благороднее. Два богатых помещика, мечтавших о предводительском мундире, стремились расположить к себе дворянство открытым образом жизни. Самый богатый помещик губернии Григорий Иванович Рукавицын, пытаясь склонить общественное мнение в свою пользу, стал чаще давать обеды, вечера, балы и даже завел домашний театр. Но все это ему не помогло, «когда наступили дворянские выборы, Рукавицыну наклали черных шаров, а Двинского избрали единогласно губернским предводителем»⁹.

В романе провал одного кандидата и оглушительная победа другого ничем не обоснованы. Точнее, они не обоснованы ни организационными мерами, ни подкупом избирателей, ни тайными интригами, ни наветами, ни прочими прелестями электоральных кампаний. Успех одного и неудача другого — это парадоксальный выбор дворянства, свершившийся, как должен догадаться читатель, благодаря давним заслугам — действиям небольшого отряда Двинского во время восстания Пугачева, а также его богатству и образованности. Далекое, конечно, от электоральных реалий объяснение. Тем более, что ни в описываемое время, ни в 1830-х годах провинциальное дворянство не слишком ценило образование и академическое знание.

Комедия-водевиль Д.И. Брайкевича «Добавление к Дворянским выборам» (одобрена цензурой в конце 1841 г. и издана в 1842 г.), напротив, убеждала читателя и зрителя, что избирательная реформа 1831—1832 гг. фактически ничего не смогла изменить. Название этой пьесы служит убедительным свидетельством достоверности изображения нравов господствующего сословия и электоральных реалий в комедиях Г.Ф. Квитки. В ее тексте есть и прямая отсылка к его «Дворянским выборам».

Дмитрий Иванович Брайкевич (1810—1846) родился в деревне Скалеватке, Александрийского уезда, Херсонской губернии. После учебы на факультете словесности Харьковского университета недолго служил в конной артиллерии и уланском полку, вышел в отставку в чине поручика. Выйдя в отставку, он женился и проживал с 1830 г. в деревне Ивановке, Одесского уезда, где и умер¹⁰. В качестве одесского помещика он познакомился с закулисной стороной дворянских выборов. Хотя возможно он впервые наблюдал выборы ранее, будучи студентом университета в Харькове. Брайкевич вообще писал лишь о том, что хорошо знал. Все три опубликованные им пьесы: «Уланский анекдот, или сюрпризы» (1834 г.), «Цапцарапкин, или Интересная публикация» (1836 г.) и «Добавление к Дворянским выборам» написаны на местном материале и изданы в Николаеве и Одессе. Выход в свет «Добавления к Дворянским выборам» с интересом был встречен в южнорусском дворянском обществе. На обеих сторонах последнего листа экземпляра пьесы, хранящейся в Музее книги Российской государственной библиотеки, был напечатан список лиц, подписавшихся на нее. Возглавляют этот список генерал-губернатор М.С. Воронцов, заказавший 3 экземпляра, и его супруга Елизавета Ксаверьевна (2 экз.). Тот факт, что список не написан от руки, а напечатан в типографии, свидетельствует о знакомстве новороссийской публики с пьесой еще до ее издания. В каком виде публика соприкоснулась с произведением Брайкевича, мне не известно. Имела ли место театральная постановка в местном театре или же пьеса распространялась среди читателей в рукописных списках? Эти вопросы требует специального изучения, но в любом случае, до выхода в свет книги с ее содержанием были знакомы не только образованные читатели в столице южного края, но и местные уездные помещики, о чем свидетельствует подписной лист.

Сюжет у Брайкевича, как и у Квитки, также выстраивается на коллизиях уездных выборов. Но «Добавление» — это не перепев сценарных ходов и эксплуатация популярных персонажей Квитки, ни один из которых не перекочевал в комедию-водевиль Брайкевича. Действие пьесы разворачивается в новых условиях, когда был резко поднят имущественный ценз для участия в выборах. Цель повыше-

ния имущественного ценза состояла в том, чтобы прекратить практику организации богатыми помещиками собственных «партий» из мелкопоместных дворян и привлечь к выборам состоятельное дворянство, недовольное «поравнением» с мелкопоместными. Удалось ли правительству достигнуть этих целей?

Центральный персонаж пьесы богатый помещик Беззубов. В недавнем прошлом он — уездный предводитель дворянства, а ныне человек, находившийся под судом и лишенный права голоса в собраниях дворянства. Как явствует из его обращения к публике, он хотя и стар, но отнюдь не беспомощен, как можно было подумать, исходя из его фамилии:

«Ах! Что может быть досаднее, что может быть большее для души честолюбивой, как управлявши 9 лет уездом, располагавши умами и желаниями почти целой губернии, наконец запереться в этих четырех стенах, и не сметь показать носа в дворянское собрание? Это ужасно! — Нынешнее правление уже слишком взыскательно: за какие-нибудь маловажные захваты чужих сумм и другие подобные тому безделки, предать суду, лишить шара в собрании! О! это ни на что не похоже: — это просто барбаризм!... Но между тем, attendez, почтеннейшее дворянство! — Я покажу вам, что, не выходя из сей комнаты, я сделаю все, что нужно. (поет):

Я посажу во все места
Господ дворян, ко мне усердных,
Смотреть не буду на лета,
Ум, знания в делах судебных: —
Хоть будь ослы — мне все равно,
Лишь бы послушными мне были;
Мои дела давным-давно
Так приказали — присудили...»¹¹.

За этим циничным манифестом богатого помещика, обосновавшим его особые права на формирование судебно-полицейской власти, из преданных лично ему выборных чиновников, следует сцена встречи старых приятелей Беззубова и Беловласова. В диалоге этих отрицательных персонажей (положительных образов у Брайкевича нет вовсе) выясняется, каким образом его герой будет добиваться поставленной цели:

«Беззубов.
Почтеннейший дружище мой! — давно ли?

Беловласов.
Сей час только с повозки.

Беззубов.
А что? Какие новости? Едут ли наши?

Беловласов.
Все до единого, по вашему мудрому назначению.

Беззубов.
Всех должно быть 7, а у г. Прозоркина 2 шара: следовательно 9; — сколько же чужих?

Беловласов.
Об этом я не успел еще выправиться; но, впрочем, сей же час доставлю вам подробное о том сведение»¹².

Да, конечно, Беззубов не могучий маг, обладавший волшебной палочкой, с помощью которой можно вершить любые дела, не выходя из комнаты. Задолго до приезда в губернский город он провел свою предвыборную кампанию. Инструмент, которой он использует для достижения поставленных целей, все тот же — сколачивание собственной «партии». Может показаться, что Беззубов неправильно подсчитал число шаров, которыми располагают его сторонники, но в дальнейшем выясняется, что Прозоркин не принадлежит к ядру «партии», а лишь примыкает к ней. Более надежны все те же «запасные», которых прибыло 4: братья Молодейкины, Истуканов и Уланов.

«Беззубов.
Добро пожаловать, дорогие мои, драгоценные!

Молодейкин 1-й (шаркая).
Вы изволили приказать, и мы уже здесь, как изволите видеть.

Молодейкин 2-й.
Мы летели, сломя голову, двое суток сряду, чтобы не пропустить назначенного термина.

Истуканов.
Имею честь представиться вашему высокоблагородию и я, то есть в рассуждении, относительно...

Уланов.
Да, и мы с ним прибыли к вам, для выборов.

Беззубов.
Чувствительнейше обязан вам, друзья мои!

Беловласов.
Хвала и честь вам, мои сподвижники!

Как видим, хотя Беззубов и именуется своих клиентов по старинке «запасными», но они и по внешнему облику, и по манерам разительно отличаются от «запасных» Староплутова из пьесы Квитки. Они самостоятельно добираются до губернского города, все они служили в армии, а за исключением откровенно тупого Истуканова, все люди неглупые, довольно образованные, о чем свидетельствует фраза Молодейкина 2-го: «не пропустить назначенного термина». «Запасные» Беззубова вполне внятно излагают свои мысли, хорошо ориентируются в электоральной тактике. Беззубов и Беловласов обращаются к ним уважительно («друзья мои», «мои сподвижники») и выказывают искреннюю радость от встречи. «Запасными» же они именуется, вероятно, лишь потому, что являлись уполномоченными от мелкопоместных дворян. Денег от патрона или протектора, как он себя именуется, они не получают, однако между ними существуют четкие отношения патрона и клиентов:

«Беззубов (поет).
О! сколь приятно для меня
Единодушное радушьё,
Друзья мои! ... Я, вас любя,
Скажу, что равнодушье
Ко всем иным, кто мне не друг,
Есть ваш закон и повеленье,
Так вы старайтесь же, чтоб вдруг
Свое исполнить назначенье.

Истуканов и прочие.
О! ради стараться, ради стараться — по вашему соизволению.

....

Беззубов.
Прощайте — счастливый путь! — Но еще раз повторю вам: — не забудьте, что приказано.

Истуканов и прочие.
Слушаем, слушаем»¹³.

Эта бравая четверка и Беловласов отнюдь не бескорыстно обещает свои шары опытному кукловоду, ставящему очередной акт комедии «Дворянские выборы». Взамен они получают поддержку при баллотировании на должности. В отличие от пьес Квитки персонажи Брайкевича не стремятся во что бы то ни стало получить «исправничество». Есть и другие «хлебные места»: уездного судьи, заседателей земского и уездного судов, которые кажутся им вполне привлекательными. А Молодейкин 1-й даже изъявляет готовность

занять неоплачиваемую должность депутата дворянства. Истинная причина такого «бескорыстия» выяснится не сразу, а позже по ходу пьесы. В иерархии выборных служб для Беззубова первое место занимает уездный предводитель дворянства. Обсуждение вопроса о достойном кандидате на эту должность стоит привести полностью:

«Беззубов.

Ох, этот вопрос разрешить весьма трудно. Старый предводитель наш слишком стар и совестен; Разгуляев слишком богат и не пособит ни одному ближнему за взятки; эти же гг. Ученовы, эти лицейские или университетские воспитанники тоже не по нутру мне: они всё знают, сами во всё входят, обо всём судят и рядят, а секретарь, или письмоводитель, ни почем у них; с ними же не сторгуешься ни как, когда случится дело казусное...

Истуканов.

Да кого же повелите, ваше высокоблагородие?

Беззубов.

Всего бы лучше, по моему мнению, выбрать полковника Лова.

Уланов.

Да он безграмотный вовсе.

Истуканов.

Ей, ей, ни читать, ни писать, не сведущ, ваше высокоблагородие.

Беззубов.

Эх беда какая! Когда судья может быть полу-грамотным, то предводитель и подавно может быть совершенно неграмотный. — Ему полагаются письмоводитель; так разве даром он будет платить ему жалованье из собственного кармана? — Нет, приготовь-ка всё, что следует, а предводителя дело написать: Лов, — да и только. А четыре буквы нарисовать не трудно, и он выучит их скоро; — я за него ручаюсь вам.

Истуканов.

Слушаем. Предводителем его высокоблагородие г. полковник Лов.

Беззубов.

Но нет, — погодите! Если мы не выберем Прозоркина, то все наши труды и затеи пропащи. — Он с своими родными имеет 4 шара; — и он имеет большой вес, и заслуживает общее уважение и доверенность у всего уезда. — Да притом, что всего для нас опаснее, тогда и вновь проектированная дорога устроится без всяких препятствий.

Беловласов.

Да! Это как раз случится тогда, к нашему общему убытку.

Беззубов.

Признаюсь — друзья мои! — мне досадно, что г. Прозоркин и умен, и учон, и деятелен... но так и быть! — И вы не забудьте только того, что он мне приходится сродни. А свой своему поневоле друг. — Не правда ли?

Истуканов.

Вестимо, заподлинно, сущая истина!

Беловласов.

Так быть предводителем Прозоркину?

Беззубов.

Да! — кандидатом по нем — майору Мошке и соседу его Терёшке; тебе — судьеою; кандидатами, Банкротину и Мотину; Уланову — исправником, кандидатами — Собачникову и Скачникову; Истуканову — местным членом; а Молодейкину 1-му — депутатом дворянского собрания, (дает записку) вот вам о том записочка для памяти!»¹⁴

Оставшись один Беззубов, произносит монолог, из которого видно, как сильно он тяготится своим вынужденным бездействием:

«Вот до чего я дожил на старости: бывало прежде, на дворянских выборах я исполняю, устраиваю, улаживаю сам собою всё то, что мне нужно; ... а теперь я должен возить на свой счет целую труппу, и от ихних только трудов ожидать желаемого успеха. — Но нет, нет — поспешим с визитами».

Эти визиты к губернатору, губернским чиновникам и давним знакомым в сущности не влияли на исход выборов по уезду, но были необходимы для поддержания связей в кругах губернского управления и местного общества. Однако визиты закончились полным разочарованием Беззубова, в чем он сообщает племяннице:

«Ах, — какая разительная разница быть предводителем дворянства или же состоять под уголовным судом! — Поверишь ли, моя милая! Самые ближайшие мои знакомые, коих я считал задушевными приятелями, теперь едва узнают меня, а некоторые и не приняли вовсе!...»¹⁵

Куда загадочнее фраза о труппе, которую он возит за свой счет. Упомянутая четверка «запасных» приехала сама, никаких разговоров с ними об оплате не велось. Но дворяне, оппозиционно настроенные к Беззубову, твердо убеждены в наличии у него «шайки» запасных. Из пьесы эта проблема с «труппой», к сожалению, не проясняется. Вероятно, денежная плата им и не была предусмотрена.

Вполне возможно, что они лишь жили в губернском городе на счет Беззубова, у которого и столовались. Если бы только в этом — пожить на чужой счет в губернском городе, ежедневно просиживая несколько часов в душных прокуренных залах дворянского собрания, и состоял их интерес, то едва ли они бы «летели, сломя голову, двое суток сряду». Тогда им было куда полезнее остаться в своем усадебном доме на удобном диване. Так в чем же была их выгода, заставившая совершить утомительное зимнее путешествие? «Запасным» за поддержку кандидатов, названных им «протектором», были обещаны должности по дворянским выборам.

Кроме того в комедии Брайкевича появляются и другие новые приметы времени, которых не было у Квитки. Так, дворяне, противостоявшие «шайке» Беззубова, действуют гласно и готовы опротестовать итоги голосования. Вот что рассказывает об этом патрону Уланов:

«Едва ушел г. Беловласов и прочие наши товарищи, как вдруг г. Риев, г. Одноглазов, Кучеряев и другие их приятели начали кричать во всю залу: “Возможно ли? Как! Во все места мы посадили родственников! Неужели мы должны действовать здесь так, как в комедии *Дворянские выборы*? (курсив мой. — А.К.) Неужели г. Беззубов, привезши сюда целую шайку дворян запасных, которых кормит и поит, и возит на свой счет, должен располагать нами и всем уездом? Да и кто их сделал уполномоченными? Кто подписал список о предварительных выборах? Те же самые, которые избирали себя. Мы предварим о [том] губернского предводителя и г. военного губернатора. Но всего досаднее нам этот Истукан, или Истуканов... Он, кроме того, что глуп и безграмотной, еще замешан, как говорят, в разных мошеннических и воровских делах; так возможно ли допустить его быть начальником в нашем земском суде?” Вот точь в точь слова их!»¹⁶

Если вдуматься в смысл претензий «бунтовщиков-дворян» (выражение Беззубова), то все они безосновательны. Доказать, что Беззубов возит «шайку» запасных на свой счет, невозможно. На уездных выборах, проводившихся за три месяца до губернского дворянского съезда, уполномоченных от участков, образованных мелкопоместными дворянами, избирали сами мелкопоместные, поэтому нет нечего противозаконного, что их подписи стоят под баллотировочными списками. Возможно, что выборы уполномоченных прошли с нарушениями, но собрание предводителей и депутатов дворянства допустило их с правом голоса на губернский съезд дворянства. Равно как допустило и Истуканова, о котором никто не утверждал, что он был или находится под судом. А неблагоприятные слухи о нем — это всего лишь слухи. Что же до подозрений в пре-

ступной деятельности, то хотя формально возможность отстранить его у дворянского собрания была, но практика удаления из дворянского собрания или не утверждения губернатором в должности лиц, замеченных в «явном пороке», не встречала поддержки в Петербурге. Претензии об избрании родственников также не основательны: в законе речь идет об одном присутственном месте, а братья Молодейкины избирались в разные места. В тексте пьесы заявление о родственных отношениях избранных в должности не подкреплены ни чем. Следовательно, все претензии «бунтовщиков» не обоснованы формально, а сводятся к известной фразе Репетилова из «Горя от ума» Грибоедова «Шумим, братец, шумим...». Однако это гласное (публичное) недовольство оппонентов вызвало панику среди победителей:

«Беззубов.
Это ужасно!

Беловласов.
И весьма, и очень пре-опасно.

Молодейкин 1-й.
Пожалуй, г. Риев с приятелями наделают такой кутерьмы, что все наши выборы полетят к черту.

Молодейкин 2-й.
Ничего нет мудрёного: от них как раз это станется.

Истуканов.
Слушаю: так точно!»

Итак, все кроме Истуканова, который и служить особенно не рвется, и вообще плохо понимает, о чем идет речь, обеспокоены возможным протестом дворян уезда, недовольных исходом выборов. А выборы могли «полететь к черту», как выразился один из братьев Молодейкиных, в том случае, если бы Сенат отменил итоги выборов из-за массового допуска на них лиц, не имевших права голоса. В данном случае такой исход был бы маловероятен. Но «партийные» единомышленники напуганы и тут же приносят в жертву Истуканова, чтобы смягчить недовольных дворян:

Беззубов.
Не робейте, друзья мои! По долгом размышлении, я полагаю, что стоит только уничтожить Истуканова, то мы успокоим легко всех дворян наших.

Уланов.
И я то же думаю.

Беловласов.
И я также.

Молодейкин 1-й.
О, это верно!

Молодейкин 2-й.
Он один всему причиною.

Истуканов, видя такое трусливое единодушие своих недавних товарищей, стойко перенес их предательство и готов отказаться от должности:

«Так что ж? вы думаете, что я испугался? Разве не сидевши за красным столом нельзя вести коммерцию с ворами и бродягами? Да для меня гораздо лучше и выгоднее: не ломавши голову над этими проклятыми бумагами, я сделаю, сидевши дома, все то, что мне нада»¹⁷.

В результате этого «партийного» сговора, Беззубов и его соратники, пожертвовав фигуру (Истуканова), выигрывают партию. Вот в этом-то и состоит принципиальное отличие «Добавления» от пьес Квитки, «неблагоденственные» персонажи которых терпят поражение. Порок торжествует, Беззубов снова на коне и электоральная коррупция побеждает. И, между прочим, цензура пропустила творение Брайкевича! Данный факт, как и внимание к пьесе генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии графа М.С. Воронцова и его супруги, несомненное свидетельство изживания в обществе иллюзий об оздоровлении моральной обстановки на дворянских выборах.

Еще одно важное различие между Брайкевичем, с одной стороны, и Квиткой и Бегичевым, с другой, — образы отставных офицеров. Впервые в русской литературе о выборах с ними не связаны надежды на лучшее будущее этого института. Именно из офицеров состоят «запасные». Все они корыстолюбивые, алчные, бесчестные, циничные, необразованные, а полковник Лов, которого едва не выбрали предводителем, и вовсе неграмотный. А венчает эту славную компанию бывших военных отставной прапорщик Истуканов — вор и скупщик краденого. Все эти беспринципные отставные офицеры легко вступили в электоральную коалицию с помещиками старшего поколения и с дворянами из приказных. Им противостояло меньшинство, состоявшее из богатых и образованных помещиков.

Именно с этим меньшинством и связаны ожидания автора «Добавления», который хотя и сам служил в армии, но из «учоных».

Таким образом, Брайкевич не только разработал новые сюжетные ходы темы «дворянство и выборы», но и, вступив в литературно-публицистическую полемику с Бегичевым и отчасти Квиткой, разбил их иллюзии на возможность оздоровления обстановки в провинции с помощью привлечения к выборам «правильного» электората. Если для Квитки, писавшему свои пьесы накануне электоральной реформы, эти иллюзии простительны, то Бегичев откровенно лакировал действительность, выдавая черное за белое. Более того, Брайкевич показал, что по-прежнему неорганизованным благонамеренным избирателям крайне трудно победить на выборах, а побеждают хитрые и циничные коррумпированные дворяне, не брезговавшие ничем ради создания своих «партий». И никакие губернаторские запреты или решения дворянского депутатского собрания не в силах помешать им добиться на выборах своих целей. Вызывает удивление лишь то обстоятельство, что пьеса получила одобрение в 1841 г, когда свирепствовала театральная цензура. Ужесточение цензуры на рубеже 30—40-х годов XIX в., учитывая благоприятный для николаевской России внутренний и европейский контекст, было уникальным. Правда, в III Отделении придерживались иного мнения. В «Нравственно-политическом отчете за 1839 год» ситуация оценивалась как тревожная: «Никогда правительство не было в столь строгой необходимости напрягать все свое внимание на распространившееся в Европе желание к перемене порядка вещей, которое чрез путешествие русских подданных за границу и иностранцев в наши пределы как равно и чрез посредство облегченных сообщений и торговых сношений, проникает отчасти и в Россию»¹⁸. В соответствии с такими представлениями «высшей полиции» в 1838 г. из рассмотренных в цензуре 659 пьес не получили одобрения 9%, а в 1840 г. — уже 17%¹⁹.

Едва ли А.И. Герцен читал «Добавление к Дворянским выборам» Брайкевича, но в литературно-публицистической полемике о влиянии избирательной реформы 1831—1832 гг. на дворянские выборы, он оказался рядом с ним. В романе «Кто виноват?», над которым писатель работал в 1841—1845 гг., дворянские выборы находятся вне времени и пространства.

«В***, — впрочем, нет никакой необходимости астрономически и географически точно определять место и время, — в XIX столетии были в губернском городе NN дворянские выборы». Это не просто описание типической ситуации общественного быта того времени.

Дворянские выборы у Герцена — это универсальная категория провинциального бытия, повторяющегося и неизменного: «...три года часть этих людей не видалась и с тяжелым чувством замечала, глядя друг на друга, умножение седых волос, морщин, худобы и толщины; те же лица, а будто не те: гений разрушения оставил на каждом свои следы; а со стороны, с чувством, еще более тяжелым, можно было заметить совсем противоположное, а эти три года так же прошли, как и тринадцать, как и тридцать лет, предшествовавшие им...»²⁰.

А.И. Герцен на этом не останавливается, он идет дальше, создавая небольшую, но выразительную галерею участников выборов. Из завсегдаев выборов Герцен ненадолго поместил на первый план двух странных персонажей, стоявших на разных полюсах иерархии дворянского общества: отставного генерала Хрящова и отставного корнета Дрягалова. Писатель знакомит читателя с последним в момент, когда тот «украшал пунцового цвета занавесами окна своей квартиры, нанятой на последние деньги». Отставной корнет — карточный игрок, но не шулер. Карты для него не средство наживы, но образ жизни: «он ездил в пять губерний на все выборы и на главные ярмарки и нигде *не проигрывался*, несмотря на то, что с утра до ночи играл в карты, и не наживался, несмотря на то, что с утра до ночи выигрывал». Еще более колоритен и одновременно более чудакват генерал Хрящов, «славившийся музыкантами, богач, наездник, несмотря на 65 лет, был налицо; он являлся на выборы давать четыре бала и всякий раз отказываться болезнью от места губернского предводителя, которое всякий раз предлагали ему благодарные дворяне».

Поведение старого генерала не поддается рациональному объяснению. Во-первых, по достижении 60 лет дворянин имел свободу от участия в выборах. Разумеется, в выборах участвовало немало дворян, перешагнувших этот рубеж, но у них, как правило, были свои интересы: они либо хотели занять должность, либо провести своих людей. У Хрящова такой мотивации участвовать в выборах не было. Его поступки — это, прежде всего, символический жест. Он ездил на выборы ради ритуала, демонстрируя свою приверженность дворянской корпорации, и отчасти для светского общения. Во-вторых, балы давались по обязанности высшими должностными лицами губернии: генерал-губернатором, если губерния входила в генерал-губернаторство, губернатором, губернским предводителем дворянства. Иногда балы для публики устраивались откупщиком и богачейшими помещиками, заинтересованными в избрании главы губернской корпорации. Давать 4 бала во время выборов — дело и разорительное, и бессмысленное, и даже оскорбительное для губернатора и других представителей местной элиты. 4 бала — это, несом-

ненно, гипербола. Во всяком случае, поведение генерала Хрящова, тешившего свое самолюбие лишь предложением дворян послужить губернским предводителем, это большое чудачество. По крайней мере, на взгляд современного историка. В повести Герцена, по мнению большинства персонажей, живущих в губернском городе или прибывших туда на выборы, по-настоящему странно ведет себя не старый генерал и ветеран многих электоральных губернских кампаний Хрящов, а их новичок — главный герой повести Владимир Бельтов. Бельтов молод, образован, богат, служил ранее в Петербурге, а возвращается на родину из-за границы специально для выборов. Едва вступив на тротуар губернского города, он становится в глазах публики чудачком и большим оригиналом. «Во всем этом было чрезвычайно много непонятого для NN-ских жителей. Что за странное предпочтение губернской службы столичной? Что за странное предпочтение службы по выборам? Потом: Париж — и дворянское депутатское собрание, 3000 душ — и чин губернского секретаря...»²¹.

Готовность Бельтова служить по выборам, его независимость вызывают дружное отторжение и у помещиков, и у чиновников. «Все меры были взяты добрыми NN-цами, чтоб на выборах прокатить Бельтова *на вороньих* или почтить его избранием в такую должность, которую добровольно мудрено принять»²². Впрочем, у Герцена выборы — это мотив появления в провинциальном губернском городе его экстравагантного героя — откровенно лишнего там человека. Одновременно выборы служат задником театральной сцены. Однако без этого задника городской пейзаж, на фоне которого завязывается любовная драма, был бы нестерпимо скучен и однообразен.

Резюмируя отражение дворянских выборов в беллетристике 1830—1840-х годов, можно констатировать, что в эти годы нашлись как адепты электоральной реформы (Бегичев), так и ее принципиальные критики (Брайкевич). При этом сами выборы, исключая пьесу Брайкевича, оставались на обочине литературных произведений. Даже А. Чуровский (представитель низовой литературы, как его характеризуют литературоведы) в «характеристической картине» «Дворянские выборы» (1834 г.), в центре своего произведения помещает любовную интригу, возникшую между молодой супругой одного из уездных предводителей дворянства и молодым гвардейским офицером. И все же, благодаря произведению Чуровского, писанному, по словам В.Г. Белинского, «суконными стихами», у нас есть надежно датированный источник о посещении дворянками выборов: «Другие глаз не сводят с хоров, // где верных множество супруг // И дочек их сантиментальных»²³. Так, женщины-дворянки впервые появляются на страницах русской литературы в качестве публики на выборах. Другой гендерный аспект выбо-

ров — дворянки (помещицы) как часть электората, передававшего свои голоса мужчинам-избирателям, не получил освещение в беллетристике 30—40-х годов XIX в. Вероятно, этот аспект, его значение в деле борьбы дворянских «партий» еще не был активно освоен в первые годы выборов по новому положению не только литераторами, но и непосредственными участниками электорального процесса.

Среди авторов, разрабатывавших тему дворянских выборов, лишь Брайкевич ознакомил публику с закулисной стороной выборов. Ему удалось убедительно показать, что все надежды властей и общества на благотворное влияние электоральной реформы 1831—1832 гг. оказались несостоятельны. Герцена борьба на выборах, их скрытые пружины не интересовали. Однако созданные им образы участников выборов и особенно ироничная реплика в адрес нравов, царивших на дворянских выборах, где нет места честным и благонамеренным людям, звучали для внимательного читателя приговором и выборам, и всему дворянскому сословию.

¹ Видок Фиглярин: письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 434.

² *Бегичев Д.Н.* Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян. — М., 1832. — Ч. 1. — С. XXXII—XXXIII.
³ *Его же.* Семейство Холмских. — Изд. 3-е. — М., 1841. — Ч. 6. — С. 238.

⁴ Россия под надзором: отчеты III Отделения, 1827—1869. — М., 2006. — С. 133.

⁵ *Бегичев Д.Н.* Семейство Холмских. — Изд. 3-е. — Ч. 6. — С. 238—239.

⁶ *Его же.* Провинциальные сцены. — СПб., 1840. — С. 6.

⁷ Там же. — С. 134.

⁸ Там же. — С. 113.

⁹ *Загоскин М.Н.* Искуситель. — Изд. 2-е. — М., 1854. — Ч. 1. — С. 54—55.

¹⁰ Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Импер. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. — СПб., 1908. — Т. 3. — С. 319.

¹¹ *Брайкевич Д.И.* Добавление к Дворянским выборам: комедия-водевиль: в 1 действии, сочиненная автором «Цапцарапкина». — Одесса, 1842. — С. 4—5.

¹² Там же. — С. 6.

¹³ Там же. — С. 11—12.

¹⁴ Там же. — С. 13—15.

¹⁵ Там же. — С. 35.

¹⁶ Там же. — С. 54—55.

¹⁷ Там же. — С. 56—57.

¹⁸ Россия под надзором. — С. 194.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 109. — Оп. 223. — Д. 3. — Л. 196—196 об.; Д. 5. — Л. 86 об.—87.

²⁰ *Герцен А.И.* Кто виноват? // Собрание сочинений: в 30 т. — М., 1955. — Т. 4. — С. 37.

²¹ Там же. — С. 72.

²² Там же. — С. 123.

²³ *Чуровский А.* Дворянские выборы: характеристическая картина: в 4 главах. — М., 1834. — С. 1.

М.Г. Вандалковская

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА — ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭМИГРАЦИИ В 1920—1930-Е ГОДЫ

Статья посвящена роли русской литературы в жизни российской эмиграции, проблеме сохранения национальной идентичности нашими соотечественниками, высланными или вынужденными покинуть Россию после революции 1917 года. Особое внимание уделяется истории проведения в Европе «Дня русской культуры», регулярно проводившегося в 17 странах и ставшего национальным праздником эмиграции.

Ключевые слова: Россия; эмиграция; культура; литература; национальная идентичность.

M.G. Vandalkovskaya

Russian literature — a cultural agent in the preservation of national identity in emigration in 1920—1930*

This article focuses on the role of Russian literature in the life of Russian emigration, more specifically — on the problem of preserving the national identity by the compatriots expelled or forced to leave Russia after the revolution of 1917. Particular attention is paid to the history of the “Day of Russian Culture” held in Europe, which was held regularly in 17 countries and became a national emigration holiday.

Keywords: Russia; emigration; culture; literature; national identity.

Русская эмиграция, состоящая из высланных или вынужденных оставить свою страну после революции 1917 года, имела огромный потенциал интеллекта, культуры и веры в духовно-нравственные ценности России.

Однако трудности адаптации (поиски жилья, устройство на работу), осознание потери Родины и привычного уклада жизни, отсутствие перспективы в скором времени возвратиться в Россию погрузили многих эмигрантов в состояние пессимизма и моральной подавленности. К этому добавлялась привычная для России бурная и разноречивая политическая жизнь.

Осевшие в эмиграции представители разных политических ориентаций — монархисты, либералы разных оттенков, социал-демо-

краты — по-своему мыслили о России, оценивали ее прошлое, настоящее и будущее.

Попытки со стороны политических деятелей, в частности П.Б. Струве и П.Н. Милюкова, сплотить эмиграцию в противобольшевистской борьбе и придать ей веру в свою жизнеспособность не увенчались успехом. Струве ратовал за возрождение монархизма, консерватизма, Милюков — за установление республики и демократических свобод. Противоречия касались и условий создания противобольшевистского союза в эмиграции: Струве — за сплочение представителей всех политических направлений, Милюков — за объединение только демократических сил.

Разногласия политических деятелей по кардинальным вопросам жизни и соответственно политического поведения эмиграции не консолидировали, а только углубляли разобщенность в эмигрантской среде и вызывали неверие в возможность политического решения всех насущных проблем¹.

Но при всех сложных и разноречивых ощущениях у большинства эмигрантов преобладало одно неистребимое чувство принадлежности к России и тревоги за ее судьбу. Это чувство единения с Россией являлось главным, что связывало эмиграцию с Родиной.

«Эмиграция, — отмечал Милюков, — великая школа национального чувства. Чувство своего особенно ярко вспыхивает, соприкасаясь с сознанием того чужого, которое нас окружает»².

Мыслящая эмиграция все более осознавала, что реализовать духовную связь с Россией возможно только на почве русской культуры.

«В год лихолетья, тончайших различий в политических планах на будущее — одна задача, — проницательно замечал известный русский историк-эмигрант А.А. Кизеветтер, — поддерживать в наших душах “неугасимый светильник нашего национального сознания”»³.

Обращение эмиграции к русской культуре, к русской литературе означало осознание общности с Россией, сохранение ее национальных традиций (культура, язык, наука, моральные принципы поведения), а также выполнение высокой эмигрантской миссии — знакомства Европы с духовно-нравственными российскими ценностями. Так возник «День русской культуры», ставший национальным праздником эмиграции.

«День русской культуры» проводился в 17 странах, где находились русские эмигранты, с 1925 по 1932 г. Празднества приурочивались к дню рождения Пушкина. Имя Пушкина стало символом этого национального праздника не случайно.

Пушкин олицетворял величие России и явился «непреложным свидетельством единой России» и, как и Петр I, пророком, объ-

единяющим не только эмиграцию с Россией, но и Россию с Европой и Азией. «Богоозаренность» Пушкина определяла, как считал И.А. Ильин, его всемирное признание. Пушкин, по словам Мережковского, являлся грозным знаменем всем врагам Свободы России. «Он — огненный столп, ведущий нас в пустыне изгнания на Родину»⁴.

Особый интерес к Пушкину обозначился еще до образования «Дня русской культуры». Эмиграция готовилась к признанию великого поэта своим национальным кумиром. Это выражалось в чтении лекций в собраниях писателей, ученых в различных литературных объединениях и учебных заведениях. Лекции о Пушкине читали писатели А.И. Куприн, И.А. Бунин, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, общественные деятели и политики П.Б. Струве, П.Н. Милуков, литераторы М.Л. Гофман, К.В. Мочульский, историки Е.Ф. Шмурло, Г.В. Вернадский, правоведы С.В. Завадский, И.И. Лапшин, критики и журналисты Ю.К. Терапиано, Ю.И. Айхенвальд и многие другие⁵. В 1920-е и 1930-е годы публиковались и многочисленные книги о Пушкине. Подобное внимание к творчеству Пушкина являлось свидетельством осознания его особой роли в решении проблем духовной жизни эмиграции.

Торжественное открытие «Дня русской культуры» состоялось 8 июня 1926 г. в Сорбонне. Председателем этого мероприятия стал В.А. Маклаков, бывший посол России во Франции, председатель Русского эмигрантского комитета при Лиге наций. Русским людям, оказавшимся в эмиграции, «нужно ощущать, — говорил он на этом заседании, — что Россия существует...», что они ее граждане. «Символ национального праздника найдем не в событиях русской истории, а в событиях русской культуры. В этом лежит особый и глубокий смысл. Пропадали государства, но сохранялась культура и государственность возрождалась...». Чтобы культура осталась русской, а не эмигрантской, продолжал он, «надо держать связь с нашей прошлой культурой; через нее мы связаны и с Россией. И эмигрантская жизнь и то, что сейчас творится в России суть одинаково последствие прошлого. Через это прошлое и мы воссоединимся между собою... День национального праздника является таким образом для нас не только воспоминанием, надеждой, но и призывом»⁶.

Это выступление Маклакова не только объемно раскрывает содержание национального праздника русской культуры, но и характеризует одного из его основателей, принадлежащим к этой культуре.

Об огромном значении для эмиграции проведения «Дня русской культуры» говорили и писали многие представители эмигрантской элиты.

Днем обостренных национальных переживаний и «подведением инвентаря русского национального богатства» называл этот праздник Милоков. «Мы празднуем нашу культурную традицию, — говорил он. — Это не мертвое бытопоклонство, культура не быт, не этнография. Она творческое начало в этом быте. То, что превращает этнографическую массу в живую и сознательную нацию»⁷.

Ярко выразил свое представление о Дне русской культуры историк, ученый корреспондент Императорской Академии наук в Риме, один из основателей и председатель Русского исторического общества в Праге Е.Ф. Шмурло. «У нас есть свои сокровища, — писал он, — плоды духовного творчества русского народа, проза, поэзия, музыка и живопись». Цель Дня русской культуры состоит в том, чтобы: «в одних освежить, в других заново посеять сознание нашей русскости, указать на те вечные ценности, которыми мы владеем — наше неотъемлемое достояние»⁸. Пушкин, таким образом, стал скрепляющим фактором единения эмиграции и осознанием ее органического единства с Россией и ее культурой.

Чествование Пушкина в 1930-е годы во Франции являлось по существу продолжением «Дня русской культуры» и приобрело новый размах и формы проведения.

В феврале 1935 г., в преддверии столетней годовщины гибели Пушкина, в Париже был создан Центральный Пушкинский комитет, проработавший более двух лет. Одним из вдохновителей создания этого Комитета был эмигрант, известный танцовщик, балетмейстер, в 1930-е годы первый солист Большой Парижской оперы, фанатичный поклонник Пушкина С.М. Лифарь, ставший и историографом этого Комитета. Цель создания Комитета состояла во «всемирном прославлении Пушкина», в необходимости познакомить Европу и особенно Францию с гением Пушкина, так как французская общественность мало была знакома с творчеством великого русского поэта.

Во главе Комитета стоял В.А. Маклаков, состоявший председателем «Дня русской культуры». Его товарищами стали всемерно известный писатель, лауреат Нобелевской премии И.А. Бунин, сохранивший лидерство кадетской партии в эмиграции П.Н. Милоков и государственный и общественный деятель, кадет М.М. Федоров. Генеральным секретарем был назначен историк литературы, критик и переводчик Г.Л. Лозинский. Членами Комитета состояло 60 человек. Среди них М. Алданов, А.Н. Бенуа, М.Н. Германова, А.В. Карташев, С.В. Рахманинов, М.А. Пушкин (внук поэта), Ф.И. Шаляпин и др. В Комитет входили и французы, в частности Франсуа Мориак, Поль Валери, Поль Буайе, Жюль Легра, Эмиль Оман и др.

Следует отметить, что активное кадетское руководство Комитета в лице Милюкова и Федорова оказало влияние на формирование состава его эмигрантской части. Несмотря на утверждения об объективности и надклассовости Комитета, в него не были включены представители всех эмигрантских течений. За бортом Комитета остались, например, такие крупные мыслители и почитатели Пушкина, как П.Б. Струве, И.А. Ильин, Г.П. Федотов.

Центральный Комитет в Париже помогал созданию местных Пушкинских комитетов: рассылал выработанную им программу чествования Пушкина, речи Тургенева и Достоевского при открытии в 1880 г. памятника Пушкину, статьи о нем французских писателей Проспера Мериме, Эмиля Омана, Жюль Легра, переводы Пушкина на французский язык, статьи русских писателей, партитуры и ноты опер и романсов на пушкинские темы. Формы работы Комитета были разнообразны: содействие публикации произведений Пушкина и трудов о нем, организация выставки о жизни и творчестве поэта, его современниках, музыкальная программа из произведений Пушкина, помощь его потомкам.

Вышло в свет однотомное собрание сочинений Пушкина по доступной для эмигрантской молодежи цене. Редколлегия этого издания в составе пушкинистов М.Л. Гофмана и Н.К. Кульмана, А.В. Тырковой-Вильямс, В.Ф. Ходасевича, Г.Л. Лозинского работала под руководством И.А. Бунина. Готовилось издание собрания поэтических произведений Пушкина.

Широко распространялись отпечатанные открытки с портретом Пушкина художника О.А. Кипренского, выполненные А.Н. Бенуа и Г.Г. Черкасовым.

Лифарь подготовил и издал под эгидой Пушкинского комитета «Путешествие в Арзрум» (1934 г.) и «Письма Пушкина к Н.Н. Гончаровой» (1935 г.). Публикация «Писем...» сопровождалась посвящением Лифаря: «Прекрасной и свободной Франции труд о Русском гении». Финансовые возможности он обеспечивал «своей артистической репутацией, своим трудом, выступая не только в Парижской опере, но и в концертах и турне». «Здоровье и ноги не подвели, — писал он, — рисковал, играя азартно, — по Достоевскому, — играл с Судьбой... И мне везло. Я выигрывал».

В 1937 г. было осуществлено юбилейное издание «Евгения Онегина» со статьей Лифаря «Герои Евгения Онегина» и ряд других статей.

К юбилейным изданиям относились «Пушкин — Дон Жуан» (подготовленное М.Л. Гофманом) и др.⁹

Пушкинский Комитет активно помогал членам большой семьи Пушкина. В 1937 г. трою правнуков и праправнуков были приняты

на стипендию, была учреждена стипендия имени Пушкина для внука Л.Н. Толстого и оказана материальная поддержка двум внукам Пушкина, жившим за границей.

Выставка «Пушкин и его эпоха», организованная усилиями С. Лифаря, стала событием Парижа: богатство и разнообразие ее экспонатов знакомили французов со средой Пушкина, помогали проникнуть в мир пушкинской эпохи.

По воспоминаниям Лифаря, подготовка выставки сопровождалась сложностями политического характера. Министр народного просвещения Жан Зей, соблюдая дипломатический этикет, предложил Лифарю назначить главой выставки советского посла во Франции В.П. Потемкина. Лифарь категорически отказался. «Лифарь, — закричал он мне вдогонку, — приготовьте ваш паспорт! Господин министр, — ответил я ему, — не только паспорт у меня готов, но и мои чемоданы. И я вышел». Инцидент был исчерпан, но Национальная библиотека как место выставки проведения была запрещена. Тогда Лифарь снял большой холл в зале Плейель, подписал контракт, внес плату вперед и занялся оборудованием выставки, обратившись через печать к зарубежной публике и эмиграции пополнить выставочный фонд экспонатов. В этом обращении он писал: «Россия имеет своего бога, своего Аполлона: Пушкин наиболее вдохновенный из всех, сумел зажечь сердце народа. Я почитаю Пушкина — вдохновителя моей жизни. Его мудрость меня обогащает, приносит и счастье моим созданиям»¹⁰. В оформлении выставки принимали участие А.Н. Бенуа, пушкинисты М.Л. Гофман и Н.К. Кульман, кн. С.М. Волконский, Н.С. Трубецкой, художники Д.М. Бушен, Л.С. Бакст, К.А. Коровин, Н.С. Гончарова (правнучка Н.Н. Гончаровой) и др. Помощь в организации выставки оказывали и французы, в частности семья Жюльена Кэна, директора Парижской Национальной библиотеки, поэт Жан Кокто создал эскиз афиши для выставки.

Экспонатами выставки были картины В.Л. Боровиковского, О.А. Кипренского, К.П. Брюллова, А.О. Орловского, П.А. Федотова, рисунки, рукописи первых произведений Пушкина, фарфоровые изделия, столовое серебро, мебель карельской березы, ковры, шелк. Здесь находились и миниатюры портретов Пушкина, работы В.А. Тропинина, портрет Жуковского на диване за чтением, рисунки Пушкина, Сибирский альбом зарисовок декабристов В.Л. Давыдова и А.В. Поджио. Особое внимание привлекала реликвия — подлинные пистолеты, на которых происходила дуэль Пушкина и Дантеса.

Выставка воссоздавала не только атмосферу, в которой жил и творил Пушкин, но и демонстрировала экспонаты, рассказы-

вающие о русской культуре после Пушкина, а также издания, связанные с юбилейными датами Пушкина в Париже, в других странах и в СССР. В залах выставки игралась «пушкинская» музыка — М.И. Глинка, П.И. Чайковский, М.П. Мусоргский, И.Ф. Стравинский. Выступали с лекциями на «пушкинские темы» М.Л. Гофман, А. Ремизов, Н. Кульман, художник М. Добужинский. Читался Пушкин.

Значительной была и специально подготовленная программа пушкинских торжеств. Исполнялись сцены из опер «Русалка» А.С. Даргомыжского, «Руслан и Людмила» М.И. Глинки, балетные интермедии из этих опер в постановке Лифаря с участием учениц балетных студий М.Ф. Кшесинской, Л.Н. Егоровой, О.И. Преображенской. В отрывке из балета «Спящая красавица» Чайковского Лифарь танцевал с солисткой Парижской оперы Лисетт Дарсонваль¹¹.

16 марта 1937 г. состоялось торжественное открытие выставки. У входа, на лестнице и в фойе выстроилась национальная гвардия в парадной форме. Присутствовал «весь Париж» — министры, дипломаты, художники, литераторы, музыканты; весь «Русский Париж», в том числе звезды академического балета «Большой Национальной Парижской Оперы». На открытии выставки присутствовали родственники Пушкина, жившие во Франции и Бельгии. Честь открытия выставки была предоставлена внуку поэта Н.А. Пушкину. Он поблагодарил организаторов торжества в память его великого деда, национального гения России, и за то, что «вся Европа, весь мир воздает ему почести»¹².

«На выставке, — вспоминал Лифарь, — можно было повидаться и побеседовать с потомками Дантеса, Керн, Дениса Давыдова, Плетнева, Пушина, Дельвига, Щербинина, Воронцова»¹³.

В памяти Лифаря запечатлелись и посетители выставки, особенно Шаляпин. Лифарь рассказывал о том глубоком впечатлении, какое произвел Шаляпин, «когда он вполголоса напел мелодию на слова Пушкина. Едва уловимое “пианиссимо” акафиста Пушкину все присутствовавшие слушали с напряженным вниманием»¹⁴.

По инициативе Лифаря Большая Парижская опера также отмечала столетие смерти Пушкина исполнением оперы «Борис Годунов», в которой танцевал Лифарь.

По окончании работы выставки состоялось чествование Лифаря. В адресе преподнесенному ему, подписанным В.А. Маклаковым, И.А. Буниным, М.М. Федоровым и всеми членами Комитета, отмечалась огромная заслуга артиста в прославлении имени Пушкина. «Вы, Сергей Михайлович, — говорилось в адресе, — не забыли своей кровной связи с Россией и с русским народом и культу величай-

шего русского гения себя всецело посвятили. В этом Пушкинском служении здесь, вне Русской земли, перед лицом иностранцев, вы сумели добиться прямо поразительных результатов, побудив многошумный, живущий иными помыслами Париж заинтересоваться великим творчеством Пушкина среди тревог и забот, обуревающих сейчас мир»¹⁵.

Представляет интерес и сохранившийся у Лифаря автограф Бунина — отклик на чествование Пушкина: «Пушкинские торжества. Страшные дни, страшная годовщина — одно из самых скорбных событий во всей истории России, что дала Его. И сама она, — где теперь, эта Россия?

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.
О, если б узы гробовые
Хоть на единый миг земной
Поэт и Царь расторгли ныне.

Ив. Бунин»¹⁶.

По окончании работы Пушкинского комитета Лифарю была преподнесена золотая медаль с изображением Пушкина.

Деятельность Центрального Пушкинского Комитета в Париже в 1935—1937 гг. имела огромное культурное значение. Эмиграция знакомила страну, приютившую ее, со своим национальным поэтом и вносила огромный вклад России в мировую культуру.

По свидетельству С.М. Лифаря в год столетия смерти Пушкина его чествовали в пяти частях света: в Европе — в 24 государствах и в 170 городах, в Австралии — в 4 городах, в Азии — в 8 государствах и в 14 городах, в Америке — в 6 государствах и в 28 городах, в Африке — в 3 государствах и в 5 городах, а всего в 42 государствах и в 231 городе¹⁷.

Представленная картина юбилейных торжеств в честь Пушкина, как величайшего гения русской литературы, не может быть полной без рассмотрения статей о нем, созданных в эмиграции.

Авторами этих статей были писатели, общественные деятели, политики, историки, философы, литературоведы, публицисты, журналисты и т.д. Статьи многочисленны и различны по содержанию. К рассмотрению в данной работе привлекаются статьи, раскрывающие значение Пушкина для мировой и русской литературы, мировоззренческие аспекты, политические, исторические взгляды и заветы Пушкина будущим поколениям. Характерной особенностью этих статей является то, что в них за Пушкиным всегда незримо

присутствует Россия: Россия прошлого, которое эмигрантам было дорого, Россия настоящего, с которым им не по пути, и Россия будущего, в которую, выполняя заветы Пушкина, они верили.

О мировом значении Пушкина писали многие эмигранты. «С Пушкиным, — говорил в своей речи по поводу 100-летней годовщины смерти поэта известный церковный деятель А.В. Карташев, — мы стали повелительно, необратимо великим народом, как англичане с Шекспиром, немцы с Гете, итальянцы с Данте, французы с Паскалем и Вольтером. Пушкин — печать нашего величия и равноправия в среде мировой, христианской по корню, культуры. С Пушкиным наш язык как-то сам собою, с царственным достоинством, взошел на Парнас и Олимп и занял подобающее ему место — среди богов, стал великим, мировым»¹⁸. Сопоставление Пушкина с великими именами мировой литературы характерная черта многих юбилейных статей о Пушкине.

Писатель и драматург Б.К. Зайцев отмечал, что звук творчества Пушкина имеет всемирный тон, как у Рафаэля и Моцарта, и «Пушкин на русской почве носитель всечеловечески-аризелевского»¹⁹.

Литературовед, преподаватель Богословского Института в Париже В.В. Вейдле в статье «Пушкин и Европа» писал о постоянном интересе Пушкина к западной литературе, о его глубоком преклонении перед Гете, Данте, Петраркой, Сервантесом, Кальдероном, Шекспиром, Мильтоном; их имена были священны для Пушкина. Пушкин приобщался ко всему, что составляло духовную мощь Европы, европейской нации и России. Но это приобщение не означало влияния, а лишь раскрывало его дар внутреннего родства «поэтической совести и вкуса» с западными корифеями и «способность впитывать и преобразовать полученные импульсы».

В статье Вейдле звучала мысль и о том, что Пушкин обогатил не только Россию и Европу своими гениальными творениями, но и продолжил дело Петра Великого сближением культуры России и Европы²⁰.

Эта тема получила развитие и в литературоведческом плане. О вкладе Пушкина в мировую литературу и общечеловеческую психологию в сравнении с Гете и Шекспиром писал публицист, драматург и переводчик А.В. Амфитеатров. «Евгений Онегин», «Фауст» и «Гамлет» он признавал произведениями, имеющими равнозначно вечное и всемирное значение²¹.

Эмигрантская мысль вела от Пушкина линию поступательного развития русской литературы.

Бессмертие Пушкина как писателя, по мнению М. Алданова, А.В. Карташева, К.В. Мочульского, Вяч. Иванова и др., состоит не

только в том, что создал он сам, но и в том, что «вслед ему написали другие...»²².

«Гений Пушкина, — писал Карташев, — определен двумя другими русскими гениями Гоголем и Достоевским»²³.

Мочульский добавлял к этому, что как основатель русской национальной литературы Пушкин «выковал тот художественный язык, на котором заговорила великая русская литература XIX века. И Гоголь, и Тургенев, и Достоевский, и Толстой учились у Пушкина»²⁴.

Несомненный интерес представляют наблюдения Вячеслава Иванова, раскрывающие общность Пушкина и Достоевского в области психологии творчества.

Пушкин, по словам Вяч. Иванова, «глубоко задумывался над природой человеческой греховности». Он исследует чувственность в «Каменном госте», скупость в «Скупом рыцаре», зависть в «Моцарте и Сальери», праздность, лень, скуку, отчаяние духа в «Евгении Онегине». Достоевский, как ученик и продолжатель Пушкина, сосредоточил свое внимание на исследовании корней преступления, но при этом он перешел за границы психологии «в метафизическую сферу умопостигаемого самоопределения личности»²⁵.

Ряд статей затрагивал проблемы мировоззрения, политических взглядов Пушкина, его отношение к декабризму и правительственному режиму Николая I²⁶.

Особое внимание привлекает статья известного мыслителя, философа, историка, профессора Богословского института Г.П. Федотова, отличающегося всегда глубокой проницательностью и точностью выражения мысли. Статья под названием «Певец империи и свободы» не только объемно охватывает мировоззрение Пушкина, но и четко расставляет его политические пристрастия в разные периоды жизни.

Имя Пушкина Федотов связывал с историей русского политического сознания. И хотя Пушкин не был политиком и ученым, но «у него, — как справедливо считает Федотов, — был орган политического и исторического восприятия». Его развитию способствовали присущие Пушкину нравственные основы, из которых вырастает «политическая совесть и политическое волнение... В пушкинском храме Аполлона, — писал Федотов, — было два алтаря: России и свободы». Он не отделял себя от Мира, от России, от народа, от Русского государства. В то же время его нравственное сознание, хотя и подчиненное эстетическому, не позволяло принимать все действительное как разумное. Из этого, объяснял Федотов, проистекали его революционность юных лет и умеренная оппозиционность режиму Николая I. Но главное, подчеркивает автор статьи, Пушкин не мог

отречься от основы своего духа, от «свободы». «Свобода и Россия — это два метафизических корня, из которых вырастает его личность». Россию Пушкин воспринимал как государство, как империю, и империя является константой его творчества.

При этом, утверждает Федотов, как в декабристские годы Пушкин не был классическим революционным героем, так и в годы николаевского правления он не отрекся от свободы.

Для Пушкина, подвластного имперскому патриотизму, иррациональные силы состоят в секстанстве, в нигилизме, в черносотенстве, в бунте, в хаосе. Пушкину одинаково отвратительны убитый тиран и убийцы; народы и цари должны быть одинаково подвластны закону. Позитивные силы империи — «лад» и «строй», «окрыленная тяжесть», «одухотворенная мощь». Олицетворением этих сил является правление Петра I с его просвещением и культурой. Пушкину, считает Федотов, близки идеалы конституционной монархии, если это декабризм, то декабризм конституционный Н. Муравьева, но не Пестеля.

Вместе с тем Федотов отмечал, что Пушкин не был демократом: «Для Пушкина драгоценна вольность народа, а не его власть». «Его отход от революционности вытекает из разочарования не в свободе, а в народе, как в недостойном носителе свободы». Корни пушкинского консерватизма, считает Федотов, многообразны и определяются «поумнением» Пушкина, опытом, осмыслением политических возможностей и роли власти.

Федотов обоснованно утверждает, что взгляды Пушкина на власть находились в русле русской исторической консервативной мысли. У ее истоков находилась «История государства Российского» Н.М. Карамзина²⁷. Малоизвестная статья Федотова с ее глубоким анализом взглядов Пушкина является достоянием не только эмигрантской мысли, но и современного пушкиноведения.

О политических убеждениях Пушкина писал и Милоков в книге «Живой Пушкин», изданной в Париже в 1937 г. Бессмертие и живучесть Пушкина (как это ни парадоксально для Милокова, до мозга костей пропитанного политикой) он объяснял тем, что «мистика великих миссий и всечеловеческих проблем была ему чужда» и он не связывал себя какой-нибудь общественно-политической доктриной, «не укладывал жизни в прокрустово ложе теорий». И, хотя его современники, развивая свою мысль Милоков, обладали доктриной либерализма (участники западных походов) или национализма (любомудры), Пушкин был свободен от них. Главным для него была свобода, особенно свобода творчества²⁸.

В юбилейной литературе о Пушкине уделялось внимание его особому интересу к русской истории. Этой темы в разной степени

подробности и обоснованности касались Г.П. Федотов, Е.В. Спекторский, П.Н. Милоков, А.В. Карташев, Д.С. Мережковский и др.

Милоков, как историк, профессионально подходил к ее решению. Пушкина, по мнению Милокова, интересовали в русской истории две крупные проблемы: личность властителя и народное противостояние.

При этом Милоков опровергал мнение некоторых современников Пушкина о его рабской зависимости от Карамзина. Так, например, в трагедии «Борис Годунов» Пушкина прежде всего, считал Милоков, интересует психология действующих лиц. «Если положения трагедии — почти все можно найти в Карамзине», — пишет Милоков, — «но самый процесс восстановления психологии действующих лиц по данным истории; выбор черт, характеризующих их окружение, несравненный язык монологов и диалогов, выбор моментов и динамизм “хроники”, свободной от традиционных правил... все это составляет неотъемлемую собственность художника» и оправдывает его ссылку не на Карамзина, а на Шекспира²⁹.

Милокова особенно привлекает изображение Пушкиным Петра I, его кумира. Работа Пушкина над документальным архивным материалом и литературой приводила его, по мнению Милокова, к сложной оценке «великого преобразователя». «Петр ему представлялся не в идиллическом освещении “стансов”, “незлобивым” предшественником Николая», а «зараз и Робеспьером и Наполеоном», разрушителем «наследственной знати московских бояр», в которой Пушкин видел опору свободы против тирании. Петр I проявил себя деспотом, подавившим всякую независимость³⁰. Изучая материалы Пушкина, его заметки в работе над созданием образа Петра, Милоков приходил к выводу, что Пушкин «не возлюбит своего героя и им овладевает настроение Евгения, проявленное в “Медном всаднике” — ощущение ужаса от его тяжелой поступи, желание убежать и собственная гибель». «Только в виде этой зловещей и провидческой аллегории на собственную судьбу, — пишет Милоков, — Пушкин и мог изобразить плоды своих подготовительных работ над Петром, хотя формально он до конца жизни продолжал работать над историей Петра»³¹.

Основную идею «Медного всадника» Милоков связывал с автобиографической канвой Пушкина: это бунт против попытки возвеличить деспота, — «бунт отдельной беспомощной личности против тяжелой поступи реформатора-тирана». Эта «политическая подкладка» определила запрещение «Медного всадника», который был опубликован лишь после смерти Пушкина³².

Милоков отмечал, что Пушкин всегда стремился проникнуть в содержание понятия народности, но это не означало, что он разумел

под этим только «простонародное». В простонародном он открывал общенародные черты. Записывание сказок, «народный быт с помещичьим» в «Евгении Онегине», изучение шекспировских героев помогло ему познавать российское своеобразие³³.

Народные бунты, как выражение народного стихийного протеста, интересовали Пушкина, по мысли Милюкова, в определенной степени как противовес его увлеченности властными деятелями истории. Первой разработкой этой темы в романтическом стиле Милюков признавал неоконченную поэму «Братья разбойники»; отмечал интерес Пушкина к личности Степана Разина, который характеризовался им «единственным поэтическим лицом русской истории». «Историю Пугачевского бунта», по словам Милюкова, Пушкин писал «спешно и с любовью к сюжету», привлекая собранный им материал, в том числе и у частных лиц, и посещая места пугачевского бунта. В «Капитанской дочке» Пушкин развернул «яркую, живую картину в центре которой поставил фигуру Пугачева», давая ей благоприятное освещение. В этом произведении Милюков признавал «настоящий историзм Пушкина, его умение окружить действующих лиц воздухом современности»³⁴.

Актуально и властно в юбилейные пушкинские годы звучала тема заветов Пушкина, оставленных им грядущим поколениям. Об этом писали правовед, философ Е.В. Спекторский, А.В. Карташев, Г.П. Федотов, юрист, историк, литературовед и публицист С.В. Завадский.

Спекторский предварил свою статью строками Пушкина обращенными к потомкам:

С моей, быть может, тенью
Мой правнук просвещенный
Беседовать придет.

Прежде всего Пушкин призывает сохранять неунывающую бодрость духа, несмотря ни на какие невзгоды, объективность в восприятии жизни, воспитывать умение не забиваться в пещеру субъективной неудовлетворенности и чувство гармонии — «удивительное свойство гения Пушкина». Призыв к гармонии Спекторский признавал особенно ценным заветом: «...Теперь, когда хранила русской культуры разсыпана, и предстоит напряженная работа по введению в берега разбушевавшейся и расплескавшейся стихии».

Пушкин подает пример честного отношения к своему делу. Работа, труд для Пушкина не были «плодами веселого досуга», он не был «счастливой лени верный сын». Он воспел радость духовного, твор-

ческого, свободного и воодушевленного идей и верой труда, и завещал своим потомкам испытывать это чувство.

Драгоценнейшим заветом Пушкина Спекторский считал отношение Пушкина к отечеству. «С арабской кровью в жилах, с французским воспитанием, со всемирною отзывчивостью Пушкин был глубоко русский человек, неразрывно связанный не только с вершинами нашей культуры, но и с народной стихией, где Русский дух, где Русью пахнет». Он любил «отечество с прочными корнями в родной почве», не признавал нигилизма и неуважения к своим предкам. Он любил «великую Россию, сильную и державную, объемлющую “всяк сущий в ней язык”».

Он не проповедовал безгосударственности и противогосударственности, он ценил единство русской стихии, «крепко спаянной металлом мощной государственности»³⁵.

Вместе с тем, как отмечал С.В. Завадский, защита и «гордость за свое» не вызвала у Пушкина отвержения и нападения на чужое. Не случайно он называл себя «краев чужих неопытный любитель». Этот завет Пушкина справедливо признавался показателем высокой культуры³⁶. Пушкинская Россия — это культурная Россия. Пушкин завещал хранить и беречь непреложные ценности, творимые и преобразуемые, чтить свободу и законность для всех, совершенствовать просвещение, технику, воспитывать гражданственность, сохранять веру, ограждать от нападок христианство, признаваемое планетарным, великим духовным и политическим явлением.

О необходимости соблюдать завет Пушкина хранить свободу и любовь к отечеству, «завет очеловеченной России», России Петра Великого и Пушкина напоминали А.В. Карташев и С.В. Завадский³⁷.

Завадский замечал при этом, что Пушкин не замалчивал ни указы Петра Великого, «написанные кнутом», ни «двуязычности» Александра I, ни несовершенств переводов Тита Ливия в «Истории» Карамзина. «...Были зорки глаза поэта и справедливо его сердце: пороки и ошибки не заслоняли от него заслуг» рассматриваемых деятелей³⁸.

Г.П. Федотов добавлял к этому необходимость исполнить оставленный и неосуществленный Пушкиным завет «синтеза империи и свободы». «Пусть Российская империя погибла, не решив этой пушкинской задачи, — писал он. — Она стоит и перед нами, как перед всеми будущими поколениями, теперь еще более трудная, чем когда-либо, но непреложная, неотвратимая. Россия не будет жить, если не исполнит завещания своего поэта, если не одухотворит тяжесть своей вновь воздвигаемой Империи крылатой свободой»³⁹.

Особым заветом, сохраняющим актуальность и в наши дни, является отмеченное в статьях бережное отношение Пушкина к рус-

скому языку. Его не привлекали «чужих наречий погремушки». Он предпочитал использовать родной язык, не пренебрегая его сокровищами и не проявляя лени в их поисках.

«Собственно литературные заветы Пушкина таковы, — уточнял Завадский, — будь прост и понятен; будь содержателен... находи для содержания соответствующую форму, зодчески завершенную и сжатую, прилежно учись владеть безупречным языком и стихом... Пушкин дал русскому языку и стиху чеканку высокой художественности»⁴⁰.

Эмигрантские авторы верили, по словам Спекторского, в то, что Россия избавится от «союза пугачевщины и интернационала с псевдонимными властителями, которые держат в руках не скипетр, а серп и молот» и исполнение заветов Пушкина поможет возрождению новой России⁴¹.

Формирование эмигрантской пушкинианы сопровождалось выработкой ее подходов и методов. Многие авторы статей о Пушкине отмечали, что его освещение эмиграцией отличались от его трактовки в Советской России. Журналист К. Зайцев квалифицировал это отличие как «борьбу за Пушкина». «С одной стороны, — писал он, — эмиграция выстроилась вся, как одна боевая семья, под знаменем Пушкина, как бесспорным для всех наглядным и каждому понятным символом той России, к которой считают себя принадлежащим русские эмигранты, без различия политических оттенков. С другой, советская власть признала Пушкина своим поэтом и готовится залить страну морем бумаги, прославляющей Пушкина как предтечу современного строя, сковывающего ныне Россию»⁴².

А.В. Карташев, П.Н. Милоков, В.Ф. Ходасевич, К. Зайцев полагали, что подчинение литературоведения марксистскому подходу не способствует раскрытию подлинного Пушкина. В Советской России К. Зайцев видел два вредных потока литературы о Пушкине: один из них являлся «научнообразной мертвечиной», поддержанной старыми пушкинистами, второй — «неприкровенной пропагандой», изображающей поэта и его творчество, как постоянную борьбу с царским режимом. «От обрядовых воскурений фимиама марксистам, — считал А.В. Карташев, — придется перейти и к роковому для лицемеров следованию самим заветам Пушкина, заветам свободы, любви к отечеству и народной гордости»⁴³. К этому добавлялась мысль о том, что всякое обобщение и выводы, особенно идеологического свойства, требуют накопления фактов и раскрытия архивов. Эмигранты возлагали надежду и на то, что большое число издаваемых в Советской

России произведений Пушкина будут стимулировать массовое чтение и соответственно помогать его истинному пониманию.

С развитием пушкинианы усиливается критическое отношение к работам о Пушкине и формируются принципы подхода к освещению его творчества.

Критике подвергаются утверждения В.Л. Бурцева о том, что «Евгений Онегин» — поэтическая автобиография Пушкина-революционера», советских исследователей о причастности и тесной связи Пушкина с декабристами.

Осуждение вызвала и книга В.В. Вересаева «Пушкин в жизни» (первые два выпуска: М., 1926), в которой творчество было отторгнуто от его жизни и материалы книги не были подвергнуты научной проверке. Милюков и Ходасевич, писавшие об этой книге, призывали в изучении Пушкина следовать проникновению «в дух и смысл пушкинского творчества», не отделять его от эпохи и биографии и стремиться понять, как реальная жизнь поэта преломлялась в его творчестве⁴⁴.

Обращение эмиграции к русской литературе, ее традициям, воплощенным в творчестве Пушкина, имело многозначный смысл.

Под воздействием заветов Пушкина, его отношения к отечеству и русской культуре росло и утверждалось самосознание эмиграции, укреплялось ощущение ее глубинной связи с Россией. Творчество Пушкина с его национально-русской сущностью вдохновляющее действовало на эмиграцию: она обретала нравственную устойчивость и жизнеспособность.

Не случайно внимание эмиграции к русской литературе расширялось: к рассмотрению привлекались творческое наследие Грибоедова, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Л. Толстого.

Русская литература с ее огромным общественно-социальным и эстетически-нравственным потенциалом помогала эмиграции сохранить свое национальное лицо.

Включение русской литературы в эмигрантскую жизнь способствовало и выполнению культурной миссии эмиграции — знакомству Европы с русской литературой, укрепляло, в данном случае, русско-французские научно-культурные связи.

Эмиграция внесла, в значительной мере до сего времени неосознанный гуманитариями, вклад в развитие пушкиноведения. Суждения авторов многих статей о политических и исторических воззрениях Пушкина сохраняют свое значение и вносят коррективы в устоявшиеся представления.

- ¹ *Вандалковская М.Г.* Историческая мысль русской эмиграции, 20—30-е гг. XX в. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. — М., 2009. — С. 99—104, 261—265.
- ² *Милюков П.* День русской культуры // Последние новости. — 1926. — 8 июня.
- ³ *Кизеветтер А.* Смысл русской культуры // День русской культуры: однодневная газета. — Белград, 1928. — 4—10 июня.
- ⁴ *Мережковский Д.* Пушкин и Россия // Иллюстрированная Россия. — Париж, 1937. — № 7; *Вейдле В.* Пушкин и Европа // Современные записки. — 1937. — LXIII. — С. 221—230; *Ильин И.А.* Гений и Россия // Руль. — 1926. — 11 июня.
- ⁵ Русские лекции в Сорбонне // Последние новости. — 1924. — 8 нояб.; Русское зарубежье: хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920—1940. Франция. — М.: Эксмо; Paris: YMCA-Press, 1995—1997. — 4 т.; *Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice* = Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике: в 2 т. — Praha: Slovan. úst AV ČR, 2000—2002. — Т. 1: 1919—1929; Т. 2: 1930—1939; Историческая наука российской эмиграции 20—30-х гг. XX в.: (хроника). — М.: АИРО-XX, 1998. — 309 с.
- ⁶ Последние новости. — 1926. — 8 июня; *Маклаков В.А.* Русская культура и А.С. Пушкин: (речь, произнесенная в день празднования «Дня русской культуры» в Париже 6 июня 1926 г.) // Современные записки. — Париж, 1926. — Т. XXIX. — С. 228—239.
- ⁷ *Милюков П.* День русской культуры. Праздник русского просвещения // Последние новости. — 1926. — 8 июня.
- ⁸ *Шмурло Е.Ф.* Что такое день русской культуры? // Зодчие русской культуры. — Прага, 1926. — С. 9.
- ⁹ *Лифарь С.* Моя зарубежная Пушкиниана // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935—1937). — М.: Эллис Лак, 2000. — 1. — С. 72—74.
- ¹⁰ Там же. — С. 75—82.
- ¹¹ Там же. — С. 90—104.
- ¹² Там же. — С. 93.
- ¹³ Там же. — С. 86.
- ¹⁴ Там же. — С. 87.
- ¹⁵ Там же. — С. 53.
- ¹⁶ Там же. — С. 71. В Дневниках Буниных под названием «Устами Буниных» (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977—1982. — 3 т.; Москва: Посев, 2005. — 2 т.) эта запись отсутствует. Она опубликована в: Иллюстрированная Россия. — 1937. — № 7.
- ¹⁷ *Лифарь С.* Указ. соч. — С. 61.
- ¹⁸ *Карташев А.В.* В лучах Пушкина // Меч. — Варшава. — 1937. — № 8.
- ¹⁹ *Зайцев Б.К.* : 1) Явление Пушкина // Иллюстрированная Россия. — Париж, 1937. — № 7; 2) Памятник Пушкину // Возрождение. — Париж. 1937. — 6 февр.
- ²⁰ *Вейдле В.* Пушкин и Европа. Указ. соч. — С. 221—231.
- ²¹ *Амфитеатров А.В.* Надо ли жалеть, что «Евгений Онегин» остался незаконченным?: (против начетчиков-толкователей Пушкина) // Сегодня. — Рига, 1937. — 9 марта (№ 68).
- ²² *Алданов М.* О «Памятнике» // Пушкин: однодневная газета: [издание Комитета по устройству Дня русской культуры во Франции]. — Париж, 1937. — Февраль. Перепеч.: Центральный Пушкинский Комитет в Париже. — М.: Эллис Лак, 2000. — Т. 1. — С. 218—223; *Карташев А.В.* В лучах Пушкина; *Мочульский К.С.* Пушкин (1799—1837) // *Мочульский К.С.* Великие русские писатели XIX века. — Париж, 1939. — С. 15—54; *Иванов Вячеслав.* О Пушкине: роман в стихах // Современные записки. — 1937. — LXIV. — С. 177—195.
- ²³ *Карташев А.В.* В лучах Пушкина; и др.

- ²⁴ Мочульский К.В. Указ. соч. — С. 48.
- ²⁵ Иванов Вячеслав. Указ. соч. — С. 182, 195.
- ²⁶ Федотов Г.П. Певец империи и свободы // Современные записки. — Париж, 1937. — LXIII. — С. 178—197; Карташев А.В. В лучах Пушкина; Волконский С.М. Пушкин или Чехов? // Числа. — Париж, 1930/1931. — № 4. — С. 229—233; Амфи-театров А.В. Указ. соч.; и др.
- ²⁷ Федотов Г.П. Указ. соч. — С. 179—197.
- ²⁸ Милюков П. Живой Пушкин (1837—1937): историко-биографический очерк. — Париж: [б.и.], 1937. — С. 136—137.
- ²⁹ Там же. — С. 74—75. Милюков имеет в виду свидетельство Пушкина о влиянии Шекспира на создание драмы «Борис Годунов». «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей», — писал Пушкин в одном из набросков предисловия к неосуществленному при его жизни изданию этой драмы, — дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никаким светским влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов. Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени. Источники богаты! Умел ли ими воспользоваться, не знаю, по крайней мере труды мои были ревностны и добросовестны» // Пушкин А.С. Стихотворения. — Л.: Сов. писатель. [Ленингр. отд-ние], 1955. — Т. 2. — С. 563. — (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.).
- ³⁰ Милюков П. Живой Пушкин ... — С. 77—78.
- ³¹ Там же. — С. 78.
- ³² Там же. — С. 79.
- ³³ Там же. — С. 42—43.
- ³⁴ Там же. — С. 79—80.
- ³⁵ Спекторский Е.В. Заветы Пушкина // Пушкинский сборник. — Прага, 1929. — С. 54, 56, 58.
- ³⁶ Завадский С.В. Заветы Пушкина // Зодчие русской культуры. — Прага, 1929. — С. 27.
- ³⁷ Карташев А.В. Речь на торжественном собрании в день 100-й годовщины смерти Пушкина, Париж, 11 февраля 1937 г. // Меч. — 1937. — № 8; Завадский С. Указ. соч. — С. 26, 29.
- ³⁸ Завадский С. Указ. соч. — С. 29.
- ³⁹ Федотов Г. Указ. соч. — С. 179—197.
- ⁴⁰ Завадский С. Указ. соч. — С. 24.
- ⁴¹ Спекторский Е.В. Указ. соч. — С. 63—64.
- ⁴² Зайцев К. Борьба за Пушкина // Харбинское время. — Харбин, 1937. — 11 февр.
- ⁴³ Карташев А.В. В лучах Пушкина; Зайцев К. Борьба за Пушкина.
- ⁴⁴ Амфи-театров А.В. Указ. соч.; Милюков П. Живой Пушкин. — С. 48, 134—135; Ходасевич В.В. : 1) Пушкин в жизни: (по поводу книги В.В. Вересаева) // Последние новости. — Париж, 1927. — 13 янв. ; 2) В спорах о Пушкине // Современные записки. — Париж, 1928. — XXXVII. — С. 275—279.

Д.Б. Павлов

Д.В. ПУТЯТА И ЕГО ВОЕННО-ИНСТРУКТОРСКИЙ ПРОЕКТ В КОРЕЕ И КИТАЕ

Статья посвящена офицеру-ориенталисту Д.В. Путяте (1855—1915), исследователю Китая и Тибета, автору военно-инструкторского проекта в Китае и Корее, реализация которого имела шанс предотвратить последовавшее установление японского протектората над Кореей и экспансию Японии в Поднебесной.

Ключевые слова: Путята; военные инструкторы; Китай; Корея.

D.B. Pavlov

D.V. Poutiata and his military-instructional project in Korea and China

The article explores biography of the Russian military orientalist D.V. Poutiata (1855—1915), scientist of China and Tibet, an author of the military instructors' project for China and Korea, which if successfully implemented, had a chance to prevent further establishment of Japanese protectorate over Korea and Mikado's Empire expansion to China.

Keywords: Poutiata; military instructors; Korea; China.

Дмитрий Васильевич Путята происходил из родовитой дворянской семьи. На свет он появился 24 февраля 1855 г. по старому стилю, воспитывался в 1-й московской военной гимназии, а «в службу», как сообщает его офицерский формуляр, «вступил юнкером в 3-е Александровское училище 20 августа 1871 г.»¹. Окончив училище по 1-му разряду в 1873 г., 18-летний прапорщик Путята был определен в 23-ю артиллерийскую бригаду. Поручиком уже 17-й артбригады он принял участие в сербско-турецкой (1876 г.) и в русско-турецкой (1877—1878 гг.) войнах, по окончании их продолжил учебу в Николаевской академии Генерального штаба — главном в России центре подготовки общевоинских командиров и специалистов штабной службы. Из академии, также законченной по 1-му разряду, Путята вышел в чине штабс-капитана в апреле 1881 г. Об этом, раннем периоде его жизни больше, фактически, ничего не известно.

Дальнейшая служба Дмитрия Васильевича на четверть века оказалась связана с Востоком. Пройдя обязательные летние сборы прикомандированным к штабу Гренадерского корпуса, в том же 1881 г. он получил назначение обер-офицером для поручений штаба Туркестанского военного округа. В Ташкенте ему довелось служить под началом выдающихся полководцев, покорителей и исследователей Центральной Азии, генералов К.П. фон Кауфмана и М.Г. Черняева, в 1880-е годы последовательно командовавших войсками округа. Однако на кабинетной работе молодой капитан Генерального штаба не засиделся. По распоряжению Черняева, с сентября по декабрь 1882 г. он проводил рекогносцировки в Кызылкумских и Каракумских степях, а с июня по ноябрь 1883 г., уже начальником экспедиции, исследовал Памир — начало систематическому изучению «крыши мира» как в военно-стратегическом, так и в научном отношении положил еще Кауфман.

Памирская экспедиция капитана Путяты в составе 22 человек, включая геолога Д.Л. Иванова, топографа Н.А. Бендерского, казачью охрану, проводников и переводчиков, на 64 лошадях выступила из киргизского города Ош 20 июня 1883 г.² В предписании, выданном начальнику экспедиции для предъявления местным властям, говорилось, что ее целью является «собрать камни, растения, насекомых, рисовать, писать, разглядывать в трубки небесные светила и измерять высоту гор»³. «Изучение географии Памиров», предусмотренное закрытой инструкцией военно-топографического отдела штаба округа, наряду с астрономическими наблюдениями, собиранием гербариев, минералогических и иных коллекций, предполагало проведение рекогносцировок и изучение Памира в топографическом, военно-политическом и военно-статистическом отношении. Непосредственная задача экспедиции заключалась в подготовке к российско-китайскому разграничению в этой труднодоступной местности в соответствии с договором двух стран, подписанным в Петербурге в 1881 г.

«Члены экспедиции, — констатирует современный исследователь, — буквально избородили Памир вдоль и поперек, произвели пятиверстную маршрутную съемку, позволившую составить наиболее совершенные для того времени крупномасштабные карты Памира»⁴. Неудивительно, что итоги экспедиции привлекли повышенное внимание не только российских военных сфер. В 1883 г. ее картографические результаты были опубликованы в Петербурге Императорским географическим обществом и журналом «Новь», а в 1884 г. в переводе на английский язык — и в «Записках» (“*Proceedings*”) лондонского Королевского географического общества. Бри-

танских географов и военных топографов особенно заинтересовали различия между «открытиями русской экспедиции» и результатами исследований, ранее проведенных на Памире Топографическим департаментом британского правительства Индии⁵. Карты, составленные экспедицией Путяты, были учтены в Новомаргеланском протоколе 1884 г., который в основном и завершил демаркацию российско-китайской границы.

Не менее результативной оказалась третья экспедиция Путяты — на Большой Хинган. Имелось в виду продолжить обследование и рекогносцировки отрогов этого хребта в восточной Монголии и на северо-востоке Китая, намеченные еще генералом Н.М. Пржевальским, который скоропостижно скончался в 1888 г. В организации и финансировании похода приняло участие Общество изучения Амурского края, находившееся под покровительством Приамурского генерал-губернатора. Экспедиция стартовала в Тяньцзине в мае 1891 г. и была завершена в сентябре того же года в Пекине. За эти пять месяцев ее участники произвели топографическую съемку пройденных ими 2,5 тыс. верст, выполнили до 300 измерений горных вершин, провели множество метео- и астрономических наблюдений, собрали богатый гербарий, зоологическую и минералогическую коллекции⁶. В общем, Путята сумел проявить себя достойным продолжателем дела известного русского путешественника и натуралиста. За успешное проведение экспедиции «высочайшим соизволением» ему была установлена пожизненная 500-рублевая пенсия. И без того внушительная к тому времени «коллекция» его наград (ордена Св. Анны II и III ст., Св. Станислава II ст. и Св. Владимира IV ст.) в том же 1892 г. пополнилась орденом Св. Владимира III степени.

Необычность Хинганской экспедиции заключалась еще и в том, что ее руководитель к тому времени уже в течение пяти лет состоял российским военным агентом в Китае — третьим в истории русско-китайских отношений (российское военно-дипломатическое представительство в Пекине было учреждено в 1881 г.). В отличие от своих предшественников, офицеров Генштаба В.А. Бодиско и Н.Я. Шнеура, Путята в бытность военным атташе (1886—1892 гг.) кропотливо изучал Китай, проводил многомесячные рекогносцировки окрестностей Пекина и Маньчжурии, обследовал Порт-Артур, вплотную занимался географией, историей и современным состоянием вооруженных сил Поднебесной, положением ее экономики. Результаты его исследований были опубликованы как с грифом «секретно», так и в открытой печати⁷. В августе 1888 г. «за отличие» 33-летний Путята был произведен в полковники. В итоге уже к началу 1890-х годов он стал ведущим российским военным экспер-

том по странам дальневосточного региона. Не случайно, что в 1891 г. именно ему было доверено сопровождать в поездке по Китаю будущего императора Николая II, тогда — наследника-цесаревича.

В 1892 г. Путята был отозван в Петербург и в марте назначен старшим делопроизводителем канцелярии Военно-ученого комитета — подразделения Главного штаба, в котором собирались и обрабатывались сведения об армиях иностранных государств. С учетом его восточной специализации, в ноябре 1892 г. ему были поручены встреча в Баку и сопровождение в Петербург эмира Бухарского, а в ходе майских 1896 г. коронационных торжеств в Москве — опека японской делегации во главе с крупным государственным деятелем маршалом Ямагата Аритомо, с которым были проведены секретные переговоры. За образцовое выполнение этих ответственных заданий Путяте было дважды объявлено «высочайшее благоволение». В середине — второй половине 1890-х годов он был привлечен к решению другой задачи государственной важности — разработке и проведению в жизнь российской военно-инструкторской программы в Китае и Корее. Именно в ходе этих работ особенно ярко проявился его талант военного аналитика и организатора. Они и стали его «звездным часом». Послужной список Путяты неоднократно публиковался, в том числе на электронных ресурсах, однако эта, важнейшая глава его служебной деятельности остается его биографам практически не известной.

В исследовательской литературе подмечено, что в конце XIX в. планы, а затем и действия на Дальнем Востоке российского военного и политического руководства укладывались в две разные модели, первая из которых была ориентирована на заведомо слабые Китай и Корею, а вторая — на Японию и западные великие державы. В одном случае речь шла об экспансии в той или иной форме, в другом — о борьбе за сферы влияния при одновременном стремлении обезопасить собственные территории и отстоять региональные интересы⁸. Распространено мнение, что в середине 1890-х годов в дальневосточной политике России почти безраздельно господствовал министр финансов С.Ю. Витте со своей программой экономического проникновения в Китай — представление, которое отчасти «подогрел» сам Витте, утверждавший в своих широко известных мемуарах, будто в те годы в русском правительстве вопросами Дальнего Востока он занимался единолично⁹. Однако на деле заметную активность в регионе в это время развернуло и российское военное ведомство. Наряду с силовыми сценариями в недрах последнего усилиями Д.В. Путяты и его коллег народились и более гибкие, комбинированные варианты дальневосточной политики, отчасти полу-

чившие практическое осуществление. Эти военно-инструкторские начинания один из современников и очевидцев метко назвал «неудавшимися мирными завоеваниями»¹⁰.

Осознание возможности и целесообразности своей долговременной военно-инструкторской экспансии в странах Дальнего Востока сложилось в России не вдруг. Непосредственным импульсом к появлению этого проекта стало сокрушительное поражение Китая в его войне с Японией 1894—1895 гг. и, как следствие, резкий рост влияния и мощи империи микадо. В июне 1894 г., то есть в самом начале японо-китайской войны, Путята предложил оккупировать две северо-корейские провинции, не исключая при этом, однако, что оборона от Японии возникающей таким образом новой российско-корейской границы может быть «вверена» самим корейцам, в своей массе дружественным к России¹¹.

В секретной записке, поданной вскоре по окончании японо-китайского военного конфликта, Путята, заботясь «об увеличении пунктов соприкосновения [россиян] с туземными элементами в интересах противодействия вредному влиянию западноевропейских внушений и с целью занятия более почетного положения в сфере коммерческой и политической жизни тихоокеанских государств», в числе прочих мер (занятие русскими должностей в китайской и корейской таможах, поощрение деятельности в регионе православных миссионеров, развитие русского туризма и т.д.) предлагал направлять в Китай и Корею российских военных инструкторов. В условиях, которые сложились после японо-китайской войны, полагал он, корейское правительство, вероятно, приступит «к устройству постоянной армии» и обратится за содействием к иностранным офицерам. Но «для нас крайне невыгодно, если в корейских войсках утвердятся немецкое, английское или японское влияние, и казалось бы нужным войти с предложением к корейскому правительству о принятии на службу русских офицеров»¹².

Отчетливые очертания военно-инструкторский план Путяты приобрел к началу 1897 г. «Инструктор, — делился он “личными соображениями” на этот счет с начальником штаба Приамурского военного округа в январе этого года, — должен быть рассматриваем как правительственный агент, командированный за границу, чтобы служить интересам своего государства, и в этом смысле его услуги могут быть неоценимы во многих отношениях. Хороший инструктор принесет больше пользы, чем военный агент, так как наблюдая изо дня в день за развитием туземного солдата и за ходом всего военного дела, ему доступна самая сущность вещей, внутреннее содержание армии, тогда как военной агентуре приходится ограничиваться наблюдениями

со стороны и основывать свои суждения на внешних признаках <...> Группа инструкторов, действующая под общим руководством, может направить военное развитие страны согласно с видами его правительства, дать толчок к усовершенствованию военной системы или при надобности затормозить ее рост. В военное время обучаемые инструкторами туземные войска могут доставить дополнительный контингент, которым можно распорядиться соответственно обстановке».

Тут же Путята оспаривал распространенный взгляд, будто «нам выгоднее всего иметь по соседству с окраинами государства неустроенные, веками сроднившиеся с беспорядком» — рано или поздно «порядок» в них будет наведен, и лучше, если этим ныне же займется Россия. Он предлагал не отделять корейские военно-инструкторские планы от китайских, резонно полагая, что таким путем «представится возможным собрать данные для суждения о вероятном будущем этих стран и о наивыгоднейшей форме их отношений к России», и такой способ проще, безболезненнее и несравнимо дешевле «непосредственного занятия страны вооруженной силой»¹³. Характерен отзыв военного министра П.С. Ванновского на это донесение Путяты, которое хабаровский штаб переслал в Петербург: «Дельный ответ, толковый взгляд на дело»¹⁴.

Русское военное инструкторство в странах Дальнего Востока в конце XIX в. нельзя назвать совершенно неизвестным историческим сюжетом. Еще в 1910 г. подробные сведения о нем по материалам российских МИД и Военного министерства представил член Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны генерал П.Н. Симанский, не рассматривавший, однако, эти планы в единстве. В отношении Китая он связывал их преимущественно с потребностями охраны КВЖД и занятого Россией Порт-Артура, а в Корею их цель видел лишь в устранении на полуострове японского влияния¹⁵. Немаловажно и то, что труд Симанского изначально был засекречен, напечатан всего в семи экземплярах¹⁶ и вплоть до переиздания в середине 1990-х годов¹⁷ оставался известен очень узкому кругу исследователей.

Б.А. Романов в работе 1920-х годов упомянул о русско-корейских переговорах середины 1880-х годов по военно-инструкторскому вопросу, а в книге конца 1940-х писал о готовности корейского монарха «передать военное и финансовое управление страной в руки русских» и секретном русско-корейском соглашении 1896 г. о «введении русского военного инструктора»¹⁸. В своей диссертации В.П. Нихамин по документам Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) привел отдельные факты из истории пребывания в Сеуле русских военных наставников¹⁹.

Среди зарубежных авторов об их деятельности наиболее осведомлен американец Джордж Ленсен. Изучив документы американских, британских, французских, немецких, бельгийских и лишь отчасти российских, японских и корейских дипломатических архивов (эта работа заняла у него около 30 лет), Ленсен со знанием дела проанализировал ход переговоров чрезвычайного корейского посла Мин Ён-хвана в Петербурге летом 1896 г., выяснил намерения корейской стороны в этой связи²⁰. Говоря о русских военных инструкторах, американский историк акцентировал расхождения относительно продолжительности и характера их деятельности между центральными российскими ведомствами — военным и внешнеполитическим. Много внимания Ленсен уделил и маневрам русской дипломатии, нацеленным на то, чтобы, с одной стороны, предотвратить обострение отношений с Японией в связи с появлением в Корее русских военных наставников, а с другой — не допустить одновременного направления в Сеул аналогичных японских специалистов. В общем, благодаря работе Ленсена и трудам корейских и отечественных историков (о них будет сказано ниже), дипломатическую подоплеку этого дела можно считать изученной, чего нельзя сказать о планах верховного русского командования в той же связи. Лишенный доступа к материалам профильных российских документальных коллекций, Ленсен вынужденно опустил этот вопрос, ограничившись кратким изложением программы нашего героя по реформированию корейских вооруженных сил.

Русское военное инструкторство в Сеуле привлекает внимание и южнокорейских исследователей²¹. При этом, однако, Пак Чон Хё не выходил за рамки подходов Симанского, Чой Док Кю выводил наращивание военного присутствия России в Корее из ее экономического проникновения на полуостров, а Ким Чжон Хон, детально анализируя контакты России и Японии по корейскому вопросу, ограничился упоминанием о русских военных инструкторах в Корее в контексте русско-японских и русско-корейских переговоров 1880—1890-х годов. Особую позицию занимает Син Сен Квон. С его точки зрения, российский курс в отношении Кореи с момента установления дипломатических отношений между двумя странами и вплоть до начала русско-японской войны 1904—1905 гг. представлял собой череду «непоследовательных временных мер, которые в строгом смысле слова вообще нельзя назвать политикой». Одновременно этот автор объявил «легендой» характерное для официальной японской и западной историографии указание на почти альтруистическое желание империи микадо «просветить и цивилизовать» «государство-отшельника» (*Hermit Kingdom*) как доминанту ее политики

на Корейском полуострове²². Профессор Токийского университета Вада Харуки, один из авторитетнейших современных зарубежных специалистов по русской истории, также остановился на интересующем нас сюжете в двухтомной работе, посвященной причинам русско-японской войны 1904—1905 гг.²³

Другим иностранным исследователям деятельность в Корее в 1896—1898 гг. русских военных инструкторов либо представлялась в искаженном свете, либо оставалась не известна вовсе. О них не считал нужным упомянуть даже бывший российский военный атташе в Японии генерал В.А. Яхонтов (служил в Приамурье с 1909 г.) в изданной в США обзорной работе, посвященной политике России/СССР в странах Дальнего Востока²⁴. Если факт пребывания в Сеуле русских военных наставников и отмечался, то мельком — для иллюстрации экспансионистских планов Петербурга в отношении Кореи и его нежелания, в силу этого, исполнять взятые на себя обязательства перед Японией. Реформа корейских вооруженных сил, разработанная Путяттой, обычно подается как мера ситуативная и не соответствовавшая национальным интересам Кореи²⁵. Вслед за японским посланником в Сеуле тех лет Като Масуо зарубежные историки полагают, что армейская реформа по русским лекалам представляла собой реальную угрозу независимости королевства, «фактически отдавая Корею в руки России»²⁶, причем деятельность японских или американских военных наставников в Корее подобным образом не комментируется и не оценивается. Японский историк начала XX в. Асакава Киничи²⁷, а за ним и англоязычные авторы делали упор на законном и оправданном нежелании и сеульских сановников, и обычных корейцев терпеть «агрессию» России вообще и «навязанных им» русских военных советников, в частности²⁸. Профессор Вашингтонского университета Дональд Тредгоулд без лишних объяснений утверждал, что «в 1898 г. корейский король внезапно и успешно положил конец статусу русского протектората, в который фактически превратилась его страна»²⁹.

По контрасту с Токио, за официальным Петербургом в зарубежной историографии утвердилась репутация не только «самого ненавистного империалиста» на Дальнем Востоке³⁰, но и оплота реакции, осознанно и последовательно шедшего по пути сохранения в странах региона отживших, архаичных порядков и институтов, что, в свою очередь, вызывало враждебное отношение к России тамошних прогрессистов³¹. В таком расхожем представлении, вероятно, и кроется причина отсутствия интереса у наших зарубежных коллег к деятельности русских военных реформаторов в государствах Дальнего Востока.

Современные российские исследователи изучают русско-корейские и русско-китайские отношения конца XIX в. с широким привлечением архивных документов, но в своих комментариях и оценках нередко впадают в противоположную, по сравнению с зарубежными историками, крайность³². В их изложении направление русских военных специалистов в Корею и Китай в середине 1890-х годов часто выглядит как проявление бескорыстного желания Петербурга содействовать укреплению внутривнутриполитического положения и особенно обороноспособности своих дальневосточных соседей.

В своей последней работе кореевед Б.Б. Пак подробно, с опорой на архивные документы, анализирует российско-корейские переговоры по военно-инструкторскому вопросу, рассматривает деятельность в Корее Путяты и его подопечных³³. Однако вслед за своим героем, российским посланником в Сеуле, в военно-инструкторских планах Петербурга она видит преимущественно «средство упрочить власть короля, добиться порядка и отстранить японцев»³⁴. Китаевед Ю.М. Галенович подчеркивает тогдашнее стремление «мудрых людей» России к сближению с Китаем «без задних мыслей», ибо «такой союз отвечал подлинным национальным интересам обеих стран»³⁵. О тайных и далеко идущих замыслах русского военно-политического руководства, о которых речь пойдет ниже, отечественные авторы не упоминают; провал российской военной программы связывают исключительно с противодействием Японии и ее ставленников в правящих кругах Кореи³⁶. Роль Путяты как теоретика и одного из главных разработчиков российского военно-инструкторского проекта в Китае недооценена, его имя в этой связи нередко даже не упоминается³⁷.

В XIX в. Корея не имела регулярной армии. Ее отсталое, малочисленное и вразнобой вооруженное войско иностранные наблюдатели без стеснения называли «сбродом» (*rabble*)³⁸. В королевстве не были известны такие привычные для армий развитых стран нормы, процедуры и учреждения, как закон о воинской повинности и мобилизация, военные бюджет и присяга, единообразно вооруженные, обмундированные и оснащенные рода войск, Генеральный штаб, военно-санитарная и интендантская службы, военно-учебные заведения, не говоря уже о современных арсеналах и оборонной промышленности вообще. Военно-морского флота у *Hermit Kingdom* также не существовало. Созданию регулярной армии Кореи с привлечением иностранных военных советников сопутствовали драматические события внутриполитической жизни королевства.

К поиску военной опоры извне правительство Кореи толкали разнообразные угрозы, которые в 1880-е годы исходили преимущест-

венно от Китая и Японии. Зимой 1884/1885 г. король Коджон и его советник немец Пауль фон Мёллендорф секретно предложили русскому дипломату А.Н. Шпейеру, специально приехавшему из Токио, чтобы Россия взяла Корею под свое покровительство, высадила морской десант для охраны короля от китайских и японских посягательств и устроила свою военно-морскую базу в Ёнхилман либо в Сонджонман (Вонсан) — по своему выбору. Но русское правительство, не желая портить отношений с Китаем как номинальным союзником Кореи и соседней Японией, от такой комбинации отказалось. Первому русскому постоянному дипломатическому представителю в Сеуле К.И. Веберу (он был назначен на этот пост в апреле 1885 г.) было поручено прежде всего противодействовать проишкам в Корею других держав в интересах сохранения независимости королевства.

Однако превратить *Hermit Kingdom* в «азиатскую Бельгию» (то есть в нейтральную страну, независимость и территориальную целостность которой гарантируют великие державы) не удалось, а обеспечить безопасность своей страны военными средствами Коджон был не в состоянии. Весной 1885 г. при корейском дворе взяла верх проамериканская «партия» министра иностранных дел Ким Юн-сика. Мёллендорф был отстранен, место политического советника короля заполучил американец Оуэн Денни (Owen Denny). В итоге в 1888 г. в Сеул явились четверо американских военных специалистов во главе с генералом Уильямом Даем (William Dye). Увы, как впоследствии вынуждены были признать и сами корейцы (Мин Ён-хван), заокеанские инструкторы оказались «невеждами и пьяницами, смотревшими на свои обязанности лишь с точки зрения личной наживы», и создать современную армию в Корею им оказалось не под силу. Любопытно, что спустя несколько лет тот же американский генерал, будучи уже в отставке и живя в Сеуле на скромную пенсию от корейского короля, «не переставал повторять всем и каждому, что только от России Корея может ожидать спасения и поддержки во всех ее начинаниях»³⁹.

В середине 1890-х годов ведущие позиции на полуострове перешли к Японии, войска которой летом 1894 г. захватили королевский дворец и отстранили от власти корейское правительство, к концу года в ходе японо-китайской войны армия микадо заняла территорию всего королевства. Под флагом проведения реформ Токио направил в корейские правительственные учреждения 46 своих советников, 70-ти военным инструкторам было поручено создать и обучить 20-тысячное корейское войско. Однако уже на следующий 1895 г. пришелся пик политического влияния королевы Мин, открытой противницы Японии и сторонницы независимости Кореи

с опорой на Россию. В ночь на 8 октября 1895 г. японо-корейский отряд под командой японского посланника в Сеуле генерала Миура Горо ворвался в королевский дворец, умертвил сопротивлявшихся придворных и зарубил королеву. Затем японцы вынудили овдовевшего Коджона сформировать новое, еще более прояпонское правительство, передав ему часть королевских полномочий; охрана его дворца была вверена обученным японцами корейским солдатам (*хуллёндэ*). Оказавшись фактически на положении пленника в собственном дворце и понимая, что в любой момент его может постичь участь жены, в ноябре 1895 г. Коджон секретно, через Вебера, вновь обратился к царю с просьбой о русской вооруженной охране. Но в тогдашней обстановке сделать это было невозможно, не подвергая риску безопасность самого короля.

В январе 1896 г. Коджон, чья жизнь по-прежнему висела на волоске, через доверенных лиц в очередной раз обратился за помощью к русским дипломатам, а те, в свою очередь, ходатайствовали перед Петербургом о посылке в Сеул военного отряда, равного по силе японскому, который в тот момент насчитывал 800 солдат. Несмотря на сочувственную реакцию Николая II («Пора японцам дать отчет в их безобразиях в Корее», — написал он на одной из дипломатических депеш⁴⁰), российское внешнеполитическое ведомство в масштабной военной помощи Корее отказало, но прямое указание своего монарха направить туда военный корабль оспорить не посмело. Утром 10 февраля 1896 г. в Чемульпо (ныне Инчхон) бросил якорь крейсер «Адмирал Корнилов» и высадил отряд моряков примерно в 100 человек с одним орудием. С этого момента русскую миссию в Сеуле вплоть до ее отъезда из Кореи в феврале 1904 г. в связи с началом русско-японской войны охранял отряд в 100—120 матросов и казаков.

Незадолго перед тем, 2 февраля 1896 г., корейский придворный тайно доставил русским дипломатам новую записку Коджона, которой король извещал о своем намерении в ближайшее время бежать из дворца в русскую дипмиссию. Подготовка к побегу заняла несколько дней, и ранним утром 11 февраля 1896 г. монарх и его наследник в одеждах простолюдинов и в крытых женских носилках были доставлены доверенными слугами в здание русской миссии, на втором этаже которой для них уже были приготовлены покои. Днем 11 февраля Коджон дал аудиенцию иностранным дипломатам, объяснив им мотивы своего поступка, а затем подписал воззвание к народу с разъяснениями и объявил о перестановках в кабинете министров — о замене прояпонских сановников деятелями прорусской ориентации. Вскоре из страны были удалены японские советники и инструкторы, а изменники-*хуллёндэ* расформированы.

Жители Сеула отнеслись к переезду короля сочувственно, а некоторые и с воодушевлением — корейские патриоты в этой связи ожидали наступления эры национальной политики. Внешнюю охрану нового королевского пристанища взяли на себя корейские войска, устами военного министра заявившие о верности престолу. По описанию очевидца, Коджону отвели в русской миссии две большие комнаты, «снабженные такою обстановкою и такими удобствами, которых он, конечно, никогда не имел и не будет иметь в своем дворце»⁴¹. Под охраной корейских полицейских, множества дворцовых слуг и отряда русских матросов он, по собственному почину, регулярно выезжал на религиозные церемонии либо с визитами к матери. Покинуть русскую миссию король был волен в любой момент, но прожил здесь более года — до 20 февраля 1897 г. Во время своего торжественного переезда во вновь отстроенный дворец, как докладывал в Петербург русский военный советник Д.В. Путята, «король, увидев меня, приказал остановить свой паланкин, а с тем и всю процессию и обратился ко мне с выражением горячей благодарности русскому правительству за оказанное в течение года гостеприимство в миссии»⁴².

Вскоре после перемещения в русскую миссию Коджон через Вебера обратился к русскому правительству с очередной просьбой «назначить в Корею русского руководителя и советника в делах и русских инструкторов для устройства корейских войск»⁴³. В апреле 1896 г. для изучения этого запроса начальник русского Главного штаба созвал под своим председательством совещание наиболее компетентных и заинтересованных служащих ведомства — управляющего Военно-ученым комитетом (ВУК) и начальника Азиатской части Главного штаба, Приамурского генерал-губернатора, а также офицеров-специалистов, включая старшего делопроизводителя ВУК полковника Путяту. Совещание постановило, что направление в Сеул военных инструкторов и проведение там военной реформы для России приобретет смысл лишь в том случае, если параллельно корейское правительство приступит «к внутреннему устройству государства, развитию его материальных ресурсов, и внешняя политика Кореи получит устойчивое определенное (читай: пророссийское. — Д.П.) направление». Поскольку сведений на этот счет в распоряжении военных не имелось, совещание постановило отложить вопрос до получения заключения МИД, а пока послать в Корею лишь небольшую группу военных для подготовки и обучения батальона «туземной охранной стражи» короля⁴⁴. О решениях совещания сразу были проинформированы военный министр Ванновский и император. В дальнейшем Николай II внимательно следил за практическим

развитием этого дела, усиленно его направляя — переписку по «инструкторскому» вопросу военный министр докладывал ему лично.

В истории русско-корейских отношений 1896—1897 г. явились подлинно «медовым месяцем». Не случайно первое в истории Кореи посольство в Европу в мае 1896 г. было направлено именно в Россию — сначала в Москву на торжества по случаю коронации Николая II (царь принял посланца корейского короля дважды — 22 мая и 6 июня⁴⁵), а затем и на переговоры в Петербург. Из пяти блоков проблем, которые глава корейской миссии Мин Ён-хван обсуждал в военном ведомстве и в МИД России, два важнейших касались военных вопросов. Его устами Коджон продолжал настаивать, чтобы Россия направила в Корею своих военных инструкторов для обучения корейской пехоты, а также военного советника при его персоне для создания интендантства, кавалерии (с ветеринарной службой), военного оркестра, саперных частей, новых жандармерии и полиции. Следующим пунктом значилось формирование корейской охраны короля, а на время подготовки гвардейских частей — передача этой охраны русскому отряду численностью примерно в 200 штыков, который желательно срочно направить в Сеул.

Сославшись на неизбежные международные осложнения в связи с появлением русских военных в королевском дворце, последний пункт Петербург вновь отклонил, но на посылку советника и военных наставников на этот раз согласился⁴⁶. 27 июля 1896 г. (ст. ст.), по докладу военного министра, Николай II утвердил полковника Путятю главным военным советником корейского короля (с непосредственным подчинением Коджону) и одновременно руководителем группы русских инструкторов; в этом качестве ему вменялось «разработать соображения об организации корейской армии, применяясь к финансовым средствам Кореи и насущным ее потребностям к обороне» и «о скорейшем устройстве телеграфа» между Сеулом и ближайшим к Корее русским поселком Новокиевское (ныне Краскино)⁴⁷, о чем также ходатайствовал посланец Коджона. Вскоре Мин Ён-хван направил в русское Военное министерство официальное приглашение на годичную службу своему королю еще двух русских строевых офицеров, капельмейстера, военного врача и 10 унтер-офицеров, в общей сложности — 14 военнослужащих⁴⁸. Заполнить эти вакансии русское военное ведомство должно было самостоятельно.

Получив заверения русского командования, что затребованные военнослужащие будут направлены в Сеул без замедления, Мин Ён-хван вместе с Путятой в начале августа выехал из Петербурга на Дальний Восток, где и были отобраны инструкторы. «С разрешения

командующего войсками Приамурского военного округа, — доносил Путята в Петербург, — мною был произведен выбор среди унтер-офицеров 3-го и 10-го линейных батальонов, по преимуществу старших сроков службы, то есть из подлежащих в ближайшем времени увольнению в запас, но которые могли бы быть перечислены на сверхсрочную службу. Некоторые, независимо хорошей строевой подготовки, были выбраны за знание ими какого-либо мастерства»⁴⁹ — портняжного, столярного и т.д. Летом 1896 г. в Сеул был назначен и первый русский военный атташе, им стал полковник Генштаба И.И. Стрельбицкий⁵⁰.

В конце сентября 1896 г. «русская военная миссия», как ее потом назвали сами корейцы, выехала из Хабаровска во Владивосток. Здесь инструкторы погрузились на канонерскую лодку «Гремящий», на борту которой их уже ждала возвращавшаяся домой делегация Мин Ёнхвана, и в ночь на 16 октября (н. ст.) отправились в Корею. Совершенно не представляя, как их встретят в Сеуле и что вообще их там ждет, русские офицеры взяли с собой не только запас одежды, продовольствия, стрелкового оружия и патронов, но даже палатки и лопаты.

Между тем, в Корею их с нетерпением дожидались, причем на самом высоком уровне. 21 октября 1896 г. на пристани Чемульпо русскую военную миссию встретили посланник Вебер и военный атташе Стрельбицкий и сопроводили в Сеул. Инструкторы ехали на телегах, а Путяту, Стрельбицкого и Вебера несли в королевских носилках, специально присланных министром двора. У переправы через реку Хан близ деревни Риенг-сан русских военных приветствовал выехавший им навстречу корейский кабинет министров в полном составе и старшие сановники королевства. В Сеуле инструкторам выделили просторный дом, который прежде занимали американские советники. По описанию Путяты, вселение в него его подопечных происходило в присутствии «громadной толпы любопытных, державших себя весьма почтительно и усматривавших в прибытии русских событие первостепенной важности, начало новой эры для Кореи. Все ближайшие к дому улицы и переулки были запружены народом, который не расходился до глубокой ночи»⁵¹. Приняв русских военных на следующий день, Коджон согласился сформировать правительственную комиссию во главе с Путятой для разработки программы грядущих военных реформ в своем королевстве.

Анализ состояния дел привел Путяту к заключению, что «продолжительное заведывание корейскими вооруженными силами американцев и японцев не оставило никаких видимых следов» и в «нынешней корейской армии нет, в сущности, ни одного обученного солдата, ни одного офицера»; в общем, дело военного строительства

королевства следовало начинать «буквально с самого начала»⁵². Оборонные потребности Кореи русский военный советник выводил из того, что нападение на нее с суши маловероятно: Россия традиционно миролюбива, а Китай «совершенно бессилён». Следовательно, опасаться следует лишь атаки с моря — со стороны Японии, причем наиболее вероятна высадка ею 30-тысячного десанта, для успешной борьбы с которым Корею потребно регулярное 40-тысячное войско. Исходя из этого, ее армия мирного времени должна была составить 6—7 тысяч солдат, причем этого количества, замечал Путята, достаточно и для поддержания «внутреннего порядка» в беспокойном королевстве⁵³. Так появилась базовая цифра для всех последующих военных планов и расчетов. Для подготовки и обучения такого количества корейских солдат Путята предлагал дополнительно направить инструкторами в Сеул 160 русских военных специалистов, включая 29 офицеров.

По мысли русского военного эксперта, в составе корейской армии кроме пехоты должны были быть сформированы и обучены артиллерийские, кавалерийские и инженерные части, последние — специально для возведения береговых укреплений. По оценке Путяты, для качественной подготовки такого войска, оснащения его современным оружием и для создания необходимой военной инфраструктуры требовалось не менее трех лет с выделением на эти цели четвертой части всех доходов королевства. Одновременно финансовая система Кореи, настаивал русский полковник, должна быть подвергнута коренной реформе под руководством русского финансово-го советника. Вскоре соответствующая просьба Сеула последовала⁵⁴. «Ходатайство корейского правительства об оказании содействия в устройстве финансовой системы королевства и его вооруженных сил, — заключал Путята, — предоставляет нам, по-видимому, тот способ к укреплению нашего влияния на Дальнем Востоке, который служит лучшей формой обеспечения наших собственных окраин»⁵⁵.

Помимо организации набора, обучения, перевооружения и боевой подготовки войск корейскому правительству, по его мнению, надлежало: подготовить и издать общегосударственные законы о мобилизации, о воинской повинности, о прохождении военной службы и о снабжении войск; модернизировать арсенал, артиллерийские склады, оружейный завод и мастерские, склады боеприпасов, амуниции и продовольствия, военный госпиталь; реорганизовать Военное министерство по европейскому образцу, образовав и включив в его состав Генеральный штаб; создать систему военно-учебных заведений как офицерских (кадетский корпус с 5-летним сроком подготовки и военное училище со сроком обучения в 2—3 года), так и ун-

тер-офицерских (двухгодичная школа). Одновременно Путята считал целесообразным командировать в Россию за счет русского правительства 30-40 молодых корейцев «из благородных фамилий» для практического изучения военного дела в различных родах войск и для ознакомления с внутренними порядками русской армии. Тем же способом он предлагал обеспечить и благоприятное для России решение проблемы корейского престолонаследия. Нынешний наследник престола физически и умственно слаб, секретно докладывал Путята Николаю II, и вряд ли процарствует долго. Потому если России удастся убедить Коджона отправить на учебу в какой-нибудь конный русский полк двух других своих наследных принцев, Ыхва («Вихуа», как его называл Путята) и Ичуниона (оба в тот момент учились за границей), то «можно было бы спокойно относиться к возможным в будущем переменам в замещительстве корейского престола»⁵⁶.

В дальнейшем Путята планировал охватить русским инструкторством и железнодорожное дело Кореи (создать и обучить корейские железнодорожные войска) с тем расчетом, чтобы страна была в состоянии самостоятельно, без участия иностранных специалистов, строить и эксплуатировать железные дороги на своей территории. Очевидно, это намерение также не противоречило национальным интересам Кореи; скорее, оно содержало некоторую угрозу планам «железнодорожного империализма» министра финансов Витте в странах дальневосточного региона.

Таким образом, Путята имел в виду создать подконтрольную России и отвечающую современным требованиям корейскую армию с развитой инфраструктурой при сохранении государственной независимости королевства. В результате Корея из потенциального японского плацдарма должна была превратиться в долговременного союзника России, способного прикрыть ее дальневосточные территории с юга. Корейской независимости в юридическом значении этого слова проект Путяты прямо не угрожал, но только до тех пор, пока Россию и Корею объединял антияпонский курс их внешней политики.

Развернутое определение военно-политических задач и перспектив инструкторского дела в Корее немного позднее дал кавалергардский поручик князь А.М. Волконский, посетивший страны Дальнего Востока весной — летом 1897 г., в записке в Главный штаб, которая, благодаря содействию двоюродного брата царя, великого князя Александра Михайловича⁵⁷, легла на рабочий стол и Николая II. В «широком развитии в Корею русского инструкторства согласно проекту полковника Путяты» Волконский увидел один из наиболее действенных способов «воспрепятствовать переходу Кореи в руки японцев». «В настоящее время, — писал он, — сеульский гарнизон весь находится под

командой русских офицеров: это обеспечивает страну от всякого невыгодного для нас дворцового переворота и дает возможность иметь короля на нашей стороне <...> Дальнейшее развитие инструкторства, перенесение его в провинцию, будет иметь огромное значение:

а) оно даст нам в мирное время полное военное господство в стране,

б) даст возможность изучить страну и знать положение дел несравненно полнее, чем это может быть сделано обычной военной или дипломатической агентурой,

в) обусловит возможность подготовить страну в военном отношении для наших целей. Средством к сему будет служить: 1) дислокация инструкторских войск соответственно возможным местам высадки японцев, 2) подготовка операционного пути для нашего Уссурийского отряда (улучшение дорог, устройство этапов, укреплений и пр.), 3) устройство при помощи войск нужных для нас дорог и телеграфных линий и их охранение.

г) В случае занятия нами порта, инструкторские войска облегчат его устройство и сухопутную его оборону»⁵⁸.

Как видим, Волконский, а за его спиной и царский кузен стремились «встроить» в сущности мирный путятинский проект в планы военной экспансии России на Корейском полуострове ввиду, как им казалось, неизбежной войны России с Японией.

Среди других влиятельных, но менее воинственных сторонников инструкторских начинаний на Дальнем Востоке был посланник в Китае граф А.П. Кассини. Подполковник граф В.В. Муравьев-Амурский, выражая свое и Кассини мнение, писал в январе 1897 г. военному министру, что дальнейшее упрочение положения России в Корее и Китае «должно произойти на почве реорганизации вооруженных сил этих государств с помощью наших военных инструкторов». Однако развивать это поприще стоит по-разному: «в Корее следует действовать более решительно и быстро, в Китае же с большою осторожностью, тщательно выбирая чинов, назначаемых в инструктора и отправляя их понемногу и постепенно, чтобы не возбудить опасений китайского правительства и не испортить удачно начатого дела»⁵⁹.

В высшем же руководстве российского дипломатического ведомства к масштабному русскому инструкторству на Дальнем Востоке отнеслись с опасливым скепсисом и пытались его сократить или хотя бы притормозить. Министр граф М.Н. Муравьев считал, что с точки зрения отношений с Японией посылка военных советников в Сеул «в данную минуту» «не вполне удобна», а «40-тысячный» план Путяты сильно раздут (хватило бы и трех тысяч солдат) и для корейской казны заведомо непосилен. Впрочем, с тем, что «разрешение в положительном смысле вопроса о командировании наших инструкторов в

Корею представляется весьма желательным как с точки зрения чисто военных интересов, так и особенно политических, являясь наиболее верным средством упрочить наше влияние в стране и тем закрепить тяготение последней к России», не решался спорить и он⁶⁰.

Тем не менее, в инструкции посланнику в Токио (май 1897 г.) говорилось о намерении МИД «повременить несколько принятием на себя переустройства корейских военных сил, предпочитая выждать последствий, кои повлечет за собою возвращение корейского короля на жительство в свой дворец»⁶¹. Еще откровеннее свое видение текущей российской политики на Дальнем Востоке Муравьев сформулировал в одном из писем военному министру: «Самым желательным для нас является сохранение на Крайнем Востоке мирного выжидательного положения, дабы не раздражать без надобности Японию»⁶². Исходя из этого, руководитель внешнеполитического ведомства распорядился приостановить дипломатические переговоры с сеульскими властями относительно участия России в реформировании корейских вооруженных сил, предписав новому посланнику в Токио барону Р.Р. Розену «устранять всякую возможность для какой бы то ни было другой державы вмешиваться в военные дела Кореи» — «это именно в настоящее время и должно составлять в данном вопросе главный предмет наших стараний»⁶³.

Немало противников путятинского проекта неожиданно обнаружилось и в самой Корее. Несмотря на многообещающее начало, его дальнейшее обсуждение и проведение в жизнь встретило большие сложности. Не на высоте положения оказался даже Мин Ён-хван, ранее главный сторонник реформирования корейских вооруженных сил в ближайшем окружении короля, в 1896 г. назначенный военным министром. «К делу собственно военных реформ в королевстве Мин-Юн-Хуан относился до крайности апатично и в некоторой степени даже враждебно, рассчитывая держать короля в своих руках с помощью преданных себе лишь из партии военных мандаринов, облекшихся в мундир японского покроя», — так характеризовал его деятельность на министерском посту Путята⁶⁴. В ходе обсуждения русского проекта в Государственном совете во второй половине апреля 1897 г. одни корейские сановники, по сведениям Вебера, давали «уклончивый ответ, другие предложили удовлетворяться меньшим числом инструкторов»⁶⁵; третьи, добавлял Путята, «глупо повторяли прописную японскую формулу последнего времени о необходимости сплотиться всем народам Востока, японцам, корейцам и китайцам и против западных рас, чуждых их религиозным и общественным идеалам»⁶⁶.

В итоге 28 апреля 1897 г. после бурных дебатов корейский Госсовет отклонил под предлогом финансовых затруднений инструктор-

ский проект в предложенном Путятю объеме. «[В]виду свободной наличности казначейства предлог фиктивный. Действительный [—] сопротивление мандаринов, опасавшихся усиления королевской власти, нашего влияния, также американские [и] английские советы, официальные представления японского посланника», — прокомментировал Стрельбицкий это решение в телеграмме в Петербург⁶⁷. 3 мая письмом посланнику Веберу корейский военный министр запросил новую «смену» из 21 русского военного инструктора, которые должны были приступить к работе летом 1897 г.⁶⁸ — вместо 160, на которых настаивал Путята. Впрочем, прочие параметры его проекта военной реформы в Корее министр в этом письме подтвердил, но лишь формально.

Пока Путята занимался вопросами военного планирования, в первых числах ноября 1896 г. русские инструкторы приступили к практическим занятиям с корейскими солдатами, будущими охранниками короля. Своих учеников они отобрали сами из всех пяти батальонов сеульского гарнизона, причем солдат, пожелавших перейти во вновь набираемый гвардейский батальон, оказалось больше тысячи имевшихся там штатных мест⁶⁹. Главным критерием отбора было отсутствие у претендентов трахомы и малокровия, широко распространенных в тогдашней корейской армии. Русские уставы и наставления были переведены на корейский язык, в основу программы обучения положена русская инструкция для молодых солдат. Строевые команды отдавались только на русском языке — на этом специально настоял сам Коджон; то же — и строевые песни⁷⁰.

Особенно умиляли русских очевидцев быстрота, с которой инструкторы преодолели языковой барьер в общении со своими подопечными, и прогресс в «обезбрюшивании» (выражение Путяты) корейских солдат. «Нисколько не смущаясь незнанием языка, — докладывал он, — унтер-офицеры давали объяснения по-русски, приучили понимать себя своих воспитанников и теперь уже редко обращаются с недовольными замечаниями вроде следующих: “Что ты немец, али русский?.. Разве не русским языком тебе говорят?.. Тебе говорят “закройсь”, а ты “к ноге”!.. На часах простоишь без сроку!..” и проч.»⁷¹. «Все команды записываются по-корейски, — вспоминали свои сеульские будни сами инструкторы. — <...> Счет заучили так: аты, ты-па, трли, чetyрли, пяти, сести, семи, посеми, тепяти, тeсяти. Команды произносятся нижними чинами так: “симирино”, “полино” (польно), “папырапо”, “налепо”, “голопы пыше”, “руки паза”, но по этим командам исполняется все как следует»⁷².

Появление в Сеуле полковника Путяты с его подчиненными, «прекрасно сложенными, одетыми в длинные серые шинели, сви-

детельница-европейка восприняла как одно из значимых событий в жизни всего Корейского королевства. «Они явились для того, — поясняла она, — чтобы обучить корейскую армию и привить ей навыки дисциплины, когда деятельность американского военного советника окончилась неудачей, а войска, обученные японцами, которые оказались мятежными и алчными, вместе со своими японскими инструкторами канули в небытие одновременно со всем прошлым режимом».

И далее с натурой: «Широколищье, крестьянского вида [русские] унтер-офицеры в своей разношенной, неуклюжей, но прочной форменной одежде и длинных сапогах всегда привлекали внимание толпы. Такой же новостью стал вид корейского кадетского корпуса в составе 37 юношей из хороших семей и семи офицеров, которые дважды в день под барабанный бой и с распущенными знаменами проходили маршем от корейского учебного плаца к дворцу Кьонгпок и далее к своим казармам позади русской миссии. Эти молодые люди, которым под руководством русских офицеров предстоит в течение двух лет постигать военные науки, подчиняются суровой дисциплине <...> Сейчас армию составляют 4 300 солдат в Сеуле, 800 из которых готовят как телохранителей короля <...> имеют на вооружении 300 берданок, полученных в подарок от России. Порядок обучения и команды — русские». «Очень вероятно, — пронизательно заметила та же англичанка, — что сила, подготовленная и вооруженная Россией, привыкшая повиноваться русским командам и одушевленная глубокой наследственной ненавистью к Японии, превратится для России в ценный *corps d'armee* в случае войны с этой амбициозной и неугомонной империей»⁷³.

Первый же смотр обученного русскими офицерами корейского «охранного» батальона, проведенный 28 мая 1897 г., привел в восторг министров и придворных, присутствовавших французских и американских военных наблюдателей и, главное, короля, который убедился в отличной выучке своей новой охраны. Приморский военный губернатор генерал П.Ф. Унтербергер, тогда же посетивший Сеул, доложил в Петербург о «выдающихся» результатах работы русских инструкторов⁷⁴ и лично их сфотографировал. Еще раньше Приамурский военный округ получил приказ Петербурга безвозмездно передать Корею три тысячи винтовок Бердана с патронами⁷⁵.

Годичный срок пребывания первой русской военной миссии в Корею истек, и, как и было обещано корейскому военному ведомству, в июле 1897 г. в Сеул явилась вторая в составе 13-ти офицеров и унтер-офицеров во главе с поручиком Лукьяном Афонасьевым (впоследствии число инструкторов было доведено до 27, включая шесть обер-офи-

церов). Однако их прибытие уже не сопровождалось прежними церемониями и торжествами, а деятельность — поддержкой местных властей⁷⁶. Между тем, свои функции они выполняли не менее ревностно и успешно, чем их предшественники. Русский гвардейский полковник, не склонный захваливать своих армейских коллег, будучи в декабре 1897 г. проездом в Сеуле, донес в Петербург, что ознакомился «с постановкой инструкторства и ведения хозяйства в 1 и 2 охранных батальонах» и побывал на занятиях. «Приходится только удивляться достигнутому успеху в такой короткий срок», — рапортовал он в Главный штаб⁷⁷. Посетивший одновременно с ним Сеул адмирал Ф.В. Дубасов, правда, уточнил, что пока эти корейские батальоны «не представляют собою никакого военного значения», получив лишь «внешнюю выправку»⁷⁸.

В конечном счете судьбу русского инструкторства и военной реформы в Корее предредила позиция корейского монарха и его ближайшего окружения. Убедившись, что отныне его охраняет преданный ему и хорошо обученный корейский отряд, Коджон потерял интерес и к русским инструкторам, и к преобразованию собственной армии (в этой связи характерна его нелепая просьба к только что упомянутому русскому гвардейскому полковнику за пару недель его пребывания в Сеуле «поучить кого-нибудь чему-нибудь кавалерийскому»). В очередной раз изменилась и расстановка придворных сил. Во вновь победившую «консервативно-аристократическую партию», сообщал Стрельбицкий, входили «противники расширения дела русского инструкторства в корейских войсках как из опасения усиления иноземного влияния, так и просто из-за нежелания видеть в руках короля сильное и послушное орудие его власти»⁷⁹. К концу 1897 г. под давлением великих держав (особенно Японии) и на фоне роста патриотических настроений в самом корейском обществе официальный Сеул окончательно охладел к деятельности русских военных наставников и финансового советника, о чем 12 марта 1898 г. и известил русскую сторону. По данным Син Сен Квона, заявление об отказе от их услуг Коджон написал по требованию и прямо под диктовку японского посланника М. Като⁸⁰.

Дабы не потерять лицо, Петербургу ничего не оставалось, как тут же заявить об их отзыве. Одновременно Стрельбицкий получил указание нового военного министра А.Н. Куропаткина впредь «воздерживаться от всякого вмешательства во внутренние и политические дела Кореи»⁸¹. Вскоре, 25 апреля 1898 г., барон Розен и японский министр иностранных дел Т. Нисси подписали протокол, согласно 2-му пункту которого Япония и Россия взаимно обязывались не принимать никаких мер относительно назначения в Корею военных инструкторов или финансовых советников, «не прийдя предварительно ко взаимному соглашению по сему предмету». По «высочайшему повелению», 23 апреля 1898 г.

(ст. ст.) инструкторы получили указание командования Приамурского округа вернуться «к местам служения»⁸². В начале июня окружной штаб доложил в Петербург об их благополучном возвращении.

Путята был отозван на родину еще раньше — осенью 1897 г. В Петербурге он получил право всеподданнейшего доклада, что само по себе говорит о значении, которое его миссии придавалось в Петербурге. Подробно изложив состояние сеульских дел, Путята предложил скорректировать курс в отношении Кореи, которая, подчеркивал он, в силу своего географического положения, имела и всегда будет иметь исключительное значение для позиции России на Дальнем Востоке. Раздел королевства на сферы влияния с Японией, по его мнению, для России имел смысл лишь до японо-китайской войны: «Такой дележ мог предупредить войну, а с тем вместе предупредить дальнейшее развитие японских вооружений и пробуждение сознания ими своей силы. При нынешних же условиях все выгоды от раздела окажутся на стороне японцев, утверждение которых на полуострове усилит их стратегическое положение на Востоке в ущерб нашим интересам». В новых условиях, считал Путята, не удастся оставить Корею и в прежней роли российско-японского буфера — «нейтральной зоны, о которую взаимно разбивались интриги обоих государств», поскольку послевоенные попытки Японии утвердиться в королевстве «явились угрозой, обращенной исключительно к нам».

Военный захват полуострова для России бесперспективен и нецелесообразен: мало того, что как операционный театр гористая, бездорожная и бедная Корея «нежелательна» — при гадательности политических дивидендов такой захват повлечет огромные непроизводительные и трудновосполнимые расходы, определенно обострив и без того натянутые отношения с Японией и, вероятно, с другими великими державами. «Отдавать» Корею Японии целиком сугубо опасно: «ныне, когда лишь одна сторона [Корейского] пролива находится в японских руках, наше положение не представляется безнадежным, но оно решительно изменится к худшему, если Японии будут принадлежать оба берега его с корейским включительно». Остается путь систематической «культурной» работы, направленной на закрепление влияния России на все стороны жизни суверенного Корейского королевства. «Самостоятельность и прочность государства будут служить одной из гарантий в неприкосновенности наших границ, и Корея представит заслон со стороны Японии для района Маньчжурии, где мы имеем свои интересы», — писал царю Путята, опровергая, таким образом, распространенное представление многих своих современников о том, что в нынешнем состоянии Корейское государство «неспособно к самостоятельному существованию»⁸³, которое не так давно разделял и сам.

Центральный тезис его записки гласил: «Год русского инструкторства в Корее обнаружил, что оно может быть рассматриваемо, как одно из средств, укрепляющих наше влияние в этой стране, и что дальнейшее развитие его одновременно с применением других культурных способов воздействия на Корейское государство отвечает интересам обеспечения нашего военно-политического положения на Дальнем Востоке»⁸⁴. Существо предложенного Николай II на этот раз самостоятельно оценить затруднился и, отметив «обстоятельность» записки Путяты, распорядился направить ее на ознакомление четырем ключевым министрам — военному, морскому, иностранных дел и финансов. Сам Путята 6 декабря 1897 г. «за отличие по службе» был произведен в генерал-майоры и поставлен во главе Азиатской части Генштаба, которой руководил до 1902 г.; в 1899—1900 гг. последовали и высокие награды — первыми степенями орденов Св. Станислава и Св. Анны. Несмотря на это, дальнейшего движения военно-инструкторский проект Путяты не получил, а вскоре интерес к Корее в глазах официального Петербурга на время вытеснили китайские дела — занятие Порт-Артура и последовавшая аренда и обустройство Квантунской области.

Немного иначе сложилось в самой Корее. Оказавшись перед дилеммой — создавать ли современную, боеспособную, но заведомо прорусскую армию и, таким образом, застраховаться от возможного нападения Японии и сохранить собственную независимость, или, фактически не имея вооруженных сил, по-прежнему балансировать на противоречиях великих держав, в особо опасных случаях уповая на военную помощь извне, Коджон и корейское правительство отдали предпочтение второму варианту. Такой подход обрушил план русского военно-политического руководства создать из Кореи, формально независимой, но подконтрольной России, антияпонский щит с опорой на национальную армию, обученную и подготовленную русскими инструкторами. Преобразования в корейских вооруженных силах по плану Путяты вяло, но все-таки начались (в мае 1898 г. в добавление к кадетскому корпусу в Сеуле было открыто военное училище, в начале 1900 г. образован Генеральный штаб, в 1903 г. — военно-медицинское управление), однако эти реформы не были доведены до конца.

Вскоре после отъезда второй русской военной миссии обучением корейских войск вопреки договоренностям Розена и Нисси вновь занялись японцы и снова малоуспешно — для Кореи. «Если современные корейские войска, может быть, и сделали некоторые успехи в отношении чисто внешней выправки, маршировки и выполнения военных приемов, если офицеры их научились щеголять новыми с иголки мундирами, меховыми воротниками, лакированными башмаками, аксельбантами и перчатками, то я глубоко убежден, что

в смысле военного духа, понятия о служебном долге и собственно боевой подготовке, вообще в смысле воспитания солдат, особенно в смысле военно-научного образования и способа комплектования офицеров, корейская армия не сделала со времени отозвания наших инструкторов ни одного шага вперед», — констатировал в начале 1901 г. русский поверенный в делах в Сеуле А.И. Павлов⁸⁵, в недавнем прошлом морской офицер. Осенью того же года в беседе с русским пограничным комиссаром Коджон каялся, что «по совету дурных людей, допустил отъезд из Сеула русских военных инструкторов и финансового советника». «Когда финансовое и военное дело вели русские, — сетовал корейский монарх, — то были и деньги, и хорошо обученные войска, а теперь нет ни того, ни другого». В итоге в начале 1904 г. Япония, почти не встретив сопротивления, оккупировала полуостров, а в конце 1905 г. превратила Корею в свой протекторат.

Если не считать краткого (80-дневного) обучения тремя русскими инструкторами китайских солдат в Кяхте в конце 1861 — начале 1862 г.⁸⁶, до этого армию и флот Поднебесной готовили исключительно немецкие и британские специалисты и, как показала японо-китайская война 1894—1895 гг., вполне безуспешно. Русские очевидцы констатировали, что «вооруженные по европейскому образцу и обученные самым сложным эволюциям батальоны китайцев на деле, в бою, оказались такой же беспорядочной ордой, как и остальные их неученые собратья, и отсутствие в этих войсках воинского духа и дисциплины обнаруживались систематически при каждом их столкновении с правильным строем японских войск». Главную причину столь плачевного результата русские аналитики видели в том, что иностранные офицеры, приглашенные в Китай, относились к своей работе формально, как «наемники» и безропотно подчинялись указаниям спесивого, но косного и отсталого цинского командования. О внешней стороне преобразований в военной сфере более всего заботилось и само китайское правительство, обычаем которого, по мнению военного агента в Пекине полковника К.И. Вогака, было «оценивать все дела с точки зрения доходности их для лиц, власть имеющих». Приглашая зарубежных инструкторов, оно, как выразился Путята, «лишь пришивало гнилыми нитками отдельные заплатки к прежнему, давно отжившему военному устройству»⁸⁷.

Непосредственным импульсом к появлению масштабных военно-инструкторских планов российского военно-политического руководства в отношении Китая — впервые за всю историю русско-китайских отношений — стала нежданная легкость, с которой Япония разгромила его в войне 1894—1895 гг. 31 октября 1895 г. (ст. ст.) управляющий Военно-ученым комитетом Главного штаба гене-

рал-лейтенант Ф.А. Фельдман приказал Путяте подготовить «соображения о снабжении китайских военных управлений и войск русскими инструкторами» с «расходами на счет Китая»⁸⁸. Немошь последнего обнаружилась настолько очевидно, а японская угроза выявилась столь ярко, что идея об оказании ближайшему соседу военной поддержки витала в воздухе. Уже в середине ноября того же 1895 г. командующий войсками Приамурского военного округа генерал Н.И. Гродеков направил в Главный штаб секретную записку «О необходимости командирования в Китай наших инструкторов», составленную по его собственному почину⁸⁹. Позднее свой проект преобразования китайской армии с помощью российских специалистов представил и военный агент в Китае полковник Генштаба Вогак. Но на высочайшее имя в январе 1896 г. была направлена и императором одобрена записка Путяты по этому вопросу. Через полгода последовало указание Николая II изучить вопрос о командировании русских инструкторов и на китайский военный флот, но глава российского военно-морского ведомства, запрошенный коллегой из военного министерства, дал отрицательное заключение.

В Петербурге рассчитывали, что Китай, несмотря на «присущую ему косность», с готовностью примет русскую помощь. «Именно теперь со стороны Китая, — докладывал военному министру в начале 1896 г. начальник Главного штаба Н.Н. Обручев, — не может последовать возражений на предлагаемый нами проект по организации его войск ввиду впечатления, произведенного неудачным исходом войны и вследствие очевидных доказательств миролюбия, проявленного нами в минувший для него кризис»⁹⁰. Подписание полгода спустя (22 мая/3 июня 1896 г.) секретного русско-китайского союзного договора еще более укрепило эти ожидания.

Однако на деле Пекин, в отличие от Сеула, из общеполитических соображений упорно сопротивлялся как превращению России в монопольного поставщика военных советников, так и появлению на своей территории чрезмерного, на его взгляд, количества таковых. Сказалось давление и собственной военной бюрократии, и западных великих держав. Из беседы с китайским сановником Ли Хунчжаном (Галенович именует этого деятеля «главным министром китайской Великой Цинской империи»⁹¹), состоявшейся в начале 1897 г., российский поверенный в делах вынес убеждение, что «уклонение китайского правительства по инструкторскому вопросу зиждется на боязни восстановить против себя китайскую администрацию и из опасения вызвать в Пекине “целую бурю” среди представителей иностранных держав, требующих уже теперь различных вознаграждений по случаю получения Россией концессии на Маньчжурскую желез-

ную дорогу»⁹², договор на строительство и эксплуатацию которой был подписан в сентябре 1896 г. В общем, инициативу проведения в Китае своих военно-инструкторских планов в жизнь и их финансирование русским властям пришлось брать на себя.

Задачи России при этом, по сути, оставались теми же, что в Корею, что и дает основание рассматривать оба проекта в единстве. В понимании русского военного ведомства, они заключались в том, чтобы с помощью своих военных советников и инструкторов установить контроль над вооруженными силами соседнего государства, превратив его в защитный «вал» от японской угрозы. Заодно предполагалось сделать более долговременным и прочным политическое, экономическое и культурное присутствие России на китайской земле — опять-таки в противовес японскому влиянию. Как выразился анонимный автор «приамурского» проекта, «приглашение наших офицеров и нижних чинов в качестве инструкторов» откроет «двери Китая и ученому, и купцу, и промышленнику». В российском МИД, как всегда, стремились расставить акценты по-своему. Задачи русских военных инструкторов, в изложении товарища министра графа В.Н. Ламздорфа, заключались в том, чтобы «устранить присутствие в этих [китайских] войсках других иностранных инструкторов» и не столько обучать китайские войска, «сколько собирать самые точные сведения об их состоянии, расположении, вооружении и всех происходящих в среде северной армии [Китая] переменах»⁹³.

После долгих препирательств с внешнеполитическим ведомством российское военное руководство установило, что районами, «подлежащими обороне против Японии» силами китайской армии, «долженствующей образоваться при содействии русских инструкторов», следует считать Маньчжурию, а также северную часть расположенной к югу от Пекина провинции Шаньдун, включая одноименный полуостров⁹⁴ (виды на Шаньдун отпали сами собой в конце 1897 г. после занятия, а затем и аренды бухты Цзяо-чжоу Германией на 99 лет). В Маньчжурии важное предназначение подготовленных русскими инструкторами китайских войск должно было заключаться в охране линии КВЖД, строительство которой началось в августе 1897 г.

Сообразно размерам Китая здешние российские военно-инструкторские планы в сравнении с Кореей выглядели гигантскими. Согласно уже цитированному распоряжению генерала Фельдмана от октября 1895 г., в Китай планировалось направить внушительную военную делегацию в составе руководителя, инспекторов войскового, артиллерийского и инженерного управлений и «известного числа инструкторов для пехоты». Проект Гродекова предполагал сформировать в Маньчжурии на постоянной основе учебные пехотный и ка-

валерийский полки и артиллерийскую батарею. План Вогака предусматривал посылку в Китай 235 русских военных инструкторов (в том числе 68 офицеров), которым на протяжении четырех лет предстояло подготовить 40-тысячный китайский корпус «всех родов оружия». В случае войны этот корпус мог бы быть развернут в 120-тысячную армию, призванную защитить подступы к столице империи со стороны моря в Маньчжурии, а также в провинциях Чжили и Шаньдун. Общие траты китайской казны только на первый год проведения военной реформы в таком формате Вогак оценивал в 885—910 тыс. руб.⁹⁵

В одобренный императором проект Путяты были заложены чуть более скромные, чем у Вогака, показатели: 232 русским инструкторам (включая 68 офицеров) при условии их полной независимости от туземного командования следовало подготовить китайские пехотные, кавалерийские, артиллерийские и инженерные части, а также обучить штабы. Рассуждая о заключенных в таком проекте рисках для безопасности самой России и тем самым как бы заранее отвечая своим будущим оппонентам из МИД, Путята в проекте писал: «Если командование лучшей частью вооруженных сил Серединного царства при удержании в известных границах их роста будет принадлежать в течение нескольких лет русским офицерам, то, вероятно, нам мало по малу удастся взять в свои руки влияние на все военное дело страны. Путем соответственного воспитания и обучения китайских солдат можно обратить их в людей послушных и преданных своим русским начальникам, и китайское правительство в будущем может быть поставлено в невозможность обходиться без услуг русских офицеров. Независимо сего устройство нами армии в Китае доставит весьма важные политические выгоды в смысле создания противовеса усиливающемуся могуществу Японии на востоке, вытеснения из военных сфер Китая вредного для нас иностранного влияния и упрочения нашего собственного влияния внутри страны»⁹⁶.

Аргументы Путяты были услышаны и подействовали. Получив критический отзыв на его проект от министра иностранных дел князя А.Б. Лобанова-Ростовского, начальник Главного штаба в поддержку Путяты писал: «При современных политических обстоятельствах усиление в известных пределах Китая столько же нам полезно, как и принятие мер по развитию вооруженных сил на наших сибирских окраинах <...> Полная независимость и самостоятельность в деле обучения, воспитания и довольствия китайских войск, требуемые проектом, предоставляют нам возможность провести военные реформы в Китае с таким расчетом, чтобы с удалением русских инструкторов созданный ими боевой материал не мог оказаться полезным орудием в руках китайцев или инструкторов враждебного лагеря»⁹⁷. Главный штаб, а вслед за ним и военный министр отверг-

ли и предложение князя Лобанова на первое время ограничиться отправкой в Китай лишь нескольких военных специалистов, а в переговорах с Пекином не настаивать на своей военно-инструкторской монополии. Однако дальнейшие события развивались именно по сценарию, который предсказали российские дипломаты.

Консультации с китайскими властями по военно-инструкторскому вопросу начались уже в январе 1896 г. и их ход первоначально внушил российскому посланнику графу Кассини сдержанный оптимизм. Однако шел месяц за месяцем, китайская сторона медлила со внятным ответом, и Николай II стал терять терпение. Осенью 1896 г. к делу подключили опытного и энергичного Вогака, упомянутый проект которого преемник Кассини Павлов 24 ноября 1896 г. направил в пекинский Совет министров «по управлению отношениями с иностранными государствами» (*цзунлиямынь*). Китайские сановники заверили российских дипломатов, что «Китай ни на один день не осмеливается забыть мысль об отмщении [Японии]» и потому «с удовольствием принял бы бескорыстную и искреннюю помощь почтенного государства»⁹⁸, однако, «ссылаясь на финансовые и административные затруднения, просили отложить»⁹⁹ свой ответ на неопределенный срок, что было равносильно отказу.

В такой ситуации дипломатическое ведомство предложило военным прекратить настаивать на «первоначальных предложениях наших» и в дальнейших переговорах с Пекином вернуться к схеме Лобанова-Ростовского — о посылке в Китай лишь нескольких своих военных специалистов. Но теперь уже и это дело не казалось легко осуществимым (к тому же в китайской прессе замелькали сообщения о скором приезде в Пекин очередной группы германских военных инструкторов), пока к Приамурскому генерал-губернатору не обратился китайский генерал Не Шичэн с просьбой командировать для обучения его кавалерии офицера и урядника¹⁰⁰. Этой частной просьбой и решено было воспользоваться, чтобы, как выразился министр иностранных дел с подачи Павлова, путем примера «убеждать правительство богдохана в пригодности наших учителей военного дела»¹⁰¹. Царь согласился и на это.

Исполнение китайского запроса сначала (в марте 1897 г.) было временно возложено на упомянутого кавалергарда князя А.М. Волконского, который будучи в Китае недолго преподавал в кавалерийской школе в Тяньцзине, а затем передано 35-летнему полковнику лейб-гвардии Гусарского полка П.П. Воронову¹⁰². Вопреки надеждам верховного российского командования, китайские военные власти сразу направили Воронова с двумя его помощниками-вахмистрами в кавалерийскую школу города Кайпина на юге Китая. Одновременно они постарались пресечь его демонстративную независимость от

местного генералитета («возбуждение им вопросов о старшинстве») и, как выразился министр Куропаткин, стремление «стать самому начальником китайских войск»¹⁰³.

Ничем закончились и переговоры с китайскими властями об отозвании из Китая инструкторов других государств и замене их на постоянной основе русскими, продолженные главой российской дипломатической миссии в Пекине. В направленной ему 29 января 1898 г. реляции *цзунлиямыня* подчеркивалось, что генерал Не Шичэн нуждается не в военном советнике, а в инструкторе кавалерии; удалять военных инструкторов других стран китайское правительство не намерено; «права равенства полковника Воронова и генерала Не невозможны»¹⁰⁴. В такой ситуации о направлении в Китай нескольких сот русских военных советников, о которых говорилось в проектах Путяты и Вогака, речи уже быть не могло. В общем, к началу 1898 г. масштабный русский военно-инструкторский проект в Китае, фактически, умер, не успев родиться.

Весной 1902 г. генерал-майор Путята был назначен военным губернатором Амурской области, командующим войсками и наказным атаманом Амурского казачьего войска. В апреле 1905 г. и вновь «за отличие по службе» он был произведен в генерал-лейтенанты, но спустя всего полтора года снят с губернаторства — по сведениям сибирских историков, за то, что в условиях революции «старался не допустить резкого обострения обстановки и возникновения прямого противостояния» в области, проще говоря — за «либерализм и попустительство революционерам и забастовщикам»¹⁰⁵. В 1906 г. из Благовещенска Путята был переведен в Одессу начальником местной бригады. Здесь он и умер в феврале 1915 г., не дожив всего нескольких дней до своего 60-летия и в общей сложности проведя, таким образом, «в службе» 43 года 10 месяцев и 16 дней.

Сообщая о его кончине военному министру, его вдова Зинаида Медардовна (урожденная Зайончковская) утверждала, что причиной смерти Дмитрия Васильевича стало малокровие, развившееся от малярии, полученной в молодые годы в азиатских экспедициях. «Осталась без всяких средств, с двумя дочерьми и внучкой на руках», — констатировала она¹⁰⁶. Ее ходатайство о сохранении за ней 500-рублевой пенсии мужа поддержал великий князь Александр Михайлович, и поскольку покойный, по справке Военного министерства, «наказаниям и взысканиям не подвергался», а родовой или благоприобретенной недвижимости не имел, годовой пенсион, «высочайше» пожалованный мужу более 20 лет назад, «в виде особого изъятия» был оставлен и за ней. Единственный сын Путяты, Сергей, ушел из жизни в 1911 г. 19-летним юношей, и со смертью главы семейства эта ветвь старинного дворянского рода, известного в России с XVII в., пресеклась.

Таким образом, в середине — второй половине 1890-х годов в связи с резким усилением Японии по итогам ее войны с Китаем 1894—1895 гг. в недрах российского военного ведомства родился масштабный план, направленный на укрепление влияния России в сопредельных с ней странах Дальнего Востока. Секретный проект Путяты, получивший одобрение императора, фактически был нацелен на решение задачи стратегической важности — мирно завоевать Корею и Китай путем направления туда больших групп своих военных инструкторов, призванных в той или иной степени усовершенствовать и осовременить туземные вооруженные силы, но главное, — со временем создать из них защиту от ожидавшейся японской экспансии на континент, включая русское Приморье. В первом случае (Корея) русское командование надеялось обратить в такой защитный вал весь Корейский полуостров, во втором (Китай) — провести его по южной границе Маньчжурии. Этот проект имел тем больше шансов на успех, что в целом соответствовал текущим национальным интересам Кореи и Китая, которые находились в упадке, усугубленном недавно проигранной Японией войной.

Свой военно-инструкторский проект русскому командованию удалось отчасти осуществить в 1896—1898 гг. в Корее, тогда как в Китае он фактически провалился. России, констатирует военный историк И.М. Попов, «не удалось убедить Пекин поставить эти отношения на межгосударственный уровень», «Китай упустил возможность получить квалифицированную и во многом бескорыстную военную помощь от своего северного соседа»¹⁰⁷. Причины заключались в упорном противодействии со стороны Японии и других великих держав, в недалёковидности и эгоистических устремлениях национальных (корейских и китайских) властей, наконец — в межведомственной разобщенности, характерной для российской дальневосточной политики тех лет, а говоря более конкретно, — в сопротивлении российского МИД, озабоченного перспективой обострения отношений с Японией, отягощенном непоследовательностью взглядов императора как верховного «куратора» названного проекта с русской стороны.

Между тем, позволительно допустить, что его реализация в изначально задуманном объеме имела шансы сильно затруднить, а, может быть, и вовсе предотвратить последовавшее установление японского протектората над Кореей и экспансию Японии в Поднебесной, включая превращение Маньчжурии в 1920-е годы в «первую линию японской обороны»¹⁰⁸. Другими словами, судьба всего дальневосточного региона в XX в. могла сложиться совсем по-иному. Но этот шанс был упущен.

- ¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). — Ф. 409 (Послужные списки офицеров). — Оп. 1. — Д. 241-171. — Л. 45.
- ² Кроме специально оговоренных случаев здесь и далее по тексту даты даются по новому стилю.
- ³ Очерк экспедиции Г[енерального] Ш[таба] капитана Путята в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан 1883 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. — СПб.: Изд. Военно-ученого комитета Главного штаба, 1884. — Вып. 10. — С. 1.
- ⁴ *Постников А.В.* Схватка на «Крыше Мира»: политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. — М., 2005. — С. 211.
- ⁵ Очерк экспедиции Г[енерального] Ш[таба] капитана Путята в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан ... — С. 89.
- ⁶ Записки Общества изучения Амурского края. — Владивосток: тип. Сиб. флот. экипажа, 1894. — Т. 3: *Бородовский Л.И.* Материалы к описанию Хинганской экспедиции полковника Путята: дневник члена экспедиции Л.И. Бородовского. — С. 1, 152.
- ⁷ См.: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. — СПб.: Изд. Военно-ученого комитета Главного штаба, 1889. — Вып. 39: Вооруженные силы Китая / сост. Генерального штаба полковник Путята, 1888—[18]89 г.; *Путята, Генерального штаба полковник.* Совместные маневрирования различных родов оружия старых китайских категорий с планом // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. — СПб.: Изд. Военно-ученого комитета Главного штаба, 1890. — Вып. 42. — С. 67—75; *Путята Д.В.* Китай: очерки географии, экон. состояния, адм. и воен. устройства Серединой империи и воен. значения пограничной с Россией полосы. — СПб., 1895. См. также его статьи в газете «Русский инвалид» и в журнале «Разведчик» за 1894—1895 гг.
- ⁸ См.: *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. — СПб., 2008. — С. 9, 252.
- ⁹ *Витте С.Ю.* Воспоминания. — 2-е изд. — Л., 1924. — Т. 1. — С. 38—39. Из современных отечественных авторов наиболее убежденным сторонником этой точки зрения является известный китаист Ю.М. Галенович. Он утверждает, что Витте являлся «первым и главным помощником» царя в сфере русско-китайских отношений, и жалеет, что дальневосточная политика России «лишь частично и на протяжении относительно короткого периода определялась идеями и предложениями Витте»: *Галенович Ю.М.* Российско-китайские отношения (конец XIX — начало XXI в.). — М.: ИДВ РАН, 2007. — С. 38, 42.
- ¹⁰ *Старый консул.* Россия в Корее: история одного неудавшегося мирного завоевания: из воспоминаний и переживаний свидетеля и очевидца // Возрождение. — Париж, 1935. — 11 апр. — С. 2.
- ¹¹ РГВИА. — Ф. 447 (Коллекция «Китай»). — Оп. 1. — Д. 29. — Л. 211 об.
- ¹² Там же. — Д. 69. — Л. 13 об.
- ¹³ Там же. — Ф. 448 (Коллекция «Корея»). — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 194—195 (Письмо Путята начальнику штаба Приамурского военного округа генерал-майору К.Н. Грибскому, Сеул, 20 января 1897 г., № 15).
- ¹⁴ Там же. — Л. 185.
- ¹⁵ *Симанский П.Н.* События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891—1903 гг.): [в 3 ч.]. — Ч. 1. — СПб., 1910. — С. 138—139, 214.
- ¹⁶ *Лукоянов И.В.* Указ. соч. — С. 41.
- ¹⁷ См.: Россия и Япония на заре XX столетия: аналитические материалы отечественной военной ориенталистики / под ред. В.А. Золотарева. — М., 1994.
- ¹⁸ *Романов Б.А.* : 1) Россия в Маньчжурии (1892—1906). — Л., 1928. — С. 8 ; 2) Очерки дипломатической истории русско-японской войны, 1895—1907. — М.; Л., 1947.
- ¹⁹ *Нихамин В.П.* Русско-японские отношения и Корея, 1894—1898 гг.: автореф. дис. ... канд ист. наук. — М., 1948.

²⁰ *Lensen G.A.* Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea & Manchuria, 1884—1899. — Tallahassee, 1982. — Vol. 2. — P. 648—674.

²¹ См.: *Пак Чон Хё.* Россия и Корея, 1895—1898. — М., 1993; *Чой Док Кю.* Россия в Корее, 1893—1905 гг.: (политика Министерства финансов и Морского министерства). — СПб., 1996; *Ким Чжон Хон.* Русско-корейские дипломатические отношения в 1884—1904 гг. — М., 2001.

²² *Synn Seung Kwon.* The Russo-Japanese Rivalry over Korea, 1876—1904. — Seoul, 1981. — P. VIII—IX (Introduction).

²³ *Vada X.* Ничиро сэно кигенто кайсен = (Японо-русская война: происхождение и начало): в 2 т. — Токио, 2010. — 2 т.

²⁴ См.: *Yakhontoff V.A.* Russia and the Soviet Union in the Far East. — New York, 1931.

²⁵ См.: *Eugene C.I. Kim, Han-Kyo Kim.* Korea and the Politics of Imperialism, 1876—1910. — Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1967. — P. 92, 94; *Langer W.L.* The Diplomacy of Imperialism, 1890—1902. — 2nd ed., with suppl. bibliographies. — New York, 1956. — P. 407. Без каких-либо комментариев этот авторитетный американский историк сообщал, что российский военный советник корейского короля вместе со своими помощниками создали не только батальон охраны монарха, но якобы и 4-тысячную корейскую армию. Различий в позициях российских МИД и военного ведомства в инструкторском вопросе он не уловил. Американский кореевед Андре Шмид, ничего не говоря о деятельности русских военных инструкторов в Сеуле, ограничился глухим упоминанием о «попытках усиления армии» Кореи в 1897 г. (см.: *Schmid A.* Korea Between Empires, 1895—1919. — New York: Columbia University Press, 2002. — P. 29).

²⁶ Цит. по: *Lensen G.A.* Op. cit. — P. 660.

²⁷ *Asakawa K.* The Russo-Japanese conflict: Its Causes and Issues. — Cambridge, 1904. — P. 268—270.

²⁸ См., напр.: *Paine S.C.M.* The Sino-Japanese War of 1894—1895: Perceptions, Powers, and Primacy. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — P. 317—318. При этом стремление «взять под свой контроль армию и правительство Кореи» эта американская исследовательница приписала А.Н. Шпейеру, который осенью 1896 г. сменил К.И. Вебера на посту поверенного в делах в Сеуле.

²⁹ *Treadgold D.W.* Russia and the Far East // *Russian Foreign Policy: Essays in Historical Perspective* / Ed. by Ivo J. Lederer. — New Haven; London: Yale University Press, 1962. — P. 544.

³⁰ *Paine S.C.M.* Op. cit. — P. 308. Впрочем, здравомыслящие зарубежные историки признают, что в моральном плане русская дипломатия «была не хуже, но и не лучше западной»: *Vernadsky G.* Foreword // *Russian Foreign Policy. Essays in Historical Perspective.* — New Haven: London: Yale University Press, 1962. — P. VIII.

³¹ См., напр.: *Schimmelpenninck van der Oye D.* Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. — Dekalb: Northern Illinois University Press, 2001. — P. 160.

³² Этого сумели избежать, пожалуй, лишь Е.В. Добычина и И.В. Лукоянов. Первая в своем диссертационном исследовании затрагивает участие российских военных агентов в реализации интересующих нас планов в Корее и особенно в Китае (*Добычина Е.В.* Внешняя разведка России на Дальнем Востоке, 1895—1904 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — М., 2003. — С. 14—15), второй в своей уже цитированной работе кратко рассматривает деятельность русских военных инструкторов в Сеуле главным образом для доказательства стремления корейского короля сохранить российское военное присутствие в своих владениях (*Лукоянов И.В.* Указ. соч. — С. 256, 259, 265).

³³ *Пак Б.Б.* Российский дипломат К.И. Вебер и Корея. — М.: [Институт востоковедения РАН], 2013. — С. 266—278, 308—317.

³⁴ Там же. — С. 270.

³⁵ *Галенович Ю.М.* Указ. соч. — С. 24.

³⁶ См.: *Розалиев Ю.Н.* Из истории русско-корейских отношений. — М., 1998; *Пак Б.Д.* Россия и Корея. — 2-е изд., доп. — М., 2004. — С. 263—267, 270, 278—286; *Пискулова Ю.Е.* Русско-корейские отношения в середине XIX — начале XX в. — М., 2004; *Пак Б.Б.* Российская дипломатия и Корея. — М., 2004. — Кн. 2: 1888—1897; и др.

³⁷ См.: *Хохлов А.Н.* Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX — начале XX в. // Вопросы истории и историографии Китая. — М., 1968. — С. 203—242; *Никифоров В.Н.* Очерк истории Китая, II тысячелетие до н. э. — начало XX столетия. — М., 2002; *Попов И.М.* Россия и Китай: 300 лет на грани войны. — М., 2004; Россия и Китай: четыре века взаимодействия: история, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. — М., 2013; и др.

³⁸ *Lensen G.A.* Op. cit. — P. 889.

³⁹ РГВИА. — Ф. 448. — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 33—33 об.

⁴⁰ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). — Ф. 150 (Японский стол). — Оп. 493. — Д. 5. — Л. 61.

⁴¹ Цит. по: *Лукоянов И.В.* Указ. соч. — С. 243.

⁴² РГВИА. — Ф. 448. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 37.

⁴³ «Взоры всей Кореи и ее короля, полные надежд, обращены на Россию, которую они считают единственной державой, способной оградить их короля и страну от ненавистного японского гнета и режима. Король искренно и сердечно расположен к нам и желает так же, как и его народ, установления в стране русских законов и порядков и устройства своих войск по русскому образцу», — свидетельствовал в мае 1896 г. только что вернувшийся из Кореи полковник Генштаба В.П. Карнеев (Там же. — Ф. 400 (Главный штаб). — Оп. 4. — Д. 317. — Л. 4—9). По поручению главы русской миссии в Сеуле этот же офицер, еще будучи в Корее, составил проект «устройства инструкторской части», который предполагал пятилетнюю командировку в Корею 70 русских военных (пехотинцев, кавалеристов, саперов, артиллеристов, военных медиков). По расчетам Карнеева, общий расход русской казны на это мероприятие (не считая затрат на материальную часть — винтовки, орудия, кавалерийское имущество и т.д.) должен был составить порядка 200 тыс. руб.

⁴⁴ Там же. — Ф. 448. — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 1—4.

⁴⁵ *Николай II, император.* Дневник императора Николая II (1894—1918) / отв. ред. С.В. Мирошенко. — М., 2011. — Т. 1: 1894—1904. — С. 272, 276 (записи от 10 и 25 мая ст. ст.).

⁴⁶ РГВИА. — Ф. 448. — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 8.

⁴⁷ Там же. — Л. 13—13 об.

⁴⁸ Там же. — Л. 51.

⁴⁹ Там же. — Л. 21—22. Капельмейстер в Корею послан не был «по невозможности найти такового в Восточной Сибири» (Там же. — Л. 51).

⁵⁰ Подробнее о его деятельности на этом посту см.: *Добычина Е.В.* «О происках Токио в Корею на рубеже XIX—XX вв. исправно докладывал в Санкт-Петербург Генерального штаба подполковник И.И. Стрельбицкий» // Военно-исторический журнал. — 2004. — № 3. — С. 43—47; *Павлов Д.Б., Павлова Н.Н.* Полковник И.И. Стрельбицкий — первый русский «военный агент» в Корею // Проблемы Дальнего Востока. — 2012. — № 5. — С. 118—126.

⁵¹ РГВИА. — Ф. 448. — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 25—25 об.

⁵² Там же. — Л. 142, 146.

⁵³ Там же. — Л. 141 об.—142.

⁵⁴ Таким советником стал чиновник Министерства финансов К.А. Алексеев. Его назначение в Сеул состоялось в октябре 1897 г., и в январе 1898 г. он приступил к исполнению своих обязанностей — но лишь до весны того же года. Одним из результатов его недолгого заведывания финансами королевства явились 1,3 млн мексиканских долларов свободной наличности корейской казны — не-

слыханно много для ее обычного состояния. Подробнее о его деятельности в Корее см.: *Симанский П.Н.* Указ. соч. — С. 221—233; *Лукоянов И.В.* Указ. соч. — С. 260—272.

⁵⁵ РГВИА. — Ф. 448. — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 141.

⁵⁶ Там же. — Л. 35, 356 об.

⁵⁷ Передавая бумагу Волконского императору, великий князь от себя отметил, что автор записки «замечательно верно» понял и оценил наше положение на Востоке и наметил меры, которые необходимо теперь же, не теряя ни одной минуты, приводить в исполнение»: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). — Ф. 543 (Коллекция документов Царскосельского дворца). — Оп. 1. — Д. 173. — Л. 28.

⁵⁸ РГВИА. — Ф. 165 (А.Н. Куропаткин). — Оп. 1. — Д. 449. — Л. 13—14. Записка кн. А.М. Волконского сохранилась в нескольких копиях и не раз опубликована с комментариями И.С. Рыбачёнок. См.: «Граница Между Россией и Японией Одна — Океан»: секретная записка князя А.М. Волконского / публикация И. Рыбачёнок // Источник: документы русской истории. — 1995. — № 5 (18). — С. 4—16; URL: http://www.vostlit.info/Texts/Documenty/China/XIX/1880-1900/Volkonskij_A

⁵⁹ РГВИА. — Ф. 448. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 21.

⁶⁰ Там же. — Д. 9. — Л. 72, 76, 78.

⁶¹ Там же. — Л. 255 об.

⁶² Там же. — Л. 238 об.

⁶³ Там же. — Л. 242.

⁶⁴ Там же. — Л. 210.

⁶⁵ АВПРИ. — Ф. 133 (Канцелярия министра). — Оп. 470. 1897 г. — Д. 100. — Л. 12, 17.

⁶⁶ РГВИА. — Ф. 448. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 112 об.

⁶⁷ Там же. — Д. 9. — Л. 231.

⁶⁸ Там же. — Л. 311—311 об.

⁶⁹ Русские инструкторы (а вслед за ними и историк Дж. Ленсен), говоря о повальной коррупции в корейских войсках, приводят в этой связи характерную деталь: после произведенного отбора в «охранный» батальон корейский военный министр распорядился «положить печати (красной краской) на поясах шаровар выбранных людей, объясняя это тем, “чтобы не переменились с другими”, иначе говоря — чтобы не продали право быть учениками русских»: *Афанасьев Л.В.* Русские инструкторы в Корее в 1896—[18]98 г. / сост. Афанасьев 1-й и Н. Грузинский. — Хабаровск, 1898. — С. 16; *Lensen G.A.* — Op. cit. — P. 653.

⁷⁰ РГВИА. — Ф. 448. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 83—87 об. В репертуаре корейских солдат были и русские народные песни. Вот, например, как в описании кн. Волконского выглядело исполнение ими в строю шуточной «Курочки»: «Батальон вытягивался во взводную колонну. “Песенники, вперед!” — скомандовал кто-то из инструкторов. Весело выбежали песенники: “Жилиа-биля кулочка // У ней челный хохолок...” — затянул на ходу долговязый кореец, закинув голову и усиленно размахивая в такт рукой. “Жилиа-биля...” — подхватили остальные»: *Волконский А., кн.* Русские инструктора в Сеуле // С.-Петербургские ведомости. — 1897. — 17 (29) окт. (№ 284). — С. 1.

⁷¹ РГВИА. — Ф. 448. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 105—106 (Всепопданнейший доклад военного министра по рапорту Путяты, С.-Петербург, 3 марта 1897 г. № 20). На документе помета: «Государь император с особым удовольствием изволил выслушать доклад о деятельности инструкторов в Корее и высочайше повелеть соизволил объявить высочайшее свое благоволение полковнику Путяте, поручику Афанасьеву, подпоручику Сикстелю и врачу Червинскому (не внося в приказ), а нижних чинов-инструкторов произвести в фельдфебели и вахмистры по принадлежности. 4 марта 1897 года. Генерал-адъютант *Ванновский*».

⁷² *Афанасьев Л.В.* Указ. соч. — С. 18.

- ⁷³ *Bishop (Bird Isabella L.). Korea & Her Neighbors: A Narrative of Travel, with an Account of the Recent Vicissitudes and present position of the Country: In 2 vols. — London, 1898. — Vol. 2. — P. 262—263, 264.*
- ⁷⁴ РГВИА. — Ф. 448. — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 336.
- ⁷⁵ АВПРИ. — Ф. 191. — Оп. 768. — Д. 34. — Л. 17.
- ⁷⁶ Ухищрения корейских военных властей, направленные на то, чтобы корейские ученики у русских военных на этот раз не появились, по воспоминаниям самих русских инструкторов хорошо описал Дж. Ленсен. См.: *Lensen G.A.* Op. cit. — P. 673—674.
- ⁷⁷ РГВИА. — Ф. 447. — Оп. 1. — Д. 31. — Л. 61 об. (Рапорт полковника П.П. Воронова в Главный штаб с пометой о его прочтении императором, Пекин, 29 декабря 1897 г., № 1).
- ⁷⁸ Там же. — Ф. 448. — Оп. 1. — Д. 10. — Л. 173 об.
- ⁷⁹ Там же. — Л. 67.
- ⁸⁰ *Synn Seung Kwon.* Op. cit. — P. 262—263.
- ⁸¹ РГВИА. — Ф. 447. — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 50.
- ⁸² Там же. — Д. 9. — Л. 388.
- ⁸³ См., напр.: ГА РФ. — Ф. 543. — Оп. 1. — Д. 176. — Л. 33 (Записка контр-адмирала Ф.В. Дубасова «О политическом положении на Крайнем Востоке», ноябрь 1897 г.).
- ⁸⁴ РГВИА. — Ф. 448. — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 353.
- ⁸⁵ Там же. — Ф. 400. — Оп. 4. — Д. 317. — Л. 41—45 об.
- ⁸⁶ Подробнее об этом см.: *Хохлов А.Н.* Указ. соч. — С. 212—215.
- ⁸⁷ РГВИА. — Ф. 447. — Оп. 1. — Д. 29. — Л. 24.
- ⁸⁸ Там же. — Л. 2.
- ⁸⁹ Там же. — Л. 11—18.
- ⁹⁰ Там же. — Л. 44.
- ⁹¹ *Галенович Ю.М.* Указ. соч. — С. 38.
- ⁹² РГВИА. — Ф. 447. — Оп. 1. — Д. 29. — Л. 214 об.
- ⁹³ Там же. — Д. 31. — Л. 63—63 об.
- ⁹⁴ Там же. — Д. 29. — Л. 242.
- ⁹⁵ Там же. — Л. 125—139 об.
- ⁹⁶ Там же. — Л. 24 об.
- ⁹⁷ Там же. — Л. 43 об.
- ⁹⁸ Цит. по: *Симанский П.Н.* Указ. соч. — С. 145.
- ⁹⁹ РГВИА. — Ф. 447. — Оп. 1. — Д. 29. — Л. 20 об.
- ¹⁰⁰ Там же. — Л. 105.
- ¹⁰¹ Там же. — Л. 198—199.
- ¹⁰² Подробнее о его 4-летнем пребывании в качестве военного инструктора в Китае см.: *Дацышен В.Г.* Русский военный советник в Китае полковник П.П. Воронов // Военно-исторический журнал. — 2012. — № 5. — С. 38—43; *Павлов Д.Б.* Русские военные инструкторы в Корее и Китае в конце XIX в. // Российская история. — 2016. — № 2. — С. 139—161.
- ¹⁰³ РГВИА. — Ф. 447. — Оп. 1. — Д. 29. — Л. 69.
- ¹⁰⁴ Там же. — Л. 78.
- ¹⁰⁵ *Абеленцев В.Н.* Амурские губернаторы, 1856—1917: сб. документов и материалов. — Благовещенск-на-Амуре, 2006. — С. 117—119.
- ¹⁰⁶ РГВИА. — Ф. 409. — Оп. 1. — Д. 241—171. — Л. 1.
- ¹⁰⁷ *Попов И.М.* Указ. соч. — С. 193—194.
- ¹⁰⁸ Цит. по: *Yakhontoff V.A.* Op. cit. — P. 252.

И.В. Быстрова

ДОКУМЕНТЫ АРХИВА У. ЧЕРЧИЛЛЯ В КЕМБРИДЖЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье дан обзор документов и материалов по истории советско-британских отношений в период Второй мировой войны, которые находятся в Архивном центре Черчилля в Кембридже. Наиболее важные по данной теме хранятся в фондах премьер-министра Великобритании У. Черчилля, его супруги Клементины Спенсер-Черчилль, министра производства О. Литтлтона, постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании А. Кадогана, помощника-секретаря по военным делам Военного кабинета Э. Джейкоба. Эти фонды охватывают все стороны политики Великобритании в годы Второй мировой войны, в частности ее участие в организации поставок по ленд-лизу, проводки конвоев с грузами в СССР через Атлантику по северному маршруту и через Персидский залив, деятельность Фонда помощи России, визиты в СССР, личные взаимоотношения между представителями стран-союзниц. Документы показывают существенный вклад Великобритании в организации поставок в СССР. Особо выделяются уникальные источники личного происхождения (телеграфная переписка Уинстона Черчилля и его супруги во время ее визита в СССР, дневник Э. Джейкоба, фотографии из альбомов А. Кадогана с оригинальными автографами исторических лиц).

Ключевые слова: конвои; ленд-лиз; морские перевозки; личные впечатления; война в фотографиях; Фонд помощи России.

I.V. Bystrova

Documents of the archives of Winston Churchill in Cambridge as a source on the history of Soviet-British relations during the Second World War

The article observes documents and materials on the history of Soviet-British relations in the period of World War II, which are stored in Churchill Archives Centre in Cambridge. The most important documents on that subject are in archival collections of wartime Prime-minister Winston Churchill, of his wife Clementine Spencer-Churchill, Minister of production Oliver Lyttleton, Permanent Under-Secretary of State for foreign affairs Alexander Cadogan, Military Assistant Secretary to the War Cabinet Edward Jacob. These collections embrace all the sides of British foreign policy during the war, in particular its participation in shipping of Lend lease supplies, conducting convoys through the Atlantic, and then to the USSR by the Northern route and the Persian gulf, aid to Russia fund activities, visits to the USSR, personal relations between representatives of the Allied countries. The documents show the substantial role

of Great Britain in organization of supplies to the USSR. The unique sources of personal origin are to be specified, like telegrams between Winston Churchill and his wife Clementine during her visit to the USSR, Colonel Jacob's diary, pictures and other items from A. Cadogan's scrapbooks, containing original autographs of historical persons.

Keywords: convoys; lend lease; shipping; personal impressions; war in pictures; Aid to Russia Fund.

Архив Черчилля, или Архивный центр Черчилля (*Churchill Archives Centre*) был открыт в 1973 г. на территории Колледжа Черчилля, который является национальным мемориалом памяти У. Черчилля.

Задачей архива является хранение и обеспечение доступа исследователей к важным архивным коллекциям эпохи У. Черчилля и более поздних лет. Здесь собраны личные коллекции выдающихся деятелей, составлявших окружение У. Черчилля, его современников и последователей. По данным официального сайта архива, в нем содержатся документы, касающиеся деятельности около 600 политических, военных деятелей и ученых.

В их числе фонды премьер-министра Великобритании У. Черчилля, его супруги Клементины Спенсер-Черчилль, министра иностранных дел в 1945—1951 гг. Эрнеста Бевина, первого лорда Адмиралтейства Джеки Фишера, премьер-министра Великобритании в 1990—1997 гг. Джона Мэйджора, Сэра Джона Кокрофта, ученого-атомщика, лауреата Нобелевской премии 1951 г. и других выдающихся исторических деятелей. В специально построенном новом крыле здания архива хранится коллекция премьер-министра Великобритании в 1979—1990 гг. Маргарет Тэтчер (хранилище открыто лично М. Тэтчер в 2002 г.).

Архивный центр Черчилля располагает уникальной коллекцией документов. Следует подчеркнуть очень строгие правила обращения читателей с документацией и крайне бережное обращение с оригинальными документами со стороны работников архива.

Важным подспорьем в работе исследователей является искусно подобранная библиотека; на полках читального зала архива находятся труды и биографии не только всех фондообразователей, но литература, касающаяся различных сторон их деятельности, а также работы о широком круге персоналий из окружения У. Черчилля, М. Тэтчер, представителей британской политической, военной, научной элиты.

Архивный центр занимается организацией стационарных и передвижных выставок документов из своих коллекций как в Великобритании, так и за ее рубежами. Часть важнейших документальных коллекций архива переведена в электронную форму (оцифрована), регулярно создаются виртуальные тематические выставки и экспонирование ряда образовательных программ в режиме он-лайн.

Основополагающей архивной коллекцией является оцифрованный архив Уинстона Черчилля (*Churchill papers*), который делится на следующие разделы:

1. Личные бумаги Черчилля, 1884—1965 (включает личную переписку У. Черчилля с членами его семьи и друзьями и документы о личной, финансовой, юридической деятельности).

2. Раздел публичный и политический общий, 1898—1964 (записки и корреспонденция, не касающиеся непосредственно деятельности Черчилля на посту премьер-министра и министра).

3. Избирательный округ, 1900—1964 (документы о деятельности Черчилля как представителя местных избирательных округов (*Oldham, North-West Manchester, Dundee, Epping, and Woodford*)).

4. Литературная деятельность, 1890—1965 (переписка с издателями, материалы и фрагменты обширного эпистолярного наследия Черчилля).

5. Речи, 1897—1965 (заметки, проекты, пресс-релизы, фрагменты парламентских записей дебатов в Палате общин и опубликованный материал).

6. Официальные документы, 1902—1955 (переписка, меморандумы, публикации по официальным вопросам Черчилля на постах министров и премьер-министра, разбитые на классы в хронологическом порядке).

7. Иные материалы, 1690—1960 (документы и материалы, полученные в наследство или в подарок, сопутствующие документы).

Фонд У. Черчилля охватывает практически все стороны политики Великобритании в годы Второй мировой войны, в частности ее участие в организации поставок по ленд-лизу, проводки конвоев с ленд-лизовскими грузами в СССР через Атлантику по северному маршруту и через Персидский залив.

Личные письма, записки и телеграммы, протоколы заседаний конференций союзников и другие документы отражают процесс принятия решений по военным, экономическим, политическим вопросам, ход повседневного сотрудничества, а также личные взаимоотношения между представителями стран «Большой тройки».

Документы позволяют показать существенный вклад Великобритании в организации программы военной помощи СССР, прежде

всего поставок по ленд-лизу. Судить об этом вкладе в целом можно по цифрам огромных потерь, которые несла Великобритания в ходе проводки трансатлантических конвоев.

Документы из коллекции У. Черчилля свидетельствуют, что премьер-министр неотрывно следил за операциями по проводке конвоев. В документе от 11 марта 1943 г. «Положение с перевозками» (“*The Shipping Position*”) показан «огромный рост морских перевозок Британии в годы войны», динамика экспорта, импорта, тоннажа флота и другие показатели¹.

Согласно записке Черчилля от 30 апреля 1943 г., с января 1942 г. британские потери тоннажа были в 2 раза больше, чем американские потери!

«Я следил за этими данными неделя за неделей», — писал премьер-министр, и только в последние 5 месяцев (то есть с декабря 1942 г. — *И.Б.*) наступило некоторое «улучшение»².

Документы из личного архива У. Черчилля также позволяют лучше понять его отношение к Советскому Союзу, И.В. Сталину и Красной Армии, которую британский премьер неизменно восхвалял как спасительницу человечества от нацизма. Образ И.В. Сталина постоянно присутствует на страницах обширной корреспонденции У. Черчилля, он очень часто думает о событиях на советско-германском фронте, их влиянии на военные операции союзников, о возможных реакциях Сталина на поведение Великобритании и ее главного союзника — США. Наряду с традиционным прозвищем «Дядя Джо» (*Uncle Joe*), Черчилль называл Сталина «Великий медведь» (*Great bear*).

Документы архива У. Черчилля позволяют изучить и разногласия между Великобританией и США, с одной стороны, и СССР — с другой.

Основной массив переписки между лидерами «Большой тройки», в том числе так называемой «секретной переписки» между Черчиллем и Рузвельтом, где отражались переговоры о проведении совместной линии в войне, а также об утаивании ряда военных планов от советской стороны и другие «тайные» сюжеты, уже опубликованы, в том числе и в России. Однако здесь речь идет прежде всего о так называемых «личных телеграммах» (посланиях) руководителей Великобритании, США и СССР друг другу.

Помимо личных посланий лидерам «Большой тройки», в фонде Черчилля содержится значительный объем переписки премьер-министра с руководителями других стран, военными и дипломатическими представителями Великобритании на Ближнем Востоке, в Северной Африке, на Тихом океане и в других регионах, с официальными лицами, ответственными за программу поставок в СССР (лорд Бивербрук, Г. Гопкинс, В.А. Гарриман и другие), в которых

отражены самые разнообразные аспекты советско-британских отношений, оценки роли СССР в сражениях Второй мировой войны.

Переписка Черчилля с представителем Великобритании на Московском совещании в сентябре 1941 г. позволяет раскрыть детали организации поездки и деятельности миссии союзников, и в частности, роль в этом деле министра снабжения лорда У. Бивербрука, который был личным другом У. Черчилля.

Вопросы о положении на советско-германском фронте, о поставках в СССР постоянно и активно обсуждались в переписке между У. Черчиллем и премьер-министром Южной Африки Я. Смутсом, премьер-министром Канады У.Л. Маккензи Кингом и другими представителями стран-союзниц Великобритании.

Документы фонда Черчилля раскрывают в деталях и многообразии процесс организации и налаживания поставок в СССР. Многочисленны примеры сопротивления британских представителей и их союзников на других фронтах — в Северной Африке, на Ближнем Востоке, переориентации американских поставок, которые ранее шли Великобритании, на Советский Союз.

Так, занимавший в то время пост Государственного министра на Ближнем Востоке Оливер Литтлтон в телеграмме У. Черчиллю от 1 декабря 1941 г. выражал протест против передачи СССР предназначенных Ближнему Востоку самолетов. Он, в частности, указывал, что «...1. Комитет обороны здесь очень обеспокоен указанием, полученным Главнокомандующим авиацией, о намерении перенаправить ряд легких бомбардировщиков современных образцов русским, из числа обещанных Ближнему Востоку американских поставок.

2. Если это означает намерение [перенаправить] те самолеты “Бостон”, которые уже считаются отправленными, последствия будут самыми серьезными, и будут не менее серьезными, если будет приказано переадресовать и более поздние поставки. По мнению Главнокомандующего авиацией, потеря этих обещанных поставок нанесет нам тяжелый урон во время предстоящей кампании»³.

Ответ премьер-министра по данному вопросу телеграммой от 7 декабря 1941 г. гласил: «Министерство авиации констатирует, что переадресовка, на которую вы ссылаетесь, составляет 42 самолета “Бостон”, из 160 изначально выделенных для Ближнего Востока, из которых 118 уже поступили или на пути к вам. Переадресовка была сделана с тем, чтобы помочь Америке выполнить свои обязательства России, и серьезно затрагивает эскадры легких бомбардировщиков на Ближнем Востоке и у нас дома. Министерство авиации уже запросило американцев о возможности направить 42 “Бостона”: на Ближний Восток, если размеры поставок “Бостонов” превысят возможности отправок их в Россию»⁴.

Как показывают документы архива, главную военно-стратегическую цель Великобритании У. Черчилль видел в сохранении контроля за коммуникациями в Атлантике и на Тихом океане. Значение трансатлантических коммуникаций во Второй мировой войне трудно переоценить. Понимало это и германское командование, развернувшее против конвоев союзников одну из самых ширококомасштабных военно-морских кампаний этой войны.

Самым печально знаменитым эпизодом этой войны для СССР стала гибель конвоя «PQ-17» в июле 1942 г. История стала предметом детального разбирательства в британском Адмиралтействе и вызвало шквал возмущения не только со стороны советского руководства, но и внутри британского содружества. Приведем только два документа, которые ярко отражают суть полемики и принципиальную позицию премьер-министра в вопросе организации конвоев.

7 июля Высший Комиссионер по Австралии Стенли Брюс (*Stanley Bruce*) обратился к Черчиллю с меморандумом в связи с гибелью конвоя в СССР:

«События, связанные с данным русским конвоем, имеют наиболее важное значение.

Учитывая появление германских надводных кораблей, и в особенности «ТИРПИЦА» (германский линкор. — *И.Б.*), против которых обычный эскорт был бы бессилён, был отдан приказ конвою рассредоточиться.

В результате отдельные корабли конвоя были лишены военного прикрытия, и им осталось только пробираться в русские порты на свой страх и риск...

Очевидно... что проводка наших конвоев должна продолжаться, чтобы продолжалась помощь России.

Вопрос, который нужно решить — это как устранить угрозу со стороны германских надводных кораблей... чтобы конвои могли быть проведены. Ответ — нейтрализовать угрозу со стороны германских военных кораблей можно только с помощью наших военных кораблей.

В качестве причины, по которой наши корабли бездействовали, выдвигалась угроза им со стороны истребителей наземного базирования. Район, в который корабли должны были следовать, находился на расстоянии 360 морских миль от наземных баз таких истребителей. На расстоянии 360 миль бомбардировщики наземного базирования не могли бы даже сопровождаться истребителями. При таких обстоятельствах не могли ли бы наши истребители, базирующиеся на кораблях, защитить наши линейные корабли от бомбардировщиков наземного базирования? Прохождение этих конвоев жизненно необходимо».

Соответственно Брюс предлагал, чтобы британские военные корабли следовали под прикрытием авиации морского базирования.

«Конечно — отмечал он, — это риск.

Но рисковали же немцы, когда выставили “ТИРПИЦ” против защитного кордона из 13 британских и русских подводных лодок. Они чувствовали, что стоит рисковать и рисковали. И мы должны сделать то же самое»⁵.

Ответ Черчилля ярко отражал военную стратегию премьер-министра и понимание роли Великобритании в проводке конвоев, в частности. Надо отметить, что ответ Стенли Брюсу он дал, в силу экстремальной занятости, только через две недели, 23 июля 1942 г.:

«Извините за то, что я не поблагодарил Вас ранее за Вашу записку о русских конвоях, приложенную к Вашему письму от 7 июля.

Без сомнения, Вы понимаете, что пределы нашей морской мощи настолько невелики, что если будет потерян или серьезно поврежден какой-либо отсек на нашем линейном корабле или крупном авианосце, то мы можем потерять жизненно важный контроль над коммуникациями как в Атлантическом, так и в Тихом океанах.

Если мы потеряем контроль над Атлантикой, будет парализована не только наша страна, но и Австралия, и никакие поставки более не смогут достигнуть России ни через Архангельск, но через Персидский залив.

Потеря “PRINCE OF WALES” (линкор. — *И.Б.*) и “REPULSE” (линейный крейсер, оба потоплены японцами в декабре 1941 г. — *И.Б.*) дала нам пример того, что может случиться с линейными кораблями без поддержки истребителей, и то же самое могло легко произойти с нашим флотом (Home Fleet) в Баренцевом море, поскольку в этих северных водах в течение многих дней самолеты не могут действовать с кораблей, в то время как самолеты наземного базирования могут действовать каждый день, когда на их аэродромах нет тумана, и в полной мере используют изменения видимости, которые часто имеют место в этих широтах.

Сражение за остров Мидуэй также показало, что может случиться с линейными кораблями и авианосцами, если они противостоят авиации наземного базирования. Несомненно, японские корабли имели защиту против истребителей, но это не дает гарантии против массовой атаки самолетов наземного базирования, поскольку если атакуют, например, 25 самолетов, 20 из них могут быть сбиты, но остальные продолжают атаковать.

Немцы имеют достаточно самолетов в Северной Норвегии, чтобы производить еще более массированные атаки, чем вышеуказанные, и... в данном случае (с конвоем PQ-17. — *И.Б.*) они массированно атаковали конвой на расстоянии 340 миль, и отдельные корабли на расстоянии 500 миль.

Вы отмечаете, что проводка Северных конвоев жизненно необходима, однако я уверен, что Вы согласитесь, что она намного менее необходима, чем наш контроль за морскими коммуникациями. Вы говорите о том, что немцы рискнули отправить “ТИРПИЦ” и предлагаете, чтобы мы тоже рисковали таким образом. Эти случаи нельзя даже сравнивать. Если мы безосновательно рискуем нашим флотом,

мы рискуем, что наши морские коммуникации будут перерезаны, в то время как если бы “ТИРПИЦ” был потоплен, это не оказало бы подобного влияния на положение Германии.

Конечно, Адмиралтейство старается преодолеть эти трудности. Искренне Ваш, Уинстон С. Черчилль»⁶.

Вопрос о возобновлении конвоев в СССР после июльской трагедии 1942 г. активно обсуждался в переписке У. Черчилля с И.В. Сталиным, которая выделена в архиве Черчилля в качестве отдельной папки (следует отметить, что переписка эта опубликована в обеих странах). К этому вопросу премьер-министр неоднократно возвращается и в своих шифротелеграммах подчиненным ведомствам. Так, в совершенно секретной телеграмме в Министерство авиации от 10 августа 1942 г. премьер-министр подчеркивал:

«Необходимо продолжать дальнейшие [конвои] PQ после сентября. Меня об этом будут спрашивать (во время предстоящего визита в Москву. — *И.Б.*) и я должен знать. Я не верю, что ресурсы Адмиралтейства не позволяют это [осуществить], равно как и “Торч” (планировавшаяся в то время операция по высадке англо-американских союзников в Северной Африке. — *И.Б.*)»⁷.

Повышенное внимание к вопросам советско-британского сотрудничества отражено, что вполне естественно, в документах, отнесенных к периодам пребывания У. Черчилля с визитами в СССР (август 1942 г. и октябрь 1944 г.).

Так, во время знаменательного первого визита в Москву в августе 1942 г. Черчилль направлял очень подробные телеграммы в адрес тогдашнего заместителя премьер-министра Клемента Эттли (*Clement Attlee*) с описанием содержания переговоров с И.В. Сталиным, В.М. Молотовым и К.Е. Ворошиловым, где отражались и его личные впечатления о собеседниках. Напряженно-настороженный характер первой встречи в Кремле 12 августа 1942 г. ощущается как в документах Черчилля, так и в официальных записях бесед с советской стороны. Из четырех часов встречи первые два были, по выражению Черчилля, «мрачными и безрадостными»⁸. Известна острая реакция Сталина на отказ англо-американских союзников (интересы США во время этой встречи выражал личный представитель президента США Ф. Рузвельта В.А. Гарриман) открывать второй фронт в Европе в 1942 г. путем высадки в Нормандии, к чему стремилась советская сторона. Некий перелом наступил после того, как премьер-министр изложил суть плана «Торч» и указал сроки высадки в Северной Африке, по мнению англичан 30 октября, по мнению президента Рузвельта 7 октября. Здесь, по словам Черчилля, все трое

русских, кажется, вздохнули с облегчением, а «господин Сталин произнес: “Да благословит Бог ваше начинание”»⁹.

Следует отметить, что Сталин, несмотря на первоначальный обмен острыми репликами, сразу произвел на Черчилля большое впечатление. По его мнению, Сталин высказал острое суждение о стратегическом значении и перспективах плана «Торч», что показало его «быстрое и разностороннее овладение до этого неизвестной проблемой». Затем обсудили любимый план Черчилля послать англо-американские авиационные части на южный фланг русско-германского фронта для защиты Каспия. Беседа закончилась в «сердечной» манере, и в целом премьер-министр пришел к благоприятному выводу, что ему скоро удастся «установить прочные и искренние отношения с этим человеком и убедить его в нашем горячем желании, разделяемом Президентом, глубоко и быстро ввязаться в сражение с наибольшей пользой. О русских он (Сталин. — *И.Б.*) сказал только, что немцы сделали больше танков и топлива, чем ожидалось, и что положение на юге тяжелое, и что русские начали маневр под Ржевом, который как раз развивался в то время».

Черчилль охарактеризовал и детали отношения к нему принимающей стороны. Так, Сталин заявил, что «согласно русскому обычаю, гость должен заявить о своем желании», и хозяин будет готов его исполнить в любое время. Задумав еще одну встречу, Черчилль расстался с радушным «хозяином», по его выражению, в атмосфере доброй воли и отправился в специально отведенную ему резиденцию — государственную дачу номер 7, расположенную в густом лесу и тщательно охраняемую со всех сторон, снабженную просторным бомбоубежищем на случай воздушных налетов¹⁰.

В посланной также 13 августа шифротелеграмме на имя заместителя премьер-министра Черчилль уточнил важный вопрос о конвоях: «в разговоре... с господином Сталиным я не касался вопроса о конвоях “RQ”, поскольку не хотел повредить [плану] “Торч”, но этот вопрос должен быть упомянут». В связи с этим Черчилль указывал, что в сентябре должен был отправиться конвоем в составе хотя бы 60 судов и просил подтвердить ему, что это возможно, поскольку он был обязан что-либо предложить по этому вопросу советской стороне¹¹.

Последующие телеграммы Черчилля содержали отчеты о содержании его встреч и бесед со Сталиным и Молотовым 14 и 15 августа. Эти документы в оригинале изобилуют многочисленными пометками, сделанными красными и синими чернилами рукой самого Черчилля, который активно работал над ними впоследствии и использовал их при написании своих многотомных мемуаров о Второй

мировой войне. Сложные перипетии этих бесед, которые начались новым серьезным конфликтом, усиленным неудачным подбором переводчиков, но закончившихся выработкой совместных документов и восстановлением доверительных отношений, подробно изложены также в исследовательской литературе, опирающейся на записи бесед как британской, так и советской стороной¹².

Письма, направляемые в адрес У. Черчилля различными адресатами, разумеется, подлежали изучению его секретарями, которые затем докладывали соответствующие вопросы премьер-министру. Значительная часть предложений и замечаний различных «представителей общественности» получала и обоснованно отрицательные ответы с рекомендациями с просьбами не отрывать Черчилля от важнейших дел.

Эти предложения отражали, вместе с тем, общественные настроения, в частности, связанные с советско-британскими отношениями. В разгар тяжелейшей обороны Сталинграда, 24 сентября 1942 г. в адрес У. Черчилля пришло письмо от некоего Эрика Эррингтона с предложением послать британские бомбардировщики, чтобы остановить наступление немцев на Сталинград. В своем обращении автор письма делал упор на необходимость усиления военной помощи Великобритании Советскому Союзу:

«Мой дорогой премьер-министр,

В течение нескольких дней я внимательно наблюдал за сражением за Сталинград, и я рад узнать о том, что наш конвой благополучно прибыл в Северную Россию. Однако кажется, что эти два факта недостаточно связаны между собой в общественном мнении в этой стране (Великобритании. — *И.Б.*), а, возможно, и в России.

Не будет ли возможным послать сколько-то наших тяжелых бомбардировщиков с тем, чтобы бомбить немцев на фронте под Сталинградом, даже если это принесет потери и поражения.

Подъем духа наших людей и русских в результате бомбардировок немцев на Сталинградском фронте “Веллингтонами” (*Vickers Wellington* — британский двухмоторный бомбардировщик — *И.Б.*) будет очень высоким, если эту информацию правильно распространить»¹³.

В последующей переписке по этому вопросу представители Военно-воздушного министерства Великобритании (*Air Ministry*) предлагали различные варианты ответа. Финальное заключение от имени премьер-министра о «неосуществимости этой миссии» озвучил главный военный помощник У. Черчилля генерал Х.Л. Измэй (*Hasstings Lionel Ismay*). В записке на имя секретаря Черчилля М. Мартина от 7 октября 1942 г. он докладывал о результате своей встречи по поручению премьер-министра с автором письма Эррингтоном и передаче последнему письменного ответа.

Измей писал, что «М-р Эррингтон разъяснил, что причиной написания им письма явилось его беспокойство по поводу общественного мнения как в этой стране, так и в России. Казалось, что в обеих странах сложилось общее мнение, что мы недостаточно помогаем, и что даже операция похожая на трюк, нерациональная с военной точки зрения, могла бы возыметь хорошее воздействие.

Я заверил его, что лица, ответственные за высшее военное командование, не менее чем он, стремятся помочь России, и таким образом и нам самим, но было бы совершенно бесполезно ввязываться в операцию, которая не имела бы никакого военного и психологического эффекта, и которая бы просто дала врагу повод насмеяться над нами.

Я сказал, что премьер-министра не нужно более беспокоить по этому делу, но что Вы хотели бы сохранить эти материалы для Вашего сведения»¹⁴.

Архивные коллекции семьи Черчилль представлен также фондом его жены, КЛЕМЕНТИНЫ ОГИЛВИ СПЕНСЕР-ЧЕРЧИЛЛЬ, баронессы (1885—1977). Не занимавшая никаких официальных должностей в британском правительстве, Клементина Черчилль внесла уникальный личный вклад в укрепление советско-британских отношений, в организацию поддержки СССР. Именно она организовала «Фонд помощи России» Красного Креста (*“Aid to Russia Fund”*), действовавший с 1941 по 1951 г. и оказавшего значительную помощь Советскому Союзу медикаментами, оборудованием для госпиталей, продуктами питания. К. Черчилль стала бессменным президентом фонда. Ее имя и авторитет в Великобритании способствовали тому, чтобы весьма небогатые, значительно пострадавшие от войны жители Британских островов направляли в фонд свои пожертвования. В коллекции К. Черчилль содержатся финансовые документы, переписка и другая документация, связанная с деятельностью фонда.

Всего за годы войны «Фондом помощи России» было собрано средств на общую сумму более 8 миллионов британских фунтов (около 200 миллионов фунтов по современному курсу).

Выдающиеся заслуги баронессы К. Черчилль в деле организации помощи СССР были высоко оценены советским правительством. В марте 1945 г. по приглашению советского Красного Креста Клементина Черчилль приехала в СССР и посетила Ленинград, Сталинград и ряд городов на юге СССР. Из Крыма через Одессу Клементина Черчилль выехала в Москву, где ей был вручен орден Трудового Красного Знамени; здесь она встретила День Победы. В архивной коллекции К. Черчилль хранится в числе других документов кожаная обложка книжки с надписью «Отличнику санитарной обороны СССР. Исполнительный комитет Союза обществ Красного креста

и Красного полумесяца СССР». Клементина Черчилль выступила 9 мая 1945 г. по московскому радио с открытым посланием Уинстона Черчилля к Сталину.

Архивный фонд К. Черчилль включает ряд документов, связанных с деятельностью Фонда помощи России, а также документы, связанные с ее визитом в СССР в марте — мае 1945 г. В основном это ее телеграммы мужу, наполненные бесценными свидетельствами о положении в различных городах СССР¹⁵. Документы об организации ее поездки в СССР и письма к ней Уинстона Черчилля в ходе этого трудного и длительного путешествия хранятся также в фонде У. Черчилля.

В фонде К. Черчилль содержатся оригиналы приглашений от советских организаций, которые она получала по прибытии в СССР. Как пример такого документа можно привести телеграмму от Председателя исполкома Курского городского совета депутатов трудящихся, депутата Верховного совета СССР Надежды Масленниковой в Исполком Союза общества Красного креста и Красного полумесяца СССР «для Председателя Британского комитета Фонда помощи России госпоже Клементине Черчилль». В телеграмме говорилось:

«Жители древнего русского города Курск, пострадавшие от немецких варваров, с удовлетворением и признательностью следят за благотворной деятельностью возглавляемого Вами Комитета Фонда помощи России и рады приветствовать Вас на нашей советской земле. Позвольте от имени населения Курска передать Вам приглашение посетить наш город и лично убедиться в том, какие тяжелые раны нанесли ему немецкие захватчики и в том, как героически трудятся советские люди над восстановлением хозяйства и культуры. Примите сердечный привет и искренние пожелания здоровья, бодрости и успеха в том благородном деле, которое Вы ведете на благо Объединенных наций»¹⁶.

В фонде хранится книга, опубликованная баронессой на родине сразу после визита в СССР. Там же хранится экземпляр ее книги, изданной в Лондоне на русском языке, в твердом переплете. В небольшую по объему книгу вошли основные путевые заметки. Одним из самых сильных впечатлений Клементины Черчилль во время длительного пребывания в СССР стало посещение Сталинграда. В своей книге она очень четко оценила историческое значение Сталинградской битвы как перелома в ходе всей войны, а также героизм его жителей в защите и в восстановлении города:

«Из Ленинграда мы направились в Сталинград. Ужасная картина разрушения развернулась перед нашими глазами. Моя первая мысль была, что это похоже на центральную часть города Ковентри или на

руины вокруг собора св. Павла в Лондоне, с той разницей, что хаос и развал казались беспредельными. Одно здание особенно бросилось мне в глаза: это была руина, тщательно подпертая и подчиненная. Оказалось, что в подвале этого здания русские захватили фон Паулюса, немецкого командующего. Мне подумалось — как типично для русских, что они сделали все возможное, чтобы сохранить эту руину из-за ее символического значения. Она олицетворяла окончательный разгром врага после одной из жесточайших битв во всех истории человечества. Сталинград был поворотным пунктом войны, и русские этого не забудут во веки веков».

«...В городе, как Сталинград, мысль о потрясающих страданиях и человеческих жертвах, понесенных вследствие фашистского нашествия, приводит в полное оцепенение. Человеческое воображение просто отказывается представить себе бедствие такого масштаба. Но надо сказать, что как только последние немцы были выбиты из города, русские использовали его как трамплин для атаки. Они знали, что начался, наконец, немецкий отлив. И с какой мрачной решимостью они его использовали! Прежде всего, они восстановили разрушенную железнодорожную станцию и пути. Затем они отремонтировали здание Городского Совета, чтобы оно снова стало центром гражданской городской жизни. Они восстановили сталелитейный завод, на котором занято 30 000 рабочих и который только что выпустил тысячный по счету сельскохозяйственный трактор. Сталинград, этот гибельный для немцев город, стал центром непрерывного наступления. В пригородах Сталинграда я видела поселок ... деревянных домов, рассчитанный на 20 000 жителей, в среднем по шесть семей на дом. Деревянные части сплавляются вниз по Волге, за сотни миль, потому что на месте дерева нет.

... Куда бы мы ни ездили в автомобиле, я всегда сидела впереди рядом с шофером, чтоб видеть все, что можно. И тут, в Сталинграде, я часто поражалась картиной семей, живущих в подвалах и землянках. Одна забавная черточка может дать представление о бодрости и неунываемости граждан. На фасаде одной из землянок красовался плакат: “Здесь вскоре откроется прекрасный магазин”. “Что это будет?” — я спросила. “Парикмахерская”, — был ответ. Между прочим, Россия вовсе не является страной бородатых мужчин, как часто представляют себе иностранцы, и парикмахеры там в большом спросе»¹⁷.

Благотворительная деятельность Клементина Черчилль была, по всей вероятности, известна советским людям, знали они и то, что она получила орден Трудового Красного Знамени. Среди простых советских людей Клементина была, возможно, не менее популярна, чем сам Уинстон Черчилль, которого в довоенные годы советская пропаганда представляла как «врага СССР» — организатора «комбинированного похода» стран Антанты и внутренних сил контрреволюции против Советской республики в 1919 г. Символично, что волею судьбы именно Клементина Черчилль оказалась в СССР в День Победы.

К числу важнейших для изучения советско-британских отношений относится фонд АЛЕКСАНДРА КАДОГАНА (1884—1968). Этот известный британский дипломат в 1938—1946 гг. занимал пост постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании и зачастую выступал в роли «неформального» министра иностранных дел. Так, Кадоган сопровождал Черчилля на первую встречу со Сталиным в августе 1942 г., как и на первую встречу с Рузвельтом за год до этого. В 1944 г. был главой делегации Великобритании на конференции в Думбартон-Окс. В 1946—1950 гг. работал постоянным представителем Великобритании в ООН. А. Кадоган известен также как автор замечательного дневника, одного из самых насыщенных источников личного происхождения по истории Второй мировой войны.

Архивный фонд А. Кадогана, хранящийся в архиве Черчилля в Кембридже, содержит удивительный вид исторического источника — так называемые «альбомы», которые оказались огромными томами, наполненными лично Кадоганом, который участвовал в большинстве дипломатических событий Второй мировой войны и первых послевоенных лет, удивительными неформальными фотографиями, вырезками из газет, личными вещами, плакатами, открытками, меню банкетов, с подписями самого автора и других исторических лиц, в числе которых был и И.В. Сталин¹⁸. Это подлинная «история в фотографиях» международных отношений!

К числу уникальных документов относятся документами с автографами выдающихся исторических деятелей: меню с автографом Сталина, полученное Кадоганом в Москве в декабре 1941 г., автографы У. Черчилля, В.М. Молотова, Ф. Рузвельта, И.В. Сталина, данные во время обеда на Крымской конференции, 11 февраля 1945 г.

В альбоме А. Кадогана хранится и рукописный оригинал стихотворения, написанного генералом А. Уэйвеллом (*Archibald Percival Wavell*) в самолете «Либереитор» в ходе поездки в СССР в августе 1942 г., каждое четверостишие которого заканчивалось рефреном «Не будет Второго фронта в 1942 г.». Интересно, что сам Черчилль в позднейших мемуарах писал, что это стихотворение было ему передано Уэйвеллом еще по пути в Москву¹⁹. В первом четверостишии о встрече со Сталиным и Молотовым говорится в будущем времени: «они будут грустными», «обращаются со мной (имеется в виду Черчилль. — *И.Б.*), как с Гитлером». Однако дата оригинала, хранящегося в альбоме А. Кадогана (16 августа) ставит вопрос, когда же это было написано — до или после визита в Москву. Третье четверостишие говорит о встрече уже в прошедшем времени («я уехал с тем, с чем приехал, — не будет Второго фронта в 1942 году»)²⁰.

Большой интерес для изучения советско-британского сотрудничества имеют документы, связанные с деятельностью британцев, награжденных советскими орденами за работу в годы войны. Кавалерами ордена Суворова стали министр производства Оливер Литтлтон и министр снабжения лорд У. Бивербрук. Они занимались организацией советско-британского сотрудничества, прежде всего по линии доставки грузов по программе ленд-лиза из США в СССР.

Лорд Бивербрук сыграл наиболее важную роль в начальный период Великой Отечественной войны в деле распространения американской помощи по ленд-лизу на СССР. О. Литтлтон продолжал практическую работу по организации поставок в СССР в 1942—1945 гг.

ЭЙТКЕН, Уильям МАКСУЭЛЛ, 1-й БАРОН БИВЕРБРУК (1879—1964) был известен как политический деятель, издатель, предприниматель и меценат. В 1940—1941 гг. Бивербрук был министром авиационной промышленности, в 1941—1942 гг. — министром снабжения Великобритании. Добился резкого увеличения выпуска заводами боевых самолетов. В 1943—1945 гг. — Лорд-хранитель Малой печати. За большой вклад в дело военно-экономического снабжения СССР в годы войны стал кавалером ордена Суворова 1-й степени. Деятельность Бивербрука по организации поставок в СССР можно показать на основе его интенсивной переписки с У. Черчиллем, его близким другом (документы фонда Черчилля).

Деятельность О. Литтлтона отражена в документах его личного фонда, хранящегося в Архивном центре Черчилля. Его публичные речи, стенограммы выступлений на парламентских слушаниях в годы войны демонстрируют ежедневную работу по организации снабжения СССР.

ОЛИВЕР ЛИТТЛТОН (1-й ВИКОНТ ЧАНДОС — *CHANDOS*) родился в марте 1893 г. в семье Альфреда Литтлтона (младшего сына 4-го барона Литтлтона и (Дамы) Эдит Литтлтон (урожд. Бальфур)). Окончил Кембриджский университет. Участник I Мировой войны. Работал управляющим на предприятиях британской промышленности. В сентябре 1939 г. был назначен контролером по цветным металлам. В 1940 г. назначен У. Черчиллем координатором по снабжению в его Военном кабинете, в октябре — председателем Торговой палаты. В конце июня 1941 г. был отправлен У. Черчиллем в Египет в качестве государственного министра (*Minister of State*). В его обязанности входили контакты с де Голлем и «Свободной Францией».

В феврале 1942 г. назначен Государственным министром производства (*Minister of production*) и исполнял эти обязанности до конца войны. Главной его обязанностью была координация военного

производства с США, и в этом качестве он работал над снабжением Красной Армии в рамках американской программы ленд-лиза. С мая по июль 1945 г. снова занимал пост председателя Торговой палаты. В послевоенные годы — Секретарь по колониям (1951—1954), выдвинут в Палату лордов, был председателем объединенной электропромышленности, председателем правления Национального театра Великобритании (1962—1971). Автор книг: «Мемуары» (1962) и «От мира к войне: исследование по контрасту, 1857—1918» (1968)²¹.

В коллекции Литтлтона собраны его речи в годы войны, в том числе по военно-промышленным вопросам. Одной из наиболее примечательных с точки зрения советско-британского сотрудничества явилась речь в Ньюкасле от 21 февраля 1943 г., посвященная Дню Красной Армии. Опытный оратор начал с общих поздравлений: «Я испытываю безграничное восхищение великими военными победами, которые увенчали горькие кампании 1941—42 и 1942—43 годов, и в последние дни я думал, что обязательно должен донести до вас мое безграничное восхищение»²².

Большое место в речи заняли рассуждения об особенностях русской стратегии и широкий исторический экскурс в эпоху наполеоновских войн. Если военная стратегия Великобритании базировалась прежде всего на ее морской мощи — по выражению Литтлтона, «во всех победоносных войнах, которые мы вели, преобладало влияние моря», то в такой огромной стране, как Россия, военная стратегия «всегда опиралась на использование расстояния». Сравнение между войнами Наполеона и Гитлера против России возникло само собой: «за спиной у Гитлера было пять миллионов немцев, когда он вторгся в Россию, теперь у него за спиной девять миллионов русских. Также мы видим, что Наполеон пересек реку Неман, чтобы вторгнуться в Россию 24 июня, а Гитлер начал 22 июня» с разницей всего в два дня в этой «разрушительной гонке». «Наполеоновская армия достигла Смоленска 17 июня, — продолжал Литтлтон, — а немцы — 16 июля. Наполеон ввязался в разрушительную битву при Бородино 7 сентября. Однако с этого момента путь Наполеона к катастрофе в России был более зрелищным и более быстрым». Однако Наполеону все же удалось занять Москву, а Гитлеру — нет.

Путем огромных жертв и потерь важнейших плодородных и индустриально развитых территорий, Ставка Верховного командования смогла «затянуть» и обескровить противника. Великолепная тактика и стратегия советского военного командования, использовавшая огромные расстояния России и возможность отступать, привела, по выражению англичанина к тому, что противник «растянулся как эластик, перед тем как порваться»²³.

Героические победы Красной Армии поддержала и советская промышленность, и рабочие, без производства в огромных количествах вооружений победы были бы невозможны. Как министр производства, О. Литтлтон оправданно заострил внимание на роли населения в войне, проводя параллель между мобилизацией в России и в Великобритании: «Сегодня в Великобритании 33 миллиона взрослого населения, и более 22 миллионов задействованы в Вооруженных силах или в промышленности страны... Значительную часть рабочих, производящих вооружения, сегодня составляют женщины... Наши [Вооруженные] силы пополняются еще более значительной армией мальчиков и девочек прямо после школы, и их бабушек и дедушек, которые делают оружие для победы над врагом».

Особое место заняла тема сотрудничества между СССР и Великобританией, связанных договором, рассчитанным на 20 лет. Докладчик специально подчеркнул, что «Россия в настоящее время несет основное бремя германских атак, но мы рады и горды, что мы смогли внести вклад в ее победы. Это правда, что наши поставки не составляют львиную долю военного производства России, но они и не чисто символические»²⁴.

Говоря конкретно о помощи союзников России с самого начала войны, Литтлтон подчеркнул:

«Германия вторглась в Россию 22 июня 1941 г. Мы немедленно заверили Россию, что окажем ей всю помощь, которая будет в наших силах. К сентябрю уже стало возможным получить более ясную картину того, что ей срочно необходимо, и к концу этого месяца лорд Бивербрук отправился в Москву во главе сильной миссии, чтобы уладить все вопросы в деталях.

Они работали со всей возможной скоростью и энергией, какие можно было ожидать от этой динамичной личности, и подписали Протокол в Москве 2 октября 1941 г., который предусматривал помощь России вплоть до конца июня 1942 г. Этот Протокол обязал нас производить морское, военное и воздушное оборудование, возможное в нашей стране, для отправки в Россию.

Всё, что мы обещали в Москве, за небольшим исключением, было произведено и отправлено к концу июля 1942 г. На деле мы послали в этот период значительно больше, чем обещали. И позвольте мне заметить, что осенью 1941 г. танки, истребители, противотанковые орудия были на вес золота в нашей стране и на Ближнем Востоке.

Помимо Протокола, мы получили из СССР просьбы о поставке большого разнообразия военного оборудования — и мы отправили почти все в период до конца июня. Мы также поставили в больших количествах разнообразное промышленное оборудование. Лорд Бивербрук обещал в Москве, что мы поставим и определенные виды сырья, в которых Россия нуждалась.

Но мало было ... произвести необходимые для СССР предметы. Особо сложной задачей была доставка этих предметов в СССР. Проводка конвоев с грузами для СССР легла именно на плечи Великобритании в лице ее торгового и военного флотов». Литтлтон справедливо подчеркнул, что англичане с самого начала считали транспортировку грузов в СССР своей «реальной моральной обязанностью. Во время действия Первого Протокола почти девять из десяти кораблей, которые отправлялись по сложному Северному маршруту, были нашими. Ко времени Московской конференции Соединенные Штаты еще не вступили в войну. Однако мистер Гарриман был там их представителем, и они также предприняли меры к поставке вооружений, материалов и продовольствия в Россию»²⁵.

С распространением американской программы ленд-лиза на СССР роль поставок из США стала возрастать, уже в период Второго протокола, заключенного до конца июня 1943 г. По словам Литтлтона, к сентябрю 1942 г. англичане и американцы поставили в СССР 831 тыс. тонн металлов, инструментов, оборудования, вооружения.

Что касается проводки конвоев, то они были по своей сложности близки к «широкомасштабной военно-морской операции»: «Мы должны были пробивать себе путь через подводные лодки и авиацию наземного базирования, и под угрозой крупных надводных кораблей Германии...

Мы должны были возложить на моряков нашего торгового флота тяжелую задачу противостоять этим атакам целыми днями в том краю, где лед с севера закрывает проход и делает их мишенью для немцев.

Я должен напомнить вам, что эти конвои с того момента, как они покидают берега Великобритании, должны проходить сначала в западном, потом в южном направлении вдоль длинной полосы побережья, занимаемого врагом, а расстояние от Соединенного Королевства до Мурманска и Архангельска составляет не менее чем 2000 миль.

И эта задача с честью выполнялась, даже при понимании ужасающих трудностей — опасности утонуть, быть обнаруженным или обморозиться — которым должны были противостоять наши торговые моряки, и полная история этого сражения против врага ... впишется в ярчайшую картину человеческого героизма и стойкости».

В пафосной манере, свойственной его речам, О. Литтлтон призвал пример такого героизма взять у русских и заключил выступление вопросом: «Разве могут быть большие боевые награды написаны на наших знаменах, чем те, что даны нам Ленинградом, Москвой и Сталинградом?»²⁶.

Одним из важных источников по истории, в частности, советско-британских отношений, являются хранящиеся в Архивном центре Черчилля дневники ЭДВАРДА ДЖЕЙКОБА (1899—1993), помощника-секретаря по военным делам Военного кабинета в 1939—1946 гг. Полковник Джейкоб сопровождал У. Черчилля и британскую делегацию во время визита в Москву в августе 1942 г. и зафиксировал в своем дневнике увлекательные детали путешествия в СССР, встреч и бесед с И.В. Сталиным. Интересны и путевые заметки во время путешествия по СССР. Группа, где оказался Джейкоб, отстала от Черчилля в связи с поломкой самолета «Либерейтор» и отправилась 13 августа из Тегерана через Баку и Куйбышев в Москву. Полковник Джейкоб описал контакт с первыми русскими, которые не были представителями высшего руководства страны. Из-за поломки британского самолета полетели на американском «Дугласе»*, предоставленном советской стороной. Пилотом был «капитан Грачев, один из летчиков, которые летали на Северный полюс в США несколько лет назад. Он оказался жизнерадостным парнем, и носил орден Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени и орден Красной Звезды. Русские награды не имеют ленточек, но выглядят как довольно элегантные медальоны, приколотые прямо на китель. В них преобладает красный цвет, и они выглядят как эмаль по металлу»²⁷. Один из членов команды, по описанию Джейкоба, — «симпатичный молодой паренек, который выступал в качестве переводчика. Он никогда не был за пределами России, говорил на довольно хорошем английском языке, и он и его товарищи были очень дружелюбны. Я расспросил их всех, откуда они; все без исключения их дома были захвачены, и они ничего не знали о своих семьях»²⁸. Грачев вел машину очень артистично: поднял самолет в воздух, сделал круг над аэродромом на бреющем полете, перед тем как лечь на курс».

Далее автор красочно описал впечатление о «глубинке» СССР сначала с воздуха. Полет проходил все время на низкой высоте: по наблюдению англичанина, «в России явно существует правило, разрешающее лететь на высоте не более 1500 футов, для облегчения опознавания».

На довольно «скромном» аэродрому в Баку была короткая остановка, бензин уже был готов. Характерная деталь — во время стоянки англичанин успел заметить на аэродроме «несколько “Киттихоуков”^{***}, явно доставленных из Америки по персидскому маршруту»²⁹. Во время полета из Баку англичанин дал живое описание природных условий Кавказа, Каспия и российского степно-

* *Douglas DC3* — транспортный самолет.

** *Kittyhawk* — американский истребитель P-40.

го юга. После великолепия Эльбруса и красоты Каспийского побережья, уже в дельте Волги англичане заметили «типичные русские деревни», которые потом встречались им по всей стране: «два ряда хижин, перед каждой из которых простиралась зеленая полоса шириной 20—30 ярдов с тропой посередине — безнадежно унылые и бедные места»³⁰. Далее потянулись плоские безжизненные киргизские степи, описание которых также навевало тоску.

Контрастом с последней увиденной картиной бедной и тяжелой жизни стал прием, оказанный англичанам по прибытии в Куйбышев, где в то время располагался дипломатический корпус Великобритании и других стран. На поросшем травой аэродроме без бетонной взлетной полосы их встретила делегация из британского посольства во главе с поверенным в делах Великобритании в СССР Баггалеем и советским представителем М. Лозовским. Здесь высоких иностранных гостей — как это обычно бывало в СССР — ждал очень пышный прием, несмотря на походные условия. Как пишет Джейкоб, «нас отвели в хижину на краю аэродрома, где был широкий разворот приготовленного для нас — икра, копченый лосось, водка, все виды вина, курица, и т.д. и т.д. — и над всем этим масса мух! Однако мы провели там только полчаса, и когда заправка топливом была закончена, мы улетали с обычной точностью...»³¹. При приближении к Москве наблюдалась уже более оживленная, обрабатываемая или поросшая лесом местность, но по-прежнему те же деревни в два ряда домиков. Никаких признаков крупных строений и землевладений гости так и не увидели. По прибытии в Москву в 7.45 полковник Грачев снова «красиво» сажал самолет на пригородном аэродроме, так что чуть не врезался в один из ангаров. Встречала представительная делегация важных официальных лиц во главе с Военным комендантом Москвы, и привезли на роскошную Госдachu номер 7 (уже описанную в мемуарах У. Черчилля — см. выше).

Далее последовало детальнейшее, очень цепкое и избыточное деталями обстановки в Кремле, личных взаимоотношений, реакций, плохого перевода описание важнейшей встречи У. Черчилля с И.В. Сталиным 14 августа 1942 г., во время которой состоялась известная «ссора», и взаимопонимание первой встречи сменилось своей противоположностью. Сталин обвинил союзников не только в том, что они боятся немцев и не желают открывать Второй фронт, но и в том, что они не выполняют своих обязательств по поставкам в СССР. При обсуждении обескураживающих результатов этой встречи участвовавший в ней Гарриман высказал предположение, что Сталин всегда придерживался подобной тактики, например, на Московской конференции осенью 1941 г.

На следующее утро, по описанию Джейкоба, ему подали завтрак, меню которого было более чем впечатляющим: икра, кекс, шоколад, консервированные фрукты. По его словам «я уже гадал, придется ли мне встретиться с икрой в это время суток, когда появился-таки кофе и омлет. Лесли Роуан (*Leslie Rowan*, секретарь К. Эттли. — *И.Б.*) сказал мне, что когда он попросил яйцо и бекон, ему принесли четыре яйца и девять кусков ветчины». Англичанин не удержался тут от едкого комментария, что все это было отлично, если не помнить о том, что «огромное большинство населения практически голодало»³².

Пока Черчилль готовил ответ на меморандум Сталина, вел разговоры с Лондоном, американцами и отдыхал, Джейкоб с товарищами получили возможность посмотреть Красную площадь и часть Москвы, передвигаясь «на машине ОГПУ» (так в оригинале. — *И.Б.*). По словам автора, запомнилось «впечатление об одном из самых фантастических зданий, которое я когда-либо видел» — соборе Василия Блаженного. Описанное в красках великолепие Кремля затемнялось военной маскировкой зданий. Проехав по улицам Москвы, англичанин занес в дневник следующие впечатления: «На улицах Москвы удивительно мало дорожного движения; едва ли встретишь легковые машины или грузовики, хотя довольно много современных троллейбусов. Я никогда не видел ни одной витрины, хотя предположительно должна быть возможность что-либо купить, и почти все здания однотипные и ветхие. На улицах не так много людей, как можно ожидать с учетом размеров города, но все они выглядят крайне бедно и убого. Я не видел ни одного хорошо выглядевшего или хорошо одетого человека»³³. При этом путешествие на «спецмашине» сопровождалось тем, что водитель вел машину, не соблюдая никаких правил дорожного движения, и если, по замечанию Джейкоб, попадались на дороге пешеходы, «тем хуже» было «для них».

Путешествие по улицам Москвы резко контрастировало с роскошью Кремля и банкета, на котором оказались англичане сразу после этого вечером. Дневник Джейкоба изобилует красочными описаниями роскошных залов, приема и банкета. Здесь между страницами дневника «притаился» оригинальный документ — меню банкета, которое Джейкоб, вероятно, просто положил в карман. На фоне бедного населения, серой Москвы и ранее виденных деревенских хижин меню выглядело столь впечатляющим, что автор сохранил его на память. В него вошли:

«Холодная закуска. Икра зернистая, икра паюсная. Балык белорыбий, лососина, сельди с гарниром, шамая вяленая. Ветчина холодная, шефруа и майонез из дичи, утки Андоб. Севрюжка заливная.

Салат из помидор, редиска, огурцы кавказские. Сыры, масло. Тосты, расстегайчики, бриоши.

Горячая закуска.

Грибы белые в сметане. Фаршмак из дичи. Кабачки миньер.

Обед.

Суп-крем из пулярды, консоме, боршок. Стерлядь в шампанском. Индейки, цыплята, рябчики. Молочный барашек с картофелем, салат с огурцами. Цветная капуста, спаржа. Мороженое сливочное и фруктовое. Кофе, ликеры. Фрукты, пети-фур, миндаль жареный.

14 августа 1942 года. Г. Москва».

Дальнейшая процедура банкета была описана Джейкобом очень подробно, в красочных деталях, позволяющих представить себе, с позволения сказать, «этикет сталинского двора». Автор высказал свои наблюдения о личности Сталина и мнение о том, что премьер-министр сможет иметь с ним близкие дружеские отношения только в той степени, в какой это будет в интересах самого Сталина («Я бы сказал, что дружить со Сталиным это все равно что дружить с питоном») ³⁴. Скажем только, что во время встреч 14—16 августа, как писал и Черчилль в своих воспоминаниях, контакт со Сталиным был восстановлен. Этому способствовала и смена переводчиков. И почва для дальнейшего сотрудничества была укреплена. В обратный путь на Ближний Восток на аэродроме, где ждали уже 4 самолета «Либерейтор», премьер-министра провожало 70 человек почетного «эскорта».

В архиве хранится и рукописный вариант дневника Джейкоба, однако наиболее удобным для использования является вариант, напечатанный на машинке.

Следует упомянуть еще об одном интересном аспекте взаимоотношений СССР и Великобритании, связанном уже не с дипломатическим и военно-экономическим сотрудничеством, а с «нелегальным» сбором разведывательных сведений. В годы войны именно в Великобритании действовала наиболее успешная советская разведывательная сеть — созданная еще в 1930-е годы Кембриджская пятерка: Гай Берджес, Ким Филби, Дональд Маклин, Энтони Блант, Джон Кернкросс.

В Архиве Черчилля хранятся архив перебежчика из СССР В. Митрохина, в котором содержатся его обширные тетради с черновыми записями о работе советской разведки. Эти материалы показывают, в частности, что в годы войны союзники вели активную разведывательную деятельность друг против друга.

По данным В. Митрохина, советские агенты имели доступ к многим секретам британского Военного кабинета, к переписке между

У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом, министра иностранных дел Великобритании А. Идена с послами в Москве, Вашингтоне, Стокгольме, Анкаре, Тегеране, с министром-резидентом в Каире, к информационным докладам британской разведки.

Во время войны советские резидентуры в Великобритании получили 19 709 разведывательных материалов (эта цифра не включает научно-технические разведывательные материалы), из которых 91% составляли документы и 9% — донесения агентов. 7136 материалов (36%) касались ситуации в Германии, США и других странах³⁵.

Особенно богатый урожай сведений был собран работниками научно-технической разведки, и прежде всего атомной разведкой, благодаря чему первая советская атомная бомба была, как известно, создана по американскому образцу. Великобритания активно сотрудничала с США по проекту “Tube Alloys”. К слову сказать, в личном архивном фонде У. Черчилля можно найти немало документов об англо-американском сотрудничестве в ядерной области в годы войны.

Общие цифры, характеризующие объем информации, полученной руководством СССР в годы войны, потрясают. По данным Митрохина, резиденты во всех странах завербовали 1240 агентов и информаторов; от агентов поступило 41 718 разведывательных материалов, и более 3 тыс. докладных записок с развединформацией было послано в ГКО и ЦК ВКП (б); 87 «чекистов» — офицеров разведки было награждено орденами³⁶.

В заключение необходимо отметить, что уникальные коллекции Архивного центра Черчилля в Кембридже позволяют реконструировать «плоть и кровь» советско-британских отношений в годы войны во всем их своеобразном и ярком многообразии.

¹ Churchill papers. — CHAR 23/11/ 24-27.

² Ibid. — CHAR 23/11/44-46.

³ Ibid. — CHAR 20/46/13.

⁴ Ibid. — CHAR 20/46/35.

⁵ Ibid. — CHAR 20/52/76-78.

⁶ Ibid. — CHAR 20/54A/33-34.

⁷ Ibid. — CHAR 20/87/15.

⁸ Ibid. — CHAR 20/87/19.

⁹ Ibid. — CHAR 20/87/20.

¹⁰ Ibid. — CHAR 20/87/21.

¹¹ Ibid. — CHAR 20/87/22.

¹² Подробнее см.: Быстрова И.В. Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941—1945 гг.). — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 51—54.

¹³ Churchill papers. — CHAR 20/57A/74.

¹⁴ Ibid. — CHAR 20/57A/79.

- ¹⁵ The Papers of Clementine Ogilvy Spencer-Churchill, Baroness Spencer-Churchill of Chartwell. — GBR/0014/CSCT.
- ¹⁶ Ibid. — CCST 3/37/62.
- ¹⁷ *Черчилль К.С. Моя поездка в СССР. Лондон, 1945 // The Papers of Clementine Ogilvy Spencer-Churchill.* — CSCT 3/49.
- ¹⁸ См.: Churchill Archives Centre. — The Papers of Sir Alexander George Montagu Cadogan. — ACAD 2.
- ¹⁹ См.: Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. Де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра / сост. Е.Я. Трояновская. — М., 1990. — С. 138.
- ²⁰ The Papers of Sir Alexander George Montagu Cadogan. — ACAD 2/6.
- ²¹ *Chandos Oliver Lyttelton, 1st viscount* : 1) Memoirs. — London: Bodley Head, [1962]. — XVI, 446 p.: maps. ; 2) From peace to war: a study in contrast, 1857—1918. — London; Sydney [etc]: Bodley Head, 1968. — 208 p., 9 plates: illus., facsim, map, ports.
- ²² The Papers of Alfred Lyttleton and Dame Edith Lyttleton, and their son Oliver Lyttleton (1st Viscount Chandos). — CHAN II/4/17/2/44.
- ²³ Ibid. — CHAN/II/4/17/2/46.
- ²⁴ Ibid. — CHAN/II/4/17/2/47.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Ibid. — CHAN/II/4/17/2/48.
- ²⁷ The Papers of Sir Ian Jacob. — GBR 0014/JACB 1/15. Operation “Bracelet”. August 1942. Colonel E.I.C. Jacob. — P. 65.
- ²⁸ Ibid. — P. 66.
- ²⁹ Ibid. — P. 67.
- ³⁰ Ibid. — P. 70.
- ³¹ Ibid. — P. 72.
- ³² Ibid. — P. 84.
- ³³ Ibid. — P. 88.
- ³⁴ Ibid. — P. 106.
- ³⁵ Churchill Archives Centre Cambridge. — The Mitrokhin Archive MITN 1/7. — Volume (Папка) 7. P. 5.
- ³⁶ Ibid. — P. 7.

В.С. Батченко

КАМПАНИЯ РЕГИСТРАЦИИ И ПЕРЕРЕГИСТРАЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН 1929—1931 ГГ.: НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ И ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассматривается процедура регистрации религиозных объединений конца 1920-х — начала 1930-х годов, ее правовая база и практическое воплощение в отдельном регионе — Западной области. Вводятся в научный оборот нормативно-правовые акты, ранее в историографии считавшиеся косвенными, в силу своей конкретики, по вопросу регистрации/перерегистрации общин верующих. Также приводятся примеры провинциальной практики, иллюстрирующие применение отказов в регистрации, как антирелигиозной компоненты.

Ключевые слова: религиозные объединения; антирелигиозная кампания; регистрация религиозных общин; Западная область; постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г.; Бюллетень НКВД.

V.S. Batchenko

Campaign registration and re-registration of religious communities 1929—1931: regulations and provincial practice (on the example of Zapadnaya oblast')

The article discusses the procedure of registration of religious associations of the late 1920s — early 1930s years, its legal framework and its implementation in a particular region — in Zapadnaya oblast'. The scientific regulatory legal acts previously considered indirect in the historiography because of its specificity with respect to the question of registration of the community of believers. Examples of provincial practice, illustrating the application of the denial of registration, as the anti-religious components.

Keywords: religious associations; anti-religious campaign; registration of religion communities; Zapadnaya oblast'; resolution of VTsIK and CNK of RSFSR "On religious associations" at April 8 1929; Bulletin of NKVD.

Курс на усиление мер антирелигиозной работы¹ на рубеже 1920—1930-х годов стал серьезным испытанием для религиозных общин всех течений и направлений страны как в спасении своей религии, так и сохранении человеческих и материальных ресурсов. Закрытие храмов, снятие колоколов, изъятие церковного имущества, тяжкие налоги на содержание действующих храмов — все это далеко не полный перечень проблем, с которыми столкнулись верующие в те годы. Но для того, чтобы сберечь религиозные традиции, максимально следуя советскому законодательству, верующим необходимо было группироваться в религиозные общины, подлежащие обязательной официальной регистрации в государственных органах.

К концу 1920-х годов власти столкнулись с тем, что совершенно были разрознены статистические сведения о количестве религиозных объединений в РСФСР и СССР, действующих храмов, о количественном соотношении религиозных направлений и т.п. Например, в декабре 1927 г. Центральное административное управление НКВД РСФСР вынуждено было признать, отвечая на запрос уполномоченного управления Наркомата иностранных дел при правительстве РСФСР, что не ведет никакого специального учета «по территории РСФСР священнослужителей состоящих в иностранном гражданстве»². И это в условиях постоянного ожидания войны.

Другой пример. В начале 1929 г. НКВД пытался собрать статистические сведения о религиозных организациях. Легче всего собрали сведения неправославные и сектантские общины — баптисты, лютеране, старообрядцы, адвентисты и др. Но заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей в официальном ответе НКВД писал об отсутствии в Патриархии сведений «о количестве верующих, священнослужителей и даже общин, принадлежащих Православной Церкви в СССР под главенством Патриархии»³ за неимением на местах «соответствующего аппарата, который бы мог вести статистику церковной жизни»⁴. Проблема была глобальной — из-за дефицита в элементарных сведениях недоступна была реальная картина происходящего, процентное соотношение по вероисповеданиям, соотношение верующих и неверующих, действующих и недействующих храмов.

Остро встал проблема переписи религиозных общин. Попытки собрать сведения с краевых и областных исполкомов оказались провальными⁵. Справиться с задачей подсчета решено было посредством кампании регистрации/перерегистрации религиозных общин, законодательно зафиксированной в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г.⁶ О данном постановлении стоит сказать, что оно кодифицировало все

прежние циркуляры, постановления, связанные с правовым статусом религиозных организаций всех конфессий, и после опубликования в 1929 г. являлось главным законом о религии на протяжении всего советского периода.

Ст. 65 постановления «О религиозных объединениях» гласила, что кампании регистрации и перерегистрации подлежали «все фактически существующие на территории РСФСР ко дню издания настоящего постановления религиозные объединения»⁷, то есть по состоянию на 8 апреля 1929 г. Для создания общины верующих гражданам требовалось соблюсти ряд условий: религиозное общество могло быть зарегистрировано при наличии не менее 20 человек, достигших 18-летнего возраста (статьи 3, 5), обязательно давших согласие на свое членство в объединении (ст. 9), числящихся только в одном религиозном объединении (ст. 2) и принадлежащих к одному религиозному культу (ст. 3)⁸.

Следует заметить, что членство 20-ти и более человек давало общине право взять молитвенный дом в так называемое бесплатное пользование, но при невозможности организовать «двадцатку» граждане, в силу своей малочисленности, имели право создать «группу верующих» — объединение, с членством менее 20-ти человек, не имеющее права на пользование молитвенным зданием. Так, регистрация религиозной общины для верующих, в вероисповедной традиции которых молитвенный дом занимал ключевое место, становилась единственно законным способом спасти храм от закрытия и уничтожения.

Крайне существенным фактом представляется то, что вопреки сложившейся в историографии оценке постановления «О религиозных объединениях» как ужесточившего положение церкви с 1929 г., по вопросу регистрации религиозных объединений власти пошли на значительные уступки, потому что до 1929 г. религиозное общество могли составить не менее 50-ти человек, а религиозную группу — не менее 20-ти⁹. Сокращение обязательного членства в общинах должно было, наоборот, облегчить общинам получение молитвенных домов в бесплатное пользование. На деле вышло иначе.

Кроме вышеперечисленного необходимого набора условий регистрации религиозных объединений, в одном из последних пунктов постановления сообщалось о необходимости регистрации и перерегистрации «фактически существующих на территории РСФСР» религиозных общин¹⁰, что по сути объявило начало кампании регистрации и перерегистрации религиозных объединений. Дополнительные уточняющие акты были опубликованы 1 октября 1929 г., а именно: постановление НКВД № 329 «О регистрации религиозных

объединений» и инструкция НКВД № 328 «О правах и обязанностях религиозных объединений»¹¹.

В соответствии с этими документами, регистрирующий орган (чаще им являлся территориальный административный отдел) обязан был в течение 1 месяца со дня подачи заявления о создании предполагаемой общины зарегистрировать данное религиозное объединение либо сообщить об отказе в таковой¹². Часто в практике административных отделов фигурировал отказ в регистрации из-за несоблюдения формальных требований — отсутствие части документов или претензии к отдельным гражданам предполагаемой «двадцатки». В необходимый пакет документов для оформления регистрации сперва входили: заявление на регистрацию, списки учредителей или членов исполнительного и ревизионного органа, список служителей религиозного культа, которые по мнению учредителей годятся для службы в их объединении, список членов религиозного общества или группы верующих, который необходимо было обновлять каждое 1 января нового года¹³.

О проблемах регистрации религиозных объединений писал даже заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей Нижегородский в своей знаменитой «Памятной записке о нуждах православной патриаршей церкви в СССР» на имя председателя Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК П.Г. Смиловича от 10 февраля 1930 г., указывая на произвол местных властей и недопущение общин к регистрации и даже подготовке к регистрации¹⁴.

Обязательным условием отказа в регистрации по инструкции НКВД № 328 «О правах и обязанностях религиозных объединений» считалась деятельность объединения, противоречащая действовавшим на территории РСФСР законам, угрожавшая общественному спокойствию и безопасности или возбуждавшая национальную рознь и вражду¹⁵. Стоит признать, что подобная формулировка автоматически могла приравнять общину верующих к контрреволюционной организации.

Для перерегистрации уже существующей общины дополнительно требовалась подробная опись церковного имущества и справка об отсутствии задолженности за церковь¹⁶. Таким образом, автоматически отсеивались общины, не справляющиеся с налоговыми выплатами за церковь (три обязательных налога — налог со строений, земельная рента и неокладное страхование от огня) и составившие неточные описи церковного имущества. Если договор на пользование церковью не перерегистрировался, то ее сдавали сельсоветам на переоборудование под культурно-общественные нужды либо под снос¹⁷.

Позже, 10 декабря 1929 г. в № 42 Бюллетеня НКВД был опубликован необычный и очень важный для дальнейшего хода событий цирку-

ляр № 76 «О представлении замечаний и соображений по инструкции НКВД № 328 от 1/Х-29 г. “О правах и обязанностях религиозных объединений” и постановлении НКВД № 329 от 1/Х-29 г. “О регистрации религиозных объединений”»¹⁸ от 6 декабря 1929 г. В данном циркуляре НКВД просил территориальные административные отделы к 25 января 1930 г. представить замечания по означенным в заглавии нормативно-правовым актам, которые уже успели апробировать на местах. И, что немаловажно, НКВД принимал замечания «относительно форм и методов проведения в жизнь всего действующего законодательства об отделении церкви от государства и школы от церкви»¹⁹. По всей видимости, это была попытка обратной связи с провинциальными административными отделами по выяснению трудностей проведения антирелигиозной политики за последний год, сбор сведений о ситуации на местах с возможностью коррекции центральной политики.

Судя по документам, сохранившимся в архивах, обратная связь состоялась. Среди прочих свои предложения прислал административный отдел Западной области²⁰, в которых по вопросам перерегистрации религиозных объединений отозвался крайне категорично: «В отношении постановления НКВД за № 329 от 1/Х-29 г. о регистрации религиозных объединений Областное Административное Управление учитывая особенную важность проводимых мероприятий партии и Соввласти именно усиленную подготовку к весенне-посевной кампании, задачу ликвидации кулачества, как класса, переход на сплошную коллективизацию, а вместе со всем этим и обостренную классовую борьбу в деревне и т.д. считает целесообразным вопрос о проведении регистрации религиозных объединений отложить»²¹. Необходимость отложить перерегистрацию общин адмотдел Западной области объяснял загруженностью своих сотрудников, вызванной проведением вышеперечисленных кампаний, а также опасностью усиления антисоветских настроений внутри религиозных общин: «Так как самая регистрация религиозных объединений и соответствующая подготовка к проведению этой работы значительно оторвет от своей основной работы адморганы и в тоже время сами церковники, сектанты, чуждый элемент свои собрания в полной мере постараются использовать для агитации в своих целях против проводимых указанных мероприятий»²².

Об уровне самостоятельности принятия решений в провинции можно судить по последней фразе в письме Западного адмотдела: «Исходя из вышеизложенного Административное Управление по согласованию с местными ПП ОГПУ», дало распоряжение всем

* ПП ОГПУ — полномочные представители Объединенного государственного политического управления.

Окрасмотделам перерегистрацию пока не производить. Просим сообщить Ваши решения по этому вопросу»²³. Отметим, это секретное письмо было направлено в НКВД РСФСР 6 февраля 1930 г., — спустя почти полгода после начала активной перерегистрации религиозных общин и за три месяца до ее окончания Административное управление Западной области без опаски заявляет в НКВД республики о приостановке процесса.

Уже в следующем номере Бюллетеня НКВД (№ 43) было опубликовано постановление НКВД № 77 «О сокращении отчетности о составе религиозных объединений»²⁴ (датированное также 6 декабря 1929 г., потому его нельзя квалифицировать как ответ предыдущему циркуляру), основной мыслью которого явилась отмена обязательства о предоставлении религиозными объединениями при регистрации (и далее — ежегодно) списков своих членов. Видимо, упрощение было вызвано большим количеством общин и массовостью внутри них, а, следовательно, громоздкостью отчетной документации — такие выводы позволяют сделать жалобы религиозных объединений во ВЦИК и нижестоящие инстанции, часто сопровождаемые несколькими сотнями, а то и тысячами подписей верующих. К тому же, регулярное обновление списков верующих сильно осложнило бы участь административных отделов, занятых надзором и в других сферах жизни общества.

В течение года с момента издания постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» все «фактически существующие на территории РСФСР»²⁵ религиозные объединения обязаны были зарегистрироваться по месту своего нахождения (ст. 65), в случае невыполнения они считались закрытыми «с последствиями, предусмотренными настоящим законодательством»²⁶ (ст. 66) — что автоматически предполагало изъятие у них молитвенных зданий и культового имущества. Постановление НКВД № 329 уточнило эти требования, установив сроки регистрации религиозных объединений, «независимо от того, были ли они зарегистрированы органами власти или нет, не позднее 1-го мая 1930 года»²⁷.

О сроках также стоит сказать отдельно. Они неоднократно пролевались: пик кампании коллективизации и раскулачивания начала 1930 г. повлиял и на взаимоотношения общин верующих с местными властями. Стало ясно, что завершить перерегистрацию всех религиозных объединений к 1 мая не представляется возможным, а если не сдвинуть сроки, религиозные протесты окончательно сорвут посевную кампанию, потому постановлением НКВД № 219 от 11 апреля 1930 г. регистрацию продлили до 1 октября 1930 г.²⁸ Но проблема регистрации и перерегистрации общин оставалась нере-

шенной и с приближением осени, и по-видимому, в целях спасения теперь уже уборочной кампании постановлением НКВД № 434 от 29 августа 1930 г. сроки были отодвинуты до 1 января 1931 г.²⁹

Чем еще могли быть вызваны переносы сроков окончания кампании по регистрации и перерегистрации религиозных объединений? Официальная версия переноса сроков кроется в циркуляре № 487 «О регистрации религиозных объединений, производимой в соответствии со ст. 65 закона о религиозных объединениях и постановления НКВД № 329 от 1 октября 1929 года» от 4 октября 1930 г., опубликованном в «Бюллетене НКВД» 12 октября 1930 г.: «По имеющимся в НКВД сведениям регистрация религиозных объединений (...) затягивается вследствие недостаточного внимания к этому делу со стороны регистрирующих органов и пассивного отношения самих верующих»³⁰. Перерегистрация в условиях антирелигиозной кампании давала общинам верующих еще один шанс выжить, спасти храм от закрытия, а культовое имущество — от расхищения. Так называемое «достаточное внимание со стороны регистрирующих органов» (как следует из циркуляра) на деле означало бы активизацию верующих и религиозный подъем, увеличение числа религиозных объединений, а значит, затруднило бы ликвидацию молитвенных зданий. Потому не было и не могло быть широкой информационной огласки по части перерегистрации.

Со стороны центральной власти, наоборот, ощущалась тревога по поводу сложившейся ситуации, так как окончание срока перерегистрации неминуемо повлекло бы за собой всплеск недовольства тех верующих, которые эту процедуру не прошли, а в свете событий первой половины 1930 г. перенос сроков явился наиболее грамотным способом избежать новых протестов.

Но объявленный НКВД окончательным срок до 1 января 1931 г. на деле вызывал вопросы уже по истечении. На заседании Постоянной Комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культов от 16 января 1931 г. (протокол № 18-1) стоял вопрос «О перерегистрации религиозных обществ, согласно ст. 65 Постановления ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 г. о религиозных объединениях»³¹, на что, дословно, было решено «признать необходимым издание постановления Президиума ВЦИК о перерегистрации религиозных обществ и поручить тов. Воробьеву³² в декадный срок разработать проект указанного постановления и доложить тов. Смидовичу³³ для представления в Президиум ВЦИК на утверждение и опубликование»³⁴. Противоречивость кампании по перерегистрации призывала не то что к новым переносам сроков, но даже к подготовке нового специального постановления Президиума ВЦИК.

Правда, спустя месяц, 24 февраля, уже постфактум Комиссией по вопросам культов кампания по перерегистрации была признана «законченной на 1 января 1931 года»³⁵ (протокол № 3), в связи с чем прекращалась «ликвидация религиозных обществ и изъятие у них молитвенных зданий»³⁶. На самом высоком уровне было признано, что затягивать перерегистрацию далее бессмысленно, и было решено остаться в рамках предыдущих сроков.

К тому же Комиссия постановила, что «закрытые, вследствие несвоевременного зарегистрирования... молитвенные здания подлежат немедленному возвращению в пользование религиозных объединений»³⁷, — требовалось охладить пыл советских управленцев низшего звена. Но несмотря на то, что кампания по перерегистрации считалась оконченной 1 января 1931 г., райисполкомы продолжали давить ею на местные религиозные объединения. Например, от общины Александро-Невской церкви села Ольши Руднянский РИК требовал прохождения процедуры перерегистрации даже в июле 1931 г., взяв дополнительно пошлину за подачу жалобы в госорганы 50 руб. вместо трех. Ссылаясь на большое количество циркуляров по вопросам культов («что заводит впутанность и не допонимание»³⁸), райисполком просил «прислать конкретные указания по вопросам культов и дальнейшей перерегистрации молитвенных обществ или групп»³⁹. Как видно, постановление «О религиозных объединениях» быстро теряло кодификационную функцию вероисповедного законодательства, — нормативные акты сменялись в зависимости от конкретной обстановки, их невозможно было отследить на местном уровне⁴⁰.

На деле возможность отказа в регистрации религиозному объединению воспринималась как действенный инструмент осуществления антирелигиозной политики. Например, проблемы с регистрацией испытывало до 1933 г. религиозное общество села Мамошки Демидовского района Западной области, и лишь путем подачи заявлений и ходатайств, главным образом в Областной исполком, «после усиленных хлопот», к весне 1933 г., как видно из письма, общине удалось получить свидетельство о регистрации⁴¹.

Из жалобы в Западный областной исполком общины села Красного Хвастовичского РИКа от 26 марта 1932 г. следует, что после того, как их церковь сгорела, община построила новый храм на свои деньги, который местный актив ныне постановил отнять под клуб. В дополнение РИК отказывает в регистрации общины: «...мы ходили сто раз и все нам отказуют»⁴², — несмотря на то, что общиной соблюдены все формальные требования, необходимые для регистрации, как следует из письма: «Все заполнено согласно закона,

но РИК... регистрировать общину отказывается. Налогов за нами никаких не числится. Верующие желают все и просят удовлетворить нашу просьбу зарегистрировать религиозную общину и разрешить достроить молитвенный дом»⁴³.

По постановлению «О религиозных объединениях» община верующих, желая взять в бесплатное арендное пользование церковь, сперва обязана была выплатить долги, начисленные за нее предыдущей общине верующих. Это условие, с одной стороны, исключало ситуации намеренного накопления долгов общинами и последующего их снятия путем роспуска и регистрации новой общины, а с другой стороны, создавало подчас серьезные материальные трудности перед вновь создающимися объединениями верующих. Если брать в пользование церковь оказывалось слишком дорого, то не было и надобности проходить мучения регистрации общины верующих (для религиозных течений, пользующихся молитвенными домами, — в первую очередь, православия).

С подобной ситуацией столкнулась обновленческая община Троицкого собора г. Брянска в 1931 г. Как видно из административной переписки Брянского горсовета и областной комиссии по религиозным вопросам, община считала, что предъявленные ей требования об уплате задолженности, «имевшейся за прежним религиозным обществом (тихоновцами)» по земельной ренте и налогу со строений за собор («с пеней около 1000 руб.»⁴⁴) незаконны⁴⁵. Областная комиссия заключила, что все действия горсовета соответствуют статьям постановления «О религиозных объединениях».

Общину Варваринской церкви г. Севска долгое время отказывался регистрировать Севский РИК (из жалобы общины в президиум Запоблисполкома от 22 февраля 1932 г.), судя по тому, что на начало 1932 г. она была вынуждена «вновь командировать в облисполком своего уполномоченного, для выяснения культ вопросов»⁴⁶. Если верить письму общины, РИК игнорирует ходатайства общины и даже распоряжения облисполкома о регистрации религиозного объединения, и «как бы покровительствует обновленцам»⁴⁷.

Еще один способ давления местных властей на общины при прохождении процедуры регистрации/перерегистрации — отказ в регистрации священника. Таковой лишал общину верующих возможность проводить богослужения, а в случае долгого отсутствия богослужений церковь могла быть признана бесхозной и малопосещаемой, что влекло за собой ее закрытие.

Например, религиозная община с. Ильинское Хотынецкого района в заявлении от 21 сентября 1931 г. жаловалась областному руководству, что сельсовет отводит вот уже третьего священника, из-за чего невозможно совершать службы⁴⁸.

Церковный совет Воскресенской церкви с. Плохино Плохинского района в заявлении митрополиту Сергию в феврале 1932 г. указывал на то, что их храм закрыли еще год назад, в пасхальную неделю, несмотря на наличие более пяти тысяч верующих прихожан. Попытки членов общины зарегистрировать священника трижды отклонялись местной властью, что заставило их просить помощи Местоблюстителя. Любопытно, что резолюция от имени Сергия в конце заявления содержит лишь общие рекомендации к действиям общины: «Когда найдете священника подайте регистрацию. Если местная власть откажет, подайте жалобу в Президиум Облисполкома»⁴⁹, — судя по письму, община таким образом действовала и ранее, но отрицательный результат заставил ее просить помощи у Сергия. Возможно, рекомендации по соотношению нормативно требуемых и фактических анкетных данных священника или членов религиозной двадчатки либо по выяснению обстоятельств закрытия храма (финансовые вопросы, ветхость здания, административный подход местной власти) были бы результативней для Плохинской общины в решении ее регистрационных проблем.

Уполномоченный религиозной двадчатки Введенской церкви с. Горки Великолукского района Петр Карзиков в своих заявлениях в Комиссию при Президиуме Облисполкома указывал, что несмотря на принадлежность общины к патриаршему (тихоновскому) направлению, заведующая Великолукским административным отделом отказывается регистрировать за общиной священника о. Стефана Гоголевского. Вместо этого, как сказано в письме, представитель власти заявила, «что она может зарегистрировать к нам на служение только священника обновленца», что община восприняла как насилие над собственной религиозной совестью⁵⁰.

Прикольская община верующих Руднянского района в январе 1932 г. жаловалась в Западный облисполком на то, что никак не может зарегистрировать священника при общине, хотя община аккуратно соблюдает все договорные обязательства⁵¹. Община обращалась к прокурору области, но тот «абсолютно ничего не объяснил и не принял никаких мер»⁵².

В Западной области было сильно сектантство, и это оставило свой региональный отпечаток в истории кампании перерегистрации и регистрации религиозных объединений. Еще в начале 1929 г. (3 января) на заседании бюро Смолгубкома ВКП(б) (протокол № 3) в прениях по вопросу о состоянии антирелигиозной пропаганды многие участники отмечали рост и опасность сектантского движения в Смоленской губернии и в самом Смоленске⁵³.

Стоит отметить, что провинциальные власти не видели принципиального различия между сектантами и евангелистами, — все религи-

озные течения, не относящиеся к основным конфессиям, каковыми тогда считались православие (так называемые тихоновцы и обновленцы), католичество, иудейство, мусульманство, — автоматически попадали в разряд сектантства. В 1928 г. отмечался рост евангелистов по Смоленской и соседней Брянской губерниям — 12% и 6% соответственно, а баптистов — по Смоленской губернии 15%, по Брянской — 7%⁵⁴. В Смоленской губернии в 1928 г. членство в сектах возросло на 308 человек, из них бедняков было 82, середняков — 205, зажиточных — 21, и особо отмечалось «усиление тяги кулаков в секты»⁵⁵.

В начале 1930 г. в Западной области официально отмечали 4495 человек в составе евангельских общин и 2765 — баптистских⁵⁶. Борьба с сектантством стала одной из главных задач местного руководства. Одним из способов борьбы с сектантством, как показывают документы, стал отказ в регистрации общин по каким-либо причинам.

Справедливости ради заметим, что терпение по отношению к сектантству у власти иссякло еще в 1927 г., когда ВЦИК издал секретный циркуляр № 260/с об ограничении деятельности сектантов⁵⁷. К концу 1920-х годов большевики, сделавшие ставку на сектантов как проводников своих взглядов в религиозно настроенных кругах населения и получив со временем ворох проблем с антимилитаристскими и антиналоговыми настроениями среди представителей нетрадиционных культов, перешли к политике «закручивания гаек». Так как при регистрации сектантских общин параллельно с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» применяли нормы циркуляра ВЦИК № 260/с и изданного позже циркуляра № 22/с, остановимся на них подробнее.

В числе прочих приемов ограничения сектантов (а скорее, попыток сравнять их в правах с иными религиозными течениями) в циркуляре ВЦИК № 260/с от 22 августа 1927 г. директивно предлагалось «регистрировать в дальнейшем уставы лишь тех сектантских групп и общин, как старых так и вновь возникающих сект, в которых будет указано положительное отношение к выполнению всех государственных повинностей и в частности военной службы»⁵⁸. ВЦИК поставил секты перед выбором — либо их общины продолжают свое существование по общим правилам, либо они сохраняют приверженность своим «негосударственным» взглядам на нелегальных положениях: «Ввиду этого в дальнейшем не регистрировать под видом сектантских организаций вновь возникающих групп и общин, не признающих налогов, воинской повинности и вообще каких-либо обязательных государственных повинностей»⁵⁹.

Циркуляр носил строго секретный характер, запрещалось любое упоминание о нем в среде сектантства, но притом копии срочно

были разосланы на места без дополнительных разъяснений. Логично, что из провинции в НКВД стали поступать запросы по представлению разъяснений к документу⁶⁰. На местах не поняли, как требовать от общин признания государственных повинностей — изменением уставов или дополнительным постановлением от каждого объединения; как поступать с уже зарегистрированными по всем старым правилам общинами — ликвидировать в случае непризнания повинностей или оставить в покое⁶¹.

В одном из ответов Центральное Административное Управление НКВД заметило, что вновь возникающие сектантские общины нужно регистрировать по новым правилам, а те, которые были зарегистрированы ранее даже в случае непризнания ими государственных повинностей (в том числе самого большого вопроса — воинской службы) ни в коем случае не ликвидировать⁶².

С общинами, уже зарегистрированными к 1927 г., но не признавшими воинскую службу, видимо, планировали разобраться немногим позже: «Наркомвнуделом разработан и находится в настоящее время в соответствующих органах на согласовании проект новой инструкции по проведению в жизнь закона об отделении церкви от государства, одним из пунктов которого предусматривается перерегистрация всех существующих на территории РСФСР религиозно-культурных объединений. В процессе прохождения этой предполагаемой общей перерегистрации в отношении ныне легально-оформленных сектантских объединений, отрицательно относящихся к выполнению обязанностей и повинностей, налагаемых государством, директива ВЦИК о перерегистрации будет твердо проведена в жизнь»⁶³. Иными словами, те сектантские общины, которые формально были зарегистрированы до циркуляра ВЦИК № 260/с по всем законодательным нормам, но не желали соглашаться на выполнение всех государственных повинностей, обрекали себя на скорое прекращение своей деятельности, на отказ в перерегистрации в будущем, после обнародования постановления «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г.

К началу 1930-х годов начатое ограничение сектантов только усилилось в связи с новым антирелигиозным курсом и общей кампанией регистрации/перерегистрации общин. В отличие от приверженцев традиционных религиозных культов, сектанты подлежали ограничениям как по циркуляру ВЦИК №260/с, так и по постановлению ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», — такое положение вещей сохранялось и после 1929 г.⁶⁴ Как показывают документы, это ощутили на себе и сектанты Западной области.

Смоленщина и Брянщина относились к регионам (наряду с Уралом и Сибирью), в которых сектанты, а именно баптисты и еванге-

листы, открыто отказывались признавать воинскую службу с оружием в руках и активно агитировали против несения военной службы. Об этом свидетельствуют ежемесячные обзоры политического состояния СССР по данным ОГПУ второй половины 1920-х годов⁶⁵. По всей видимости, это повлияло на регистрацию сектантских общин на рубеже 1920—1930-х годов, когда официально многие течения прекратили свое существование.

На провинциальном уровне это выглядело так. Верующие села Чепчугово Вяземского района в 1932—1933 гг. жаловались в Запоблисполком и ВЦИК, что районный исполнительный комитет на протяжении уже не одного года игнорирует их заявления на регистрацию общины: «...последнее наше заявление было подано на основании постановления ВЦИК ст. 54 и это заявление не разбиралось и рик ничего не сообщает не смотря на то что заявление было подано 7 Апр. 1932 г., тогда как на основании постановления ВЦИК ст. 31-32 Рик обязан был уведомить о-во о результате разбора заявления в месячный срок (см. ст. 7 пост. ВЦИК и СНК от 8 Апр. 1929 г.)»⁶⁶. «Вместо же всего этого вышеизложенного Вяземский рик возбудил ходатайство в Запоблисполком о закрытии церкви, указав неправильно что верующие не желают чтобы была церковь, между тем верующие все налоги уплатили и очень желают чтобы церковь не закрывать, в оправдание чего представляем справку от Вяземского райфо о незадолженности»⁶⁷, — как видно из сопутствующей переписки, 27 августа того же года церковь закрыли по постановлению Запоблисполкома ввиду отсутствия религиозной двадцатки⁶⁸.

С подобными проблемами столкнулась Мытищинская община евангельских христиан, фактически существовавшая с 1929 г. Долго не получая от местных органов разрешения на регистрацию, община функционировала в доме верующей гражданки Наумовой в поселке Деменка Потаповского района, где часто организовывала молитвенные собрания. Стоит отметить, что с Потаповским сельсоветом был заключен договор, согласно которому общине разрешалось проводить молитвенные собрания. Однако даже к 1932 г. община так и не смогла пройти процедуру регистрации в Знаменском РИКе, под коим предлогом 18 сентября 1932 г. на очередном молитвенном собрании представителями РИКа были арестованы некоторые члены общины и запрещены дальнейшие службы⁶⁹.

Бежицкая община евангельских христиан-баптистов, существовавшая еще с 1895 г. и прошедшая регистрацию в 1923 г., к концу 1932 г. оставалась незарегистрированной Бежицким административным отделом, о чем свидетельствуют неоднократные заявления⁷⁰. История имела длительное продолжение, о чем свидетельствует за-

прос из Центральной Комиссии по вопросам культов в облисполком от 16 мая 1933 г.: «В адрес ОблКомиссии... нами была направлена на проверку жалоба верующих баптистов гор. Бежицы на препятствия к регистрации их религиозного общества местными органами власти. Ответ из ОблКомиссии по настоящее время не получен, несмотря на то, что об ускорении рассмотрения напоминалось, между тем из поступающих к нам дополнительных от верующих жалоб видно, что этот вопрос по настоящее время не урегулирован»⁷¹.

С отказом в регистрации столкнулась Гевсеманская община евангельских христиан Демидовского РИКа, и просила Запоблсисполком: «...дайти нам точное указание как нам написать списки и зарегистрируйте нас дайте нам свободно собираться для общей молитвы согласно нашего Евангельского Убеждения»⁷².

Башковская община евангельских христиан Духовщинского района также в начале 1932 г. просила помощи в регистрации у областного руководства: «Настоящим просим вышеозначенную комиссию рассмотреть наше заявление в котором мы кратко выражаем, что Еванг[ельские] Христ[иане] принадлежавшие к нашей общине проводили наши молитвенные собрания в квартире нашего члена до сего дня; что и в данное время видим согласно закона /Бюл. от 16/1 31 г. § 17/ тоже самое говорит за то, что не запрещается проводить молитвенные собрания специально-неприспособленные помещения т-е жилых, но Духовщинский Рик не принимает регистрации общины за то, что требует специально приспособленное помещение для проведение молитвенных собраний и запрещает проводить молитвенное собрание»⁷³. Данное обращение показывает, что у представителей общины было несколько сумбурное знание закона «О религиозных объединениях», который разрешал проводить молитвенные собрания только в специально оборудованных помещениях (но никак не в жилых). С другой стороны, отказ в регистрации, мотивированный отсутствием приспособленных помещений для молитвенных собраний — также противозаконен, потому что существование религиозных объединений допускалось и без использования молитвенных зданий.

Рытинская община евангельских христиан Руднянского района столкнулась с откровенным беспределом председателя сельского совета, получив разрешение на регистрацию и пользование молитвенным зданием в Западном Областном исполкоме: «...хотя бы вам разрешила область и ЦИК, я закрою ваши молитвенные собрания» (из жалобы верующих в Западный областной исполнительный комитет)⁷⁴.

Все вышеперечисленные примеры объединяет то, что проблемы с регистрацией у них начались еще в 1929—1930 гг. и продолжались

в течение еще двух-трех лет, как минимум. Официальное непризнание религиозных общин местными органами по факту стало одним из эффективных и недорогих инструментов антирелигиозной политики на рубеже 1920—1930-х годов.

В результате слагается следующее: верующие, собрав необходимые документы, подавали заявления на регистрацию своих общин, спустя месяц (иногда и больше) получали ответ от местных органов, в конфликтных ситуациях жаловались в вышестоящие инстанции, что также отнимало у них время, — центральные власти продлевали сроки регистрации и перерегистрации, а местные управленцы находили новые причины отказа в регистрации общин.

Возможность благоприятного исхода для общины зависела от ее настойчивости в выяснении причин отказа, придании огласки ситуации, — в случае покорного принятия отклонения регистрации следующим шагом администрации было закрытие культового здания «ввиду отсутствия верующих» (наиболее распространенная формулировка в протоколах о закрытии храмов). К тому же, сокращение зарегистрированных общин улучшало статистику: нет общины на бумаге — значит, ее нет вовсе, — а, следовательно, появлялись весомые основания к ликвидации молитвенных зданий. Ликвидация (закрытие для богослужения) молитвенного здания являлась закономерным исходом и очередной ступенью после отказа религиозному объединению в регистрации.

¹ Объявленный официально 24 января 1929 г. в постановлении ЦК ВКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» (Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 4014. — Л. 23). Подробнее: *Батченко В.С.* Крестьянское сопротивление государственной антирелигиозной политике в 1929—1931 гг.: (на материалах Западной области): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Брянск, 2015. — С. 29—31.

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). — Ф. 393. — Оп. 43 а. — Д. 1577. — Л. 36, 37.

³ Там же. — Д. 1776. — Л. 118.

⁴ Там же.

⁵ Там же. — Ф. 5263. — Оп. 1. — Д. 18. — Л. 1.

⁶ До 1929 г. регистрация религиозных объединений осуществлялась в соответствии с декретом ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними» от 3 августа 1922 г.

⁷ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. — М., 1949. — Т. 2: 1928—1929 гг. — С. 247.

⁸ Там же. — С. 235—236.

⁹ ГА РФ. — Ф. 393. — Оп. 43 а. — Д. 1577. — Л. 444.

¹⁰ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. — Т. 2. — С. 247.

- ¹¹ Бюллетень НКВД. — 1929. — № 37. — С. 690—698.
- ¹² Там же. — С. 696.
- ¹³ Там же. — С. 698.
- ¹⁴ ГА РФ. — Ф. 6343. — Оп. 1. — Д. 263. — Л. 67. («Необходимо сделать разъяснения касательно вступления в силу постановления СНК от 8 апреля 1929 г. о религиозных объединениях, а равно и относящейся к этому постановлению инструкции (от 1 октября 1929 г.) и дополнительных распоряжений, так как иногда местные власти не принимают от общины заявлений о регистрации и даже запряцают делать какие-либо подготовительные шаги к регистрации...»).
- ¹⁵ Бюллетень НКВД. — 1929. — № 37. — С. 696.
- ¹⁶ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). — Ф. 2360. — Оп. 1. — Д. 1537. — Л. 33.
- ¹⁷ Там же. — Д. 1534. — Л. 11. (Совершенно абсурдная ситуация — религиозная община с. Андрианы Юшковского сельсовета Вяземского района зарегистрировала договор на пользование церковью 19 сентября 1929 г., но так как она не перерегистрировала этот же договор согласно постановлению НКВД от 1 октября 1929 г. № 329 — через 2 недели после заключения официального договора, то общину признали несуществующей, и по желанию колхозников церковь по процедуре готовили к ликвидации и передаче сельсовету для переоборудования под клуб. Вся эта ситуация констатировалась как свершившийся факт уже в 1933 г.).
- ¹⁸ Бюллетень НКВД. — 1929. — № 42. — С. 778—779.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Западная область была образована в ходе административно-территориальной реформы в 1929 г. из соседних Брянской, Смоленской губерний, значительной части Калужской губернии, Ржевского и Осташковского уездов Тверской губернии и Великолукского округа Ленинградской области с административным центром в г. Смоленске, и просуществовала до 1937 г.
- ²¹ ГА РФ. — Ф. 393. — Оп. 43 а. — Д. 1730. — Л. 6 об.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Бюллетень НКВД. — 1929. — № 43. — С. 790.
- ²⁵ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР. — Т. 2. — С. 247.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Бюллетень НКВД. — 1929. — № 37. — С. 690—691.
- ²⁸ Там же. — 1930. — № 13. — С. 233.
- ²⁹ Там же. — № 29. — С. 607.
- ³⁰ Там же. — № 32. — С. 666—667.
- ³¹ ГА РФ. — Ф. 5263. — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 1.
- ³² А. Воробьев являлся ответственным секретарем Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК.
- ³³ П.Г. Смидович до 1935 г. являлся председателем Комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК.
- ³⁴ ГА РФ. — Ф. 5263. — Оп. 1. — Д. 9. — Л. 1.
- ³⁵ Там же. — Л. 7 об.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ ГАСО. — Ф. 2360. — Оп. 1. — Д. 2240. — Л. 78.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Дополнительно Западный облизполком разъяснил Руднянскому РИКу, что «на основании постановления Постоянной Комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культов от 24/II с.г. (1931 г. — В.Б.) проводимая работа по

перерегистрации религиозных объединений считается законченной с 1/1 с.г. и все закрытые, вследствие несвоевременного регистрирования, молитвенные здания подлежат немедленному возвращению в пользование верующих» (Там же. — Л. 79).

⁴¹ Там же. — Д. 2895. — Л. 9—10.

⁴² Там же. — Д. 2248. — Л. 24—25 об.

⁴³ Там же. — Л. 25.

⁴⁴ Там же. — Д. 2244. — Л. 49.

⁴⁵ Там же. — Л. 46, 50, 52.

⁴⁶ Там же. — Л. 20.

⁴⁷ Там же. — Д. 2240. — Л. 20.

⁴⁸ Там же. — Л. 102.

⁴⁹ Там же. — Л. 109.

⁵⁰ Там же. — Д. 2240. — Л. 117—117 об., 118—118 об.

⁵¹ Там же. — Л. 5—5 об.

⁵² Там же.

⁵³ *Батченко В.С.* Указ. соч. — С. 32.

⁵⁴ ГАНИСО. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 811. — Л. 11.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. — Ф. 393. — Оп. 43 а. — Д. 1577. — Л. 26—26 об.

⁵⁸ Там же. — Л. 26 об.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Разъяснение долго обсуждалось в высших кругах, утверждалось в ОГПУ, затем находилось на рассмотрении ВЦИКа и лично Смидовича. В конечном итоге разъяснительный циркуляр ВЦИК № 22/с появился только 11 февраля 1928 г.

⁶¹ ГА РФ. — Ф. 393. — Оп. 43 а. — Д. 1577. — Л. 123—123 об.

⁶² Там же. — Л. 126. («НЕ ПРОИЗВОДЯ, однако, в случае отрицательно отношения их к выполнению упомянутых повинностей, НИКАКОЙ ЛИКВИДАЦИИ И ЗАКРЫТИЯ этих религиозных сектантских организаций»).

⁶³ Там же. — Л. 126 об.

⁶⁴ Там же. — Ф. 1235. — Оп. 140. — Д. 734. — Л. 41.

⁶⁵ Например: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 17. — Оп. 87. — Д. 183. — Л. 9; Д. 200 а. — Л. 123 об.; Д. 201. — Л. 12.

⁶⁶ ГАСО. — Ф. 2360. — Оп. 1. — Д. 2216. — Л. 26—26 об.

⁶⁷ Там же. — Л. 28.

⁶⁸ Там же. — Л. 9, 26—26 об., 28—32.

⁶⁹ Там же. — Д. 2244. — Л. 165—165 об.

⁷⁰ Там же. — Д. 1530. — Л. 28—28 об., 30—30 об.

⁷¹ Там же. — Л. 55—55 об.

⁷² Там же. — Д. 2240. — Л. 150.

⁷³ Там же. — Л. 33—33 об.

⁷⁴ Там же. — Д. 2919. — Л. 75, 79.

В.В. Кондрашин

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОЛОДА В СССР В 1932—1933 ГГ.

Статья посвящена региональным и национальным особенностям голода 1932—1933 гг. в СССР. На основе анализа опубликованных источников из документальных серийных сборников и других материалов на указанную тему в ней характеризуются такие особенности голода, как экономическая специализация, фактор крестьянского сопротивления коллективизации и хлебозаготовкам, природно-географические условия регионов, субъективные действия регионального руководства и другие.
Ключевые слова: голод 1932—1933 гг.; региональные и национальные особенности голода; коллективизация; хлебозаготовки; жертвы голода.

V.V. Kondrashin

Regional and national characteristics of the famine in the USSR in 1932—1933

The article is devoted to regional and national peculiarities of the famine of 1932—1933 in The USSR. Based on the analysis of published sources from documentary serial collections and other materials on this topic, it features such features as economic specialization, the factor of peasant resistance to collectivization and grain procurement, the natural and geographical conditions of regions, subjective actions by the regional leadership, and others.
Keywords: famine of 1932—1933; regional and national features of famine; collectivization; grain procurements; victims of famine.

В 2018 г. на Украине, в Канаде, США, Австралии и ряде других зарубежных стран особое внимание приковано к памятной дате — 80-летию голода 1932—1933 гг. в СССР. При этом акцент делается исключительно на трагедии Советской Украины. Вновь реанимируется и пропагандируется в СМИ и на различных научных форумах идея исключительности этой трагедии на Украине, а также точка зрения украинской диаспоры в странах Запада и немногочисленной, но активной и политически ангажированной группы историков (особенно на Украине) о голоде 1932—1933 гг. как «голодоморе» — «геноциде» украинского народа, организованном сталинским руководством СССР с целью уничтожения основы украинского национального движения — крестьянства¹. Показательным в этом плане является реакция современного по-

литического руководства Украины и русофобски настроенной украинской и зарубежной общественности на выход в свет монографии Энн Эпплбаум под характерным названием «Красный голод», в которой в обобщенном виде представлена эта точка зрения². Автор книги удостоилась личной аудиенции у Президента Украины П.А. Порошенко, который посчитал необходимым перевести книгу на украинский язык, чтобы она как можно скорее дошла до украинского читателя³.

В данном контексте, на наш взгляд, необходимо напомнить научной и широкой общественности о том, что многолетними усилиями российских историков и демографов и их зарубежных коллег восстановлена реальная картина трагических обстоятельств голода 1932—1933 гг. в СССР и на основе широкого и достоверного комплекса источников аргументированно обоснован вывод об общей трагедии народов бывшего Советского Союза, память о которой должна не разъединять, а объединять народы⁴.

В настоящей статье предпринимается попытка еще раз обосновать данный вывод и на основе разнообразных и достоверных источников охарактеризовать региональные и национальные особенности трагедии 1932—1933 гг. в конкретных регионах СССР.

Кратко остановимся на историографии проблемы. Голод 1932—1933 гг. как феномен сталинской эпохи стал изучаться российскими исследователями лишь в начале 1990-х годов. До этого времени в советской историографии его факт отрицался, или если речь шла о событиях начала 1930-х годов в советской деревне, то, как правило, говорилось о «временных трудностях» организационно-хозяйственного становления колхозного строя, которые были вызваны «контрреволюционной деятельностью» его врагов и природными катаклизмами (засухой и т.д.)⁵.

Ситуация изменилась с началом в СССР периода «перестройки» и «гласности», сопровождавшегося «архивной революцией», когда было снято табу на «белые пятна» советской истории, а исследователи получили доступ к ранее недоступным архивным документам. Пионером в исследовании голода 1932—1933 гг. выступил В.П. Данилов⁶. Затем эта тема стала активно изучаться его коллегами по Институту российской истории РАН И.Н. Зелениным и Н.А. Ивницким⁷. Автор настоящей статьи также защитил в Институте российской истории РАН под научным руководством В.П. Данилова первую в России диссертацию на указанную тему⁸.

В 1990-е и последующие годы одновременно с учеными из Института российской истории РАН тема голода 1932—1933 гг. активно изучалась в российских регионах. Появились статьи, монографии,

диссертации об этой трагедии в Центральном черноземном районе, Поволжье, на Северном Кавказе, Урале и в других регионах⁹.

Усилиями российских исследователей создана солидная источниковая база по истории трагедии 1932—1933 гг. в СССР. Основная заслуга в этом принадлежит коллективу историков-аграрников Института российской истории РАН. В 1990-е — начале 2000-х годов под руководством В.П. Данилова они осуществили грандиозные международные проекты по изданию ранее недоступных исследователям документов из центральных и региональных архивов на указанную тему¹⁰. В первые десятилетия XXI в. эта традиция была продолжена в рамках международного проекта Федерального архивного агентства России (Россархива) «Голод в СССР, 1929—1934» с участием автора настоящей статьи¹¹. В этом же ряду 10-й том документальной серии «“Совершенно секретно”»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.)», подготовленный сотрудниками Института российской истории РАН, также при участии автора статьи, в котором представлены отчеты ОГПУ о положении в советской деревне в 1932—1933 гг.¹²

Российские исследователи установили причины голода, его масштабы и последствия и пришли к выводу о едином механизме его возникновения, как результата сталинской насильственной коллективизации и принудительных хлебозаготовок, осуществленных во имя форсированной индустриализации страны¹³.

В зарубежной историографии проблемы четко выделяются две группы исследователей. Первая из них представлена историками США, Канады и ряда западноевропейских стран, которые являются создателями и наиболее активными сторонниками концепции «геноцида голодомором» Украины в 1932—1933 гг. сталинским руководством СССР (Р. Конквест, Дж. Мейс, А. Грациози и др.)¹⁴. К ним примыкают исследователи из Украины, воспринявшие данную концепцию и проиллюстрировавшие ее новым фактическим материалом из архивов Украины и России (С.В. Кульчицкий, В.И. Марочко, Ю.И. Шаповал и др.)¹⁵. При всей неубедительности, на наш взгляд, аргументации указанных авторов в обосновании концепции «геноцида голодомором» нельзя не увидеть их несомненной заслуги в изучении масштабов голода в Советской Украине (УССР), характеристике его демографических последствий¹⁶.

Анализируя труды вышеназванной группы зарубежных и украинских исследователей, следует отметить, что их творческая активность была простимулирована американскими и европейскими фондами, действовавшими в данном направлении в рамках объявленного Президентом США Р. Рейганом курса на конфронтацию

с СССР («империей зла»). Именно с этого момента тема голода 1932—1933 гг. на Украине стал предметом «расследования» Конгресса США и других западных стран¹⁷.

Вторую группу зарубежных исследователей проблемы составляют ученые — противники точки зрения на голод 1932—1933 гг. в УССР как «голодомор» и «геноцид» (М. Таугер, Р. Дэвис, С. Уиткрофт, С. Мерль, Хироси Окуда, Д. Пеннер, В.Ф. Солдатенко и др.)¹⁸. Их позиция в целом совпадает с позицией на рассматриваемую проблему российских ученых. Австралийский исследователь С. Уиткрофт организовал ряд рабочих семинаров на тему голода 1932—1933 гг. в СССР в Мельбурнском университете и в Назарбаев Университете Казахстана с участием историков и демографов из США, Канады, Австралии, Китая, Ирландии, России, Украины, Казахстана и других стран. Автор настоящей статьи также был их постоянным участником¹⁹. По итогам дискуссий на этих семинарах вышло два сборника статей в Канаде и в России, в которых без купюр изложены позиции сторон: приверженцев и противников концепции «геноцида голодомором» Украины²⁰.

В последнее время заметно возрос интерес зарубежных исследователей к теме голода начала 1930-х годов в Казахстане. Складывается целая группа историков из разных стран, основательно прорабатывающих эту тему в казахских и российских архивах и придерживающихся, на наш взгляд, промежуточной позиции по поводу дискуссии о характере трагедии²¹. Они указывают на ее исключительный характер в Казахстане, похожий на украинские события, и выделяют явно выраженную национальную специфику (голод, прежде всего казахов, как результат политики центра)²².

Из зарубежных изданий документального жанра на тему голода 1932—1933 гг. следует отметить ряд сборников документов казахских исследователей, в которых отражена региональная специфика трагедии²³.

В целом можно заключить, что российскими и зарубежными исследователями проделана значительная работа по изучению рассматриваемой проблемы. В то же время до настоящего времени в историографии отсутствует обобщающая работа на тему региональных и национальных особенностей голода 1932—1933 гг. в СССР. Поэтому в настоящей статье акцентируется внимание именно на данном аспекте проблемы. Автор попытается в какой-то мере восполнить указанный пробел, отнюдь не претендуя на категоричность выводов и завершенность в исследовании проблемы.

Источниковой базой настоящей статьи являются опубликованные документы из тематической серии документальных сборников, затрагивающих или посвященных теме голода 1932—1933 гг. В издании большинства из них автор статьи принимал непосредственное

участие. Подобный выбор источников не случаен, поскольку большинство из них еще не используется в должной мере исследователями. Более того, в ряде случаев они просто игнорируются, как это случилось в монографии вышеупомянутой Энн Эпплбаум.

Прежде чем перейти к характеристике региональных и национальных особенностей голода 1932—1933 гг., следует подчеркнуть, что исходя из результатов изучения огромного комплекса различных источников, можно с полной уверенностью утверждать, что эта трагедия советской деревни стала следствием действия комплекса факторов объективного и субъективного характера. Объективный фактор голода определяется исследователями и автором настоящей статьи в широком контексте индустриальной модернизации страны, осуществлявшейся с конца XIX в. за счет ущемления интересов крестьянства и ресурсов сельского хозяйства. Ее историческая неизбежность и необходимость в условиях отсталой аграрной экономики и отсутствия внешних источников финансирования обусловили неизбежность давления советской власти на деревню на рубеже 1920—1930-х годов, тем более, что сама деревня в годы НЭПа исчерпала возможность развития на основе мелкого крестьянского хозяйства, удовлетворяющего растущие потребности страны²⁴. Отсюда сталинская коллективизация и голод, как ее результат.

С другой стороны, объективным и независимым ни от кого фактором голода по-прежнему оставалась для огромной страны природа, нахождение в зоне рискованного земледелия огромной территории сельскохозяйственного производства. Поэтому недороды вследствие засухи и голод наступали в 1920-е годы и без всякого давления извне на советскую деревню (например, в 1924—1925 гг.). Погода сказала свое веское слово и в начале 1930-х годов, усугубив в насильно коллективизированной деревне кризисную ситуацию²⁵. Но главной причиной голода она всё же не стала.

Как уже отмечалось, голод наступил вследствие аграрной политики сталинского руководства, то есть субъективного фактора, при наличии вышеназванных объективных причин. Многочисленные документы и исследования специалистов убедительно свидетельствуют, что в начале 1930-х годов в основных сельскохозяйственных районах СССР он стал результатом насильственной коллективизации, принудительных хлебозаготовок и других обязательных поставок государству сельскохозяйственной продукции²⁶.

В то же время имеющиеся региональные и национальные особенности предопределили масштабы трагедии и количество ее жертв. Больше всего крестьян погибло от голода в зерновых районах страны и в Казахстане, потому что экономическая специализация данных

регионов предопределила трагический ход событий в них в начале 1930-х годов. Потребности Советского государства в хлебе и другой сельскохозяйственной продукции для нужд индустриализации обусловили проведение в этих регионах огромных их изъятий в ходе хлебозаготовок и других хозяйственных кампаний, подорвавших жизненные силы деревни. На эту тему опубликовано огромное число документов и исследований, в которых, например, показана решающая роль зерновых районов СССР в экспорте зерна и снабжении городов хлебом и другими продуктами в годы первой пятилетки²⁷. Приведем лишь два примера на эту тему, подтверждающих сказанное: данные о доле основных зерновых районов СССР в общесоюзном плане хлебозаготовок и в экспорте зерна (см. *таблицы 1–2*).

Таблица 1

План и фактическое выполнение хлебозаготовок в СССР из урожая 1932 г., по сравнению с 1931 г. (в млн. пудов)

Регионы	Фактические заготовки		
	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Нижне-Волжский край	84,9	73,0	89,4
Средне-Волжский край	72,3	68,1	98,3
Северо-Кавказский край	128,8	161,5	119,1
Уральская область	74,0	44,4	65,1
Центрально-Черноземная область	114,1	136,4	125,3
УССР (Украина)	436,7	415,4	262,6
СССР	1307,1	1371,4	1115,9

Источник: Голод в СССР, 1929—1934: в 3 т. — Москва: Междунар. фонд «Демократия», 2012. — Т. 2. — С. 20.

Таблица № 2

План зернового экспорта и хлебозаготовки 1931/32 г. (в млн. пудов)

Регион СССР	План экспорта зерна	Фактические заготовки зерна	Доля зерна на экспорт в хлебозаготовках (в %)
УССР (Украина)	84,4	415,4	20,0
Северо-Кавказский край	68,7	161,5	42,5
Нижне-Волжский край	51,9	73,0	71,0
Средне-Волжский край	18,7	68,1	27,0

Источник: Голод в СССР, 1929—1934: в 3 т. — М.: Междунар. фонд «Демократия», 2011. — Т. 1, кн. 1. — С. 46.

Приведенные в таблицах цифры свидетельствуют, что в 1930—1932 гг. $\frac{2}{3}$ полученного в стране зерна поступило из 6 регионов,

4 из них были основным источником для экспорта в данный период твердых сортов пшеницы. Именно поэтому им суждено было оказаться основными зонами сплошной коллективизации, а в 1932—1933 гг. зонами массового смертного голода.

Региональные особенности трагедии были связаны и с поведением крестьянства в период осуществления коллективизации, их реакцией на политику Советского государства в рассматриваемый период. Это поведение определялось степенью негативного воздействия этой политики на их жизнь. Самая острая реакция крестьян на коллективизацию и всё, что было с ней связано, наблюдалась в тех регионах, где хозяйство оказалось наиболее подорвано.

Данный факт особенно очевиден на примере Казахстана, где в результате коллективизации, политики оседания казахов и скотозаготовок был фактически разрушен основной вид хозяйственной деятельности казахов — животноводство. В докладной записке зам. председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулова И.В. Сталину от 6 октября 1932 г. указывалось, что в Казахстане поголовье скота сократилось с 32 млн. голов в 1928 г. до 5397 тыс. голов в 1932 г., то есть на 83%, а по группе кочевых и полукочевых районов соответственно на 94—95%²⁸. Казахи отреагировали на действия власти сначала активным вооруженным сопротивлением²⁹, а затем, после его подавления в 1930 г., массовыми откочевками в Китай и близлежащие регионы СССР (в Западную Сибирь, на Южный Урал, в Поволжье, Среднюю Азию). В 1930—1931 гг. откочевало 286 тыс. хозяйств, в 1932 г. — 79 тыс., в 1933 г. — 33 тыс., а всего начиная с 1930 г. — около 400 тыс. хозяйств³⁰.

Сопротивление крестьянства политике Советского государства в годы коллективизации было сильным и массовым не только в Казахстане, но и в основных зерновых районах страны, поскольку именно хлеб был ее главной целью при создании колхозов. В 1930—1932 гг. это были сельские районы Украины, Северного Кавказа, Центрального Черноземья, Нижней и Средней Волги. Об этом свидетельствует статистика крестьянских массовых и групповых выступлений в данный период против коллективизации, хлебозаготовок и других мероприятий советской власти. Например, в 1930 г. в УССР в массовых и групповых выступлениях в деревне участвовало 956 587 человек, в Северо-Кавказском крае — 277 тыс., в Центрально-Черноземной области (ЦЧО) — 315 035, Средне-Волжском крае — 140 383, Нижне-Волжском крае — 119 175 человек. То есть, на основные зерновые районы страны пришлось 73% от общего числа крестьянских выступлений в стране³¹. Аналогичная картина была во время хлебозаготовок 1932 г.³² Причем тактика крестьян изменилась. Основным методом их противодействия хлебозаготовкам стало «оружие сла-

бых»: хищения зерна, отказ от работы в колхозах, уход из деревни и т.д. И именно в основных зерновых районах, где проживали десятки миллионов крестьян, эти факты получили наибольшее распространение. Ответные меры власти (принудительное изъятие хлеба, блокада колхозов и районов, аресты активистов и т.д.) привели к самым тяжелым последствиям в данных районах. Причем наиболее тяжелыми они были в трех зернопроизводящих регионах — на Украине, Северном Кавказе и Нижней Волге. Крестьянское сопротивление хлебозаготовкам было сломлено там в 1932 г. специально направленными туда Сталиным чрезвычайными комиссиями Политбюро ЦК ВКП (б) (комиссия В.М. Молотова на Украине, комиссия Л.М. Кагановича на Северном Кавказе, комиссия П.П. Постышева на Нижней Волге)³³.

Региональные особенности голода в пораженных им регионах СССР определялись и природно-географическим фактором. Самым ярким, на наш взгляд, примером этого являются процессы миграции голодающего сельского населения в рассматриваемый период. Например, огромные степные и горные массивы Казахстана позволили десяткам тысяч казахов уйти за кордон в Западный Китай и в большинстве своем спастись там от голодной смерти (по официальным данным около 40 тыс. хозяйств)³⁴. В то же время, несмотря на наличие в приграничных районах Белоруссии и Украины значительных «эмигрантских настроений», массовой миграции оттуда крестьян в Польшу и Румынию, где не было голода и проживали их многочисленные сородичи, не произошло. Успешные попытки незаконного пересечения границы и ухода в Польшу и Румынию голодающих крестьян были в этих районах единичными, при этом десятки семей были задержаны пограничниками³⁵.

Фактор угрозы дестабилизации ситуации на границах с враждебной СССР Польшей в результате кризиса колхозной системы и хлебозаготовок на Украине в 1932 г. послужил одной из основных причин принятия сталинским руководством самых жестких мер против украинского крестьянства со всеми вытекающими отсюда последствиями. На эту тему существует очень важный документ — письмо Сталина секретарю ЦК ВКП (б) Кагановичу от 11 августа 1932 г. В этом письме, выражая озабоченность по поводу срыва плана хлебозаготовок на Украине, Сталин указывал Кагановичу: «Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет и его агентура на Украине во много раз сильнее, чем думает Реденс и Косиор»³⁶.

Природно-географический фактор сыграл свою роль и при выработке и осуществлении сталинским руководством мер по борьбе со стихийной миграцией в кризисных зерновых районах СССР в конце

1932 — начале 1933 г. Директива Сталина — Молотова от 22 января 1933 г. установила блокаду Украины и Северного Кавказа, чтобы не допустить массового исхода оттуда голодающего населения в города и другие регионы страны³⁷. Она оказалась возможной из-за наличия в данных регионах развитой, по сравнению, например, с Казахстаном, инфраструктуры: железных дорог, водных путей сообщения, разветвленной сети государственных учреждений, промышленных центров и т.д. Это позволило запереть в деревнях основную массу крестьян, поскольку, потеряв лошадей в результате коллективизации, они не могли уйти из деревни, кроме как используя железную дорогу. Но все железнодорожные станции были надежно заблокированы сотрудниками ОГПУ, а деревни — постами милиции и сельских активистов³⁸. Эта блокада стала одной из причин увеличения смертности в сельских районах Украины и Северного Кавказа в 1933 г.

Говоря о природно-географическом факторе, следует указать и на очевидный факт — его влияние на интенсивность голода в зависимости от территориального расположения населенных пунктов в момент голода. В частности, наличие лесов с их «дарам», рек и прудов с рыбными ресурсами, традиционная специализация выращивания овощей и фруктов, более мягкий климат и т.д. — всё это позволяло смягчать остроту голода и не допускать массовой смертности населения в условиях изъятия из деревни необходимой государству основной сельскохозяйственной продукции. В 1932—1933 гг. так было в большинстве сельских районов Белоруссии, Сибири и Дальнего Востока. Там также голодали и умирали колхозники и единоличники в результате коллективизации и хлебозаготовок. Но масштабы опуханий от голода и голодных смертей были не сопоставимы с Украиной, Северным Кавказом и Нижней Волгой. Жертвами голода в его пик, в 1933 г., были единицы или десятки крестьян, за редким исключением³⁹.

Географический фактор в региональных особенностях голода проявлялся и в наличии в регионе крупных промышленных центров, городов, совхозов, лесных и других разработок. В этом случае наиболее активная и трудоспособная часть сельского населения имела возможность покинуть колхоз и деревню накануне или во время голода и уйти на заработки на данные предприятия. Подобная практика была распространена в Центральном промышленном и Западном районах, на Северо-Западе Европейской части СССР, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Но и там крестьяне голодали. Были зафиксированы факты голодных смертей. Однако их число не шло в сравнение с жертвами голода в основных зерновых районах СССР и в Казахстане⁴⁰.

На наш взгляд, учитывая масштабы трагедии, к важнейшим региональным особенностям голода 1932—1933 гг. следует отнести личностные качества партийных руководителей ряда регионов, которые повлияли на позицию по отношению к ним центральной власти и лично И.В. Сталина в вопросах планирования хлебозаготовок и предоставления зерновых ссуд этим регионам в 1931—1933 гг.

Прежде всего речь идет о партийном лидере Украины — генеральном секретаре ЦК КП (б)У С.С. Косиоре⁴¹. В 1931 г. на Октябрьском пленуме ЦК ВКП (б) он оказался единственным из всех партийных секретарей, участвовавших в работе пленума, кто не попросил у Сталина снижения плана хлебозаготовок для своей республики⁴². Более того, он заявил вождю о готовности Украины выполнить его, хотя план был установлен ей самый большой за всю советскую историю — 510 млн. пудов. Но Косиор назвал на Пленуме такой план выполнимым «без всяких особых жертв со стороны колхозного крестьянства» и «украинской деревни вообще»⁴³. Однако чуда не произошло. Именно выполнение этого плана и привело к голоду.

В дальнейшем Косиор сознательно приукрашивал перед центром положение дел в сельском хозяйстве республики и свою личность как «сильного руководителя». Например, в марте 1932 г. он отказался признать дефицит семян на Украине и факт наступившего там голода⁴⁴. В своей телеграмме Сталину от 26 апреля 1932 г. Косиор заявил: «У нас есть отдельные случаи и даже отдельные села голодающие, однако это только результат местного головоотпяства, перегибов, особенно в отношении колхозов. Всякие разговоры о “голоде” на Украине нужно категорически отбросить»⁴⁵. Характерна реакция вождя на эту телеграмму: «Тов. Косиор!.. Если судить по материалам, похоже на то, что в некоторых пунктах УССР советская власть перестала существовать. Неужели это верно? Неужели так плохо дело с деревней на Украине?»⁴⁶. Анализируя причины кризиса сельского хозяйства на Украине секретарь ЦК ВКП (б) Каганович в письме к Сталину от 12 июня 1932 г. резонно указал, неужели украинские руководители «не могли поставить в ЦК ВКП (б) свое- временно и честно все их вопросы»⁴⁷. Об этом же говорилось в письме секретарю ЦК ВКП (б) Л.М. Кагановичу побывавшего в июне 1932 г. в Винницкой области УССР главного инспектора кавалерии РККА С.М. Буденного. Ознакомившись с ситуацией, на встречах с колхозниками он открыто обвинил в организации голода местные власти, в первую очередь, республиканских руководителей, которые с помощью встречных планов оставили деревню без хлеба и семян. «Почему вас до сих пор не поубивали колхозники!» — в сердцах восклицал Буденный⁴⁸.

Сталин не освободил от занимаемой должности Косиора по совету Кагановича, опекавшего того, как своего «бывшего наставника», предоставив ему шанс исправить ситуацию с помощью выполнения установленного для Украины плана хлебозаготовок⁴⁹. Но вождь уже не доверял ему и по мере ухудшения ситуации в республике в данном вопросе направлял туда своих эмиссаров (М.М. Хатаевича, П.П. Постышева, В.М. Молотова)⁵⁰.

Видимо, чтобы изменить ситуацию и поднять свой авторитет в глазах вождя, Косиор и предложил Сталину пойти на самые крайние меры по отношению к крестьянам Украины, не выполнявшим планы хлебозаготовок. В письме к Сталину 8 декабря 1932 г. он предложил начать на Украине массовую кампанию «натуральных штрафов» в отношении «злостных саботажников» хлебозаготовок, то есть отбирать находившихся у крестьян в личном пользовании коров и все продовольственные запасы, поскольку репрессии в отношении натуральных фондов колхозов эффекта не возымели⁵¹. Результатом в 1933 г. стал самый страшный за всю историю Украины голод. Этот факт хорошо осознавали современники событий. Например, в письме некоего Живанова Косиору от 24 декабря 1932 г. говорилось: «Тов. Косиор... Вы за два года угробили Украину, сельское хозяйство»⁵².

И в дальнейшем действия Косиора трагически сказывались на судьбах миллионов украинцев и других жителей Украины, поскольку тот не желал до последнего признавать факт массового голода в республике. Это подтверждает его письмо Сталину от 15 марта 1933 г. как реакция на ранее отправленное вождю письмо секретаря Днепропетровского обкома КП(б)У М.М. Хатаевича. Последний, судя по всему, оказался первым украинским руководителем, проинформировавшим Сталина о реальных масштабах голода на Украине. 12 марта 1933 г. он сообщил вождю, что «буквально, завален ежедневными сообщениями и материалами о случаях голодных смертей, опухания и заболеваний от голода», «о трупоедстве и людоедстве»⁵³. Но у Косиора было другое мнение о ситуации на Украине и в Днепропетровской области в частности. В своем письме он раздраженно отметил, что, с одной стороны, «Днепропетровск слишком афиширует свое тяжелое положение», а с другой — местные руководители «всячески стремятся выпятить наиболее тяжелые случаи, собрать и обобщить цифры», чтобы «получить помощь из ЦК», не прилагая при этом «энергичной работы по мобилизации местных ресурсов». Кроме того, по мнению Косиора, имеющиеся в ЦК КП(б)У сведения, как от обкомов, так и по линии ГПУ, о размерах голодовок к тому времени были «крайне разноречивы»⁵⁴. В от-

личие от Хатаевича он полагал что «голодание не научило еще очень многих колхозников уму-разуму»⁵⁵.

Применительно к рассматриваемому аспекту проблемы особого внимания заслуживает личность Хатаевича. До приезда на Украину он возглавлял Средне-Волжский крайком партии и сумел добиться выполнения краем плана хлебозаготовок без применения чрезвычайных мер. В 1933 г. на Средней Волге не было голода, характеризовавшегося такой же голодной смертностью, как, например, в соседнем Нижне-Волжском крае⁵⁶. На наш взгляд, это во многом и было результатом руководства краем Хатаевичем, сумевшим не разорить до конца колхозы и аграрный сектор экономики края хлебозаготовками, потому что по сравнению с другими партийными лидерами регионов он не допустил изъятия из деревни всех запасов зерна (прежде всего семенного и фуражного). Такую же линию Хатаевич пытался проводить на Украине в качестве эмиссара Сталина. Но она была решительно пресечена другим его эмиссаром — руководителем комиссии Политбюро ЦК по хлебозаготовкам на Украине Молотовым. По жалобе Молотова на Хатаевича 18 ноября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) осудило брошюру Хатаевича, содержащую формулировку о запрете вывоза из колхозов Украины всего семенного и фуражного зерна⁵⁷.

Еще одной яркой фигурой, повлиявшей на масштабы трагедии 1932—1933 гг., был Ф.И. Голошкеин — первый секретарь ЦК компартии Казахстана. Можно согласиться с мнением немецкого историка Роберта Киндлера, что Голошкеин был «жестоким властителем», «безжалостным циником», с «непреклонной суровостью» преодолевавшим «любые проблемы», поставленные партией⁵⁸. Работая в национальной республике, будучи не казахом, он целеустремленно проводил политику Советского правительства по фактическому уничтожению традиционного образа жизни казахов. При этом некоторые его высказывания действительно были верхом цинизма и пренебрежения по отношению к последним. И это не могло не сказываться на действиях его подчиненных. Например, осенью 1931 г. он назвал массовые откочевки казахов симптомом социалистического прогресса⁵⁹. 20 марта 1932 г., в момент настоящей голодной катастрофы, Голошкеин в письме первому секретарю Западно-Сибирского крайкома ВКП (б) Р.И. Эйхе заявлял, что откочевки, «за исключением некоторых случаев», не носили характера «голодобегенцев», а являлись одним из методов «сопротивления байства», которое организовало их с целью срыва «всех государственных заданий»⁶⁰. В результате именно Голошкеин стал ассоциироваться у казахов и современных исследователей с самым жестоким и непродуманным актом

советской власти в Казахстане в период коллективизации, приведшим к трагедии, — кампании перевода казахов на оседлость со всеми ее ужасающими последствиями⁶¹. И эту оценку трудно изменить, даже если учесть действия Голощекина по выбиванию у центра продовольственных ресурсов для республики в 1932—1933 гг.⁶²

В данном контексте и в связи с дискуссией о «геноциде голодомором» Украины важной проблемой при изучении региональных особенностей трагедии является проблема реакции центральной власти на голод в регионах. Из содержания многочисленных источников видны региональные особенности голода в механизме распределения и получения голодающими регионами СССР государственных зерновых ссуд (семенных, фуражных и продовольственных). Так, в 1932 г. большую их часть получили пострадавшие от засухи 1931 г. края, области и республики (Урал, Казахстан, Украина, Западная Сибирь, Средняя и Нижняя Волга, Башкирия). В 1933 г. основная доля ссуд пришлась на Украину и на Северный Кавказ, как самые кризисные регионы, что является, на наш взгляд, важным аргументом против концепции «геноцида голодомором» (см. *таблицы 3 и 4*).

Региональная специфика проявилась и в сроках поступления ссуд в голодающие регионы. В 1932—1933 гг. решения об их выдаче принимались центром в феврале — марте, а реально они завозились в деревню лишь к моменту начала посевных работ, что приводило к массовой гибели голодающего населения. Во второй половине 1933 г. ситуация изменилась. Ссуды поступили в самые проблемные регионы уже осенью 1933 г., когда о факте недостаточности собранного урожая по причине недорода стало известно центральной власти. Это позволило не допустить повторения там трагедии начала 1933 г. В данный период сработали и принятые сталинским руководством меры по выводу деревни из голодного кризиса, особенно в его эпицентрах (политотделы МТС, новые правила хлебопоставок и т.д.). То есть, акцент в действиях власти на предоставление зерновых ссуд в 1932—1933 гг. самым проблемным регионам не подлежит сомнению.

Отличие зерновых ссуд от прежних заключалось не только в сроках поступления, но и в их размерах. В период с осени 1933 г. и до середины марта 1934 г. регионы СССР в качестве семенных, продовольственных и фуражных ссуд получили 145 млн. пудов зерна⁶³ вместо 75,9 млн. пудов в первой половине 1932 г. и соответственно 78,8 млн. пудов в первой половине 1933 г.⁶⁴ В первую очередь и в наибольшем объеме они поступили в Казахстан. В частности, к 25 декабря 1933 г. КАССР получил семссуду в размере 6 млн.

**Зерновые ссуды (семенные, продовольственные, фуражные),
выданные регионам Центром в первой половине 1932 г.
и первой половине 1933 г. (в пуд.)**

Регион	Первая половина 1932 г.	Первая половина 1933 г.
Урал	19,1 млн.	1,4 млн.
Казахстан	11,5 млн.	2,6 млн.
Украина	10,7 млн.	35,3 млн.
Западная Сибирь	10,7 млн.	168,7 тыс.
Средняя Волга	9,8 млн.	156,2 тыс.
Нижняя Волга	5,4 млн.	1,7 млн.
Башкирия	5,1 млн.	1,2 млн.
Татария	2 млн.	Не выдавалось
Белоруссия	600 тыс.	9,4 тыс.
ЦЧО	493,7 тыс.	1,3 млн.
Западная область	250 тыс.	168,7 тыс.
Восточно-Сибирский край	187,5 тыс.	830 тыс.
Нижегородская область	150 тыс.	Не выдавалось
Московская область	150 тыс.	Не выдавалось
Ивановская область	8,4 тыс.	Не выдавалось
Северный Кавказ	Не выдавалось	37,3 млн.
ДВК*	Не выдавалось	131,2 тыс.
Средняя Азия	Не выдавалось	112,5 тыс.
Итого	75,9 млн.	82,5 млн.

* ДВК — Дальневосточный край.

Источник: Голод в СССР, 1929—1934: в 3 т. — Москва: Междунар. фонд «Демократия», 2012. — Т. 2. — С. 34.

700 тыс. пудов и продссуду в размере 4 млн. 100 тыс. пудов, против 2 млн. 600 тыс. пудов зерна, полученных в первой половине 1933 г.⁶⁵

Также уже на начальной стадии хлебозаготовительной кампании 1933 г., по сравнению с предшествующими кампаниями, были сделаны существенные послабления наиболее пораженным голодом регионам. Например, Казахстану размер годовой зернопоставки государству из урожая 1933 г. был снижен с 36,6 до 30 млн. пуд., а недоимки по зерновым ссудам были перенесены на 1934 г.⁶⁶ Отсрочку по хлебосдаче получили и северные районы степи Украины⁶⁷. В этом же ряду действия Советского правительства по отношению к единоличным хозяйствам Украины и Северного Кавказа. Они не только получили зерновые ссуды, но и значительные скидки по зернопоставкам в районах, «подвергшихся засухи»⁶⁸.

Таким образом, региональные особенности голода 1932—1933 гг. — факт, не вызывающий сомнения. Но можно ли говорить о его национальных особенностях? На наш взгляд, да, но лишь в кон-

**График поступления зерновых ссуд (семенных и продовольственных)
в регионе в 1932—1934 гг.**

Основные зерновые районы и Казахстан	1932 г.		1933 г.		Вторая половина 1933 г. — начало 1934 г.	
	Сем. ссуда	Прод. ссуда	Сем. ссуда	Прод. ссуда	Сем. ссуда	Прод. ссуда
Северный Кавказ*	25.03	—	13.02.	7.02— 13.02	—	18.09.33
Нижняя Волга	4.02	4.02	2.03	26.03	29.09.33	—
Средняя Волга	4.02	4.02	2.03	28.06	26.10.33	26.10.33
ЦЧО	27.02	10.07	3.03	21.06	3.02.34	3.02.34
Урал	4.02	4.02	3.03	27.03	5.03.34	7.03.34
Сибирь	4.02	4.02	7.04	26.05, 23.06	5.09.33	30.01.34
Казахстан	4.02	4.02	2.03	11.05	13.08.33	14.09.33
Украина	17.03	19.04	18.02	7.02— 1.03	2.09.33	25.02.34

* В 1932 г. прод. ссуда не выдавалась.

Источник: Голод в СССР, 1929—1934: в 3 т. — М.: Междунар. фонд «Демократия», 2013. —Т. 3. — С. 21.

тексте главного тезиса об общей трагедии народов СССР и в рамках изучения проблемы взаимоотношений между народами в рассматриваемый период.

В первом случае национальные особенности голода 1932—1933 гг., так же как и региональные, обуславливались экономической специализацией региона и хозяйственной деятельностью проживавшего там населения. Например, в зерновых районах СССР, где главный отрасль сельского хозяйства было зерновое производство, от голода в результате коллективизации и хлебозаготовок в равной степени страдали представители всех этносов. Данный вывод можно проиллюстрировать на примере Украины и Нижнего Поволжья, ставшими эпицентрами массового голода в 1933 г.

Учитывая известный специалистам факт недоучета голодной смертности в данных регионах в 1933 г., тем не менее, на наш взгляд, на основе анализа существующей официальной демографической статистики мы можем восстановить степень остроты голода на

Украине и на Нижней Волге, где в первом случае подавляющее большинство сельского населения составляли украинцы, а во втором — русские. И те и другие занимались тогда зерновым хозяйством (см. таблицу 5).

Таблица 5

Зарегистрированная ЗАГСами смертность сельского населения Нижне-Волжского края в 1932—1933 гг. в сравнении с данными ЗАГС по УССР

Месяц	УССР			Нижне-Волжский край		
	1932 г.	1933 г.	В 1933 г. в % к 1932 г.	1932 г.	1933 г.	В 1933 г. в % к 1932 г.
Январь	31 691	43 901	138	3408	5390	158
Февраль	35 404	60 632	171	3416	6892	202
Март	43 100	135 767	315	3616	12 750	352
Апрель	46 617	174 202	373	3483	18 955	544
Май	50 401	253 155	502	3502	30 170	861
Июнь	55 293	361 195	653	4070	31 635	777
Июль	52 818	278 789	528	5289	28 753	544
Август	47 939	103 319	215	4768	15 555	326
Сентябрь	43 265	65 649	152	4766	9059	190
Октябрь	47 083	42 820	91	4201	6832	163
Ноябрь	38 716	28 167	73	3659	4738	129
Декабрь	34 801	34 421	99	3771	4875	129
В среднем за год	527 134	1 582 017	300	47 949	175 604	366

Источник: Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929—1933 гг.). — М.: РОССПЭН, 2014. — С. 282.

Из таблицы 5 следует, что и в Нижне-Волжском крае, и в УССР пик голода пришелся на весну и начало лета 1933 г., когда смертность в сельских районах достигла пика. В среднем за 1933 г. уровень зарегистрированной смертности вырос на Нижней Волге, по сравнению с 1932 г., в 3,6 раза, а в УССР — соответственно в 3 раза. То есть, и украинцы, и русские страдали от голода примерно одинаково. Разными были лишь количественные показатели, связанные с плотностью сельского населения УССР и Нижне-Волжского края. В частности, сельское население Украины в 2,3 раза превосходило сельское население Поволжья⁶⁹.

Данный вывод подтверждается и сравнительным анализом материалов всесоюзных переписей 1926 г. и 1937 г., зафиксировавших факт примерно одинаковой в процентном отношении к общей массе населения убыли сельского населения в УССР и Нижнем Поволжье, соответственно 70,0% и 79,8% (см. таблицы 6 и 7).

Таблица 6

Убыль сельского населения в бывших районах Нижне-Волжского края между переписями 1926 г. и 1937 г. (человек)

Бывшие районы Нижне-Волжского края	Сельское население		1937 г. в % к 1926 г.
	по переписи 1926 г.	по переписи 1937 г.	
Саратовская область	2 032 247	1 209 330	59,5
Немцев Поволжья АССР	495 875	366 802	74,0
Сталинградская область	1 685 255	1 375 596	81,6
Всего по НВК	4 213 377	2 951 728	70,0

Источник: Всесоюзная перепись населения СССР 1937 г. Краткие итоги. — М.: Ин-т истории СССР, 1991. С. 48—59.

Таблица 7

Убыль сельского населения в УССР между переписями 1926 и 1937 гг. (чел.)

УССР	Сельское население		1937 г. в % к 1926 г.
	по переписи 1926 г.	по переписи 1937 г.	
Винницкая область	3 829 831	3 456 669	90,3
Киевская область	4 748 237	3 786 939	79,8
Черниговская область	2 444 022	2 194 462	89,8
Харьковская область	4 747 282	3 469 456	73,1
Донецкая область	2 032 386	1 392 845	68,5
Днепропетровская область	2 916 426	2 152 859	73,8
Одесская область	2 455 291	1 899 485	77,4
Молдавская АССР	489 638	473 127	96,6
Всего по УССР	23 663 113	18 825 842	79,6

Источник: Всесоюзная перепись населения СССР 1937 г. Краткие итоги. — М.: Ин-т истории СССР, 1991. С. 48—59.

Чтобы подтвердить тезис о примерно равной силе голода в зерновых районах с совместным проживанием разных этнических групп сельского населения, приведем данные о зарегистрированной смертности и рождаемости в 1932—1933 гг. русских, немцев, мордвы и других народностей на территории зерновых районов Поволжья (в Нижне-Волжском крае и Средне-Волжском крае) (см. *таблицы 8 и 9*).

Представленные в таблицах цифры говорят о примерно равной силе голода в деревнях региона, населенных разными этническими группами крестьян. В наибольшей степени среди них оказались поражены голодом селения немецких, русских и украинских крестьян, расположенные в районах зернового производства. В меньшей степени пострадали от голода другие этносы, проживавшие не в зерновых районах. В

Таблица 8

**Смертность населения в сельских районах в Нижне-Волжском
и Средне-Волжском краях в 1932—1933 гг. по национальным группам,
зарегистрированная органами ЗАГС**

Национальные группы	Зарегистрированное число смертей		Рост смертности в 1933 г. в % к 1932 г.
	1932 г.	1933 г.	
Русские	116 478	241 562	207
Украинцы	8520	17 080	200
Немцы	16 754	38 661	231
Мордва	21 554	33 214	154
Татары	5228	10 062	192
Чуваши	4360	8037	184

Источник: Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929—1933 гг.). — М.: РОССПЭН, 2014. — С. 286—287.

Таблица 9

**Рождаемость населения в сельских районах в Нижне-Волжском
и Средне-Волжском краях в 1932—1933 гг. по национальным группам,
зарегистрированная органами ЗАГС**

Национальные группы	Зарегистрированное число рождений		Уровень рождаемости в 1933 г. в % к 1932 г.
	1932 г.	1933 г.	
Русские	239 859	179 087	74,7
Украинцы	14 189	10 254	72,3
Немцы	15 797	11 230	71,1
Мордва	44 406	33 240	75,0
Татары	13 939	12 273	88,0
Чуваши	9 537	6 641	70,0

Источник: Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929—1933 гг.). — М.: РОССПЭН, 2014. — С. 286—287.

общей массе умерших доля русских крестьян составляла около 70%, немецких — 11 %, украинских — 5%. Но данный показатель не говорил о какой-то исключительности русских на фоне общей трагедии. Просто их было больше, чем других, в силу сложившейся в регионе демографической ситуации. Этот вывод подтверждается и материалами Центрально-Черноземной области, изученными К.С. Дроздовым, где в эпицентре голода в 1933 г. среди всех районов оказались пшеничные районы ЦЧО с преобладающим украинским населением⁷⁰.

Тезис о решающей роли экономической специализации и хозяйственной деятельности в распространении голода среди различных

этнических групп крестьянства в 1932—1933 г. очень убедительно, на наш взгляд, подтверждается на материалах Казахстана. Опубликованные документы и новейшие исследования свидетельствуют, что массовая гибель казахов в этот период была результатом действий власти по разрушению основы их существования — кочевого животноводства. Принудительное «оседание» кочевников в стационарных крупных поселках, гибель скота от бескормицы и ненадлежащего ухода за ним в наспах и насильно созданных колхозах, его непомерное изъятие в счет обязательных госпоставок обрекли казахов на голод и голодную смерть. Но не потому, что они были казахами, а потому что были скотоводами-кочевниками. Точно так же и в зерновых районах СССР крестьяне умирали от голода прежде всего как крестьяне-земледельцы, проживающие в зонах товарного зернового производства, а не как украинцы, русские, немцы или представители других народов. Голод не выбирал народы. Его главной причиной была политика сталинизма по выкачке из советской деревни ресурсов на нужды индустриализации, и там, где они были, власть брала их, не считаясь с национальной принадлежностью сельских тружеников.

Хотя данный вывод, на наш взгляд, вполне убедителен и не подлежит сомнению, но это не означает, что во время трагедии не существовало проблем во взаимоотношениях между различными народами, проживавшими и оказавшимися в эпицентре голода, а, следовательно, и «национальных особенностей» голода 1932—1933 гг. в различных регионах страны.

Категорично на эту тему высказался немецкий историк Роберт Киндлер, заявив в своей великолепной монографии о судьбе казахов во время голода 1930-х годов, что голодные годы «до предела обострили в степи межнациональную рознь» между казахами-откочевниками и колхозниками-земледельцами, как правило, принадлежавших к русскому и украинскому этносам. Он приводит жуткие факты самосудов последних над казахами, покушавшихся на растущий на колхозных полях урожай. Также историк описывает хорошо известные исследователям многочисленные случаи проявления так называемого «великодержавного шовинизма» в местах временного пребывания казахов-откочевников на территории соседних с Казахстаном российских регионов⁷¹. Оказавшихся там казахов не пускали на квартиры, отказывались трудоустроить, увольняли принятых на работу из совхозов и т.д. При этом среди русского населения ходили самые нелепые слухи о том, что «казахи поедают русских детей» и т.д.⁷²

Данные факты невозможно отрицать, но, на наш взгляд, их нельзя столь однозначно оценивать, как «обострившаяся до предела межнациональная рознь». Во-первых, подобные конфликты проис-

ходили не только в Казахстане между русскими и казахами, но и на Украине между украинцами, и в России между русскими. И в том, и в другом случае безжалостно наказывались самосудом пойманные на месте преступления «воры», пытавшиеся украсть с колхозных полей и огородов колхозников зерно, продукты и личный скот⁷³. При этом не имела никакого значения их национальность.

С другой стороны, подобные эксцессы все же не носили массового характера, и они решительно пресекались властью, тем более если учесть их долю к общему количеству казахов-откочевников, оказавшихся в 1931—1933 гг. на прилегающей к Казахстану территории РСФСР (в Западной Сибири — 100 тыс. человек, на Средней Волге — свыше 50 тыс. человек)⁷⁴. При всех проблемах и трагических эпизодах, имевших место во взаимоотношениях между казахами-откочевниками и крестьянами-старожилами на данной территории, а также и в самом Казахстане, большинство из откочевников, особенно их дети, получили минимальную поддержку со стороны местной и центральной власти и не погибли от голода⁷⁵.

На наш взгляд, национальный момент в голоде 1932—1933 гг. можно обнаружить и при характеристике взаимоотношений крестьян внутри своего сообщества и в своей национальной группе. Например, доказанным фактом является влияние в Казахстане родовых особенностей на отношение местной власти к голодающему населению. В частности, были нередкими случаи, когда захватившие местные органы управления «сильные роды» лишали продовольственной помощи представителей более слабых группировок⁷⁶. «Одни казахи пользовались своим преимуществом перед другими казахами», — очень точно назвал этот феномен Роберт Киндлер⁷⁷.

Но подобное поведение, хотя и в менее выраженном «национальном аспекте», было широко распространено в большинстве голодающих регионов СССР. В документах ОГПУ оно называлось «вредительством», деятельностью местных «антисоветских», «кулацких» группировок и т.п.⁷⁸

В целом можно заключить, что тема внутрикрестьянских отношений, а также взаимоотношений между крестьянами различных национальностей в период голода 1932—1933 гг. нуждается в дальнейшем изучении. Но уже сейчас, на наш взгляд, можно заключить, что национальные особенности, хотя и существовали, но не играли принципиальной роли в этой трагедии.

Охарактеризованный в настоящей статье перечень региональных и национальных особенностей голода 1932—1933 гг., на наш взгляд, объясняет причины разного количества его жертв на территории СССР. Основная жатва скорби прошла по главным жит-

ницам страны, а также по Казахстану. При этом голодала с разной степенью интенсивности вся советская деревня. Имеющаяся на данный момент информация и произведенные специалистами расчеты позволяют с большой долей точности утверждать о жертвах голода на Украине и в Казахстане. Это не менее 2—2,5 млн. человек в первом случае и не менее 1 млн. человек во втором⁷⁹. При этом самым сильным голод был в Казахстане. Только там имело место жуткое зрелище — вымершие «поселки-гиганты» со стройными рядами из сотен заброшенных юрт, где лежали одни мертвецы⁸⁰. Такого не было ни на Украине, ни на Северном Кавказе, ни в Поволжье, при всех ужасах наступившего там голода и его последствий...

Число погибших от голода в остальных регионах нуждается в уточнении. Оно составит часть общей цифры жертв голода 1932—1933 гг. в СССР, которая, по самым убедительным, на наш взгляд, расчетам С. Уиткрофта, равняется 5,6 млн. человек. Автор настоящей статьи разделяет эту позицию⁸¹.

¹ *Лемкин Рафаель*. Радянський геноцид в Україні (Стаття 28 мовами) / ред. Р. Сербин, упоряд. О. Стасюк. — Київ: Майстерня книги, 2009. — 208 с.

² *Applebaum Anne*. Red famine. Stalin's War on Ukraine. — Doubleday, 2017. — 496 p.

³ URL: <https://photo.unian.net/rus/themes/76389/>

⁴ Современная российско-украинская историография голода 1932—1933 гг. в СССР / [науч. ред. В.В. Кондрашин]. — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 8—71.

⁵ *Трапезников С.П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: в 2 т. — 2-е изд., доп. — М., 1974. — Т. 2. — С. 389.

⁶ *Данилов В.П.* Дискуссия в западной прессе о голоде 1932—1933 гг. и «демографической катастрофе» 30—40-х гг. в СССР // Вопросы истории. — 1988. — № 3. — С. 116—121.

⁷ *Зеленин И.Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930—1939: политика, осуществление, результаты. — Москва: Наука, 2006. — 315 с.; *Ивницкий Н.А.* Голод 1932—1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. — Москва: Собрание, 2009. — 287 с.; и др.

⁸ *Кондрашин В.В.* Голод 1932—1933 годов в деревне Поволжья: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — М., 1991.

⁹ *Баранов Е.Ю.* Аграрное производство и продовольственное обеспечение населения Уральской области в 1928—1933 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Екатеринбург, 2002. — 239 с.; *Загоровский П.В.* Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х годов. — Воронеж: Воронеж. гос. пед. ин-т, 1998. — 131 с.; *Каунова Н.Е.* Голод в начале 1930-х гг. в Средне-Волжском крае: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Ульяновск, 2005. — 233 с.; *Осколков Е.Н.* Голод 1932/1933 гг.: хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. — Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1991. — 92 с.; и др.

¹⁰ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918—1939: документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. — М.: РОССПЭН, 2003—2005. — Т. 3: 1930—1934, кн. 1: 1930—1931; кн. 2: 1932—1934; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание, 1927—1939: документы и материалы: в 5 т. / Гл. ред. совет: В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола (гл. редакто-

ры) и др. — М.: РОССПЭН, 2000—2001. — Т. 2: Ноябрь 1929 — декабрь 1930; Т. 3: 1930—1934, кн. 1: 1930—1931; кн. 2: 1932—1934.

¹¹ Голод в СССР, 1929—1934: в 3 т. / [сост.: В.В. Кондрашин (отв. сост.) и др.]. — Москва: Междунар. фонд «Демократия», 2011—2013. — Т. 1: 1929 — июль 1932, кн. 1—2. — 2011; Т. 2: Июль 1932 — июль 1933. — 2012; Т. 3: Лето 1933—1934. — 2013.

¹² «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.): [сб. документов]: в 10 т. — М.: Ин-т рос. истории РАН, 2017. — Т. 10: 1932—1934 гг., ч. 2 / отв. редакторы А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров.

¹³ Кондрашин В. [В.]. Голод 1932—1933 годов: трагедия российской деревни. — М.: РОССПЭН: Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2008. — 519 с.

¹⁴ *Conquest Robert. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivisation and the terror-famine.* — New York; Oxford: Oxford University Press, 1986. — 412 p.; *Mace James E. Is the Ukrainian Genocide a Myth? // La morte della terra: La grande "carestia" in Ucraina nell 1932—33.* — Roma: Viella, 2004. — P. 407—415; *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне, 1917—1933. — М.: РОССПЭН, 2008. — 135 с.

¹⁵ *Кульчицкий С.* Почему он нас уничтожал?: Сталин и украинский Голодомор. — Киев: Украинская пресс-группа, 2007. — 208 с.; *Марочко В., Мовчан О.* Голодомор 1932—1933 років в Україні: хроніка. — Київ: Вид. дім «Кієво-Могилянська академія», 2008. — 294 с.; *Шаповал Ю.* Голод 1932—1933 років: політичне керівництво УРСР і Кремль // Сучасність. — 2003. — № 6. — С. 78—101.

¹⁶ 33-й: голод: Народная Книга-Мемориал / упоряд.: Л.Б. Коваленко, В.А. Мянкя. — Київ: Рад. письменник, 1991. — 584 с.; Голодомор 1932—1933 років в Україні: документи і матеріали / упоряд. Р.Я. Пиріг; НАН України, Ін-т історії України. — Київ: Вид. дім «Кієво-Могилянська академія», 2007. — 1128 с.; Национальная книга памяти жертв Голодомору 1932—1933 років в Україні. Зведений том. — Київ: Вид-во ім. О. Теліги, 2008. — 1000 с.; и др.

¹⁷ *Веденев Д.В., Будков Д.В.* Заручниця глобального протистояння. Трагедія Великого Голоду 1932—1933 рр. в Україні у контексті «холодної війни» (1945—1991 рр.). — Київ: Дорадо-Друк, 2013. — 232 с.; *Шевцов Ю.* Новая идеология: голодомор. — М.: Европа, 2009. — С. 7—18.

¹⁸ *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of hunger: Soviet agriculture, 1931—1933. — Basingstoke, Hants; New York: Palgrave Macmillan, 2003. — XVII, 555 p.; *Мерль Ш.* Голод 1932—1933 годов: геноцид украинцев для осуществления политики русификации? // Отечественная история. — 1995. — № 1. — С. 49—61; *D'Ann R.P.* Stalin and the Ital'ianka of 1932—1933 in The Don region // *Cahiers du Monde russe.* — 1998, janvier—juin. — 39, 1/2. — P. 27—68; *Таугер М.Б.* Голод, голодомор, геноцид?: голод, сельское хозяйство и советская сельскохозяйственная политика. — Киев: Довіра: Еженедельник «2000», 2008. — 430 с.; *Hiroshi Okuda.* Revolution on the Volga: The Soviet Countryside under Stalinist Rule 1929—1934. — Tokyo: Tokyo University Press, 1996. — XXI, 700 p. (На японском языке); *Солдатенко В.* Голод 1932—1933 рр. в Україні: національна пам'ять і наукова історіографія // Голод 1933. Українці: зб. наук. прац. — Київ: Пріоритети, 2013. — С. 6—141.

¹⁹ *Кондрашин В.В.* Международная конференция в Австралии по проблеме голода в мировой истории XX в. // Государственная власть и крестьянство в конце XIX — начале XXI века: Междунар. науч.-практ. конф.: [сборник статей]. — Коломна: Коломенский гос. пед. ин-т, 2009. — С. 397—402.

²⁰ *Holodomor studies.* Universite du Quebec a Monreal. — [Canada], 2009. — Vol. 1, no. 2; Современная российско-украинская историография голода 1932—1933 гг. в СССР / [науч. ред. В.В. Кондрашин].

²¹ См., напр.: *Cameron Sarah Isabel*: 1) *The Hungry Steppe: Soviet Kazakhstan, and the Kazakh Famine, 1921—1934.* Ph. D. thesis. — Yale University, 2011; 2) *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan.* — Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2018. — 294 p.; *Кундлер П.* Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане / [пер. с нем. Л.Ю. Панфиной]. — М.: Политическая энци-

клопедия, 2017. — 382 с.; *Pianciola Niccolò*. Stalinismo di frontiera: colonizzazione agricola, sterminio dei nomadi e costruzione statale in Asia centrale, 1905—1936. — Roma: Viella, 2009. — 548 p.

²² *Киндлер Р.* Указ. соч. — С. 227, 268—269.

²³ Гонимые голодом: документы о судьбе десятков тысяч казахов, бежавших в Сибирь в начале 30-х годов: в 4 т. / сост. В.С. Познанский. — Алма-Ата, 1995. — 4 т.; Насильственная коллективизация и голод в Казахстане, 1931—[19]33 гг.: сб. документов и материалов / [под ред. М.К. Козыбаева]. — Алма-Ата: Фонд «XXI век», 1998. — 263 с.; Голод в Казахстане: трагедия народа и уроки истории: сб. материалов / под ред. Б.Г. Аягана. — Астана: Астана, 2012. — 400 с.

²⁴ *Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации: (по материалам Центрального Черноземья). — М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. — 246 с.

²⁵ *Кондрашин В.В.* Голод 1932—1933 годов: трагедия российской деревни. — С. 101—103.

²⁶ *Его же.* Голод 1932—1933 гг. в СССР — трагедия советской деревни, результат аграрной политики сталинизма // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 5—7 дек. 2008 г. — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 480—494.

²⁷ *Его же.* Сталинская коллективизация и голод 1932—1933 гг. в СССР: причины и региональные особенности // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. — М.: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2012. — 2012 год: Типологии и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X—XXI вв. — С. 457—468.

²⁸ Голод в СССР, 1929—1934. — Т. 3. — С. 241—242; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание ... — Т. 3. — С. 502.

²⁹ *Киндлер Р.* Указ. соч. — С. 175—200.

³⁰ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). — Т. 10, ч. 2. — С. 268.

³¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание ... — Т. 2. — С. 801—803.

³² Там же. — Т. 3. — С. 438—446.

³³ Голод в СССР, 1929—1934. — Т. 2. — С. 166—205, 269—286.

³⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание ... — Т. 3. — С. 141—142, 209—213; «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). — Т. 10, ч. 2. — С. 268.

³⁵ Голод в СССР, 1929—1934. — Т. 1, кн. 2. — С. 140—142, 152; Т. 3. — С. 456—458.

³⁶ Там же. — Т. 2. — С. 105—106. С.Ф. Реленс — председатель ГПУ УССР. С.С. Косиор — генеральный секретарь ЦК КП (б)У.

³⁷ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание ... — Т. 3. — С. 634—635.

³⁸ Голод в СССР, 1929—1934. — Т. 2. — С. 380—390.

³⁹ Там же. — Т. 1, кн. 2. — С. 102—109, 140—155; Т. 2. — С. 582—617; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание ... — Т. 3. — С. 401—424; 456—462; Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. — Т. 3, кн. 2. — С. 165—166, 442, 511—512, 531—532; «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). — Т. 10, ч. 2. — С. 26—29.

⁴⁰ Голод в СССР, 1929—1934. — Т. 1, кн. 2. — С. 69—94, 119—135, 155—184; Т. 2. — С. 410—435, 441—562, 617—726.

⁴¹ См. об этом подробнее: *Кондрашин В.В.* И.В. Сталин и голод 1932—1933 гг. в УССР: проблема ответственности Центра и республиканского руководства // Современная российско-украинская историография голода 1932—1933 гг. в СССР / [науч. ред. В.В. Кондрашин]. — М., 2011. — С. 237—256.

⁴² Голод в СССР, 1929—1934. — Т. 1, кн. 2. — С. 527—536.

⁴³ Там же. — С. 528.

- 44 Там же. — С. 22—23.
- 45 Там же. — С. 228.
- 46 Там же. — С. 229.
- 47 Сталин и Каганович. Переписка, 1931—1936 гг. — М., 2001. — С. 164.
- 48 Голод в СССР, 1929—1934. — Т. 1, кн. 2. — С. 179.
- 49 Сталин и Каганович. Переписка ... — С. 210, 219, 225, 284—285.
- 50 Голод в СССР, 1929—1934. — Т. 2. — С. 166—183.
- 51 *Кондрашин В.В.* И.В. Сталин и голод 1932—1933 гг. в УССР: проблема ответственности Центра и республиканского руководства. — С. 249—250.
- 52 Голод в СССР, 1929—1934. — Т. 2. — С. 292.
- 53 Там же. — С. 665—667.
- 54 Там же. — С. 669—672.
- 55 Там же. — С. 671.
- 56 См. об этом подробнее: *Кондрашин, В.В.* Голод 1932—1933 гг.: трагедия российской деревни.
- 57 Голод в СССР, 1929—1934. — Т. 2. — С. 171—172, 175—176.
- 58 *Киндлер Р.* Указ. соч. — С. 187, 214.
- 59 Там же. — С. 214.
- 60 Голод в СССР, 1929—1934. — Т. 1, кн. 2. — С. 271.
- 61 *Киндлер, Р.* Указ. соч. — С. 271.
- 62 Голод в СССР, 1929—1934. — Т. 1, кн. 2. — С. 211—212, 216—218.
- 63 Там же. — Т. 3. — С. 325.
- 64 Там же. — Т. 2. — С. 34.
- 65 Там же. — Т. 3. — С. 231.
- 66 Там же. — С. 58.
- 67 Там же. — С. 82—83.
- 68 Там же. — С. 136, 157—158.
- 69 *Кондрашин В.В.* Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929—1933 г.). — М.: РОССПЭН, 2014. — С. 282.
- 70 *Дроздов К.* 1933 год: украинизация и голод в Центрально-Черноземной области РСФСР // Голод, 1933. Українці: зб. наук. прац. — Київ: Пріоритети, 2013. — С. 392—444.
- 71 *Киндлер Р.* Указ. соч. — С. 253; *Малышева М.П., Познанский В.С.* Казахи-беженцы от голода в Западной Сибири (1931—1934 гг.). — Алматы: Ғылым, 1999. — С. 306—378.
- 72 Голод в СССР, 1929—1934. — Т. 2. — С. 583—587.
- 73 Там же. — Т. 3. — С. 141—144; «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). — Т. 10, ч. 2. — С. 167—168; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД ... — Т. 3, кн. 2. — С. 439.
- 74 *Киндлер Р.* Указ. соч. — С. 215.
- 75 *Кондрашин В.В.* Судьба детей казахов-откочевников в Западной Сибири, Южном Урале и Поволжье во время трагедии 1932—1933 годов // Социальная модернизация стран постсоветского пространства: исторические тенденции и казахстанский опыт: материалы междунар. науч.-практ. конф., 25—26 апр. 2013 г. — Актюбе: Актюбинский гос. пед. ин-т, 2013. — Т. 2. — С. 119—121.
- 76 Голод в СССР, 1929—1934. — Т. 2. — С. 641—642.
- 77 *Киндлер Р.* Указ. соч. — С. 258—259.
- 78 «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). — Т. 10, ч. 2. — С. 149—150.
- 79 Голод в СССР, 1929—1934. — Т. 2. — С. 719—771.
- 80 *Киндлер Р.* Указ. соч. — С. 241.
- 81 Голод в СССР, 1929—1934. — Т. 2. — С. 767.

А.Р. Дюков

«КУЛАЦКАЯ ВЫСЫЛКА» 1930-Х ГОДОВ ИЗ БЕЛОРУССКОЙ ССР: ДЕПОРТАЦИОННЫЕ АКЦИИ И ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ ВЫСЕЛЕННЫХ

В статье рассматривается история «кулацкой высылки», осуществлявшейся в 1930-х годах с территории Белорусской ССР. Основной задачей работы является последовательное описание всех осуществленных в рамках «кулацкой высылки» депортационных акций с территории БССР и установление общей численности депортированных. Основой источниковой базы исследования стали ранее не вводившиеся в научный оборот документы Центрального архива ФСБ России, Национального архива Республики Беларусь и Российского государственного архива социально-политической истории. Автор приходит к выводу, что в период с 1930 по 1935 г. с территории БССР было депортировано более 19,2 тыс. семей общей численностью примерно 90 тыс. человек.

Ключевые слова: раскулачивание; кулацкая ссылка; репрессии; БССР; статистика; депортации.

A. R. Dyukov

“Kulak deportation” of the 1930s from the Byelorussian SSR: deportation actions and the total number of evicted

The work is devoted to the history of the “kulaks dispatch” which was carried out in the 1930s in the territory of the Belarusian SSR. The main objective of this work is the consecutive description of all deportation actions carried out within “kulaks dispatch” campaign from the territory of BSSR and registration of total number of people departed. The documents of the FSB Russia Central Archive, National Archive of the Republic of Belarus and the Russian state Archive of socio-political history which are implemented for the first time are the basis of the sources used in this research. The author eventually comes to the conclusion more than 19,2 thousands of families which made it up to 90 thousands people overall had been departed during the period of time starting from 1930 to 1935 from the territory of Belarusian SSR.

Keywords: dekulakization; kulak exile; soviet repressions; Belarus; statistic; deportations.

Одной из наиболее масштабных репрессивных кампаний в советской истории стала так называемая «кулацкая высылка», сопровождавшая насильственную коллективизацию сельского хозяйства в начале 1930-х годов. В рамках этой кампании по всему Советскому

Союзу около 2 миллионов крестьян-«кулаков» и их родных было выселено из родных мест на спецпоселение в отдаленные районы страны. Эта трагическая страница советской истории не может пожаловаться на невнимание исследователей.

После распада Советского Союза и «архивной революции» в России история «кулацкой высылки» была хорошо изучена как российскими, так и зарубежными историками. Был опубликован ряд фундаментальных архивных сборников, основанных на документах партийных и советских органов, а также органов государственной безопасности¹. Эти сборники, а также вышедшие в конце 1990-х — 2000-х годах монографии Н.А. Ивницкого², П.М. Поляна³, В.Н. Земскова⁴, С.А. Красильникова⁵, Л. Виола⁶ и ряда других исследователей задавали восприятие истории «кулацкой высылки» как хорошо исследованной темы, не сулящей в будущем особых открытий.

Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что историография «кулацкой высылки» имеет достаточно заметные изъяны. Дело в том, что внимание исследователей концентрировалось прежде всего на общесоюзной картине подготовки и проведения «кулацкой высылки», а также на тяжелой судьбе спецпоселенцев в местах расселения. Процесс организации депортационных акций в отношении «кулаков» на уровне регионов выселения был исследован достаточно слабо⁷. Между тем, как показывают новейшие исследования советской репрессивной политики, смещение фокуса исследовательского внимания на региональный уровень оказывается весьма продуктивным с познавательной точки зрения, позволяя увидеть специфику выполнения указаний «Центра» в различных регионах, а также скорректировать общепринятые представления о соотношении изначальных планов репрессий с их фактической реализацией⁸.

В настоящей работе рассматривается история «кулацкой высылки», осуществлявшейся в 1930-х годах с территории Белорусской ССР — к сожалению, весьма слабо исследованная историками. До сих пор не установлено даже общее количество депортационных акций, осуществлявшихся в 1930-х годах в отношении белорусских «кулаков»; в отношении же общей численности высланных историками приводятся настолько разные цифры, что можно только диву даваться. Так, например, в одной из последних публикаций белорусского «независимого» историка И.Н. Кузнецова утверждается, что в 1929—1932 гг. было репрессировано от 420 до 500 тыс. крестьян⁹. Однако в наиболее основательном на данный момент общем исследовании советских репрессий в Белоруссии, опубликованном в 1994 г. В.И. Адамушко¹⁰, приводится существенно меньшая оценка общей численности «кулацкой высылки» из БССР — 260 тыс. человек¹¹.

Впрочем, и эта цифра ставится под сомнение: в недавнем исследовании Ю. Королева общая численность высланных из республики «кулаков» определяются примерно в 120—140 тыс. человек. Эти данные основаны на анализе документов, опубликованных в многотомном сборнике «Трагедия российской деревни» и работах В.Н. Земскова¹². По нашему мнению, на данный момент работа Ю. Королева является наиболее содержательным (хотя и не лишенным недостатков) исследованием вопроса о численности «кулацкой высылки» из БССР; остальные затрагивавшие эту тему исследователи по большей части ограничивались импрессионистскими набросками¹³ или исследованием частных вопросов¹⁴.

В целом итоги изучения истории «кулацкой высылки из БССР трудно назвать впечатляющими, — как справедливо отмечает А.В. Шарков, — в настоящее время нет точных сведений по БССР о количестве раскулаченных и высланных»¹⁵.

Основной задачей настоящей работы является последовательное описание всех осуществленных в рамках «кулацкой высылки» депортационных акций с территории БССР и установление общей численности депортированных. В последующих работах нами будет рассмотрен ряд дискуссионных вопросов, связанных с «кулацкой высылкой» из БССР: соотношение инициатив центра и региона в организации выселения «кулаков», цели депортационных акций, использовавшиеся при определении подлежащих выселению принципы отбора.

Основой источниковой базы исследования стали ранее не вводившиеся в научный оборот документы Центрального архива ФСБ России, Национального архива Республики Беларусь и Российского государственного архива социально-политической истории, а также документы, опубликованные в упоминавшихся выше многотомных сборниках документов.

1. ДЕПОРТАЦИОННЫЕ АКЦИИ 1930 г.

а) ВЫСЫЛКА МАРТА — АПРЕЛЯ 1930 г.

История принятия советским руководством решения о проведении депортации «кулацкого элемента» достаточно хорошо известна. В ноябре 1929 г. пленум ЦК ВКП (б) принял решение о переходе к политике сплошной коллективизации, предусматривавшей обобществление по меньшей мере 80% крестьянских хозяйств; выработка конкретной программы сплошной коллективизации была возложена на Политбюро¹⁶. 6 января 1930 г. было опубликовано постановление

ЦК ВКП (б), указывавшее на то, что «коллективизация таких важнейших зерновых районов, как Нижняя Волга, Средняя Волга и Северный Кавказ, может в основном закончена осенью 1930 г. или, во всяком случае, весной 1931 г.». Коллективизация остальных зерновых районов была намечена на осень 1931 г. — весну 1932 г.¹⁷

В постановлении ЦК ничего не говорилось о репрессивных операциях для обеспечения сплошной коллективизации, однако соответствующая задача была явно поставлена перед органами ОГПУ. 11 января 1930 г., спустя несколько дней после выхода постановления ЦК, замначальника ОГПУ Г. Ягода разослал начальникам ключевых управлений ведомства записку, в которой отмечалась необходимость «немедленно наметить целый ряд мер в отношении сплошной очистки деревни от кулацкого элемента». Далее в записке говорилось: «Подход такой: 1) особо злостных — в лагерь, семья высылается, 2) кулак, ведущий антисоветскую агитацию — на поселение и т.д. Это примерно. Важно учесть количество с семьями и места ссылки, районы Крайнего Севера и пустынные места Казахстана и других районов». Начальники управлений должны были представить свои предложения по этому вопросу¹⁸.

В тот же день в адрес всех региональных полпредств ОГПУ ушло распоряжение в трехдневный срок представить данные об имеющихся агентурных разработках и следственных делах по «кулацко-белогвардейско-бандитскому элементу»¹⁹. Эти данные были необходимы руководству ОГПУ для определения масштабов репрессивной кампании в отношении «кулаков».

В Минск, полпреду ОГПУ Г. Рапопорту, ушла еще одна телеграмма: «Для обеспечения безболезненного проведения мероприятий сплошной коллективизации и весеннего сева в южных районах СССР ставится вопрос удара по кулаку путем массового выселения кулачества и маховых к-р элементов в северные районы и другие места. Не позднее 12 часов 14 января телеграфом сообщите какое количество, каких категорий и из каких районов считаете нужным выслать, особенно учитывая необходимость очистки района госграницы»²⁰. К настоящему времени неизвестно, какие предложения по численности подлежащих депортации отправил в Москву Рапопорт. Однако стоит заметить, что в конце ноября 1929 г. ЦК компартии Белоруссии уже запрашивало Москву о депортации из республики «бывших помещиков и крупных землевладельцев»²¹, так что какие-то наметки на этот счет в белорусском полпредстве ОГПУ наверняка имелись.

18 января 1930 г. полпредства ОГПУ получили указание «в связи с предстоящим решением вопроса о массовых выселениях кулацко-

белогвардейского элемента... немедленно разработать и представить в ОГПУ подробный план операции... В плане точно учесть и донести, из каких районов и какое количество кулацко-белогвардейского элемента намечается к выселению»²². Спустя несколько дней, 21 января 1930 г., белорусское полпредство ОГПУ получило из центра дополнительные указания о численности подлежащих депортации. В телеграмме из Москвы говорилось: «Для сведения и соответствующих расчетов при составлении плана сообщаем, что мы полагаем ставить вопрос о выселении из Вашего края ориентировочно десять тысяч семей кулацко-белогвардейско-бандитского элемента»²³.

В утвержденном 30 января 1930 г. постановлении ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» мы, однако, видим существенно меньшую цифру подлежащих высылке с территории БССР — 6—7 тыс. семей²⁴. Эта же цифра была закреплена и в приказе ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г.²⁵

Несмотря на это, в подготовленном Транспортным отделом ОГПУ уже после 2 февраля 1930 г. плане железнодорожных перевозок выселяемых кулацких семейств появилась гораздо более значительная цифра подлежащих депортации из Белоруссии: 12 тыс. семей ориентировочной численностью 60 тыс. человек; для перевозки этих людей планировалось задействовать 34 эшелона²⁶. По всей видимости, это число было согласовано до появления постановления ЦК и его просто не успели привести в соответствие с указаниями партии. Аналогичную цифру мы обнаруживаем в датированном 2 февраля 1930 г. письме ЦК КП (б) Белоруссии руководству Мозырского окружкома партии. «Мы в ЦК не знаем еще точно, какое число количество кулаков будет выселено из Белоруссии, — говорилось в письме. — Эта цифра окончательно будет утверждена вероятно в количестве 10—12 тысяч хозяйств для республики, что составит $\frac{1}{3}$ всех кулацких хозяйств»²⁷.

Сокращение численности подлежащих депортации с 12 до 6—7 тыс. семей объяснялось неподготовленностью районов ссылки к приему депортируемых; именно это объяснение мы видим в датированной 4 февраля 1930 г. телеграмме Ягоды главе белорусского полпредства ОГПУ Рапопорту²⁸. Интересно, однако, что в той же телеграмме Ягода уведомлял Рапопорта о том, что из Белоруссии можно выслать до 8 тыс. семей «кулаков» — существенно больше, чем было определено в постановлении Политбюро и приказе ОГПУ. Из последующих отчетных документов мы узнаем, что именно это число было принято белорусским полпредством ОГПУ в качестве планового для весенней депортационной акции²⁹. Окончательное число включенных

в план высылки составило 7750 семей, общая численность которых была довольно произвольно определена в 31 200 человек³⁰.

Объяснение чехарды «контрольных» цифр на депортацию мы находим в принятом 5 февраля 1930 г. постановлении ЦК ВКП (б). В документе говорилось:

«1. Ввиду того, что Сибирь оказалась неподготовленной принять в настоящий момент положенное количество выселяемых кулацких семейств (см. постановление ЦК от 30.1.30 г.), предложить ОГПУ растянуть сроки выселения кулацких семейств и разбить операцию на три очереди с тем, чтобы первая очередь охватила не более 60 тыс. семейств I и II категорий и была закончена к концу апреля (вопрос о второй и третьей очереди выселения обсудить особо).

2. Предложить ОГПУ руководствуясь этим постановлением, определить количество выселяемых по районам в пределах первой очереди, конкретные сроки их перевозки и места назначения.

3. Предложить ЦК Украины, Белоруссии, Северо-Кавказскому крайкому, Областкому ЦЧО, Нижне-Волжскому крайкому и Средне-Волжскому крайкому приспособить свои действия в области выселения кулаков к конкретным планам ОГПУ»³¹.

Как видим, столкнувшись с невозможностью провести высылку кулаков в запланированных ранее масштабах, партийное руководство приняло решение вместо одной декорационной акции провести несколько последовательных; что же касается численности подлежащих депортации, то ее должны были самостоятельно определять органы ОГПУ.

Постановление ЦК от 5 февраля 1930 г. по умолчанию предполагало уменьшение указанных в предыдущем постановлении «контрольных» цифр выселяемых кулацких семей. Однако белорусское ГПУ воспользовалось правом самостоятельно определять численность подлежащих депортации прямо противоположным образом: к высылке было запланировано существенно больше, чем ранее распорядился ЦК.

Приказ ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г. намечал начало депортации из БССР на 1 марта 1930 г.³² Составленный несколькими днями позже план железнодорожных перевозок выселяемых кулацких семейств предполагал начать депортационную акцию 5 марта 1930 г.³³ Нам неизвестно, были ли выполнены эти планы или же операция началась с задержкой. По состоянию на 17 марта 1930 г. из БССР к местам высылки было отправлено 14 эшелонов с «кулацкими семьями» (эшелоны № 601—607, 609—614, 625), общая численность высланных составила 24 486 человек. Данные о количестве высланных в этот период семей в имеющемся у нас составленном по свежим следам отчете отсутствуют³⁴. В период с 17 марта по 4 апреля 1930 г. из БССР было

отправлено еще 11 эшелонов с депортируемыми (эшелоны № 608, 615—624). В 10 из этих эшелонов были вывезены 3595 семьями общей численностью 17 545 человек; еще по одному эшелону (№ 623) к моменту составления имеющегося у нас отчета данные отсутствовали³⁵.

Общие уточненные итоги депортационной акции марта — апреля 1930 г. мы находим в датируемой 17 ноября 1931 г. итоговой справке особого отдела ОГПУ о количестве высланных с территории БССР. Согласно этому документу, по состоянию на май 1930 г. из Белоруссии была выслана 9231 семья общей численностью 44 083 человека³⁶. Впоследствии эти цифры, столь хорошо соотносящиеся с приведенными выше данными промежуточных отчетов, без изменений появлялись в отчетной документации ОГПУ, в том числе в справке о численности депортированных из БССР в 1930 г.³⁷

В *таблице 1* представлены обобщенные данные о составе эшелонов в ходе депортационной акции с территории БССР в марте — апреле 1930 г. Стоит отметить, что в ходе депортации марта — апреля 1930 г. органы ГПУ Белоруссии заметно превысили как контрольные цифры, установленные руководством ведомства (8 тыс. семей), так и контрольные цифры, зафиксированные в постановлении Политбюро (6—7 тыс. семей).

б) ВЫСЫЛКА «ОДИНОЧЕК ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ», МАЙ 1930 г.

Когда в феврале 1930 г. органы ОГПУ начали подготовку выселения «семей кулаков» с территории БССР, предполагалось, что эта операция будет единственной; постановление ЦК ВКП (б) от 30 января 1930 г. не предполагало ничего иного. Однако уже 5 февраля 1930 г. ЦК отдало новое распоряжение: растянуть кулацкую высылку на несколько депортационных акций. И хотя белорусское ОГПУ сделало всё по-своему, в ходе мартовско-апрельской депортации выслал из республики как можно больше «кулацких семей», вопрос о последующих депортационных акциях оставался открытым.

5 марта 1930 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «О польских селениях в пограничных областях», предусматривавшее проведение высылки из приграничных районов Белорусской и Украинской ССР. Высылке в отдаленные районы страны подлежали проживавшие в этих районах семьи ранее осужденных за контрреволюционные преступления, шпионаж, бандитизм и контрабанду, а также кулацкие хозяйства — «в первую очередь польской национальности». Численность подлежащих депортации была определена для Белоруссии в 3—3,5 тыс. семей дополнительно к ранее согласованным циф-

«Кулацкая высылка» марта — апреля 1930 г.: список эшелонов

	№ эшелона	Место погрузки	Отправление	Семей	Человек
1.	601	Минск	Не позднее 16.03.1930		1680
2.	602	Фаниполь	Не позднее 16.03.1930		1716
3.	603	Пуховичи	Не позднее 16.03.1930		1878
4.	604	Борисов	Не позднее 16.03.1930		1852
5.	605	Борисов, Минск, Орша, Витебск	Не позднее 16.03.1930		1660
6.	606	Слуцк	Не позднее 16.03.1930		1744
7.	607	Слуцк, Орша, Витебск	Не позднее 16.03.1930		1751
8.	608	Бобруйск, Орша	В период с 17.03 по 02.04.1930	449	1824
9.	609	Калинковичи, Орша	Не позднее 16.03.1930		1797
10.	610	Ст. Дороги, Орша	Не позднее 16.03.1930		1800
11.	611	Полоцк	Не позднее 16.03.1930		1737
12.	612	Полоцк	Не позднее 16.03.1930		1845
13.	613	Лепель, Орша	Не позднее 16.03.1930		1817
14.	614	Калинковичи	Не позднее 16.03.1930		1764
15.	615	Бобруйск, Орша	Не позднее 16.03.1930		1760
16.	616	Могилев	В период с 17.03 по 02.04.1930	314	1730
17.	617	Гомель	В период с 17.03 по 02.04.1930	314	1755
18.	618	Мозырь, Орша	В период с 17.03 по 02.04.1930	324	1798
19.	619	Бобруйск, Витебск	В период с 17.03 по 02.04.1930	375	1734
20.	620	Витебск	В период с 17.03 по 02.04.1930	431	1768
21.	621	Могилев	В период с 17.03 по 02.04.1930	388	1743
22.	622	Могилев, Орша	В период с 17.03 по 02.04.1930	309	1545
23.	623	Могилев	В период с 17.03 по 02.04.1930		
24.	624	Минск, Орша, Бобруйск	В период с 17.03 по 02.04.1930	448	1888
25.	625	Фаниполь, Минск, Борисов	В период с 17.03 по 02.04.1930		1444
		ИТОГО		9231	44 083

Источник: ЦА ФСБ. — Ф. 2. — Оп. 9. — Д. 541. — Л. 56—57, 68.

рам депортируемых «семей кулаков»³⁸. Мотивация этого решения, как видно из вышедшего несколькими днями спустя еще одного постановления Политбюро, была связана с опасениями внешнеполитического характера: «По имеющимся данным, есть основание предположить, что в случае серьезных кулацко-крестьянских выступлений в Правобережной Украине и Белоруссии, особенно в связи с предстоящим выселением из приграничных районов польско-кулацких элементов, польское правительство может пойти на вмешательство»³⁹. Стоит отметить, что эти опасения были не лишены оснований: весной 1930 г. на Украине именно на долю приграничных округов приходилось более половины от всех массовых и вооруженных выступлений в республике⁴⁰.

Британский историк Т. Мартин называет высылку, произведенную в соответствии с постановлением Политбюро от 5 марта 1930 г., «первой этнической депортацией»⁴¹. Однако эта характеристика представляется нам ошибочной. Депортация, проведенная в соответствии с постановлением Политбюро от 5 марта 1930 г., не была первой этнической депортацией хотя бы потому, что летом 1929 г. с целью «разгрома контрреволюционных польских кулацких гнезд» из БССР уже проводилась высылка польских семей — оформленная, правда, решением местных, а не союзных властей⁴². Однако еще более важно другое обстоятельство — дело в том, что в итоге предусмотренная постановлением Политбюро депортация семей обернулась депортацией так называемых «одиночек особого назначения».

Впервые обративший внимание на это интересное обстоятельство немецкий историк В. Дёнингхауз считает, что Политбюро скорректировало цели депортационной акции постановлением от 15 марта 1930 г., в котором вместо выселения «кулацких семей» говорилось о выселении «кулацко-польских контрреволюционных элементов»⁴³. Хотя по всей видимости, это предположение соответствует действительности; в датированном 19 марта 1930 г. письме главы белорусского полпреда ОГПУ Г. Рапопорта зампреду ОГПУ С. Мессингу уже говорится о «высылке “вне категории” около 3500 одиночек», а не «кулацких семей»⁴⁴. При этом Рапопорт активно критиковал эту идею, отмечая, что «удаление одиночек без семей не только ни в коей мере не разрешает вопроса обезвреживания деревни в новых условиях и погранрайонов в целом, но наоборот, создает совершенно неизбежную волну тревоги, недовольства и озлобления»⁴⁵. Скрыто апеллируя к постановлению Политбюро от 5 марта 1930 г., Рапопорт предлагал все-таки провести выселение 3500 (или менее) «кулацких семей»; что же касается активного «бандитско-шпионского элемента», то с ним, по мнению белорусского полпреда, следовало бороться «нормальным путем следствия»⁴⁶. Позднее Рапопорт даже подготовил данные о ко-

личестве планируемых им к выселению семей с разверсткой по районам: получилось 1844 семьи общей численностью 9613 человек⁴⁷.

Однако эта позиция главы белорусского полпредства ОГПУ явно не получила поддержку центра; в телеграмме от 26 апреля 1930 г. Мессинг предписывал провести депортацию «одиночек» в максимально сжатые сроки: «Необходимо форсировать отправку из пограничных районов БССР 3500 одиночек особого назначения. Ориентировочно последний срок отправки 5 мая. Немедленно представьте план вывоза, Ваши сроки, пункты погрузки. Все высылаемые направляются ДВК прииска Союззолото»⁴⁸.

В мае депортация «одиночек особого назначения» из БССР была проведена, однако далеко не так, как виделось руководству ОГПУ. Это ясно видно из направленной в Минск раздраженной телеграммы начальника Особого отдела ОГПУ С. Пузицкого от 14 мая 1930 г.: «Вместо 3500 мужчин одиночек Вами выслано лишь 1370 одиночек и 470 семей, всего 2066 мужчин, 603 женщины, 640 детей. Срочите* — будут ли высланы остальные»⁴⁹. Ответ Раппорта неизвестен, однако более поздние документы показывают, что число выселенных в рамках операции по «одиночкам» позднее не изменилось. В датированной 21 мая 1930 г. справке опергруппе ОГПУ приводятся данные о двух эшелонах с высланными из БССР «одиночками» общей численностью 3309 человек (подробнее см. таблицу 2)⁵⁰; эти цифры полностью совпадают с данными телеграммы Пузицкого от 14 мая 1930 г. Аналогичные данные мы находим и в более поздней докладной записке Особого отдела ОГПУ от 17 ноября 1930 г., в которой говорится о выселении в мае 1930 г. из приграничных районов БССР 3309 человек «кулацко-бандитских к/р одиночек»⁵¹.

Таблица 2

Высылка «одиночек» в мае 1930 г.: список эшелонов

	№ эшелона	Место назначения	Семей	Человек	В том числе:		
					мужчин	женщин	детей
1	626	ст. Тында	183	1787	1288	257	242
2	627	ст. Большой Невер	287	1522	778	346	398
ИТОГО			470	3309	2066	603	640

Источник: Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение, 1930—1940 гг. — М.: РОССПЭН, 2006. — Кн. 2. — С. 654.

* Так в документе. — А.Д.

История с депортацией «одиночек особого назначения» из БССР наглядно показывает, сколь опрометчиво считать, что постановления Политбюро относительно планов репрессий исполнялись «от и до». Сначала Политбюро приняло решение о депортации из погранполосы 3500 «семей кулаков», потом вместо семей было решено вывезти 3500 «одиночек»; в результате же число депортированных составило 3309 человек, часть из которых была «одиночками», а часть, вопреки прямым указаниям Москвы, депортировалась вместе с семьями. Однако это еще был не конец истории.

в) ВЫСЫЛКА СЕМЕЙ «ОДИНОЧЕК ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ»,
НОЯБРЬ 1930 г.

Соображения Рапопорта относительно нецелесообразности выселения из погранполосы «одиночек» без семей, изложенные им в письме зампреду ОГПУ С. Мессингу 19 марта 1930 г., были вполне основательными. И хотя весной 1930 г. Мессинг категорически отверг предложения главы белорусского полпредства, менее чем через полгода ситуация изменилась. 16 сентября 1930 г. Мессинг направил на имя секретаря ЦК ВКП (б) В. Молотова записку с предложением выслать оставшиеся в БССР и УССР семьи депортированных в мае «одиночек» к месту нахождения глав семей. В записке говорилось: «В целях лучшей приживаемости высланных кулаков на новых местах и предотвращения их бегства обратно в погранполосу УССР и БССР, ОГПУ просит указаний о скорейшей высылке членов семей к их главам — высланным в Сибирь, ДВК и на Алдан “кулакам-одиночкам”. Решение этого вопроса сейчас позволит быстро подготовить помещения для размещения семей в местах вселения кулаков»⁵².

Предложения Мессинга были быстро одобрены советским руководством. 20 сентября 1930 г. Политбюро приняло постановление, предписывавшее «согласно прежних решений ЦК признать необходимым провести высылку семей кулаков из погранполосы к месту высылки кулаков в Сибири и ДВК»⁵³. Два дня спустя, 22 сентября 1930 г. Мессинг направил полпредам ОГПУ в Белоруссии и на Украине распоряжение подготовить выселение семей «одиночек особого назначения». Белорусскому ОГПУ этим распоряжением предписывалось организовать депортацию 2 тыс. семей⁵⁴.

Подготовка плана проведения депортации традиционно затянулась и вновь преподнесла Москву сюрпризы. На сей раз глава белорусского ГПУ Рапопорт решил использовать депортацию для дополнительной чистки республики от «кулаков». Центру пришлось в очередной

раз осаживать полпреда. В подписанной начальником Секретно-оперативного управления ОГПУ Е. Евдокимовым 25 октября 1930 г. телеграмме говорилось: «Вашей директивой № 1131 намечено также выселить наиболее мощные в прошлом [и] настоящем оставшиеся нетронутыми кулацкие семьи тыловых районов, что противоречит директиве ОГПУ № 13367. Предлагаю: 1) в точности придерживаться данной директивы ОГПУ — выселять лишь семьи, главы которых — одиночки — были высланы весной, не затрагивая невыселенных кулаков тыловых округов; 2) в 5-дневный срок уточнить план выселения»⁵⁵.

Несмотря на столь жесткую реакцию Москвы, в последующем Рапопорту все-таки удалось добиться своего: в итоговый план депортации были включены не только семьи «одиночек». По состоянию на 6 ноября 1930 г. Центр согласовал депортацию из Белоруссии не только семей «одиночек», но «800 полных семей вместе с главами»⁵⁶. Добиться этого Рапопорту удалось благодаря допущенной ранее руководством ОГПУ бухгалтерской ошибке. Запрашивая в сентябре 1930 г. у Политбюро разрешение на депортацию к месту нахождения «одиночек» их семей, Мессинг определил численность этих семей в примерно 2 тыс.⁵⁷ По всей видимости, при этом он ориентировался на число депортированных в мае 1930 г. мужчин — их, как мы помним, было 2066 человек. Мессинг, однако, упустил из внимания, что «одиночек» среди депортированных в мае мужчин было лишь 1370 — остальные, вопреки распоряжению Москвы, были депортированы из Белоруссии вместе с семьями⁵⁸. Так что когда пришло время подготовки депортации, выяснилось, что установленный постановлением Политбюро лимит на депортацию 2 тыс. семей не выбирается. Этим-то и воспользовался Рапопорт для расширения целей депортационной акции.

В общей сложности, к депортации было запланирована 1931 семья ориентировочной численностью 8,2 тыс. человек. Из этого числа 1143 семьи высылались из приграничных районов (это были семьи «одиночек»), а 788 — из тыловых районов (это были те самые «полные семьи», депортации которых всё-таки добился глава белорусского полпреда)⁵⁹.

Операция по выселению началась 12 ноября 1930 г.; 13—16 ноября из Белоруссии было отправлено 4 эшелона с депортируемыми, один из которых был сформирован в половинном составе. План высылки оказался не выполнен: вместо 8200 намеченных к депортации было выслано 5519 человек⁶⁰. В итоговой докладной записке в Центр Рапопорт объяснял происшедшее следующим образом: «Недогруз 1½ эшелонов (77 людских вагонов) произошел вследствие большого отсева, получившегося за счет стариков, детей и отчасти больших, оставшихся на месте»⁶¹. Однако на самом деле объяснение может

быть иным: в ходе подготовки к депортационной акции сотрудники белорусского ОГПУ внимательнее, чем раньше, проверяли списки намеченных к выселению, что привело к выявлению большого количества волонтаристски включенных в списки людей. Как указывалось в итоговом отчете, «отсев... по отдельным районам достигает 50% общего числа всех кулацких хозяйств, намеченных местами к выселению. Работа эта толкнула отдельные районы на путь выявления перегибов и извращений, допущенных местами при составлении первичных списков на кулаков»⁶².

В отличие от других депортационных акций 1930 г., применительно к ноябрьской мы располагаем данными об убыли выселяемых по пути к месту следования. По данным датируемой 6 декабря 1930 г. сводки о движении эшелонов с семьями «одинок» из БССР, в пути с эшелонов был снят 21 человек, в том числе 8 больных (в том числе 4 мужчины, 3 женщины и 1 ребенок), 2 умерших (все — мужчины) и 11 арестованных при попытке к побегу (9 мужчин, 2 женщины)⁶³. Сравнение поэшелонных данных о числе высланных⁶⁴ с числом доставленных к месту расселения⁶⁵ дают нам немного большие данные о выбывших в пути — 39 человек. Обобщенные данные о составе эшелонов представлены в *таблице 3*.

Таблица 3

Высылка семей «одинок» в ноябре 1930 г.: список эшелонов

	№ эшелона	Место погрузки	Отправление	Человек вывезено	Человек доставлено к месту назначения
1.	22	Минск, Борисов, Лепель	13.11.1930	1668	1664
2.	23	Калинковичи, Орша	14.11.1930	1696	1671
3.	25		14.11.1930	1634	1627
4.	26		16.11.1930	521	518
ИТОГО				5519	5480

Источник: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918—1939: документы и материалы. — М.: РОССПЭН, 2003. — Т. 3, кн. 1. — С. 515—516.

г) ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ «КУЛАЦКОЙ ВЫСЫЛКИ» 1930 г.

Предварительные итоги депортационных операций 1930 г. были подведены в датированной 27 января 1931 г. справке Особого отдела ОГПУ. По не вполне понятной причине, в этой справке были приведены немного заниженные данные по майской депортации «одинок» (2810 человек вместо 3309 человек) и немного завышенные — для но-

ябрьской депортации семей «одинок» (5583 человек вместо 5519 человек). Если мы внесем необходимые поправки, то получим следующую картину (см. *таблицу 4*, в скобках указаны скорректированные цифры).

Таблица 4

Депортационные акции 1930 г.: общие итоги

Депортационная акция	Численность депортированных	
	семей	человек
1. «Кулацкая высылка», март — апрель 1930 г.	9231	44 083
2. Высылка «одинок», май 1930 г.	470	2810 (3309)
3. Высылка семей «одинок», ноябрь 1930 г.	1348	5583 (5519)
ИТОГО:	11 049	52 476 (52911)

Составлено по: ЦА ФСБ. — Ф. 2. — Оп. 9. — Д. 541. — Л. 125; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение, 1930—1940 гг. — М.: РОССПЭН, 2006. — Кн. 2. — С. 654; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918—1939: документы и материалы. — М.: РОССПЭН, 2003. — Т. 3, кн. 1. — С. 515—516.

Эти данные хорошо коррелируются с имеющимися в доступных нам документах данными о расселении депортированных в 1930 г. из Белоруссии «кулацких семей», «одинок особого назначения» и их семей (см. *таблицу 5*).

Таблица 5

Расселение депортированных из БССР в 1930 г.

Область вселения	Семей	Человек
Дальневосточный край	1561	7309
Уральская область	4468	21 273
Северный край	4763	22 810
Якутия (Алдан)	287	1522
ИТОГО	11 079	52 914

Составлено по: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918—1939: документы и материалы: в 4 т. — М.: РОССПЭН, 2003. — Т. 3, кн. 1. — С. 661—664, 666—667, 671—672; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение, 1930—1940 гг. — М.: РОССПЭН, 2006. — Кн. 2. — С. 312—313, 315—316.

Столь точное совпадение итоговых цифр расселения высланных (52 914 человек) с исправленными цифрами выселения (52 911 человек) показывает, что недоучет численности депортированных в 1930 г. не имеет места.

2. ДЕПОРТАЦИОННАЯ АКЦИЯ 1931 г.

а) ВЫСЫЛКА «КУЛАЦКИХ СЕМЕЙ», июнь 1931 г.

То, что в 1931 г. высылка «кулацкого элемента» с территории БССР будет продолжена, было очевидно, наверное, всем. Коллективизация сельского хозяйства республики продолжалась, сопротивление ей — тоже. 10 февраля 1931 г. глава белорусского полпредства ОГПУ Рапопорт направил в Москву докладную записку с предложением провести дополнительную акцию по выселению. «Ориентировочно мы можем и просим разрешения изъять для высылки в северные районы 2000 хозяйств», — говорилось в записке⁶⁶. Однако у руководства ОГПУ на Белоруссию были более масштабные планы: из датированной 6 февраля 1930 г. служебной записки начальника Особого отдела ОГПУ Я. Ольского мы узнаем, что из республики планировать выслать 5000 кулацких семей⁶⁷. В одном из изученных нами в Центральном архиве ФСБ дел сохранился рукописный черновик записки о планах депортации из Белоруссии в 1931 г.; согласно ему, выслать из БССР планировалось 5675 семей⁶⁸.

Окончательное решение, разумеется, было принято партийными властями. 20 мая 1931 г. Политбюро утвердило постановление «О плане переселения кулацких семей в 1931 г.», предусматривавшее, в частности, выселение из БССР на Урал 5 тыс. семей «кулаков»⁶⁹.

Однако на деле приказ о проведении депортационной акции полпредство ОГПУ в Белоруссии получило еще до выхода постановления Политбюро. 16 мая 1931 г. С. Реденс, сменивший Г. Рапопорта на должности полпреда, получил телеграмму из Москвы. «Принято решение о выселении на Урал 5000 семей кулаков, — говорилось в телеграмме. — Срок отправки с 1 по 14 июня, ориентировочно по одному эшелону ежедневно»⁷⁰. Далее в телеграмме предписывалось срочно выслать в Москву план операции.

В отличие от своего предшественника, Реденс уложился в поставленные сроки. К моменту утверждения постановления Политбюро белорусское ОГПУ было уже готово к работе: первый этап подготовки к депортационной акции (включавший в себя задержание трудоспособных мужчин выселяемых семей) в Белоруссии начали реализовать в тот же день, 20 мая⁷¹. Списки подлежащих выселению «кулаков» были подготовлены еще раньше; в них значилось 6808 семей. После получения указанной в телеграмме ОГПУ контрольной цифры, эти списки были пересмотрены и в итог в план депортации попало 5133 семьи⁷².

Собственно выселение было произведено в период с 30 мая по 15 июня 1931 г.; согласно датированному 8 июля 1931 г. итоговому

отчету белорусского полпредства ОГПУ, из республики было депортировано 4757 семей общей численностью 21 089 человек⁷³. Однако в позднейших отчетах центрального аппарата ОГПУ мы встречаем немного меньшие цифры численности депортированных: 4645 семей общей численностью 20 501 человек⁷⁴.

Внести ясность в вопрос могли бы поэшелонные данные о численности депортированных. Но, к сожалению, нами выявлена лишь часть отчетных телеграмм с подобными данными⁷⁵. Известно, что всего эшелонов было 12, нам же известны данные лишь о 10; поэтому *таблица 6* страдает очевидной неполнотой и не может ответить на вопрос, какие данные ближе к истине: белорусского полпредства или центрального аппарата. Впрочем, расхождение между этими цифрами невелико.

Таблица 6

«Кулацкая высылка» июня 1931 г.: список эшелонов

	№ эшелона	Место погрузки	Отправление	Семей	Человек
1.	81	Минск, Гомель	02.06.1931	389	1569
2.	82	Минск, Гомель	02.06.1931	535	1774
3.	83	Слуцк, Ст. Дороги, Борисов	04.06.1931	371	1527
4.	84	Дрисса, Полоцк, Витебск	04.06.1931		1629
5.	85				
6.	86	Лепель, Бобруйск	06—07.06.1931	429	1835
7.	87	Пуховичи, Гомель, Орша	06—07.06.1931	634	1538
8.	88	Витебск, Быхов, Орша	09.06.1931	385	1826
9.	89	Коммунары, Кричев, Гомель	09.06.1931	419	1668
10.	90	Толочин, Гомель, Могилев	10—11.06.1931	413	1727
11.	91	Витебск	10—11.06.1931	433	1799
12.	92				
ИТОГО:				4008	16 892

Источник: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918—1939: документы и материалы: в 4 т. — М.: РОССПЭН, 2003. — Т. 3, кн. 1. — С. 771; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение, 1930—1940 гг. — М.: РОССПЭН, 2006. — Кн. 2. — С. 309-310, 312—313.

б) ПРИЗРАЧНЫЕ ВЫСЫЛКИ

Белорусская исследовательница Т.С. Протьюко утверждает, что в 1931 г. из Белоруссии была проведена не одна, а две депортационные акции. «Во второй половине 1931 г. к высылке было намечено

5671 семья из 61 района БССР. Реально было выселено 5664 семьи или 22 670 человек». «...“Вся работа проводится в порядке сообщенного СПО ОГПУ приказа НР952”, — телеграфировали в Москву белорусские чекисты», — утверждает исследовательница, ссылаясь при этом на документ, хранящийся в Национальном архиве Республики Беларусь⁷⁶. Однако ссылка эта является ложной: в деле, на которое ссылается исследовательница, подобной информации нет⁷⁷. Данные о «второй» высылке 1931 г. также отсутствуют в просмотренных нами документах Центрального архива ФСБ и в многотомных сборниках документов. Нет информации о «второй депортации» и в обзорных справках ОГПУ о численности депортированных в 1930—1931 гг.⁷⁸ Судя по всему, упомянутой Т.С. Протько депортационной акции просто не было. Заведомой ошибкой также является утверждение другого белорусского исследователя И. Кузнецова о том, что в 1931 г. «с территории БССР было выслано в районы Сибири свыше 60 тысяч крестьян»⁷⁹.

3. ДЕПОРТАЦИОННАЯ АКЦИЯ 1932 г.

Данные о подготовке депортационной акции 1932 г. чрезвычайно скудны. В апреле 1932 г. Секретно-политический отдел ОГПУ подготовил справку о количестве учтенных «кулацких хозяйств», содержащую одновременно предложения по высылке. По Белоруссии СПО было учтено 4368 «кулацких хозяйств», из которых к выселению предлагалось 2000 хозяйств. Местом расселения был назначен Северный край, высылку планировалось провести в июне⁸⁰. Предложения ОГПУ были одобрены: 4 мая 1932 г. Политбюро утвердило новый план выселения кулаков, предусматривавший, в частности, депортацию из БССР в Северный край 2000 «кулацких семейств»⁸¹. Однако уже 16 мая Политбюро утвердило новое постановление прямо противоположного содержания: «Отменить постановление Политбюро от 4 мая 1932 г. о хозяйственном выселении 38.300 кулацких семейств, предложив ОГПУ отдельные контрреволюционные злостные элементы в деревне изымать в порядке индивидуального ареста»⁸². Благодаря этому решению, в 1932 г. операция по выселению из Белоруссии «кулаков» не проводилось.

4. ДЕПОРТАЦИОННЫЕ АКЦИИ 1933 г.

Начало 1933 г. ознаменовалось в Белоруссии новой вспышкой ожесточенных репрессий, причиной которого стал общесоюзный кризис хлебозаготовок⁸³. В попытках выколотить из крестьянства хлеб, 19 де-

кабря 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР специальным постановлением обязали советско-партийные власти Белоруссии и республиканское полпредство ОГПУ «развернуть решительную борьбу со спекулянтскими элементами и саботажниками заготовок в колхозах и среди единоличников и на деле обеспечить проведение решительных мер по искоренению спекулянтов-перекупщиков вплоть до выселения их из пределов Белоруссии, не останавливаясь перед применением расстрела в отношении наиболее злостных»⁸⁴.

Одновременно в республике развертывалась параллельная репрессивная кампания, связанная с расследовавшимся центральным аппаратом ОГПУ делом «Политического центра» — масштабного антисоветского заговора, якобы объединявшего тысячи участников из основных сельскохозяйственных регионов. Согласно полученной ОГПУ информации, «Политический центр» готовил на весну 1933 г. вооруженное восстание; при этом помощь восстанию должна была оказать Польша⁸⁵.

В результате с декабря 1932 г. по май 1933 г. в Белорусской ССР было арестовано более 29 тыс. человек, в основном проходивших как члены «кулацких и бандитских группировок» и повстанческих организаций⁸⁶. 1 марта 1933 г. белорусское полпредство ОГПУ получило право выносить смертные приговоры в административном порядке, через тройку⁸⁷, и активно пользовалось представившейся возможностью. К началу мая белорусской тройкой было рассмотрено 3574 дела на 13 414 человека, из них к расстрелу было приговорено 2158 человек, к заключению в лагеря — 8617 человек, высылке — 2487 человек⁸⁸.

Одной из составляющих репрессивной кампании начала 1933 г. были депортации «кулацкого элемента». Как следует из обобщающей справки ОГПУ, по состоянию на 15 марта 1933 г. высылка «кулацких семей» была проведена из трех регионов СССР: Северокавказского края, Нижневолжского края и Украинской ССР⁸⁹. К апрелю высылки из этих регионов продолжились; также были проведены депортации «кулаков» из Башкирии и Урала⁹⁰. Были запланированы высылки из Средневолжского края и Закавказья⁹¹. В Белоруссии также проводилась подготовка к высылке «кулацкого элемента». По данным Т.С. Протьюко, выселению из республики подлежало 8316 семей общей численностью 30 410 человек⁹².

Однако этой депортационной акции было не суждено состояться. 10 мая 1933 г. специальным постановлением Политбюро лишило региональные «тройки» права на применение высшей меры⁹³. Волна репрессивного насилия была сбита: интенсивность вынесения смертных приговоров в БССР заметно снизилась⁹⁴. Что же касается большой депортации, она так и осталась исключительно в планах белорусского ОГПУ. Утвержденной 10 мая 1933 г. Политбюро ЦК

ВКП(б) и СНК ССР «Инструкцией всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры» предписывалось «немедленно прекратить массовые выселения крестьян»; для Белорусской ССР этим документом был установлен предельный лимит для выселения: 500 хозяйств⁹⁵.

Органы госбезопасности были быстро скорректированы с учетом новых вводных. Датируемый 12 мая 1933 г. ориентировочный план ОГПУ по выселению кулаков предусматривал депортацию из БССР лишь 500 кулацких семей общей численностью 2000 человек; проведение депортации было намечено на 5—10 июня⁹⁶. Этот план был выполнен: по состоянию на 5 июля 1933 г. из БССР была вывезена 461 семья общей численностью 2051 человек⁹⁷.

5. ДЕПОРТАЦИОННАЯ АКЦИЯ 1934 г.

Следы депортационной акции из БССР, возможно, имевшей место в 1934 г., мы обнаруживаем в датируемой 23 октября 1933 г. совместной докладной записке начальника Секретно-политического отдела ОГПУ Г. Молчанова и начальника ГУЛАГ ОГПУ М. Бермана. Докладная записка начинается словами: «Согласно решения директивных инстанций в течение 1933 и 1934 г. должно быть произведено выселение 20 000 семей кулаков для заселения и освоения территории Беломорско-Балтийского канала»⁹⁸. Из дальнейшего текста записки мы узнаем, что с территории Белоруссии на Беломорско-Балтийский канал планировалось выслать 1 тысячу «кулацких семей». По данным отдела спецпоселений ГУЛАГ, в 1934—1935 гг. в поселки Беломорско-Балтийского канала действительно поступали люди⁹⁹, однако были ли это выселяемые «кулаки», остается неизвестным.

6. ДЕПОРТАЦИОННАЯ АКЦИЯ 1935 г.

Последняя масштабная высылка с территории Белоруссии была проведена в 1935 г. 21 июня 1935 г. Политбюро утвердило постановление «О мероприятиях по усилению охраны границы БССР», предусматривавшее высылку за пределы республики 2000 семей проживавшего в погранполосе «неблагонадежного элемента»¹⁰⁰. Спустя несколько дней, 27 июня 1935 г., соответствующее распоряжение было направлено из Москвы наркому внутренних дел Белоруссии И. Леплевскому¹⁰¹. Проведение операции было назначено на 1—7 августа 1935 г.; согласно плану НКВД Белоруссии, 1400 семей планировалось выслать в Северный край, а еще 600 семей — в Казахстан¹⁰². Эти планы были воплощены в жизнь: 7 августа руководитель НКВД

БССР докладывал: «Сообщаю, что сего числа закончена отправка выселяемого из пограничной полосы антисоветского неблагонадежного элемента. Отправлено 10 эшелонов, из них 7 в Северный край и 3 в Казахстан. Всего выселено 1979 семей в составе 9877 человек, из них — мужчин — 2799, женщин — 2828, детей — 4450. Вместе с ними отправлено 777 голов скота, из них 250 лошадей и 527 коров»¹⁰³.

7. ИТОГОВЫЕ ДАННЫЕ: ЧИСЛЕННОСТЬ ДЕПОРТИРОВАННЫХ

Итоговые данные о депортационных акциях, проводившихся в 1930—1935 гг. с территории БССР, приведены нами в *таблице 7*. О проведении шести из этих акций нам известно достоверно; в их рамках из республики было выселено 18 246 семей общей численностью 85 928 человек. Еще об одной депортационной операции (выселение «кулаков» в поселки Беломоро-Балтийского канала) мы можем судить лишь предположительно. Если эта операция была действительно проведена, то к общему числу депортированных необходимо прибавить еще 1000 семей общей численностью примерно 4700 человек¹⁰⁴. В этом случае итоговые цифры депортированных будут выглядеть следующим образом: более 19,2 тыс. семей общей численностью примерно 90 тыс. человек. На наш взгляд, именно эти данные наиболее адекватно отражают масштабы «кулацкой высылки» из Белорусской ССР.

Таблица 7

Депортационные акции 1930—1935 гг. из БССР

Год	Депортационная акция	Численность депортированных	
		семей	человек
1930	«Кулацкая высылка», март — апрель 1930 г.	9231	44 083
	Высылка «одиночек», май 1930 г.	470	3309
	Высылка семей «одиночек», ноябрь 1930 г.	1348	5519
	Итого в 1930 г.	11 049	52 911
1931	«Кулацкая высылка», июнь 1931 г.	4757	21 089
1933	«Кулацкая высылка», июнь 1933 г.	461	2051
1934	«Кулацкая высылка» на Беломорско-Балтийский канал (?)	1000	
1935	Высылка из пограничной полосы	1979	9877

Составлено по: см. источники к таблицам 1—6.

Много ли это или мало — 19,2 тыс. депортированных семей общей численностью 90 тыс. человек? По состоянию на 1 января 1930 г. в Белоруссии имелось 789 тыс. крестьянских хозяйств¹⁰⁵. Таким образом, общее число выселенных «кулацких» хозяйств составляло примерно 2,4% от общего числа крестьянских хозяйств республики. По данным проведенной в декабре 1926 г. всесоюзной переписи, население Белоруссии составляло 5 миллионов человек¹⁰⁶. Следовательно, общая численность «кулацкой ссылки» 1930—1935 гг. составляла 1,8% от общего населения республики.

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание, 1927—1929: документы и материалы. — М.: РОССПЭН, 2000—2003. — Т. 2—4; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918—1939: документы и материалы: в 5 т. — М., 2003—2005. — Т. 3, кн. 1—2; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение, 1930—1940 гг. — М.: РОССПЭН, 2005—2006. — Кн. 1—2; «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). — М.: Ин-т рос. истории РАН, 2017. — Т. 10, ч. 1—3.

² *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). — М.: Интерпракс, 1997. — 269 с.

³ *Полян П.М.* Не по своей воле...: история и география принудительных миграций в СССР. — М.: ОГИ-Мемориал, 2001. — 328 с.

⁴ *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960. — М.: Наука, 2003. — 306 с.

⁵ *Красильников С.А.* Серп и молот: крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. — М.: РОССПЭН, 2003. — 287 с.

⁶ *Viola L.* The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements. — Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. — XIX, 278 p. Русский перевод: *Виола Л.* Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. — М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. — 335 с.

⁷ Одним из немногих исключений является издание: Рязанская деревня в 1929—1930 гг.: хроника головокружения: документы и материалы / отв. ред.-сост. Л. Виола, С.В. Журавлев и др. — М.: РОССПЭН, 1998. — 703 с.

⁸ См., напр.: *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль Большого террора: история операции по приказу НКВД № 00447. — М.: Новый хронограф, 2008. — 778 с.; *Дюков А.Р.* Милость к падшим: советские репрессии против нацистских пособников в Прибалтике. — М.: Фонд «Ист. память», 2009. — 175 с.; Великий террор в Україні. «Куркульська операція» 1937—1938 рр.: у 2 ч. / упорядн. С. Кокін, М. Юнге. — Київ: Києво-Могилянська академія, 2010. — Ч. 1—2; Большевицкий порядок в Грузии: в 2 т. / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч. — М.: АИРО-XXI, 2015. — Т. 1—2; *Дюков А.Р.* Накануне Холокоста. Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940—1941 // *Дюков А.Р.* Ликвидация «враждебного элемента»: националистический террор и советские репрессии в Восточной Европе: [избр. исследования]. — М.: Пятый Рим, 2017. — 541 с.

⁹ *Кузняцоў І.* Бальшавіцкія рэпрэсіі супраць беларускага нацыянальна-дэмакратычнага руху ў 1920—1930 гг. // Беларусь і беларусы сярод суседзяў: гістарычныя сэрэатыпы і палітычныя канструкты: матэрыялы міжнароднай канферэнцыі. — Варшава, 2013. — С. 100. Любопытно, что в более ранней своей работе И. Кузнецов пишет о том, что в Белоруссии было раскулачено «не менее 350 тысяч человек» (*Кузнецов И.* Репрессии на Беларуси в 1920—1940 гг. // Репрессивная

политика советской власти в Беларуси. — Минск, 2007. — Вып. 2. — С. 12). Как эти цифры согласуются между собой, остается неразрешимой загадкой.

¹⁰ Подробный анализ достоверности приводимых В.И. Адамушко данных о численности арестованных и осужденных органами государственной безопасности см.: *Дюков А.Р.* К вопросу о численности расстрелянных органами НКВД в Куропатах // *Международная жизнь.* — 2017. — № 7. — С. 149—162.

¹¹ *Адамюшка У.І.* Палітычныя рэпрэсіі 20—50-ых гадоў на Беларусі. — Мінск: Беларусь, 1994. — С. 10.

¹² *Каралёў Ю.* Аб рэальных маштабах сталінскіх рэпрэсій у Беларусі // *ARCHE.* — 2014. — № 5. — С. 32—71.

¹³ *Протыко Т.С.* Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917—1941 гг.). — Минск: ТЕСЕЙ, 2002. — 687 с.

¹⁴ *Раманав І.* «Зона»: Беларускае памежжа па савецкі бок дзяржаўнае мяжы // *Спадчына.* — 2001. — № 1/2. — С. 111—134.

¹⁵ *Шарков А.В.* Ссылка, высылка, депортация: принудительные миграции населения Белорусской ССР. — Минск: Академия МВА РБ, 2014. — С. 43 (примеч. 2).

¹⁶ *Виола Л.* Крестьянский ГУЛАГ. — С. 45.

¹⁷ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание ... — Т. 2. — С. 72—75.

¹⁸ Там же. — С. 103—104.

¹⁹ Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ). — Ф. 2. — Оп. 9. — Д. 541. — Л. 3.

²⁰ Там же. — Л. 1.

²¹ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 4702. — Л. 149—150.

²² ЦА ФСБ. — Ф. 2. — Оп. 9. — Д. 541. — Л. 5.

²³ Там же. — Л. 2.

²⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание ... — Т. 2. — С. 126—130.

²⁵ Там же. — С. 163—167.

²⁶ Там же. — С. 168—169.

²⁷ НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 4702. — Л. 195.

²⁸ ЦА ФСБ. — Ф. 2. — Оп. 9. — Д. 541. — Л. 11. См. также: *Виола Л.* Крестьянский ГУЛАГ. — С. 45.

²⁹ Там же. — Л. 49.

³⁰ Там же. — Л. 50.

³¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание ... — Т. 2. — С. 175.

³² Там же. — С. 163—167.

³³ Там же. — С. 168—169.

³⁴ ЦА ФСБ. — Ф. 2. — Оп. 9. — Д. 541. — Л. 56—57.

³⁵ Там же. — Л. 68.

³⁶ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД ... — Т. 3, кн. 1. — С. 519—527.

³⁷ ЦА ФСБ. — Ф. 2. — Оп. 9. — Д. 541. — Л. 125.

³⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГА-СПИ). — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 8. — Л. 109.

³⁹ Там же. — Л. 114.

⁴⁰ *Васильев В., Виола Л.* Коллективизация и крестьянское сопротивление на Украине (ноябрь 1929 — март 1930 гг.). — Винница: Логос, 1997. — С. 251—252.

⁴¹ *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923—1939. — М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. — С. 439.

- 42 НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 4702. — Л. 147.
- 43 Дёнингхаус В. В тени «большого брата»: западные национальные меньшинства в СССР, 1917—1938 гг. — М.: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина»: РОССПЭН, 2011. — С. 521. Постановление Политбюро ЦК от 15 марта 1930 г. опубликовано в: Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936: [документы]. — М.: Междунар. фонд «Демократия», 2003. — С. 235—236; Политбюро и крестьянство ... — Кн. 1. — С. 151—152.
- 44 ЦА ФСБ. — Ф. 2. — Оп. 9. — Д. 541. — Л. 63.
- 45 Там же.
- 46 Там же. — Л. 63 об.
- 47 Там же. — Л. 125.
- 48 Там же. — Л. 82.
- 49 Там же. — Л. 88.
- 50 Политбюро и крестьянство ... — Кн. 2. — С. 654.
- 51 Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД ... — Т. 3, кн. 1. — С. 519—527.
- 52 Политбюро и крестьянство ... — Кн. 1. — С. 257.
- 53 РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 9. — Л. 38.
- 54 Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД ... — Т. 3, кн. 1. — С. 464.
- 55 Там же. — С. 495.
- 56 Там же. — С. 512.
- 57 Политбюро и крестьянство ... — Кн. 1. — С. 257.
- 58 ЦА ФСБ. — Ф. 2. — Оп. 9. — Д. 541. — Л. 88.
- 59 Там же. — Д. 762. — Л. 266—267.
- 60 Там же. — Д. 541. — Л. 111—114; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД ... — Т. 3, кн. 1. — С. 519—527. См. также: *Протьюко Т.С.* Указ. соч. — С. 544.
- 61 ЦА ФСБ. — Ф. 2. — Оп. 9. — Д. 762. — Л. 266.
- 62 Там же.
- 63 Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД ... — Т. 3, кн. 1. — С. 515—516.
- 64 ЦА ФСБ. — Ф. 2. — Оп. 9. — Д. 541. — Л. 111—114.
- 65 Там же. — Д. 762. — Л. 315—317.
- 66 Там же. — Ф. 2. — Оп. 9. — Д. 541. — Л. 127.
- 67 Там же. — Л. 128.
- 68 Там же. — Л. 170.
- 69 Политбюро и крестьянство ... — Кн. 2. — С. 305—309.
- 70 ЦА ФСБ. — Ф. 2. — Оп. 9. — Д. 212. — Л. 1—2.
- 71 Там же. — Д. 541. — Л. 224.
- 72 Там же. — Л. 225—226.
- 73 Там же.
- 74 Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД ... — Т. 3, кн. 1. — С. 771; Политбюро и крестьянство ... — Кн. 2. — С. 309—310, 312—313.
- 75 ЦА ФСБ. — Ф. 2. — Оп. 9. — Д. 212. — Л. 8, 9, 11; Д. 541. — Л. 205, 209—209 об.
- 76 *Протьюко Т.С.* Указ. соч. — С. 544 (со ссылкой на: НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 21. — Д. 635. — Л. 17. После реформирования фонда 4п архивная легенда этого дела была изменена на: НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 7629).
- 77 НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 1. — Д. 7629.
- 78 Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД ... — Т. 3, кн. 1. — С. 771; Политбюро и крестьянство ... — Кн. 2. — С. 312—313.
- 79 *Кузнецов И.* Репрессии на Беларуси в 1920—1940 гг. — С. 4.
- 80 Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД ... — Т. 3, кн. 2. — С. 98.
- 81 РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 12. — Л. 126—127.
- 82 Политбюро и крестьянство ... — Кн. 1. — С. 543.

- ⁸³ См.: *Кондрашин В.В.* Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929—1933). — М.: РОССПЭН, 2014. — С. 124—158.
- ⁸⁴ «Первая заповедь»: хлебозаготовки в СССР, 1931—1932. — М.: Междунар. фонд «Демократия», 2016. — С. 700—701.
- ⁸⁵ *Тепляков А.Г.* Динамика государственного террора в СССР в 1933 году: новые данные // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». — 2013. — Т. 12, вып. 1. — С. 50—54.
- ⁸⁶ Там же. — С. 52. Данные об численности арестованных и осужденных в БССР по состоянию на 15 марта 1933 г. см.: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину ... — Т. 10, ч. 3. — С. 356—357.
- ⁸⁷ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 162. — Д. 14. — Л. 61; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД ... — С. 409. Интересно, что судя по всему, ГПУ Белоруссии было первым из получивших подобное право региональных подразделений органов госбезопасности: ГПУ Украины получило разрешение выносить смертные приговоры через «тройку» лишь 20 марта 1933 г., а ПП ОГПУ Западной Сибири — 4 апреля 1933 г. (Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД ... — С. 418, 426).
- ⁸⁸ *Тепляков А.Г.* Указ. соч. — С. 52; *Протьюко Т.С.* Указ. соч. — С. 549.
- ⁸⁹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину ... — Т. 10, ч. 3. — С. 344.
- ⁹⁰ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД ... — Т. 3, кн. 2. — С. 388.
- ⁹¹ Там же. — С. 389.
- ⁹² *Протьюко Т.С.* Указ. соч. — С. 546.
- ⁹³ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 922. — Л. 16; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД ... — С. 435.
- ⁹⁴ *Протьюко Т.С.* Указ. соч. — С. 189.
- ⁹⁵ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД ... — С. 438; Политбюро и крестьянство ... — Кн. 1. — С. 607—612.
- ⁹⁶ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД ... — Т. 3, кн. 2. — С. 419—420.
- ⁹⁷ Там же. — С. 435.
- ⁹⁸ Политбюро и крестьянство ... — Кн. 2. — С. 426.
- ⁹⁹ Там же. — С. 428.
- ¹⁰⁰ Там же. — Кн. 1. — С. 675.
- ¹⁰¹ Там же. — Кн. 2. — С. 436—438.
- ¹⁰² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание ... — Т. 4. — С. 500—551; *Протьюко Т.С.* Указ. соч. — С. 212; Политбюро и крестьянство ... — Кн. 1. — С. 841.
- ¹⁰³ *Протьюко Т.С.* Указ. соч. — С. 212.
- ¹⁰⁴ Как показал Ю. Королев, средний размер высылаемой семьи составлял 4,7 человек. См.: *Каралёв Ю.* Аб рэальных маштабах сталінскіх рэпрэсій ...
- ¹⁰⁵ ЦА ФСБ. — Ф. 2. — Оп. 9. — Д. 541. — Л. 229.
- ¹⁰⁶ *Богомья И.М.* Процесс урбанизации в БССР в 20-е — 30-е гг. XX в. // Весті БДПУ. Серія 2, Історія. Філософія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. — 2015. — № 2. — С. 66.

М. Ю. Мухин

ДЕНЬГИ И САМОЛЕТЫ В ДНИ ВОЙНЫ И МИРА: ПРОБЛЕМА ФИНАНСОВЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА И АВИАПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1941—1950 ГГ.

Статья посвящена анализу финансового взаимодействия советской авиапромышленности и военного ведомства СССР в период Великой Отечественной войны и первого послевоенного пятилетия. В работе рассматриваются проблемы формирования себестоимости авиапродукции и ее отпускной цены, а также межведомственные споры по поводу назначения отпускной цены на самолеты и авиамоторы. Особое внимание уделяется системному финансовому кризису авиапромышленности в первое послевоенное пятилетие и его связи с осуществлением реконверсии советской оборонной промышленности на выпуск гражданской продукции.

Ключевые слова: авиапромышленность; финансы; конверсия; реконверсия; себестоимость; Великая Отечественная война; холодная война; цена.

M. Yu. Mukhin

Money and airplanes in days of war and peace:

**The problem of financial relations
between the Soviet military administration
and the aviation industry in 1941—1950**

The article is devoted to the analysis of the financial interaction of the Soviet aircraft industry and the military department of the USSR during the Great Patriotic War and the first post-war five years. The paper considers the problems of formation of prime cost of aviation products and its selling price, as well as inter-departmental disputes over the appointment of a selling price for aircraft and aircraft engines. Particular attention is paid to the systemic financial crisis of the aircraft industry in the first postwar five-year period and its connection with the implementation of the reconversion of the Soviet defense industry to the production of civilian products.

Keywords: aviation industry; finance; conversion; reconversion; cost; Great Patriotic War; Cold War; price.

Достаточно часто не только в публицистических выступлениях, но и в профессиональной среде историков можно столкнуться с тезисом о том, что советская плановая экономика вообще не рассматривала деньги как значимый фактор в определении экономи-

ческой эффективности предприятия, а стоимость и цена продукции назначались сугубо волюнтаристским путем резолюциями не то ЦК, не то Госплана. Однако детальный анализ документов той эпохи позволяет утверждать, что советские плановые органы достаточно интенсивно использовали понятия «себестоимость», «прибыль», «рентабельность» и другие инструменты, характерные для рыночной экономики. Как и продукция других отраслей, изделия предприятий «оборонки» обладали себестоимостью, исчисляемой по достаточно жестким формулам, а заказчику (в данном случае — военным) они отпускались по отпускным ценам, величина которых также была отнюдь не произвольной.

Думается, нет нужды специально пояснять, какое место в истории нашей страны занимает период Великой Отечественной войны. Это было время, когда решалась судьба не только государства как такового, но и народов, его населяющих. Отечественная история тех лет состоит из десятков тысяч различных сюжетов, и вопрос определения стоимости авиатехники, и вообще, говоря шире, — финансового взаимодействия военных и авиапроизводителей является лишь одним из многих в этом ряду. Однако, как нам представляется, недооценивать этот сюжет не следует. Его изучение позволит нам лучше понять особенности советского общества и основные принципы, по которым оно работало. С другой стороны, период Великой Отечественной войны настолько специфичен, что опыт тех лет нуждается в дополнении анализом схожих проблем в другой хронологический промежуток. Первое послевоенное пятилетие стало временем восстановления разрушенного в годы военного лихолетья и реконверсии «оборонки» для выпуска гражданской продукции. Временем освоения принципиально новой авиатехники и отмены законов военного времени. Именно поэтому анализ финансового взаимодействия военных и авиастроителей на протяжении 1941—1950 гг. нам представляется особо перспективным. В свое время автор этих строк уже рассмотрел характер финансовых взаимоотношений между военными и авиастроителями в годы Великой Отечественной войны¹, теперь же мы расширим хронологические рамки исследования и изучим этот сюжет как в период военного лихолетья, так и в мирные годы. Сопоставление тенденций военных лет и первого послевоенного пятилетия, думается, позволит вычлнить как органически присущие советской «оборонке» тенденции финансового взаимодействия с другими советскими ведомствами (в первую очередь — с ведомством военным), так и специфически присущие только тому или иному периоду особенности.

К сожалению, историография финансовой стороны деятельности советской «оборонки» пока не слишком велика. Единствен-

ным исследованием, в котором так или иначе рассматривался данный сюжет (причем только на протяжении предвоенных лет и преимущественно с институциональной точки зрения) стала статья А.М. Маркевича². Уделив особое внимание вопросам организации собственно «договорной компании», в ходе которой согласовывались цены на военную продукцию, автор рассмотрел ситуацию преимущественно с точки зрения различных подразделений военного ведомства, лишь время от времени уделяя внимание анализу событий с точки зрения «оборонки»³ и полностью выведя за скобки процесс собственно согласования цен. Собственно говоря, такой подход к рассматриваемой проблематике вполне допустим и имеет свои плюсы (впрочем, как и свои минусы), но тематика, связанная с финансовой стороной взаимодействия армии и военной промышленности в военный и послевоенный периоды до сих пор остается в отечественной историографии малоизученной. В разделе монографии Н.С. Симонова⁴, посвященном вопросам рентабельности советской авиапромышленности, этот сюжет также рассмотрен как сугубо периферийный и малозначительный.

Надо отметить, что порядок расчета и утверждения отпускных цен на авиатехнику к началу Великой Отечественной войны окончательно в СССР так и не был утвержден, и межведомственные баталии на этот счет все еще продолжались. Например, еще в сентябре 1940 г. СНК СССР был вынужден специально разъяснять, что «отпускные цены на самолеты, моторы, авиавинты и специальные приборы утверждаются правительством... Основой для определения отпускных цен является сметная себестоимость, построенная на базе плановых расходов основных материалов и рабочего времени на единицу продукции и планового процента накладных расходов»⁵. Как видим, исходной цифрой, имевшей ключевое значение для исчисления отпускных цен, накануне войны считалась сметная себестоимость. Однако рассмотрение сметной себестоимости ряда самолетов в начале войны приводит к достаточно парадоксальным результатам (см. *таблицу 1*).

Очевидно, что ряд моделей выпускалось в убыток для авиазаводов, что было вызвано, вероятно, включением в себестоимость и расходов на пуско-наладочные работы.

Однако отпускная цена на авиапродукцию совершенно не обязательно равнялась цене договорной. Собственно, сам термин «договорная цена» подразумевал, что номинал этой цены еще только следует определить в ходе переговоров. Характерно, что в 1942 г. военные добились резкого снижения цен на оборонную продукцию:

**Отпускные цены и себестоимость некоторых моделей авиатехники
в СССР в 1941—1942 гг. (тыс. руб.)***

Завод-изготовитель	Модель	Отпускная цена 1941	Себестоимость 1941	Отпускная цена 1942	Себестоимость 1942
	САМОЛЕТЫ БЕЗ МОТОРОВ				
21	ЛАГГ-3 (М-105П)	196,5	198,3	138	132,7
31		216,5	310	160	153,8
153		318,5	289	210	201,9
292	Як-1 (М-105П)	208	159,2	107	102,9
153	Як-7 (М-105П)	—	—	146	102,9
18	Ил-2 (АМ-38)	330	261	210	201,9
22	Пе-2 (2М-105Р)	420	437,3	365	351
39	Пе-2 (2М-105Р)	485	551	460	443,3
	МОТОРЫ				
16	М-105Р	70	84,5	50	48,1
19	М-82	83	95,5	58	55,8
19	М-63ИР	48	50,1	34	32,7
24	АМ-38	61	56,6	50	48,1
26	М-105П	46	49	40	38,5
29	М-88Б	54	57,6	48	46,2
154	М-11	10	10,9	9	8,7

* Приведена в сокращении.

Источник: РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1 — Д. 2830. — Л. 78, 90.

на пулеметы УБК и УБТ с 12,5 тыс. до 6,5 тыс. руб., на мотор-пушку ШВАК — с 12,5 тыс. до 8 тыс., на крыльевую пушку ШВАК — с 9 тыс. до 6 тыс. руб.⁶ Советское руководство мотивировало такое решение тем, что «оборонка» не должна перекладывать свои проблемы на плечу армии, а работа над снижением себестоимости является прямой и неотъемлемой задачей любого руководителя оборонного предприятия. Логика была следующей: «Вот снизите себестоимость — и даже при пониженных договорных ценах всё равно будете рентабельны». Кроме того, порочным представлялся и сам принцип

согласования договорных цен всего лишь раз в год. По этому поводу нарком финансов А.Г. Зверев писал заместителю председателя СНК СССР А.И. Микояну в марте 1942 г.: «Поставщик, как правило, не заинтересован в действительном снижении оптовых цен, которое давило бы на него и заставляло бы снижать себестоимость. Требуется каждый раз специальное постановление СНК СССР, обязывающее наркоматы пересматривать цены на военную продукцию. В свою очередь, установление цены раз в год приводит на практике к тому, что по отдельным изделиям к концу года оптовые цены отрываются от себестоимости»⁷. В свете этого Зверев предлагал разрешить Госплану и Наркомату финансов СССР пересматривать сложившиеся цены по мере необходимости.

В 1942 г. споры по поводу себестоимости и отпускных цен вспыхнули с новой силой. Госплан настаивал на максимальном снижении себестоимости, Наркомат авиапромышленности (НКАП), не возражая против самой идеи снижения себестоимости, пытался ограничить масштабы этого снижения. Надо отметить, что в целом тактика НКАП принесла свои плоды, и более того — реальная себестоимость 1942 г. (а значит, и отпускная цена) оказалась, хотя и меньше себестоимости 1941 г., но выше как предложений Госплана, так и версии НКАП.

В этом плане будет целесообразно остановиться на роли отдельных слагаемых заводской себестоимости. Как правило, основные средства при производстве самолетов тратились на «покупные изделия», то есть поступающие со стороны комплектующие⁸. Эта статья составляла в лучшем случае около 20% себестоимости самолета, но могла подниматься и до 50—60%. На втором месте, как правило, шли затраты на приобретение материалов и полуфабрикатов (порядка 20—30% себестоимости). Но на некоторых заводах, например, № 31 (производство ЛаГГ-3) и 153 (Як-7), на второе место выходили цеховые расходы, включавшие в себя затраты на охрану труда и компенсацию износа быстроизнашивающегося инвентаря, а также на содержание зданий и инвентаря цехового назначения. Таким образом, следует признать, что собственно зарплата сотрудников в 1941—1942 гг. не играла существенной роли для формирования себестоимости самолетов, на ее долю приходилось в среднем от 9% до 13%. В отношении производства моторов картина была еще более шаблонна: примерно по трети суммы себестоимости приходилось на материалы и цеховые расходы и около 10% — на зарплату. Интересно, что при производстве самолетов в 1941—1942 гг. потери от брака составляли в среднем около 0,7% (за вычетом явно аномального уровня брака на производстве Ил-2 на

заводе № 18). Для производства авиамоторов этот показатель соответствовал 6,5%.

В результате вышеописанных тенденций отпускные цены на авиапродукцию в 1943 г. продолжали снижаться. Например, цена на Ил-2 (завод № 1) уменьшилась с 230 тыс. до 162 тыс. руб., на Як-7 (№ 153) — со 146 тыс. до 110 тыс. руб. Причем если в 1942 г. военным приходилось мириться с диктатом производителей и соглашаться на излишне высокие (по мнению военного ведомства) цены, то теперь ситуация зеркально изменилась — военные диктовали условия производителям. Так, в ноябре 1943 г. НКАП выражал недовольство тем, что руководство ВВС систематически уклонялось от согласования отпускных цен и явочным порядком рассчитывалось с авиапредприятиями по заниженным отпускным ценам прошлого периода, чем ставило заводы в весьма затруднительное финансовое положение⁹.

В 1944—1945 гг. курс на снижение отпускных цен сохранялся, причем наконец-то точка зрения А.Г. Зверева восторжествовала, и отпускные цены стали утверждаться ежеквартально. В целом можно отметить, что к концу войны взаимоотношения военных и авиапромышленности в финансовых вопросах устоялись и приняли достаточно спокойный характер. Разумеется, споры по поводу договорных цен на конкретную продукцию продолжались, но теперь они велись в цивилизованной форме — то есть непосредственно на переговорах, а не путем явочного установления «удобных» цен. В случае если военные и авиапром не приходили к согласию, они обращались к арбитражу Совета народных комиссаров СССР. В качестве примера можно привести отпускные цены на авиапродукцию на II квартал 1945 г. — последние отпускные цены, согласованные в течение Великой Отечественной войны. В ходе переговоров 13—17 марта 1945 г. НКАП и ВВС согласовали следующие цены (см. *таблицу 2*).

Однако на ряд типов авиатехники согласовать цены не удалось, поэтому 17 апреля 1945 г. итоговые отпускные цены на них установил СНК СССР, заняв равноудаленную позицию, в одних случаях приняв аргументы военных, в других — авиастроителей (см. *таблицу 3*).

Как видим, на протяжении всей войны монетарные инструменты регулирования продолжали играть достаточно важную роль во взаимоотношениях военного ведомства и авиапромышленности.

С окончанием боевых действий военные начали предъявлять к авиапроизводителям повышенные требования по части качества и долговечности авиатехники. Кроме того, следует учитывать, что с окончанием войны рабочих более нельзя было удерживать на авиапредприятиях административными мерами. Теперь для борьбы с те-

Таблица 2

**Отпускные цены на авиатехнику, согласованные в марте 1945 г.
НКАП и ВВС (тыс. руб.)**

№ завода	Тип и модель авиатехники	Отпускная цена на II квартал 1945 г.
	САМОЛЕТЫ (БЕЗ МОТОРОВ)	
31	Як-3 (ВК-105ПФ)	200
31	Як-3 (ВК-107А)	250
99	Ла-7 (АШ-82ФН)	310
153	Як-9 (ВК-107А)	135
47	Ще-2 (2М-11Д)	180
39	Ер-2 (2АЧ-30Б)	875
464	По-2 (М-11Д)	44,5
494	По-2с (М-11Д)	42
	АВИАМОТОРЫ	
19	АШ-83	125
26	ВК-107А	86
36	АШ-62ИР	68

Источник: РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 2973. — Л. 22.

Таблица 3

**Отпускные цены на типы и модели, вызвавшие разногласия
у НКАП и ВВС, урегулированные постановлением СНК СССР
17 апреля 1945 г. (тыс. руб.)**

№ за- вода	Модель	Предложения ВВС	Предложения НКАП	Постановление СНК
21	Ла-7 (АШ-82ФН)	118	125	120
82	Як-9 (ВК-107А)	171	200	185
166	Як-9 (ВК-107А)	138	142	138
292	Як-3 (ВК-105ПФ)	122	130	127
381	Ла-7 (АШ-82ФН)	180	195	180
23	Ту-2 (2АШ-82ФН)	570	590	570
471	По-2 (М-11Д)	42	44	Нет данных
1, 18	Ил-10 (АМ-38Ф)	250	275	271

Источник: РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 2973. — Л. 22, 29—30.

кучество кадров приходилось применять различные материальные стимулы, а это, в конечном итоге, также вело к росту себестоимости, а значит — и отпускной цены. Поэтому в первые послевоенные кварталы тенденция к снижению отпускных цен на авиапродукцию, преобладавшая с 1942 г., сменилась на противоположную (см. таблицу 4).

Таблица 4

**Динамика отпускных цен на авиапродукцию в I квартале 1945 —
II квартале 1945 г. (тыс. руб.)**

Тип техники	№ за- вода	Отпускная цена на I кв. 1945 г.	Отпускная цена на II кв. 1945 г.	Отпускная цена на II кв. 1946 г.
Ла-7 (АШ-82ФН)	21	125	120	180
Ла-7 (АШ-82ФН)	381	195	180	
Ла-7 (АШ-82ФН)	99	310	310	
Як-3 (ВК-105ПФ)	31	230	200	
Як-3 (ВК-107А)	31			250
Як-3 (ВК-107А)	82	200		
Як-9 (ВК-107А)	82		185	
Як-3 (ВК-107А)	31		250	250
Як-3 (ВК-107А)	153	135		
Як-9 (ВК-107А)	153		135	200
Як-3 (ВК-107А)	166	142		
Як-9 (ВК-107А)	166		138	
Ту-2 (2АШ-82ФН)	23	590	570	
Ил-10 (АМ-42)	1	275	172	
Ил-10 (АМ-42)	18	275	172	
По-2 (М-11Д)	494	41		
По-2 (М-11Д)	471	41		
По-2 (М-11Д)	464		44,5	
Як-10/М-11Д	464			150
Ще-2 (2М-11Д)	47	185	180	180
АШ-82ФН	29	90		
АМ-42	24	100		
ВК-107А	26		86	86

Источник: РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 2941. — Л. 83—84; Д. 2973. — Л. 22, 29—30; Д. 2986. — Л. 44.

Порядок же определения отпускных цен, по сравнению с военным периодом, практически не изменился. Как и прежде, цены согласовывались Планово-экономическим отделом наркомата/министерства авиапромышленности или соответствующего главка¹⁰ с Финансовым отделом (ФО) ВВС¹¹.

Выше мы уже говорили, что в военные годы на долю зарплаты персонала авиазавода приходилось приблизительно 10% от сметной себестоимости самолета или авиадвигателя. Надо отметить, что с окончанием войны ситуация изменилась крайне мало (см. таблицу 5).

Таблица 5

Сметная калькуляция на изготовление 1-го самолета И-300 малой серии на заводе № 1 в 1946 г.

Наименование	Сумма затрат (тыс. руб.)
Материалы основные и полуфабрикаты	80
Зарплата	310
Цеховые расходы	820
Общезаводские расходы	500
Спецрасходы	800
Отправка по железной дороге	10
Итого собственных затрат	2520
Готовые изделия	150
Двигатели	330
Итого заводская себестоимость	3000

Источник: РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 2986. — Л. 25.

Раз уж речь зашла о слагаемых себестоимости авиатехники, хотелось бы отметить еще один немаловажный нюанс, имевший прямое отношение к важности монетарных инструментов в деятельности советской «оборонки» тех лет. По графе «готовые изделия» могли учитываться как поставки с других предприятий авиапромышленности, так и комплектующие, поступающие из сторонних ведомств. На первый взгляд, авиапромышленности в рамках плановой экономики было, в общем-то, безразлично, с какого предприятия получать поставки — входящего в систему министерства авиапромышленности (МАП) или в другое ведомство. Однако тут была определенная тонкость, делавшая для авиазаводов поставки «из-за пределов авиапрома» менее желательными. Дело в том, что стоимость «готовых изделий», поставляемых другими главками авиапромышленности, исчислялась по твердой определенной формуле — плановая себестои-

мость, утвержденная Планово-экономическим отделом МАП на 1947 г., и сверх того 3%, обеспечивавшие рентабельность завода-поставщика. В случае поставок с предприятия стороннего ведомства всё было много сложнее. На конец 1940-х годов не существовало ни утвержденных на правительственном уровне цен подобных поставок, ни отработанного механизма формирования таких цен. Называя вещи своими именами, авиапромышленности приходилось платить столько, сколько поставщику было благоугодно указать в присланном счете¹².

Впрочем, вернемся к положению дел в авиапромышленности в целом. В первые послевоенные годы авиапром столкнулся с финансовыми проблемами системного характера. Так, 28 декабря 1946 г. Госплан представил проект экономического плана на следующий, 1947 г., согласно которому МАП был обязан произвести продукции на 7100 млн. руб., в том числе — на 5425 млн. руб. оборонной продукции, на 245 млн. руб. гражданских самолетов, на 1111 млн. руб. ширпотреба и прочей продукции. Еще 319 млн. руб. должны были прийти на услуги (в первую очередь — ремонт авиатехники). В натуральном исчислении предполагалось произвести 11 210 самолетов и 19 600 авиамоторов, включая реактивные. Однако следует учитывать, что отпускные цены, предписанные в этом плане, утверждались еще в годы войны, а цены на гражданскую продукцию — и вовсе в конце 1930-х годов, поэтому на 1947 г. они были для МАП откровенно убыточны. Руководство министерства особенно подчеркивало тот факт, что цены на ширпотреб и гражданскую продукцию, не связанную с авиапроизводством, были механически перенесены со специализированных предприятий, для которых производство этих изделий было профильным производством, на авиазаводы, для которых эти изделия были продукцией побочной, требующей переналадки производства. Соответственно отпускные цены, составленные для гражданской промышленности, для авиапрома были заведомо убыточны. Впрочем, проблема касалась далеко не только гражданской продукции. МАП обращал внимание, что в ряде случаев отпускные цены на профильную авиапродукцию тоже существенно ниже себестоимости, то есть заводы вынуждены будут работать себе в убыток (см. *таблицу б*).

В каком-то смысле повторялась ситуация 1941 г., когда выпуск отдельных типов авиатехники так же был планово убыточным. Но тогда положение дел оправдывалось суровыми реалиями военного времени, теперь же такой подход вызывал откровенную оторопь. Фактически, по данному проекту плана для министерства авиапромышленности планировался убыток в размере 400 млн. руб., из которых 166 млн. руб. должны были прийти на гражданскую продукцию¹³.

Таблица 6

Перечень отпускных цен на авиапродукцию, принятых в плане 1947 г.*

Тип изделия	№ завода-изготовителя	Отпускная цена (тыс. руб.)	Себестоимость на 1947 г. (тыс. руб.)
Ту-2/2хАШ-82ФН	23	570	616
Ли-2т/2хАШ-62ИР	84	450	662
По-2/М-11Д	387	30	38
АШ-82ФН	19	70	88
АШ-62ИР	19	34	60
М-11Д	154	10	17

* Приводится в сокращении.

Источник: РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 3219. — Л. 59.

На следующий год ситуация повторилась. При обсуждении плана на 1948 г. министр авиационной промышленности СССР М.В. Хруничев сетовал, что крайне низкие отпускные цены на гражданскую продукцию разорительны для МАПа, так как не покрывают себестоимости, вынуждая авиапредприятия работать в убыток. Например, плановая себестоимость самоходного комбайна, согласно плану на 1948 г., устанавливалась в 65 тыс. руб. Собственно, руководство авиапрома сомневалось уже в этой цифре, утверждая, что фактическая себестоимость комбайна составит не менее 140 тыс. руб. Однако эти разногласия носили второстепенный характер на фоне того, что отпускная цена этого комбайна, согласно прейскуранту, утвержденному еще в 1941 г. и с тех пор не менявшемуся, составляла лишь 20 тыс. руб. — то есть, даже при условии, что МАП смог бы уложиться в исчисленную Госпланом себестоимость, авиапром терял бы 45 тыс. руб. на каждом комбайне! Разумеется, казус с отпускными ценами на комбайны можно было бы считать уникальным прецедентом, не имевшим аналогов. К сожалению, об исключительности этого прецедента говорить не приходится. Так, комбайновый мотор У-5¹⁴ при плановой себестоимости 11 тыс. руб. (МАП утверждал, что фактическая себестоимость составит никак не меньше 13 тыс.), согласно всё тому же прейскуранту 1941 г., имел отпускную цену лишь 3,5 тыс. руб. Всего же, как отмечал Хруничев, в результате дисбаланса себестоимости и отпускных цен авиапромышленности предостали плановые убытки в 760 млн. руб., из которых 413 млн. руб. приходилось на гражданскую продукцию¹⁵. Как видим, плановый убыток авиапрома всего за год почти удвоился.

С другой стороны, следует обратить внимание, что далеко не весь плановый убыток формировался исключительно за счет от-

пусковых цен на гражданскую продукцию, не менявшихся с довоенных времен, — продукция оборонного назначения также вносила свою долю в формирование плановых убытков. Это было связано с тем, что к концу 1940-х промышленностью были освоены и начали массово устанавливаться на самолетах новые изделия, агрегаты и приборы: бомбардировочный радиолокационный прицел «Рубидий», опознающая аппаратура «Магний» и «Барий», автоматический прицел «АВК», различная радиолокационная сервисная аппаратура, антиобледенители, электрические автопилоты и т.д. В ряд моделей уже освоенных в серийном производстве самолетов и авиамоторов были внесены весьма существенные конструктивные изменения. В результате себестоимость единицы вроде бы уже давно поставленной в серийное производство продукции резко возросла. В качестве примера Хруничев писал: «по самолету Ту-4 (завод № 23) в сравнении с 1947 г. устанавливаются флюгерные винты и соответствующие агрегаты на моторе; антиобледенители на крыло, оперение, винты и козырек летчика; агрегаты для слепой посадки; электрифицированное вооружение и вводится ряд других конструктивных изменений в самолет. Все эти работы повышают трудоемкость примерно на 4000 часов; себестоимость — до 30%»¹⁶.

В этой ситуации неудивительно, что процесс согласования прейскуранта отпускных цен в конце 1940-х годов вновь, как и в 1941—1942 гг., принял форму упорного противостояния авиапрома и военных. В среднем цены, предлагаемые представителями ВВС, оказывались в 1,5—2,5 раза ниже предложений МАП¹⁷, что вело к оживленным спорам, в ходе которых и выработывался устраивающий обе договаривающиеся стороны консенсус. 15 апреля 1947 г. совместная комиссия, состоявшая из представителей ВВС (начальник Финансового отдела полковник интендантской службы А.Т. Сокуренок и начальник III отделения Финансового отдела инженер-подполковник С.С. Резняков) и МАП (заместитель начальника Планового отдела X Главного управления МАП М.Г. Матвеев и руководитель группы цен Курник¹⁸) рассмотрев отчетные калькуляции за 1946 г. и сметные калькуляции на 1947 г., постановила, впредь до окончательного утверждения правительством прейскуранта отпускных цен, принять для расчетов с 1 января 1947 г. цены на самолеты, предусмотренные Госпланом СССР в проекте прейскуранта на 1947 г. в следующих размерах (см. *таблицу 7*).

При этом специально оговаривалось, что цены устанавливались, исходя из технических условий 1947 г., то есть в случае изменения этих условий отпускные цены также должны были бы быть скорректированы. Особо жаркие дебаты вызвал вопрос о стоимости

Таблица 7

**Договорные цены на самолеты, согласованные Финансовым отделом
ВВС и X Главным управлением МАП 15 апреля 1947 г.**

Завод-изготовитель	Типы самолетов	Договорная цена в руб. (без моторов)	Период действия цен
№ 1	МИГ-9 (РД-20)	680 000	На I полугодие 1947 г.
№ 166	ТУ-2 (2АШ-82ФН)	1 000 000	На I полугодие 1947 г.
		700 000	На II полугодие 1947 г.
№ 39	ТУ-2 (2АШ-82ФН)	810 000	На 1947 г.
№ 64	ИЛ-10 (АМ-42)	403 000	На 1947 г.
№ 381	УТБ (2АШ-21)	700 000	На 1947 г.
№ 126	ЛИ-2 (2АШ-62ИР)	885 000	На I полугодие 1947 г.
		820 000	На II полугодие 1947 г.
№ 84	ЛИ-2П (2АШ-62ИР)	690 000	На I полугодие 1947 г.
		625 000	На II полугодие 1947 г.
№ 30	ИЛ-12 (2АШ-82ФН)	2 000 000	На I полугодие 1947 г.
№ 18	ИЛ-10 (АМ-42)	270 000	На I полугодие 1947 г.
		260 000	На II полугодие 1947 г.

Источник: РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 2986. — Л. 20.

и порядке оплаты доставки самолета от производителя потребителю. В конце концов было решено, что вышеуказанные цены устанавливаются в варианте «франко-заводской аэродром», то есть не включают в себя стоимость доставки. Однако завод-изготовитель был обязан обеспечить самолеты, перегоняемые «своим ходом», горюче-смазочными материалами и комплектом запчастей и инструментов, необходимых для осуществления перелета, а также взять на себя все расходы, связанные с подготовкой перелета. Особый случай представляли собой перевозки авиатехники заказчику по железной дороге. При такой форме транспортировки с согласованных цен предусматривались скидки в следующих размерах¹⁹:

по самолету Ил-10	—	900 руб.
по самолету Ту-2	—	3800 руб.
по самолету Ли-2	—	3300 руб.
по самолету УТБ	—	1000 руб.

Причем стоимость работ по подготовке самолета к перевозке железнодорожным транспортом (демонтаж тех или иных агрегатов самолета, приобретение тары или упаковки и т.п.) также возлагалась

на завод. В свою очередь, заказчик брал на себя расходы по доставке самолета на станцию отправления.

Как мы уже говорили выше, на рост себестоимости самолетов и авиамоторов нередко влияло усложнение конструкции за счет установки дополнительного оборудования. Причем достаточно часто требования о подобном дооснащении поступали от военных уже после утверждения прејскуранта, ввиду чего промышленность была вынуждена осуществлять эти работы фактически «за свой счет». Поэтому в соглашении 1947 г. специально оговаривалось, что «Установленные цены включают стоимость агрегатов, приборов, и вооружения по перечню, согласованному МАП с ВВС ВС. В случае установки на самолеты агрегатов, приборов и вооружения, непредусмотренных вышеупомянутым перечнем, Заказчик дополнительно оплачивает как стоимость самих предметов оснащения или разницу в стоимости этих предметов, так и связанные с их установкой и испытанием расходы, определяемые по соглашениям сторон»²⁰. Согласно постановлению Совета министров СССР № 2959 от 23 ноября 1945 г., отпускные цены на вновь осваиваемые в производстве изделия должны были устанавливаться по специальному соглашению с заказчиком²¹.

Несколько позднее аналогичные соглашения с ВВС заключили и другие главки МАП. Скажем, II (моторное) Главное управление согласовало цены 16—18 апреля 1947 г. (см. таблицу 8).

Таблица 8

Договорные цены на моторы с 1 января 1947 г.*

Завод изготовитель	Тип	Договорная цена (руб.)	Цены приняты с гарантийным сроком службы моторов до 1 переборки (часов)
№ 24	АМ-42	8500	100
№ 24	АМ-40	115 000	100
№ 29	АШ-82ФН-312	93 000	150
№ 29	АШ-21	64 000	100
№ 36	АШ-62ИР	76 000	400
№ 26	ВК-107А	91 000	100
№ 26	РД-10	245 000	25
№ 16	РД-20	245 000	25
№ 478	М-11ФР	30 000	200

* Утверждены II Главным управлением МАП и зам. главкома ВВС 16—18 апреля 1947 г.

Источник: РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 3253. — Л. 11—12, 88—89.

Однако пока все вышеперечисленные документы представляли собой всего лишь частные соглашения Финансового отдела ВВС с отдельными главками МАП. Для того, чтобы прејскурант принял силу закона, требовалось его утверждение на уровне правительства. Действительно, 9 июня 1947 г. составленный представителями ВВС и главков авиапромышленности прејскурант цен на авиапродукцию был утвержден Советом министров СССР. Однако содержание прејскуранта отличалось от текста документов, вроде бы уже согласованных весной (см. *таблицу 9*).

Как видим, собственно цены по сравнению с весенними «прайс-листами» практически не изменились. Пожалуй, единственным исключением был авиадвигатель АМ-42, отпускная цена которого на заводе № 24 была повышена с 85 тыс. до 86 тыс. руб. Однако изменился перечень изделий, отпускные цены на которые утверждались. Скажем, в утвержденном правительством прејскуранте уже не фигурировали турбореактивный истребитель МиГ-9, планируемый к производству на заводе № 1, транспортный самолет Ил-12, который предназначался для выпуска на заводе № 30, мотор АМ-40 на заводе № 24 и турбореактивные двигатели РД-10 и РД-20, которые планировалось освоить на заводах № 26 и 16 соответственно. С учетом того, что в 1947 г. выпускались все «выпавшие из рассмотрения» изделия, речь идет не о том, что из документа были исключены изделия запланированные, но не освоенные, а о том, что окончательно согласовать отпускные цены на ряд изделий авиапромышленности так и не удалось, и именно поэтому из официально утвержденного списка такие самолеты и двигатели были исключены. В первом приближении согласовать цены на турбореактивные двигатели удалось лишь к середине лета. 18 июля были установлены временные (на I полугодие 1947 г.) цены на РД-20 (завод № 16) — 265 тыс. руб. и РД-10 (завод № 26) — 265 тыс. руб.²² Однако на этом процесс урегулирования цен не прекратился, и только 2 октября были окончательно утверждены отпускные цены на II полугодие 1947 г., которые уже имели силу закона (см. *таблицу 10*).

**Прейскурант отпускных цен на самолеты, моторы и планеры
изготовления заводов МАП, утвержденный Советом Министров СССР
9 июня 1947 г., с вводом в действие с 1 января 1947 г.**

Наименование	Завод изготови- тель, №	Отпускная цена (руб. за единицу)	Примечания
САМОЛЕТЫ			
Ла-9 (АШ-82ФН)	21	238 000	До 01.07. временная цена 277 000 руб.
Як-9 (ВК-107А)	99	367 000	До 01.07. временная цена 255 000 руб.
	153	213 000	
Як-11 (АШ-21)	292	183 000	До 01.07. временная цена 231 000 руб.
Ил-10 (АМ-42)	18	260 000	До 01.07. временная цена 270 000 руб.
	64	403 000	
Ту-2 (2АШ-82ФН)	23	570 000	До 01.07. временная цена 640 000 руб.
	39	810 000	
Ли-2т (2АШ-62ИР)	166	700 000	До 01.07. временная цена 1 000 000 руб.
	84	555 000	
Ли-2п (2АШ-62ИР)	84	625 000	До 01.07. временная цена 580 000 руб.
		625 000	
Ли-2 (2АШ-62ИР)	126	820 000	До 01.07. временная цена 885 000 руб.
		820 000	
УТБ-2 (2АШ-21)	381	700 000	
По-2 (М-11Д)	168	57 000	
Як-18 (М-11ФР)	135	133 000	
	272	113 000	
ПЛАНЕРЫ			
Ц-25	47	220 000	
Г-11	463	95 000	
А-2	463	15 000	
АВИАМОТОРЫ			
АШ-82ФН	19	85 000	
	29	93 000	
АШ-62ИР	19	50 000	
	36	76 000	
АШ-21	29	64 000	
АМ-42	24	86 000	
ВК-107А	26	91 000	
М-11Д	154	15 000	
М-11ФР	478	30 000	

Источник: РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 3253. — Л. 39.

**Отпускные цены на ТРД на II полугодие 1947 г., утвержденные
2 октября 1947 г. (руб.)**

Завод-изготовитель, №	Тип изделия	Цена
16	РД-20	220 000
26	РД-10	265 000
16	Групп. комплект к РД-20	180 300
26	Групп. комплект к РД-10	128 500

Источник: РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 3255. — Л. 275.

С другой стороны, следует учитывать, что в дискурсе нашего исследования отпускные цены и процесс их формирования интересуют нас в основном в плане влияния этих факторов на себестоимость авиатехники и ее отпускные цены. В этом плане следует признать, что положение дел было далеко от успешного (см. *таблицу 11*).

Очевидно, что по ряду позиций авиавыпуска выполнить нормативы плановой себестоимости не удалось и себестоимость реальная оказалась куда выше планируемого уровня. Но что еще важнее, для некоторых типов авиатехники отпускная цена оказалась ниже не только фактической, но и плановой себестоимости. По сути, МАП изначально был вынужден согласиться, что авиамоторы АШ-82 завода № 29, авиадвигатели АМ-42, РД-10, РД-20, а также самолеты Ла-9, Як-9, Як-11, Ил-10, Ил-12, Ту-2 и турбореактивный истребитель МиГ²³ будут производиться в убыток.

Следующий, 1948 г. преподнес авиастроителям еще один неприятный сюрприз. Как уже говорилось выше, после окончания военных действий военные начали предъявлять к авиатехнике более жесткие требования. Но во второй половине 1947 г. ВВС приняли новые нормы надежности для авиамоторов. В годы войны средняя длительность «жизни» истребителя или штурмовика на фронте была невелика, поэтому требовать от мотора гарантированной безаварийной работы в течение длительного времени не было смысла. Однако мирная жизнь диктовала совершенно иной подход — теперь военные хотели не просто мощного, но еще и надежного мотора, мотора, способного без ремонта и перечисток работать продолжительное время. Так, норматив на ресурс (то есть время работы до первой перечистки) авиадвигателя АШ-82 был поднят со 100 до 150 часов, АШ-73ТК — с 50 до 100, АШ-62ИР — с 300 до 400, АШ-21 — со 100 до 200 часов. Более того, военные предъявили требования по повышению продолжительности безаварийной работы даже к только что принятым к серийному производству турбореактивным двигате-

Таблица 11

Себестоимость и отпускные цены авиапродукции в 1947 г. (тыс. руб.)

№ завода-производителя	Наименование изделия	Себестоимость		Отпускная цена
		по плану 1947 г.	достигнутая фактически	
	САМОЛЕТЫ			
21	Ла-9 (АШ-82ФН)	263,0	252,0	238,0
153	Як-9 (ВК-107А)	234,0	342,0	213,0
292	Як-11 (Аш-21)	195,0	258,0	183,0
18	Ил-10 (АМ-42)	288,4	286,4	260,0
23	Ту-2 (2АШ-82ФН)	640,8	641,3	570,0
84	Ли-2т (2АШ-62ИР)	526,1	502,0	555,0
168	По-2 (М-11Д)	60,0	42,0	57,0
1	МиГ* (2РД-20)	630,0	603,0	500,0
30	Ил-12 (2АШ-82ФН)	1430,0	1395,0	1400,0
	АВИАМОТОРЫ			
19	АШ-82ФН	83,13	88,0	85,0
29		89,3	178,4	93,0
	АШ-21	68,0	82,0	64,0
24	АМ-42	105,0	210,0	86,0
154	М-11Д	16,8	18,0	15,0
16	РД-20	203,5	368,5	220,0
26	РД-10	291,0	278,0	265,0

* Так в документе.

Источник: РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 3256. — Л. 10.

лям — ресурс РД-20 был повышен с 25 до 50 часов. И надо отметить, руководство советских ВВС было настроено весьма серьезно. «Авиационное дело» 1946 г. еще не забылось, поэтому проявлять даже малейшую снисходительность по отношению к авиапромышленности никто не собирался — в январе — феврале 1948 г. военно-воздушные силы попросту отказались принимать от авиапрома самолеты с моторами, не соответствующими новым критериям надежности. В результате огромное количество полностью исправных и готовых к передаче заказчику самолетов на общую сумму в 225 млн. руб. «зависли» на заводских аэродромах. В свою очередь, авиапредприятия остались без оборотных средств и не могли закупать сырье и энергию. На некоторых авиазаводах образовались трудности с выплатой зарплаты. Вскоре процесс пошел вглубь — так как самолетостроительные предприятия не имели средств на закупку комплектующих

у заводов-смежников, финансовые затруднения начались и на авиаагрегатных предприятиях. «Расшивать» образовавшееся «узкое место» пришлось на уровне правительства²⁴.

Но парадоксальность ситуации заключалась в том, что именно в 1948 г. МАП добился одной из самых значительных побед в области регулирования финансовой стороны своей деятельности за все послевоенное пятилетие. Наконец-то начал действовать пункт соглашения между МАП и ВВС о повышении отпускной цены на освоенный в производстве самолет в связи с внесением в его конструкцию тех или иных новаций. Характерным примером такого компромисса является соглашение между Х Главным управлением МАП и ВВС, подписанное 14 октября 1948 г., по поводу транспортных самолетов Ли-2Т выпуска завода № 126. Представители ведомств согласились, что такие самолеты будут стоить дороже утвержденной ранее отпускной цены:

— начиная с самолета № 3401 — на 33 410 руб. (за установку: сигнализации положения дверей, дополнительной грузовой двери с калиткой, 10 2-местных сидений, левого троса для сбрасывания парашютистов, запасных выходов, металлических полов, агрегатов ГСК-1500 и РК-1500, швартовочных узлов для крепления грузов и сетевых фильтров);

— начиная с самолета № 3701 — еще на 3850 руб. за установку антиобледенителя стабилизатора из токопроводящей резины;

начиная с самолета № 3706 — еще на 22 800 руб. за установку флюгерных винтов;

— начиная с самолета № 3801 — еще на 5260 руб. за установку гидробалансиров;

— начиная с самолета № 4101 — еще на 35 065 руб. за установку сидений бортмеханика, передних и задних багажников, отопительной системы и вентиляции, командной радиостанции, перенос кабины радиста и изменение системы электро- и радиооборудования;

— начиная с самолета № 4103 — еще на 16 050 руб. за установку жидкостного антиобледенителя винтов, козырька и снегоочистителя фонаря.

Всего суммарное увеличение отпускной цены самолета ввиду конструктивных изменений²⁵, нарастая в течение года, в итоге составило 184 460 руб.²⁶

Подводя итог, надо признать что и в первые месяцы войны, и в первые месяцы послевоенной реконверсии советская авиапромышленность столкнулась со сходными внешне, но имеющими разную природу проблемами. И на рубеже 1941—1942 гг., и во второй половине 1940-х годов себестоимость отдельных видов авиатехники

оказалась выше ее отпускной цены, что заставляло работать авиапредприятия в убыток. Но если в первые военные месяцы это было вызвано пусконаладочными работами по освоению новых моделей авиатехники, эвакуацией и прочими обстоятельствами военного времени, то в 1945—1950 гг. причины этой коллизии были иными. В этот период авиаиндустрия столкнулась сразу с несколькими негативными тенденциями. Переход к мирной жизни облегчил для рабочих и служащих выбор места работы. Поэтому теперь авиапредприятия должны были удерживать рабочую силу не административными мерами, а какими-то материальными стимулами. Требования военных к качеству военной техники возросли, что опять-таки потребовало от авиапредприятий дополнительных расходов. Сложность самолетов и авиамоторов резко возросла, что немедленно сказалось на их цене. Массовая реконверсия «оборонки» на мирные рельсы поставила вопрос о выпуске на оборонных предприятиях товаров народного потребления. Львиная доля ширпотреба была для авиазаводов заведомо убыточна, так как расценки на такие товары не менялись с довоенных времен. Как видим, каждая из вышеперечисленных тенденций была связана с остальными в малой степени, но все они вели к одному и тому же — росту себестоимости авиавыпуска, а значит, к снижению рентабельности авиапредприятий. Это была системная проблема всего авиапрома в целом, но решить ее удалось лишь в первой половине 1950-х годов, во всяком случае, после 1953 г. жалобы МАП на это обстоятельство уже не фиксируются.

¹ Мухин М.Ю. Финансовые взаимоотношения советских ВВС и Наркомата авиационной промышленности СССР в 1941—1945 гг. // Российская история. — 2015. — № 1. — С. 46—53.

² Маркевич А.М. Нужды обороны и планирование военной промышленности в СССР в конце 1920-х — 1930-е гг. // Экономическая история, 2007: ежегодник. — М., 2008. — С. 441—485.

³ Так в СССР 1930—1940-х годов традиционно называли комплекс оборонных отраслей производства. С учетом того, что административная система оборонной промышленности в тот период действительно находилась в перманентной трансформации (подробнее на эту тему см.: Мухин М.Ю. Реформы управления военной промышленностью СССР и темпы роста производства в 1936—1941 гг. // Экономическая история, 2004: ежегодник. — М., 2004. — С. 141—159), мы позволим себе использовать этот термин, чтобы не уточнять каждый раз, о каком именно учреждении идет речь.

⁴ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. — М., 1996. — 336 с.

⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 2777. — Л. 63—64.

⁶ Там же. — Д. 2830. — Л. 31—32.

- ⁷ Цит. по: *Симонов Н.С.* Указ. соч. — С. 177.
- ⁸ Подробнее см.: *Мухин М.Ю.* Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. — М., 2011. — С. 328—330.
- ⁹ РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 2907. — Л. 124.
- ¹⁰ Там же. — Д. 3253. — Л. 9.
- ¹¹ Там же. — Д. 2986. — Л. 20, 28.
- ¹² Там же. — Л. 11.
- ¹³ Там же. — Д. 3219. — Л. 56.
- ¹⁴ МАП получил производственную программу как по выпуску комбайнов «в сборе», так и отдельных моторов.
- ¹⁵ РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 3259. — Л. 3.
- ¹⁶ Там же. — Д. 3259. — Л. 37.
- ¹⁷ *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930—1980-е годы). — М., 2006. — С. 619.
- ¹⁸ Инициалы в документе не приведены.
- ¹⁹ РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 3253. — Л. 9—10.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. — Л. 127.
- ²² Там же. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 3255. — Л. 111.
- ²³ Очевидно, в данном случае подразумевается МиГ-9.
- ²⁴ РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 3262. — Л. 114—117.
- ²⁵ Выше приведен не полный список конструктивных изменений.
- ²⁶ РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 3285. — Л. 5—6.

Н.А. Араловец

НАРКОМАНИЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВВ.: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

В статье на основе данных текущей и медицинской статистики, социологических опросов изучаются факторы потребления наркотиков в России в конце XX — начале XXI в., особенности их распространения, возрастно-половой состав наркоманов. Отмечается необходимость создания специальных проектов по борьбе с распространением наркотиков, по профилактике наркомании и оздоровлению населения России в целом. Ключевые слова: здоровье; заболеваемость; наркомания; территория распространения; численность; возрастно-половой состав наркоманов; профилактика наркомании; оздоровление населения.

N.A. Aralovets

**The incidence of the population of Russia
at the turn of XX—XXI centuries: drug addiction**

The article studies the factors of drug consumption in Russia at the end of XX — beginning of XXI century, peculiarities of their distribution, age-sex composition of drug addicts on the basis of current and medical statistics, sociological surveys. The necessity of creation of special projects on fight against distribution of drugs, on prevention of drug addiction and improvement of the population of Russia as a whole is noted.

Keywords: health; morbidity; drug addiction; distribution area; population; age-sex composition of drug addicts; drug addiction prevention; population health improvement.

На рубеже прошлого и нынешнего веков ведущими заболеваниями среди населения России являются *болезни органов дыхания, травмы и отравления, болезни нервной системы и органов чувств*, а также *осложнения беременности, родов и послеродового периода*. В конце XX в. в России самым болезненным образом проявились проблемы распространения и потребления населением наркотиков в немедицинских целях. Наркомания, особенно среди молодежи, стала одной из острейших проблем современной России.

В рассматриваемый период распространение в России наркомании обусловлено совокупностью разнообразных факторов: ухудшение для большинства населения социальных условий жизни, острое

имущественное расслоение и утрата многими прежнего социального статуса, отсутствие стабильности, социальная неустроенность и незащищенность, а также психологический дискомфорт и стрессы.

В современной России наблюдается кризис выработанных ранее общественных ценностных установок населения, в т. ч. трудовых ценностей. Это явление оказывает в целом негативное влияние на настроение населения России. Тем более, что, по мнению специалистов, психологический склад российского населения в основном относится к интуитивно-чувствующему типу. Данный вывод подтверждается результатами общероссийского опроса, проведенного в январе 1995 г. фондом «Общественное мнение». Изучение ответов респондентов показало, что большинство опрошенных (56%) склонны понимать, чувствовать, разбираться в проблемах человека. Вместе с тем они не готовы к активной практической деятельности, а в условиях нестабильности общества понижают активность и испытывают стресс¹.

Распространение в 1990-е годы ценностных установок на материальное благополучие породило в обществе сложные проблемы, особенно среди молодежи. Молодые трудоспособные юноши и девушки стремились к высоким заработкам при минимальных умственных и физических затратах. Опросы, проведенные в регионах России в 1995—1998 гг., показали, что 80% молодых респондентов стремились заработать деньги любым путем.

В российском обществе заметно снизился престиж профессионального труда, интерес к трудовой деятельности в материальном производстве. Понизились ценности профессионального, ответственного, честного отношения к труду. Данные проведенных обследований показали, что наиболее распространенными ценностями молодежи были свобода, здоровье, материальное благополучие, общение, самостоятельность, любовь, творчество. Вместе с тем выделялись такие качества молодежи, как способность вести личное дело, смекалка, трудолюбие, смелость, честолюбие, творческие способности, настойчивость и стремление к успеху².

Однако ориентация молодежи на свободу, достижение материального благополучия любым способом была не всегда результативной. Проведенные в 2000 г. исследования среди пациентов московской наркологической клиники показали, что у мужчин в возрастах 19—29 лет прослеживалась тесная зависимость между их экономической адаптацией в условиях развития рыночной экономики и употреблением наркотиков. Специалисты отметили связь между вступлением молодого поколения в самостоятельную экономическую жизнь и распространением в 1990-е годы наркомании в стра-

не. Проинтервьюированные мужчины рано начали экономическую деятельность, стремились к высоким доходам, были активными и инициативными. В условиях экономической нестабильности российского общества это стремление в сочетании с неразборчивостью в средствах достижения поставленных целей и способах заработка, с отсутствием ориентации на профессионализм и карьерный рост, частой сменой рода экономической деятельности приводило их к употреблению наркотиков. Нередко негативную роль в приобретении наркотиков играли отношения в коллективе, и в первую очередь речь идет о криминальных группировках. Таким образом, усиление потребления наркотиков в России было обусловлено ценностными ориентирами, особенно части молодого трудоспособного населения. Следует также отметить, что в условиях перехода к рыночной экономике юноши и девушки, оказавшись без работы или без постоянной работы, без перспективы, нередко также обращались к наркотикам³.

В этот период в России вырос объем информации о наркотиках, с одной стороны, и доступность их получения, с другой стороны. Употребление в России психоактивных веществ определялось, как и во многих странах мира, развитием наркотического бизнеса и вовлечением в употребление наркотиков не только слоев населения с девиантным поведением, но и социально благополучных. В молодежной среде набирали популярность взгляды, что жизненный успех, связи, духовное развитие непосредственно связано с употреблением наркотиков. Вместе с тем, по мнению специалистов, существовала определенная зависимость употребления наркотиков от способности к адаптации в новых социально-экономических условиях⁴.

Специалисты выявили три модели приобщения к наркотикам: отсутствие знаний о наркотиках — неинформированные группы населения; наличие знаний о негативных последствиях употребления наркотиков — неконформисты; получение удовольствия от потребления наркотиков — гедонисты⁵. Все это объясняло социально разнообразный состав как наркоманов, так и случайных потребителей наркотиков.

Данные статистики свидетельствуют о многочисленном составе российского населения, употребляющего наркотики. Однако фиксируется разная численность наркоманов в России. Из официальных данных видно, что число лиц, употребляющих наркотики, составило 40 млн человек, из неофициальных — 60 млн человек. Пробовали наркотики около 20 млн человек, в т. ч. 5 млн учащиеся. Согласно отчетным данным, только в Москве насчитывается от 600 тыс. до 1 млн наркоманов. Сведения учреждений Минздрава РФ о наркологических больных свидетельствуют о том, что за период с

1991 по 2002 г. увеличилось число наркоманов и лиц, употребляющих наркотики с вредными последствиями. За этот период учетная наркомания выросла в 11 раз, употребление наркотиков с вредными последствиями — в 7 раз⁶.

Данные медицинской статистики показывают повышение численности больных с диагнозом *наркомания* и *токсикомания*, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях страны. На 100 тыс. человек населения на учете в лечебно-профилактических учреждениях РСФСР с этим диагнозом состояло в 1970 г. 7,9 человек, в 1980 г. — 12,5, 1990 г. — 26,8, в Российской Федерации в 2000 г. — 193,6, в 2005 г. — 241,9, 2006 г. — 260,8, 2007 г. — 248,7, 2008 г. — 250,6, 2010 г. — 240,0, 2016 г. — 182,2. Из приведенных данных видно, что пик учтенных больных наркоманией и токсикоманией пришелся на 2006 г. В 2008 г. число больных наркоманией и токсикоманией увеличилось, но было ниже, чем в 2006 г. В последующие годы их численность понизилась.

В России за период с 1970 г. до 2000 г. росло число больных, взятых под наблюдение с впервые в жизни установленным диагнозом *наркомания* и *токсикомания*. В 2000 г. был зафиксирован наиболее высокий показатель заболеваемости населения *наркоманией* и *токсикоманией*, однако в последующие годы он снизился. На 100 тыс. человек населения было взято под наблюдение больных с впервые в жизни установленным диагнозом *наркомания* и *токсикомания* в 1970 г. — 0,9, в 1980 г. — 1,3, 1990 г. — 4,3, 1995 г. — 16,9, 2000 г. — 51,4, 2005 г. — 18,6, 2010 г. — 18,1, 2016 г. — 11,5.

Проведенные исследования наркологических больных, состоявших в конце 2002 г. на учете в амбулаторных психиатрических и наркологических учреждениях Российской Федерации, показали значительное число наркоманов, включая наркоманов, употребляющих наркотики с вредными последствиями. На 100 тыс. человек населения было 224,1 *наркологических больных*, 87,3 *наркоманов, употребляющих наркотики с вредными последствиями*. *Токсикоманов* фиксировалось численно меньше, соответственно 8,8 и 14,5 человек.

Данные медицинской статистики зафиксировали, что в 1996 г. самые высокие показатели заболеваемости наркоманией были в *Томской* (на 100 тыс. человек населения больных с впервые в жизни установленным диагнозом было 80,1), в *Тюменской* (соответственно 60,1), *Иркутской* (58,9) областях, в *Алтайском крае* (57,2), в *Кемеровской* области (50,9). В России в целом на 100 тыс. человек населения больные наркоманией с впервые в жизни установленным диагнозом составляли 19,2⁷.

В конце 2002 г. наиболее высокий уровень заболеваемости наркоманией был отмечен в автономных округах: *Ханты-Мансийском* (на

100 тыс. человек населения наркологических больных, состоявших под наблюдением, было 680,9, наркоманов, употребляющих наркотики с *средними последствиями*, — 213,9; *Ямало-Ненецком* — соответственно 295,8 и 91,8; *Таймырском (Долгано-Ненецком)* — 263,8 и 87,9; *Коми-Пермяцком* — 132,5 и 13,3.

Масштабы распространения токсикомании были заметно меньше. На 100 тыс. человек населения токсикоманов, состоявших под наблюдением, в *Корякском автономном округе* было 76,0, токсикоманов, употребляющих ненаркотические психоактивные вещества с вредными последствиями, — 84,0; в *Чукотском автономном округе* — соответственно 46,6 и 24,3⁸. В последующие годы по численности больных наркоманией выделялись *Кемеровская* (на 100 тыс. человек населения в 2008 г. — 52 человека, в 2009 г. — 49) и *Свердловская* (соответственно 51 и 48) области. Высокий уровень токсикомании был зафиксирован в *Ненецком автономном округе* (2008 г. — 4,8) и *Камчатском крае* (2008 г. — 3,2, 2009 г. — 1,1)⁹.

В 1990-е годы наркомания была более широко распространена в российских городах, чем в сельской местности. На 100 тыс. человек населения состояло на учете больных наркоманией в городах: в 1992 г. — 27,5, в 1993 г. — 33,9, 1994 г. — 42,1, 1995 г. — 58,5, 1996 г. — 79,4; в сельской местности — соответственно 10,4, 12,5, 14,9, 17,9, 22,1¹⁰. Заметное численное преобладание наркоманов в российских городах специалисты объясняли рядом факторов, в т. ч. более высоким, чем в сельской местности, уровнем жизни населения, развитием наркобизнеса и доступностью наркотиков. Важно также отметить, что в городах были созданы наркодиспансеры, где наряду с наркологической помощью осуществлялась постановка больных на учет.

Мужчины практически во всех возрастах чаще, чем женщины, были подвержены наркомании и токсикомании. Однако число женщин-наркоманок росло. На 100 тыс. человек населения было выявлено больных мужчин с впервые в жизни установленным диагнозом наркомания и токсикомания: в 2001 г. — 80 (в т. ч. у лиц в возрасте 0—17 лет — 25), в 2009 г. — 32; женщин соответственно 14 (в т. ч. у лиц в возрасте 0—17 лет — 7) и 7. Для сравнения отметим, что по данным медицинской статистики в 1996 г. число больных женщин с впервые в жизни установленным диагнозом *наркомания* и *токсикомания* составляло на 100 тыс. человек населения 5,3.

Наблюдалось увеличение в городах числа женщин, потребляющих наркотики. Исследователи отмечали, что с 1992 г. по 1996 г. показатель заболеваемости у женщин в городах вырос в 6,3 раза, в сельской местности — в 5 раз.

Изучение больных *синдромом зависимости от наркотиков* в учреждениях Минздрава РФ показало численное преобладание женщин. В 2002 г. таких больных среди мужчин было 62,3%, среди женщин — 70,3%. Проведенное обследование мотивации женщин молодых и средних возрастов к употреблению наркотиков выявило, что женщина, в отличие от мужчины, зачастую употребляет наркотики из-за того, что их принимает муж или друг¹¹. Таким образом, увеличение в России числа наркоманок и токсикоманок свидетельствует о феминизации наркомании.

Данные статистики зарегистрировали, что в 2001 г. наиболее высокий уровень заболеваемости мужчин наркоманией был в *Кемеровской области* (на 100 тыс. человек населения болело 203), *Приморском крае* (189), *Иркутской области* (177); женщин — в *Кемеровской* (38), *Иркутской* (38), *Тюменской* (33) областях. В последующие годы уровень заболеваемости мужчин и женщин наркоманией понизился. Так, в 2009 г. соответственно в *Свердловской* (83), *Кемеровской* (83), *Сахалинской* (66), *Мурманской* (22), *Кемеровской* (21), *Свердловской* (21) областях¹².

В России наркоманы фиксировались в детских, подростковых, молодых и средних возрастных группах. В новейших условиях серьезной проблемой является омоложение возрастного состава наркоманов. Специалисты отмечают снижение среднего возраста наркомана до подросткового. По сведениям Министерства внутренних дел РФ (МВД РФ), 70% всех наркоманов составляет подростки и молодежь. Результаты проведенного Центром социологических исследований Министерства образования РФ обследования позволяют конкретизировать эти данные — в 2002 г. в 88 субъектах Российской Федерации среди подростков и молодежи в возрасте от 11 до 24 лет пробовали наркотики хотя бы один раз в жизни 29,8%¹³. Обследованием 1995 г., проведенным в Москве среди учащихся в возрасте 15—16 лет, выявлено, что хотя бы один раз принимали наркотики 24,0% от числа опрошенных¹⁴.

Из обширного материала, собранного в ходе регулярно проводимых Государственным научным центром психиатрии и наркологии Минздравмедпрома РФ социологических исследований, видно широкое распространение наркотиков и токсических веществ среди подростков. В 2002 г. их употребляли хотя бы один раз в жизни 56% мальчиков и 20% девочек. В 2009 г. число употребляющих наркотики немного понизилось: потребляли наркотики 45% мальчиков и 18% девочек¹⁵.

Это явление подтверждается данными статистики по России в целом. На 100 тыс. человек населения *синдромом зависимости от наркотических веществ* страдало детей и подростков в возрастах 0—17 лет в 2008 г. — 2,4, в 2009 г. — 2,0. Однако у подростков в воз-

расте 15—17 лет показатель заболеваемости *синдромом* был заметно выше — соответственно 12,3 и 10,2¹⁶. Важно отметить, что наркотические «дебюты» проходят у старшеклассников: 70% учащихся старших классов Москвы и Санкт-Петербурга приобщились к наркотикам в школах, а также в местах массового развлечения молодежи.

Изучение приобщения подростков к наркотикам показало влияние психологического фактора. Этот фактор самым непосредственным образом связан с особенностями восприятия подростками потребления наркотиков. В подростковой среде потребление легких наркотиков зачастую рассматривается как атрибут свободного времени. Кроме того, разовое употребление наркотиков, особенно легких, или эксперименты с наркотиками не связывается ими с наркоманией и не вызывает опасений. Подростки считают, что наркомания — это только физическая зависимость от наркотиков¹⁷. Такое восприятие потребления наркотиков способствует численному увеличению употребляющих их подростков.

Вместе с тем в России большинство подростков не пробовало наркотики. Исследование по городам России и Финляндии, проводившееся по единой методике с 1995 по 1997 г., показало, что не пробовали наркотики в России 87,9% (в Москве — 87,1%, Оренбурге — 89,1%, Абакане — 89,6%), в Финляндии — 88,9% опрошенных подростков¹⁸.

Однако в конце XX в. в России численность наркоманов повысилась — на 100 тыс. человек населения потребители наркотиков и сильнодействующих средств составляли в 1991 г. 47,8, в 1995 г. — 105,2, 1997 г. — 148,9. Сильнодействующие наркотики (героин, кокаин, эфедрин) активно распространялись в Москве и Подмосковье¹⁹.

С середины 1990-х годов в России широкое распространение получил один из самых опасных полусинтетических наркотиков — *героин*. В конце XIX — начале XX в. этот наркотик применялся как лекарственное средство от кашля. Исследование героина выявило, что он оказывает как болеутоляющее действие, так и угнетающее воздействие на центральную нервную систему. По официальным данным управления ООН по наркотикам и преступности Россия в 2009 г. заняла первое место в мире по употреблению героина²⁰. Кроме того, по данным зарубежных экспертов в России ежегодно оседает примерно 75—80 т героина (по оценке Национального антикоррупционного комитета объем потребляемого героина в России колеблется от 100 до 300 т), что в 3,5 раза больше, чем в США и Канаде, и в 2 раза больше, чем в Китае²¹.

Героин в основном потребляют подростки, а также мужчины и женщины молодых трудоспособных возрастов. Мужчины, употреб-

ляющие героин, находятся в возрастах от 16 до 30 лет, женщины — от 14 до 28 лет. Специалисты отмечают, что в отличие от мужчин первым наркотиком у большинства женщин был героин²².

Изучение мотивации женщин, зависимых от героина, показало наличие у них высоких запросов, стремление к большим заработкам. Вместе с тем такие женщины не были разборчивы в способах заработка и не были ориентированы на высокие профессиональные достижения, связанные с большими личностными затратами. Специалисты также отмечают снижение у обследованных женщин морально-нравственных представлений о долге, ответственности и обязанности.

Девочки-подростки начинают принимать героин из-за любопытства, под влиянием ближайшего окружения. В подростковом возрасте начали регулярно принимать наркотики 46% обследованных женщин. В молодых возрастах 18—20 лет к приему наркотиков приобщилось 28% обследованных молодых женщин. В возрастах 21—25 лет впервые приобщились к героину 20% обследованных женщин. Обследованиями выявлено, что женщины впервые принимают героин в компании, на вечеринке, с подругой или другом, женихом, мужем и т.д. В возрастных группах после 25 лет женщины часто начинают употреблять героин в связи с полученной психической травмой или болевым синдромом²³.

В составе населения России, потребляющего наркотики, выделяются случайные потребители, то есть употребившие наркотики хотя бы раз в жизни. Такие потребители наркотических средств не наркоманы, но при определенных условиях могут ими стать. Социальный состав случайных потребителей наркотиков разнообразен. Это явление зафиксировано данными специально проведенного в 1991 г. обследования населения крупных городов России. В социальном составе случайных потребителей наркотиков лидировали предприниматели. Доля этой группы наиболее высока — 32%, рабочие составили 23%, безработные — 20%, руководящие работники — 17%, учащиеся и студенты — 15%, домохозяйки — 14%, служащие — 11%, инженерно-технические работники — 9%, работники умственного труда — 8%. Из данных обследования также видно, что больше потребляли наркотики не состоящие в браке респонденты, их доля составила 19%. Однако немало респондентов среди состоящих в браке (13%) потребляли наркотики²⁴.

В социальном составе населения, употребившего наркотики хотя бы один раз в жизни, лидируют, как отмечалось, материально обеспеченные группы населения: крупные предприниматели, мелкие бизнесмены, представители среднего класса. Случайными потре-

бителями наркотиков стали молодые люди, социально адаптированные к новым условиям жизни, в частности преуспевающие бизнесмены. Среди случайных потребителей наркотиков доля рабочих заметно выше, чем руководителей, а также учащихся и студентов. Важно отметить, что в их составе также были учащиеся и студенты из социально благополучных слоев населения. Высокий процент домохозяек среди случайных потребителей наркотиков соответствует численному увеличению женщин в составе наркоманов. Заметную группу составляют лица без стабильного заработка, безработные, а также антисоциальные элементы²⁵. Таким образом, число случайных потребителей наркотиков в России пополняется как из социально благополучных, так и социально неблагополучных слоев населения.

Проведенные в России опросы свидетельствуют о том, что население представляет масштабы распространения наркотиков и социальную опасность этого явления. Данные опроса фонда Общественное мнения в 2002 г. показали, что, по мнению респондентов, доля наркоманов в России составила от 20% до 30%, случайных потребителей наркотиков — от 20% до 50%.

Большинство респондентов объясняет распространение наркомании в России социально-психологическими факторами и в меньшей степени личностными. Из опросов москвичей, проведенных Институтом социальных технологий в 2000 г. и в 2002 г., видно, что большинство респондентов выделило такие причины наркомании, как влияние компании, друзей, употребляющих наркотики; отсутствие интересной работы и наличие свободного времени; общее падение нравов, культуры; легкие и слишком большие деньги и т.д.²⁶

В России масштабы распространения наркотиков, опасность этого явления осознается во властных структурах. Однако противодействие распространению наркотиков и наркомании носит в России противоречивый характер. В начале 1990-х годов во властных структурах российского общества доминировала точка зрения о легализации потребления наркотиков в России в немедицинских целях. Такая точка зрения основывалась на безграничных правах человека, включая потребление наркотиков. 5 декабря 1991 г. Верховный совет РСФСР принял закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях». Принятый закон упразднил уголовную и административную ответственность за потребление наркотиков в немедицинских целях²⁷. Свободное потребление наркотиков в России способствовало увеличению числа наркоманов.

Однако в июле 1993 г. Верховный Совет Российской Федерации принял постановление «О концепции государственной политики по

контролю за наркотиками в Российской Федерации». В постановлении отмечалось, что злоупотребление наркотическими средствами и их незаконный оборот приобрели в последнее время глобальный масштаб и самым серьезным образом сказываются на социально-психологической атмосфере в обществе, негативно влияют на экономику, политику и правопорядок. В создавшихся условиях государственная политика по контролю наркотиков должна быть нацелена, прежде всего, на комплексную профилактику их распространения. Такая политика должна проводиться в неразрывной связи с деятельностью по сохранению психологического здоровья нации при соблюдении принципов сбалансированного применения воспитательных и принудительных мер, скоординированного проведения просветительных, лечебно-реабилитационных и правоохранительных мероприятий²⁸.

30 июня 1998 г. Правительство Российской Федерации утвердило список запрещенных к свободному обороту наркотических и психотропных веществ и их прекурсоров. Таким образом, оборот наркотических и психотропных веществ и их прекурсоров стал регулироваться государством.

В последующие годы государственная политика в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков совершенствовалась. По указу Президента Российской Федерации от 11 марта 2003 г. был создан в июле того же года специальный государственный орган по контролю за наркотиками — Государственный комитет Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ (Госнаркоконтроль).

Активизировались в России исследования наркотической ситуации в стране. Этому явлению способствуют принимаемые правительством Российской Федерации постановления, в т.ч. постановления от 23 января 2006 г. «О создании, ведении и использовании единого банка данных по вопросам, касающимся оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также противодействия их незаконному обороту» и от 20 июня 2011 г. «Об утверждении Положения о государственной системе мониторинга наркоситуации в Российской Федерации».

Однако в целом наркотическая ситуация в Российской Федерации ухудшается, что создает серьезную угрозу национальной безопасности страны. Это отмечается в принятом в сентябре 2011 г. Советом Безопасности Российской Федерации постановлении «О мерах по совершенствованию государственной политики в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков и распространением наркомании в стране»²⁹.

В 2016 г. наркотическая ситуация в Российской Федерации осталась сложной. В то же время данные Министерства здравоохранения РФ показывают, что число пациентов, обратившихся за наркологической помощью, в течение последних пяти лет уменьшилось на 16%. Отмечалось также снижение уровня синдрома зависимости от наркотических веществ³⁰.

Подводя итоги, подчеркнем — наркомания в России имеет широкое распространение. Наркомания поражает практически все социальные и возрастные группы российского населения. В новейших условиях активно идут процессы омоложения и феминизации наркоманов. Распространение наркомании подрывает здоровье населения, способствует росту числа ВИЧ-инфицированных и больных СПИДом, а также гепатитами В и С. Трудности борьбы с наркоманией объясняются совокупностью разнообразных факторов, значительную роль играют интересы наркобизнеса, в т. ч. мирового. Изучение наркомании показало, что противодействовать развитию наркомании в России и в мире могут совместные действия всех заинтересованных стран, совместные антинаркотические программы, а также профилактика наркомании.

¹ Горин Н. Особенности психологического склада жителей России // Вопросы экономики. — 1996. — № 9. — С. 145—147.

² Ромашов О.В. Изменение социально значимых ценностей у молодежи // Народонаселение. — 1999. — № 1. — С. 108—110.

³ Рыбакова Л.Н. Маршруты социализации подростков и место наркотиков // Наркотизация населения в современной России: специфика, субъекты, динамика. — М., 2003. — С. 67—81. См. также: Магун В. Трудовые ценности российского населения // Вопросы экономики. — 1996. — № 1. — С. 61; Шурыгина И.И. Деньги и наркотики: связь между наркотизацией и экономической адаптацией молодых людей в современной России // Наркомания: ситуация, тенденции и проблемы. — М., 2002. — Вып. 2. — С. 22, 23, 34, 35.

⁴ Проблема наркомании. URL: <http://www.russlav.ru/narkotik/narcomaniya.html> (дата обращения: 12.03.2018); Позднякова М.Е. Особенности наркотизации населения в современной России // Наркомания: ситуация, тенденции и проблемы. — М., 1999. — [Вып. 1]. — С. 7, 8; Шурыгина И.И. Деньги и наркотики: связь между наркотизацией и экономической адаптацией молодых людей в современной России. — С. 22, 23.

⁵ Шурыгина И.И. Информированность о наркотиках и вовлечение в наркотическое потребление: три модели приобщения к наркотикам // Наркомания: ситуация, тенденция, проблемы. — М., 1999. — [Вып. 1]. — С. 21.

⁶ Наркомания: статистика. URL: <http://www.russlav.ru/narkotik/narcomaniya-statistika.htm> (дата обращения: 15.03.2018); Проблема наркомании. URL: <http://www.russlav.ru/narkotik/narcomaniya.html> (дата обращения: 12.03.2018); Кошкина Е.А., Киржанова В.В. Распространенность психических и поведенческих расстройств, связанных с употреблением наркотических и иных ПАВ в Российской

Федерации // Наркотизация населения в современной России: специфика, субъекты, динамика. — М., 2003. — С. 18.

⁷ Российский статистический ежегодник, 2016 г.: стат. сб. — М.: Гос. ком. Рос. Федерации по статистике, 2016. — С. 215; Российский статистический ежегодник, 2017 г.: стат. сб. — М.: Гос. ком. Рос. Федерации по статистике, 2017. — С. 215; *Кошкина Е.А.* Оценка распространенности наркомании и токсикомании в динамике на федеральном и региональном уровнях // Наркомания: ситуация, тенденции и проблемы. — М., 1999. — [Вып. 1]. — С. 9, 12.

⁸ *Киржанова В.В.* Особенности социально-демографической и наркологической ситуации в автономных национальных округах // Наркотизация населения в современной России: специфика, субъекты, динамика. — М., 2003. — С. 41, 44; *Кошкина Е.А., Киржанова В.В.* Распространенность психических и поведенческих расстройств, связанных с употреблением наркотических и иных ПАВ в Российской Федерации. — С. 21, 22.

⁹ Российский статистический ежегодник, 2011: стат. сб. — М.: Гос. ком. Рос. Федерации по статистике, 2011. — С. 272; Социально-значимые заболевания населения России в 2009 году: стат. материалы. — М.: Гос. ком. Рос. Федерации по статистике, 2010. — С. 40, 41.

¹⁰ *Кошкина Е.А.* Оценка распространенности наркомании и токсикомании в динамике на федеральном и региональном уровне. — С. 13.

¹¹ *Магун В.* Указ. соч. — С. 61; *Шурыгина И.И.* Деньги и наркотики: связь между наркотизацией и экономической адаптацией молодых людей в современной России. — С. 22, 23, 34, 35.

¹² Мужчины и женщины России, 2002: стат. сб. — М., 2002. — С. 53, 62, 63; Мужчины и женщины России, 2010: стат. сб. — М., 2010. — С. 69, 76—78; *Кошкина Е.А.* Оценка распространенности наркомании и токсикомании в динамике на федеральном и региональном уровне. — С. 16—19, 20.

¹³ *Мацкевич М.Г.* Профилактика наркотизма как социальная проблема // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. — 2004. — № 3. — С. 13—16. URL: http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1198083668298467file.pdf (дата обращения: 16.03.2018); *Омельченко Е.Л., Шубина Л.В.* Общественное мнение населения России о проблеме наркотизма и наркомании // Наркомания и регион. — Салехард; М., 2005. — Вып. 2. — С. 75.

¹⁴ *Кошкина Е.А., Вышинский К.В.* Наркомания: Москва на фоне Европы: особенности распространенности употребления наркотиков и других психоактивных веществ в Москве. — М., 2000. — С. 10. — (Симптом: Ситуация. Итоги. Мнение. Прогноз. Тенденция. Опыт. Мониторинг / Департамент по делам печати и информ. Правительство Москвы; № 13 (104)).

¹⁵ Мужчины и женщины России, 2002. — С. 53, 62, 63; Мужчины и женщины России, 2010. — С. 69, 76—78; Наркомания: статистика. URL: <http://www.russlav.ru/narkotik/narkomaniya-statistika.html> (дата обращения: 15.03.2018).

¹⁶ Социально-значимые заболевания населения России в 2009 году: стат. материалы. — С. 43; Проблема наркомании. URL: <http://www.russlav.ru/narkotik/narcomaniya.html> (дата обращения: 16.03.2018).

¹⁷ *Мацкевич М.Г.* Указ. соч. — С. 4—5; *Омельченко Е.Л., Шубина Л.В.* Указ. соч. — С. 75.

¹⁸ *Журавлева И.В.* Девиантное поведение подростков и здоровье // Наркомания: ситуация, тенденции и проблемы. — М., 1999. — [Вып. 1]. — С. 35, 37.

¹⁹ *Позднякова М.Е.* Некоторые тенденции и особенности эволюции наркотической ситуации в современной России // Наркотизация населения в современной России: специфика, субъекты, динамика. — М., 2003. — С. 6, 7; *Гилинский Я.И.*

Наркотизм в современном мире // Наркомания: ситуация, тенденции и проблемы: сб. ст. — М., 2002. — Вып. 2. — С. 19.

²⁰ Наркомания: статистика. URL: <http://www.russlav.ru/narkotik/narkomaniya-statistika.htm> (дата обращения: 17.03.2018); Наркомания в России: причины, проблемы, будущее. URL: <http://antinarko.com/articles/narkomaniya-v-rossii-prichiny-problemy-budushchee> (дата обращения: 17.03.2018); Героин. URL: ru.wikipedia.org (дата обращения: 17.03.2018); Проблема наркомании. URL: <http://www.russlav.ru/narkotik/narcomaniya.html> (дата обращения: 16.03.2018).

²¹ Наркомания: статистика. URL: <http://www.russlav.ru/narkotik/narkomaniya-statistika.htm> (дата обращения: 20.03.2018); Наркомания в России: причины, проблемы, будущее. URL: <http://antinarko.com/articles/narkomaniya-v-rossii-prichiny-problemy-budushchee> (дата обращения: 20.03.2018); Героин. URL: ru.wikipedia.org (дата обращения: 22.03.2018); Проблема наркомании. URL: <http://www.russlav.ru/narkotik/narcomaniya.html> (дата обращения: 22.03.2018).

²² *Позднякова М.Е.* Некоторые тенденции и особенности эволюции наркотической ситуации в современной России. — С. 4—6.

²³ *Власова И.Б.* Особенности формирования опийной зависимости у молодых женщин // Наркомания: ситуация, тенденции и проблемы. — М., 2002. — Вып. 2. — С. 54, 55.

²⁴ *Силласте Г.Г.* Новая наркоситуация в России: результаты исследования // Социологические исследования. — 1994. — № 6. — С. 141.

²⁵ Социально-значимые заболевания населения России в 2009 году. — С. 43; Проблема наркомании. URL: <http://www.russlav.ru/narkotik/narcomaniya.html> (дата обращения: 16.03.2018); *Позднякова М.Е.* Некоторые тенденции и особенности эволюции наркотической ситуации в современной России. — С. 4—6.

²⁶ *Омельченко Е.Л., Шубина Л.В.* Указ. соч. — С. 64, 65, 92, 110—112.

²⁷ Закон РСФСР от 5 декабря 1991 г. № 1982-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях». Доступ из справочно-правовой системы «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/3960835/> (дата обращения: 17.03.2018).

²⁸ Постановление Верховного Совета РФ от 22.07.1993 № 5494-1 «О Концепции государственной политики по контролю за наркотиками в Российской Федерации». URL: <http://lawru.info/dok/1993/07/22/n470767.htm> (дата обращения: 17.03.2018 г.).

²⁹ URL: <http://www.narcom.ru/law/system/26.html> (дата обращения: 17.03.2018).

³⁰ Государственная программа Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков»: уточненный годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы за 2016 год. С. 3—4. URL: [https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_file/godovoy_otchet_2016\(2\).pdf](https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_file/godovoy_otchet_2016(2).pdf) (дата обращения: 20.03.2018).

В.Б. Перхавко

О РОЛИ МНОГОФАКТОРНОГО ПОДХОДА В УТОЧНЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XVII В.: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В статье, которая базируется на многофакторном подходе, автором представлена собственная реконструкция социальной картины России XVII в. Для этого им был использован также понятийно-терминологический метод. Автор отвергает деление средневекового русского социума на классы и сословия, поскольку оно не соответствует реальной и более сложной системе общественных отношений. В реальности противоречия между людьми разного правового статуса и достатка сочетались с наличием общих интересов и взаимодействием между ними. Ключевые слова: государство; общество; структура; ранги; различия; среда; общие интересы; термины; понятия.

V.B. Perkhavko

**On the role of the multifactor approach in clarifying
the social stratification of Russian society of the XVII century:
the formulation of the problem and some results**

In the article which is based on the multifactoral approach the author has represented the original reconstruction of social image of Russia in the XVIIth century. For this purpose the method of Begriffsgeschichte was also used by him. The author does not recognize the evidence of classes and estates inside medieval Russian society, because such stratification does not correspond to the real system of social relations. In reality differences between people of various legal status and welfare were combined with the common interests and cooperation. Keywords: state; society; structure; grades; differences; surrounding; common interests; terms; notions.

В разработках о стратификации старого общества как зарубежных, так и отечественных социологов не хватает панорамных обобщений и сравнительного анализа информации огромного комплекса истори-

ческих источников на основе многомерного подхода¹. В современной научной и учебной литературе нередко встречаются устаревшие, застывшие либо расплывчатые, явно не соответствующие действительности представления о социальной структуре допетровской России. Чтобы реконструировать правовую, социальную и экономическую политику царского самодержавия на протяжении XVII в., накануне петровских реформ, необходимо, прежде всего, представить многофакторную характеристику российского социума, учитывая все его параметры (этнические, конфессиональные, демографические, социально-правовые, чиновно-иерархические, служебно-должностные, профессиональные, имущественные, семейные), вертикальную иерархию и горизонтальные связи между лицами разного социального и имущественного статуса. Да и само по себе социально-правовое устройство общества отражало политическую линию государства. Как отмечал во вступлении к работе «Боярская дума древней Руси» В.О. Ключевский, «идеи Петра, по крайней мере, основные, наиболее плодотворные его идеи, выросли из московского государственного порядка и достались Петру по наследству от предшественников вместе с выдержанным, удивительно дисциплинированным политически обществом, руками и средствами которого пользовался Преобразователь»².

Реконструируя стратификацию средневековых сообществ, историки и социологи чаще всего пользуются понятиями «классы» и «сословия»³. Однако при обращении к данным русских письменных источников допетровской эпохи и их сопоставлении то и дело возникают сложности классового и сословного определения.

М.Ф. Владимирский-Буданов, например, вообще считал Московское государство бессословным. Население же допетровской России было разделено им не на сословия, а на два класса, каждый из которых подразделялся на несколько разрядов: 1) служилый класс (те, кто служил государству); 2) тяглый класс (те, кто уплачивал деньги в пользу государства). Различие между ними, по мнению Владимирского-Буданова, «истекало не из прав, а обязанностей в отношении к государству: именно одни служат государству лично, другие — уплатой налогов в его пользу»⁴. Характеризуя русское общество XVI—XVII вв., В.Я. Уланов прослеживал превращение «свободного класса» в «низшие классы», включавшие холопов и крепостных крестьян, которые сливались в «одноцветную бесправную массу с едва заметными теньвыми полосами, говорившими скорее о разнице их правового положения в прошлом, чем о фактически-существенном различии бытового их положения в настоящем»⁵.

Профессор Русского юридического факультета в Праге М.В. Шахматов (1888—1943) давал определение «Московского госу-

дарственного строя XV—XVII вв. как умеренной формы властвования в историческом облике сословной монархии»⁶. По его мнению, можно выделить целый ряд политических сдерживающих моментов (противовесов) власти московских государей: 1) христианские нормы, закон и обычай; 2) сословное представительство в лице земских соборов; 3) соучастие сословий во власти (Боярская Дума, самоуправление общин); 4) «права сословий, выросшие на почве феодализма»; 5) регламентация прерогатив низших органов исполнительной власти; 6) обеспечение гарантий личности против судебной-полицейской власти и злоупотреблений низших органов исполнительной власти при помощи приставов, а также другими способами. Как подчеркивал М.В. Шахматов, все эти элементы и зародыши установлений существовали у нас в иных вариантах и сочетаниях, чем в странах Западной и Центральной Европы в течение сословно-монархического периода их исторического развития⁷.

В.И. Буганов, выделив среди классов и сословий России XVII в. феодалов (бояр и дворян), крестьян и холопов, посадских людей, почему-то игнорировал в этом перечне духовенство⁸. Предпринимаются попытки корректировки ленинского определения классов, не так давно господствовавшего в отечественной историографии, социологии и философии. Для археолога Л.С. Клейна «класс — это сообщество людей с одними и теми же средствами производства и одним и тем же отношением к ним (собственность, владение, отрешенность и т.п.)»⁹.

Цивилизационную особенность русской православной государственности XVII в. В.В. Черноус видит в характере самодержавия как «соборной сословной монархии, где представительные органы, обладая реальной властью, выступают не противовесом, а важнейшим условием укрепления власти царя, играют видную роль в легитимации новой династии» Романовых¹⁰.

Вместе с тем А.А. Селин обоснованно остерегается именовать отдельные страты новгородского общества XV—XVII вв. сословиями¹¹. По мнению английского историка Дж. Хоскинга, до Петра I единого сословия знати не было, существовало несколько категорий служилых людей, а первый российский император «смешал эти категории, создав единое сословие, обязанное состоять на государственной службе»¹².

Поскольку социальную структуру феодального общества оказалось невозможным втиснуть в жесткие одномерные рамки самостоятельных классов и законодательно оформленных сословий, в советской историографии изобрели гибридное понятие «класс-сословие». В результате в научной литературе стали писать о классе-сословии

феодалов и классе-сословии крестьян, выдавая их за целостные социальные группы, якобы существовавшие в России до XVIII в.¹³

Однако далеко не всегда создаваемые научные схемы точно отражают реальную картину общественной иерархии и саморегуляции. В этой связи представляется важным анализ представлений современников об устройстве общества и ориентация на социально-правовую терминологию Средневековья и раннего Нового времени.

Выделение составных частей российского социума XVII в. (чинов, должностей, социально-профессиональных, предсословных и территориальных групп) нуждается в более четких и научно обоснованных понятийно-терминологических определениях. Метод изучения понятий и терминов (*Begriffsgeschichte*) основан на сочетании структуралистского подхода и лингвистических исследований в области этимологии. Надо различать социальную терминологию разного рода источников и отдавать предпочтение, конечно же, законодательным и актовым документам XVII в., а не нарративным материалам либо публицистическим сочинениям. Следует учитывать и частоту встречаемости того или иного термина в источниках, отличая случайные упоминания от устойчивых стереотипов.

Характеризуя трехчастное деление людей (*tria genera hominum*) на три сословия (*ordo*) — священнослужителей, воинов и земледельцев (*oratores, pugnatores, laboratores*), распространившееся с XII в., немецкий историк О.Г. Эксле справедливо отмечает: «Мы имеем дело с тремя слоями действительности: реальность средневекового общества, затем ее восприятие и истолкование людьми того времени и, наконец, наше восприятие и истолкование и этой реальности, и того, что думали о ней современники»¹⁴.

1. ЧИНОВНО-ДОЛЖНОСТНАЯ ИЕРАРХИЯ

В социально-правовом отношении население России распалось на свободных (вольных) и несвободных (зависимых) людей, в фискальном — на неподатные (служилые люди «по отечеству», духовенство), полупривилегированные (служилые люди «по прибору», беломестцы, члены купеческих корпораций) и тяглые (черные посадские люди, крестьяне) группы. От государева тягла в XVII в. были освобождены и холопы; по отношению к ним в источниках применялось несколько категориальных определений: кабальные, крепостные, полные, старинные холопы¹⁵.

Только свободные (вольные) люди делились на чины (ранги, ряды). Понятие «чин» в двух его значениях (как порядок-канон и

как социально-правовой ранг-статус) еще с середины XVI в. охватывало все стороны жизни русского общества¹⁶. Чины-ранги находились в определенном соответствии со служебными должностями (разрядами) на военной и гражданской службе. Чиновно-должностная структура отражала социально-правовую градацию допетровской России¹⁷.

Периодом междоусобицы 1610—1613 гг. первоначально датировалась «Записка о царском дворе», недавно отнесенная Д.В. Лисейцевым к 1605 г., к началу правления Лжедмитрия I¹⁸. В ней перечислен «Порядок всяких людей Московского царства», начинающийся с патриарха и высших духовных чинов (митрополитов, архиепископов, епископов), за которыми следуют думные чины (бояре, окольничие, думные дворяне, думные дьяки), дворяне большие московские, придворные (стольники, стряпчие, жильцы, дьяки по приказам, подьячие), затем выборные дворяне из городов и «дворовые, дети боярские»¹⁹. Гости, члены Гостиной и Суконной сотен почему-то в этом перечне отсутствуют. Далее в документе перечисляются обязанности разных чинов-рангов, функции Дворца, Казенного двора и приказов. Глава 2 сочинения Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» именуется «О царских чиновных людех: о боярех и околничих и думных и ближних людех, о столниках, о стряпчих, о дворянех, о полковниках и головах стрелецких, о диаках, о жилцах и о всяких служилых и дворовых людех»²⁰. Как видим, носители чинов именуются Котошихиным «чиновными людьми». В Служебной чертежной книге Семена Ремезова (СЧК. Л. 24) записано 22 апреля 1698 г., как сделали «в Тобольску земляного города валу 785 сажен посажено сами собою чиновные люди», то есть на свои средства²¹.

Утверждение Г.Л. Фриза о том, что термин «чин» в допетровской России «относился только к привилегированным служилым классам, а не ко всему остальному обществу», не соответствует показаниям разноплановых письменных источников XVII в.²² В челобитной 2 июня 1648 г. к царю Алексею Михайловичу обращались «все от всяких чинов людей и всего простого народа»²³. Согласно статье 1 главы X Соборного уложения 1649 г., предписывалось «судить бояром и околничим и думным людем и дьяком, и всяким приказным людем, и судьям, и всякая росправа делати всем людем Московского государства, от большаго и до меньшаго чину, вправду»²⁴. Отдельные главы Соборного уложения 1649 г., рельефно отражавшего социальное устройство России, правовое и экономическое неравноправие населения, посвящены крестьянам, холопам, посадскому населению, стрельцам, казакам, ратным, патриаршим и монастырским людям,

владельцам феодальных вотчин и поместий. Высшие чины пользовались, естественно, правовыми привилегиями. Порой власти отступали от общего правила — рассматривать иски по подсудности ответчика с целью ускорения и упрощения прохождения дел. Такие исключения допускались в отношении, например, стольников, стряпчих, дворян, ратных людей на период их пребывания в Москве²⁵.

В наказе из Устюжской чети о переписи Тотьмы и Тотемского уезда (февраль 1646 г.) упоминаются «всяких чинов люди», а в Новоторговом уставе 1667 г. — «купецких всяких чинов люди»²⁶. В отписке белозерского воеводы В. Замыцкого вологодскому воеводе (май 1655 г.) употребляются словосочетания «всяких чинов торговым людем», «выборным из всех чинов людем», «торговых всяких чинов людей государевою десятою денгою было по чему обложить»²⁷. В переписной книге Ярославля 1668 г. зарегистрированы имена «приказных людей и пушкарей и разсылщиков и стрелцов и посадских и всяких чинов градских жилецких людей»²⁸. Согласно статьям о раздаче земель в заочных местах (21 июня 1672 г.), земли выделялись «всяких чинов начальным людем по чинам». Там упоминаются также «многие всяких чинов люди» и «московские чины»²⁹. В дворцовых разрядах последней четверти XVII в. встречаются словосочетания «всяких чинов служивые и приказные люди» (1679 г.), «всяких чинов духовные и мирские люди» (1688 г.)³⁰. Порой в русских источниках XVII в. упоминаются и крестьяне «всех чинов». В тексте Новоторгового устава, принятого 22 апреля 1667 г., фигурируют «купецких всяких чинов люди»³¹. Сильвестр Медведев в сочинении «Созерцание краткое» описывал, как во время бунта 1682 г. стрельцами «простолюдины разных чинов посечени быша»³².

Согласно крестоприводной книге г. Арзамаса 1676 г., жители города давали присягу новому царю Федору Алексеевичу по чинам и служебным должностям в следующем порядке: 1) «воевода»; 2) «приказной у мордвы»; 3) «стряпчие»; 4) «дворяне»; 5) «жилцы»; 6) «недоросли московских чинов»; 7) «арзамасцы дворяне и дети боярские»; 8) «начальные люди» (рейтар); 9) «рейтары»; 10) «салдаты»; 11) «приказные избы подьячие»; 12) «площадные подьячие»; 13) «приказные избы сторожи»; 14) «дети» (солдатские); 15) «стрелцы»; 16) «пушкарри»; 17) «патриарша двора подьячие»; 18) «приставы»; 19) «дворники» (содержатели дворов); 20) «кирпичники» (казенные); 21) «ямщики» (казенные); 22) «посадские люди» (начиная с земского старосты и завершая сидельцами гостя Семена Сверчкова); 23) «мурзы» (татарские); 24) «татаровя» (рядовое татарское население)³³.

В сметных списках Пскова XVII в. оброчные «окладники» (духовные корпорации, прочие церковные учреждения, частные лица, вно-

сившие установленный оброк с торговых помещений, соляных варниц, кузниц, мельниц, гостиных и кружечных дворов, таможен, кабаков, рыбных ловель, бань, дворовых мест, огородов, нив, лугов) регистрировались по чиновным группам в следующем порядке: Троицкий собор, мужские и женские монастыри, приходские церкви, богадельни, дворяне и их вдовы, дьяки и подьячие, стрелецкие сотники, сторожа, казаки, рейтары, воротники, пушкари, каменщики, дворцовые, ямские и монастырские крестьяне, стрельцы, посадские люди. Порядок записи «окладников» в Опочке был иным, более соответствующим иерархии чинов: церковный клир, помещики, казаки, стрельцы, пушкари, воротники, посадские люди, дворцовые и помещичьи крестьяне³⁴.

Наряду с чинами существовали придворные должности (кравчий, постельничий и др.), административно-управленческие должности (воевода, губной староста, голова монетного двора, целовальник и др.), военные должности (полковой воевода, сотник и др.) и звания в полках нового строя (генерал, полковник, капитан и др.). Не будем забывать и о титулатуре («князь», например), использовавшейся в грамотах и в устном общении. Немудрено, что заезжие иностранцы не могли толком разобраться в такой сложной и разветвленной чиновно-должностной системе.

Чешский литератор и иезуит-миссионер Иржи Давид, побывавший в 1686—1689 гг. в Москве, выделял в русском обществе 33 степени достоинства, знатности и придворных должностей, которые сравнивал с титулами Австрийской империи:

«1. Великие князья. Они или происходят от царского древа, или имеют свои земли в других царствах, но по известным причинам отдали себя под покровительство Москвы и здесь живут... 2. Бояре и князья. Они происходят от самих царей и занимают высшие должности в государстве... 3. Просто бояре, примерно равные нашим графам. Из них многие стоят во главе городов, войска и занимают другие видные должности. 4. Малые князья, примерно равные нашим баронам. 5. Царские кравчие, это должность одна из самых высоких. 6. Окольничие, как бы каштелланы. Эти тоже имеют большую власть, и многие из них командуют гарнизонами и городами. 7. Спальники, это как у нас камерарии. 8. Стольники, которые прислуживают царям за трапезой. Для этих двух должностей берутся обычно боярские сыновья. 9. Думные дворяне. Это придворные советники, лица особого достоинства. 10. Младшие стольники. Для этой должности используются сыновья знати. 11. Думные дьяки. Это советники-писари, подобные нашим ассессорам трибуналов. 12. Городовые дворяне, примерно равные нашим рейтарам. Живут они обычно вне города, в имениях, и поэтому называются “городовые”. 13. Полковники, которым подчинено определенное число воинов. 14. Головы стрелецкие — капитаны стрельцов, то есть пешего войска... 15. Стряпчие царского дво-

ра — эти ведут все дворцовые дела, примерно таким образом, как наши придворные секретари. 16. Дьяки приказные — писари приказов, которые ведут в приказах дела. Они пользуются большим уважением. 17. Подьячие из приказов, или канцеляристы. 18. Подьячие гостиной сотни. Это купцы и негоцианты, которые ведут торговлю с иностранцами, например, с персами, китайцами, армянами, вывозят к ним товары и другие ввозят. Эти очень богаты. 19. Подьячие всяких чинов. Это всевозможные купцы, ведущие различные торговые дела. Их в Московии очень много. 20. Подьячие всех приказов постоянно занимаются писарскими делами. Их также огромное число. 21. Сотники и пятидесятники. Это офицеры, командующие сотней или полусотней воинов. Есть еще другие сотники и пятидесятники, на которых возложена забота о сотне семейств или домов. 22. Солдаты, они среди воинов самые почетные, из них также выходят знать и офицеры... Здесь они занимаются ремеслом и земледелием, получая также жалованье от царя. Они его первые стражники. 23. Драгуны — это вторые в ряду воинских достоинств, за которыми следуют рейтары. 24. Протазанщики — это те, которые несут впереди полка копыя и иконы, как наши Forirschütz. 25. Пушкари, на которых возложена забота о пушках. 26. Стрельцы. Пешее войско, которое между собой делится еще на различные разряды. 27. Сытники царские, ведут царскими напитками. 28. Царские подлючники — это царские привратники. 29. Царские повара. 30. Царские истопники — и эти по своей должности пользуются почетом. 31. Подьячие площадные. Эти писари обычно сидят на площадях и на улицах, и приезжие просят у них свидетельств ради безопасности. 32. Приставы, которых придают в качестве провозятых послам при их прибытии и отъезде. 33. Переводчики. Их очень много, более и менее высоких по достоинству»³⁵.

Интересно, что членов служилых купеческих корпораций (гостей, Гостиной и Суконной сотен), выполнявших казенные службы хозяйственно-финансового характера, Иржи Давид, который так и не смог до конца разобраться в сложном сочетании российских чинов и должностей, путая их, включил в число приказных подьячих.

Самые верхние ступеньки чиновной лестницы России XVII в. занимали служилые люди «по отечеству», как правило, являвшиеся владельцами вотчин и поместий. Эти крупные земельные владения они имели по наследству, приобретали либо получали за службы от московских царей. Процесс наделения их поместьями именовался «верстанием». Среди служилых людей «по отечеству» выделялись носители думных чинов, прежде всего бояре. Бояре, входившие в Боярскую думу, обычно возглавляли центральные административные органы (приказы), а также посольства в другие государства. В их руках находилось высшее правосудие. Членами Боярской думы являлись также окольничие, думные дворяне и думные дьяки³⁶. Чин боярина закрепился за представителями узкого круга аристократи-

ческих родов. Его получали также представители нетитулованной аристократии: родственники цариц — «бояре по кике» (Стрешневы, Милославские, Нарышкины) и лица, выслужившие боярство за заслуги на государственной службе (например, А.С. Матвеев, А.Л. Ордин-Нащокин). Влияние боярства было сильно ослаблено с отменой в 1682 г. местничества. А.П. Павлов считает безосновательным противопоставлять «боярство» и «дворянство» как особые социальные группы допетровской России, а также титулованное и нетитулованное дворянство³⁷.

Более низкие позиции в чиновной группе служилых людей «по отечеству» занимали титулованное (князья) и нетитулованное дворянство, столичные дворяне (стольники, стряпчие, жильцы), провинциальные уездные дворяне и дети боярские, татарские мурзы, владевшие также вотчинами и поместьями. Дети боярские составляли также верхушку патриаршего и митрополичьих дворов. Непременной обязанностью всех представителей дворянства (и помещиков, и вотчинников) являлась военная или гражданская служба, которая регистрировалась в разрядных книгах, а также в боярских списках³⁸. В них указывались как чиновный, так и должностной статус служилых людей. На смотры и в походы они должны были отправляться во главе отрядов из определенного числа вооруженных конных либо пеших воинов. Часть мелких служилых людей «по отечеству» южных уездов Европейской части России не была испомещена, их потомки составили группу свободных земледельцев-однодворцев. Служилые беспоместные люди «по отечеству» имелись и в Сибири.

К приказным чинам относились дьяки, подьячие, писцы, работавшие в государевых и патриарших приказах, в уездных воеводских, земских и судебных избах. Представители приказной верхушки (дьяки) получали не только должностные оклады и надбавки, но и поместья³⁹. Для составления челобитных и прочих документов городское население обращалось к площадным подьячим. Очень большое значение придавалось не только чинам, но и должностям, которые занимали предки. С чиновно-должностной иерархией было тесно связано местничество, которое применялось в XVII в. не только в аристократической, но и в приказной среде⁴⁰.

В число служилых людей «по прибору», получавших только жалованье и, наряду с военно-гарнизонной службой, занимавшихся также торговлей, ремеслами, промыслами, входили стрельцы, пушкарки, воротники⁴¹. Редко кому из них удавалось перейти в разряд служилых людей «по отечеству» и получить поместья, подобно воронежскому пушкарю и торговому человеку П. Прибыткову, участнику Земского собора 1648 г., когда жители Воронежа и уезда заняли у

него на земские нужды 100 рублей⁴². Позже он был верстан помещным окладом. Чаще всего наиболее зажиточных торговцев из числа стрельцов и пушкарей власти переводили в Суконную, реже в Гостиновую сотни. На положении служилых людей «по прибору» находились также городовые казаки, солдаты, рейтары, получавшие денежное и натуральное содержание. В «сказках» служилых людей 1675 г., сохранившихся в столбцах Белгородского стола Разрядного приказа, отражена иерархия чинов полковой службы (завоевдчики, есаулы, сотенные, копейщики, солдаты) и людей городской службы (дети боярские, помещные казаки, слободские и беломестные атаманы)⁴³. Конных воинов-рейтаров власти порой даже наделяли земельными владениями («грунтами»). В одной челобитной 1688 г. фигурируют «смоленские грунтовые реитари Ивашко Козирицкой с товарищи», которые находились на государственной службе⁴⁴.

Особое место занимало вольное казачество Дона, составлявшее своеобразные военно-служилые общины с архаичной для России XVII в. организацией и стремившее сохранить свои вольности⁴⁵. Казачья грабительская вольница буквально захлестнула в Смутное время и Центр Европейской части России, способствуя еще большему ожесточению развернувшейся тогда Гражданской войны, которая сопровождалась иноземной интервенцией⁴⁶. Как писал в Москву на исходе Смуты, 16 октября 1618 г., нижегородский воевода Б.М. Лыков, казаки, забравшись в очередной раз в пределы вверенного ему уезда, «многие села и деревни разорили, и крестьян и всяких людей грабят, и побивают, и ломают, и жгут»⁴⁷. Чуть раньше, в феврале 1613 г., казачество сыграло первостепенную роль в выборах царя Михаила Федоровича на Земском соборе. И правительство М.Ф. Романова щедро расплатилось за эту поддержку, наделив 33 казачьих атамана и есаула земельными пожалованиями в Вологодском и Галицком уездах⁴⁸.

На вершине церковно-монашеской иерархии находились патриарх, митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты и настоятели крупнейших монастырей. Среди монашества выделялись игумены и игуменьи, келари, строители, казначеи, иеромонахи⁴⁹. Роль поверенных в делах монастырей и церковных иерархов играли стряпчие, от которых требовалось не столько знание российского законодательства, сколько изворотливость, умение за счет «посулов» нужным людям уладить дело. Более низкое положение занимали служки, деловые (зависимые) люди, монастырские детеныши (наемные работники). Белое приходское духовенство и причт состояли из попов, дьяконов, дьячков, псаломщиков, пономарей, звонарей, сторожей, проскурниц. Хотя П.В. Знаменский подчеркивал преобладание в XVII в. наследственного характера передачи мест священ-

никами преимущественно своим сыновьям, П.С. Стефанович, проанализировав жизнь православных приходов допетровской эпохи, пришел к выводу, что «приходское духовенство в Московском государстве ни в экономическом, ни в юридическом смысле не обладало чертами сословия»⁵⁰. Приходское духовенство выполняло ряд обременительных для него повинностей в пользу самой церкви, а также казны. Сельские же дьячки и пономари наравне с крестьянами несли государево тягло⁵¹.

К беломестцам относились приказные люди, гости, служилые люди «по прибору», население частных (до 1649—1652 гг.) и государевых слобод, казенные ремесленники, жители слобод, записные каменщики, кирпичники, ямщики (ямские охотники). Вот перечень беломестцев Белоозера, согласно дозорной книге 1617/18 г.: «в городе на осадных дворах и за городом на посаде 3 человека подьячих, 12 человек пушкарей, 50 человек стрелцов, 17 человек каменщиков, 7 человек кирпичиков, 11 человек розсылщиков». В ней сделана ссылка на податные льготы розсылщиков, которых на тот момент в городе насчитывалось 11 человек: «А в сошное письмо розсылщикоу дворы живущие и пустые с посацкими людьми в оклад не положены, потому что оне у государева дела в розсылке неотступно, а положен на них денежной оброк против прежнего за всякие подати с человека по гривне, всего рубль 3 алтына 2 денги»⁵². Часть казенных ремесленников (кузнецов, оружейников, каменщиков, кирпичников и др.) проживала в государевых слободах, другие же — на посадах, вперемешку с посадскими людьми. Во второй половине XVII в. в Оружейную слободу Тулы переселялись местные кузнецы-оружейники, стремившиеся освободиться от посадского тягла⁵³. Конечно же, неправомерно причислять региональные группы казенных («записных») каменщиков и кирпичников к своеобразному «окказиональному сословию»⁵⁴.

Еще в XVI в. власти создали три корпорации служилых людей по финансово-хозяйственной части — гости, Гостиная и Суконная сотни, пользовавшиеся, как и «московские торговые иноземцы», за выполнение казенных служб определенными привилегиями⁵⁵. Гости, как правило, располагались на лестнице чинов ниже дьяков. Однако в 1649—1659 гг. это положение ненадолго изменилось. В 1649 г. гости подали иск с претензией, что дьяки «хотят их затеснить, написали в Уложенной книге (Соборном Уложении 1649 г. — *В.П.*) после всех чинов людей последними людьми, в свой чин написали выше их, гостей многими месты»⁵⁶. В обстановке социально-политического кризиса 1649 г. правительство удовлетворило притязания гостей, перепечатав тираж Соборного Уложения, и в перепечатанных экземплярах гости были названы выше дьяков⁵⁷. Но в 1659 г. местническое

дело разгорелось вновь, и дьяки вернули себе положение в чиновной лестнице выше гостей, которое существовало и до 1649 г.⁵⁸ В отличие от дьяков, гостей не включали в боярские списки и книги⁵⁹. Ряд приказных дьяков XVII в. (Алмаз Иванов, Аверкий Кириллов, Назарий Чистой и др.) происходили из гостей⁶⁰.

В таможенных книгах Вологды 1634—1635 гг. не раз упоминаются приказчики гостей Григория Никитникова, Андрея и Василия Юдиных, Надеи Светешникова, а в отношении других торговцев нет указаний на принадлежность к Гостиной или Суконной сотням⁶¹. В таможенных книгах сибирских городов XVII в. (Верхотурья за 1673/74 г., Красноярска за 1673 г., Сургута за 1674/75 г., Тары за 1662 г., Тобольска за 1672/73 г., Тюмени за 1672/73 г.) чаще всего фигурируют просто «торговые люди», «посадские люди», «промышленные люди», «гулящие люди», «служилые люди», «лавочные сидельцы», приказчики торговцев без указания их точного чиновного статуса⁶². Он был важен для таможенников только при явках товаров тарханщиков, наделенных привилегией освобождения от уплаты пошлин, каковой не обладали торговые люди Суконной сотни.

Посадские общины объединяли людей разных чинов и профессий: торговцев, ремесленников, ремесленников-торговцев, строителей, возчиков, бобылей, захребетников, подсоседников, лекарей, скоморохов («веселых людей»). В фискальном отношении они именовались черными людьми, несшими государево тягло и делившими в зависимости от имущественного положения на «молодых», «средних» и «лучших» тяглецов⁶³. Некоторые из городских жителей занимались земледелием, а те, кто не имел либо лишился собственных промыслов, становились наемными работниками, не чураясь никакой «черной работой»⁶⁴. По переписи 1646 г. на посаде в Вязьме числилось 240 дворов, в том числе «23 двора торговых людей, торгуют в лавках и не в лавках и, отъезжая, всякими тавары, 162 двора всяких промышленных и ремесленных людей, а иные работают черную работу»⁶⁵.

Крестьянство также состояло из нескольких категорий: государственные (черносошные, ясачные) крестьяне; дворцовые крестьяне; частновладельческие (вотчинные, помещичьи) крестьяне; монастырские и архиерейские крестьяне; сельские бобыли; захребетники; подсоседники⁶⁶. Причем далеко не все из сельских бобылей, занимавшихся нередко промыслами и мелкой торговлей и уплачивавших денежный оброк, проживали в удручающей бедности. Спорным является вопрос о происхождении и социально-экономическом положении так называемых «крестьянских детей» — одной из категорий оброчных крестьян, освобожденных от барщины⁶⁷.

В жесткой крепостной зависимости от светских и духовных феодалов оказались частновладельческие (вотчинные, помещичьи) и монастырские крестьяне⁶⁸. Государственные и дворцовые крестьяне входили в резервную армию для пополнения крепостного люда, поскольку населенные ими села и деревни царские власти порой передавали в частные руки. Кое-кто из вотчинных, монастырских и архиерейских крестьян проживал не в сельской местности, а в городских частновладельческих слободах и занимался не сельским хозяйством, а ремеслом, промыслами и торговлей.

В России XVII в. различались в основном две казачьи категории: вольное казачество и городское казачество (служилые люди «по прибору»). Существовали и просто вольные (гулящие) люди, ярыжки, не гнушавшиеся любой поденной работой по найму.

Маргинальное положение занимали нищие. Драматические события накануне и в годы Смуты, в середине XVII в. (голод, эпидемии, народные волнения, войны), а также традиционное христианское милосердие способствовали распространению нищенства, которым занимались не только обедневшие горожане, крестьяне, калеки, вдовы, но и более состоятельные и вполне здоровые люди. Кое-кто из нищих даже владел лавками и прочими торговыми помещениями. Вот как предлагал бороться с такими тунеядцами выдающийся славянский просветитель Юрий Крижанич (1618—1683), сосланный при царе Алексее Михайловиче в Сибирь: «Хорошо было бы смотреть по городам, и если сыщутся какие-нибудь скитальцы, бродяги и голыши, сидящие по кабакам и квасным лавкам, и здоровые нищие, то отдавать их в деревни в холопство боярам и ссылатъ в Сибирь или иначе наказывать»⁶⁹. В действительно тяжелом положении нередко оказывались вдовы посадских людей, которым приходилось скитаться между дворами и нищенствовать. Их чаще всего освобождали от уплаты налогов, раскладывавшихся на остальной посадский мир.

С конца XVII в. в источниках для обозначения представителей разных чинов появляется термин «разночинцы». В челобитной оборочных бобылей Николаевской слободы суздальского Покровского монастыря, составленной между 1687 и 1694 г., наряду с монастырскими слугами, работниками и крестьянами упоминаются «разночинцы»⁷⁰. Российские купцы XVII в. по своему социально-правовому статусу являлись разночинцами. Принадлежа к разным чинам (рангам), они на профессиональной основе занимались одним делом — организацией крупного, среднего и более мелкого по объему товарообмена.

В связи с многочисленными материалами, свидетельствующими о господстве чиновного устройства допетровской России, возникает

вопрос о правомерности использования понятия «сословно-представительная монархия»⁷¹. Историк-эмигрант С.Г. Пушкарев, примыкавший к евразийству, в 1927 г. справедливо подчеркивал: «Об эпохе сословно-представительной монархии на Руси не может быть речи, ибо у нас не было и сословий в европейском смысле, а наши земские соборы представительного характера, возникшие в начале XVII в. в условиях Смутного времени, после прекращения старой династии, играют, правда, значительную, но весьма кратковременную роль, которая прекращается уже при втором царе новой династии, едва новое правительство окрепло и привело в порядок систему администрации»⁷². В России с середины XVI в. стала складываться чиновная структура феодального общества, отличающаяся более дробным делением и заимствованная из церковной иерархии. В стране возникла лестница чинов (думных, дворянских, духовных, приказных, купеческих, посадских, крестьянских) и должностей (придворных, казенных, военных, уездных, земских, общинных), назначаемых либо выборных. Термин «чин» («чины») широко использовался в официальной делопроизводственной терминологии и государственной практике.

Как отмечает М.А. Бойцов, вопреки мнению Н.И. Кареева, «русское слово “сословие” при всей своей исходной многозначности не может точно передать понятия *ordo* или *Stand*», которые характерны для западноевропейских письменных источников и историографии, а «русский термин “сословно-представительная монархия” походит на эклектическое соединение двух разных немецких терминов («*ständische Monarchie*», «*repräsentative Monarchie*»)»⁷³. По справедливому утверждению Н.Ш. Коллманн, «грамоты земских соборов также представляли общество как соединение чинов»⁷⁴. Вот почему мне представляется более правомерным с историко-терминологической точки зрения вместо понятия «сословно-представительная монархия» использовать при характеристике политического строя Российского государства середины XVI — середины XVII в. определения «самодержавная чиновно-представительная либо соборно-представительная монархия».

Согласно представлениям В.О. Ключевского, «ход начавшегося приблизительно с половины XVII в. разрушения чиновного уклада русского общества обозначился тремя процессами — соответственно трем основаниям, на которых были построены различные части лестницы чинов»: 1) разверстка приказной службы между служилыми людьми по отчеству; 2) распределение казенных поручений между земскими людьми по личному доверию; 3) раскладка ратной службы и тягла между служилыми и земскими людьми по их хозяйственным состояниям⁷⁵. Как представляется, эти тенденции более четко прослеживаются лишь с конца XVII в.

Московские служебные чины (ранги) допетровской России так и не объединились в сословия, а представляли собой предсословные (либо квазисословные) группы, позднее, в XVIII в., слившиеся в сословия. В отличие от Западной Европы, в России процесс законодательного оформления сословного строя шел медленно, неравномерно и затянулся до второй половины XVIII в., когда сложилась и система сословного суда. Само же понятие «сословие» стало использоваться для обозначения социально-правового деления населения только с начала XIX столетия.

К зависимым людям, не входившим в чиновную систему, относились кабальные и старинные холопы. С середины XVII в. наблюдается процесс социально-правового сближения старинных (крепостных) холопов и крепостных крестьян⁷⁶.

Административная и отчасти судебная власть концентрировалась в руках лиц, назначавшихся сверху: членов Боярской думы, руководителей приказов, провинциальных воевод и дьяков, городских приказчиков. Служебные дела высшие чины порой решали на основе неформальных родственных и приятельских связей, путем частной переписки⁷⁷.

На выборных должностях находились губные, земские старосты, купеческие, поповские старосты, земские судейки, таможенные головы и головы кружечных дворов «на вере», целовальники, старосты промысловых артелей, казачьи атаманы. Вместо волостных десятильников первой половины XVII в. во второй половине столетия появились поповские старосты (заказчики, заказные попы), выбиравшиеся из среды приходского духовенства и игравшие важную роль в повседневном функционировании административно-финансового и судебного аппарата епархий⁷⁸. Главу Русской православной церкви также выбирали на церковном («освященном») соборе, однако решающим в подборе кандидатуры на место патриарха было мнения царя.

Социально-чиновная структура России на протяжении XVII в., не оставаясь статичной, претерпела определенные изменения. Повышенная социальная мобильность, характерная для Смутного времени 1604—1618 гг., по мере выхода из Смуты уступила место традиционной устойчивой чиновной иерархии. Во второй половине столетия боевые холопы уже не могли вступить в провинциальные дворянские корпорации. В результате посадского строения 1649—1652 гг. значительно уменьшилось число белослободчиков и увеличилось черное посадское население.

26 апреля 1634 г. дворянин И.А. Бутурлин, носивший чин стряпчего, обратился к руководителям Разрядного приказа боярину князю Ю.Е. Сулешеву и дьяку Г. Ларионову с заявлением («скаской»), в

которой изложил свой взгляд на состояние вооруженных сил во время Смоленской войны и проект политической реформы, направленной на изменение отношений между самодержавной властью и подданными московского царя. Им было предложено создать в Москве постоянный совещательный орган из выборных от «московских служилых нарочитых людей» и провинциальных детей боярских, а также от городского населения. Периодически сменяемые депутаты должны были жить в столице России и докладывать «государю правду, про всякое дурно и про обиды от всяких людей». «Скаска» была доложена царю Михаилу Федоровичу, посчитавшему, что Бутурлин мог составить такой проект только «своим безумьем», но заменившему наказание торговой казнью высылкой дворянина из столицы на службу. Боярская аристократия, высшие думные и приказные чины не желали делиться властью («государевым делом») с представителями разных страт российского социума из провинции⁷⁹. А при сыне и преемнике Михаила Федоровича царе Алексее Михайловиче, взявшего неуклонный курс на укрепление самодержавной вертикали власти, представительные земские соборы после 1653 г. вообще не созывались.

В советской историографии явно недооценивалась реформаторская деятельность царя Федора Алексеевича (1676—1682), которую недавно всесторонне и скрупулезно проанализировал А.П. Богданов, еще раз обративший внимание на установление новой системы наместнических титулов (март 1680 г.) и на неофициальный проект единой системы высших чинов⁸⁰. Согласно этому не осуществившемуся проекту, бояре-«болярины» (12 членов Расправной палаты, «дворовой воевода», начальник пехоты, провинциальные наместники разных рангов, включая гетмана Украины, «дворецкой», «оружейничей», кравчий, начальник над чашниками), окольничие и наместники, «постельничей», думные дворяне и наместники, печатник, думный дьяк распределялись на 34 степени⁸¹.

С самого начала правления царя Федора Алексеевича под воздействием влиятельной группы не столь уж знатных бояр, окольничих, думных дворян, которые не могли претендовать на местническое старшинство перед многими другими думными людьми, царское правительство фактически приступило к подготовке отмены местничества. Местнические дела прекратили регистрировать в разрядных книгах. П.В. Седов обратил внимание на важное новшество, ускользавшее ранее от внимания исследователей: уже с первых дней царствования Федора Алексеевича «всех, от боярина до жильца, записывали в Разрядах не в порядке местнического старшинства, а по чинам, а внутри чина — по времени его пожалования, точно так же,

как это делалось в боярских книгах»⁸². Местническое старшинство должно было уступить позиции перед старшинством выслуги.

В рамках процесса ликвидации местнических порядков 2 ноября 1679 г. был обнародован царский указ, предписывавший горожанам во время праздничных мероприятий «впредь во всех ходах меж себя всем быть без места... чтобы вышеописанным чинам от того меж себя ссор и нелюбия не было». Впрочем, в царских указах по-прежнему перечислялись чины, как, например, в указе от 22 октября 1680 г. о запрещении являться на приемы в Кремль в праздничной одежде старинного образца «боярам, окольниковым, думным, служилым людям и всякому чину»⁸³.

Отмена местничества произошла не 12 января 1682 г., когда для объявления этого решения собрали выборных людей от дворянства, а раньше, 24 ноября 1681 г. Именно тогда был принят царский указ с боярским приговором, содержание которого дошло в виде выписки 1684 г.⁸⁴ Уже после отмены местничества, между 9 и 12 февраля 1682 г., власти пообещали составить родословные книги для шести чиновных групп: 1) «родословным людям»; 2) «виежим»; 3) «московским знатым родом»; 4) «дворянским»; 5) «гостиным и дьячим»; 6) «всяким niskим чинам»⁸⁵.

Однако в «Соборном деянии об отмене местничества», составленном в середине февраля 1682 г., две книги (гостиных и дьячих, а также всяких низких чинов) из обещанных шести родословных книг были отменены. Их исключение из списка еще раз свидетельствует о дворянском характере реформы, связанной с отменой местничества, подтверждается указами 1683 и 1686 гг.⁸⁶ Чиновное устройство Московского царства фактически сохранилось до петровских реформ и было заменено лишь Табелью о рангах 1722 г.

Стремясь постоянно расширить налоговую базу и число тяглицев, упорядочить сам сбор налогов, правительство царя Федора Алексеевича перешло в 1679 г. к подворному налогообложению. «Лист сошного письма вытного доброй и средней и худой земли помесных и вотчинных и монастырских земель, городом и посадом, как писать и дозират в городех посацких лучших и средних и молотчих люди и в слободах и которые живут по однем избушкам, а не дворами, поскольку тех лутчих торговых и средних и молотчих и слобожан и худых всяких и промышленных и мастеровых и ремесленных люди в соху положит и тех люди денежным платежем во что ляже соха» с указом, напечатанным микроскопическими буквами и определяющим податную стоимость земли и количество взимаемого с нее денежного налога, был гравирован мастером Оружейной палаты Василием Андреевым, учеником Афанасия Трухменского, в 7193 (1685) г., то есть спустя шесть лет после введения подворного налогообложения⁸⁷.

Тенденция к укреплению унитарно-абсолютистских начал во второй половине XVII в. была доминирующей, но не единственной. Порой возникали альтернативные перспективы, в том числе аристократический проект изменения формы Российского государства, отвергнутый в 1682 г. патриархом Иоакимом. Согласно этому плану, выдвинутому в последние месяцы царствования Федора Алексеевича, наша держава разделилась бы на несколько государств (Казань, Новгород Великий, Сибирь и др.), во главе каждого из которых стоял бы на долгие годы царский наместник-боярин. В случае осуществления этой реформы Россия могла превратиться в своеобразную «аристократическую федерацию», основанную на верховном правлении царя, который опирался бы на совет наместников.

В XVII в. по отношению к совокупностям чинов одного порядка и социально-правового статуса, прежде всего, в нарративных источниках стали применяться обобщающие определения: «духовенство», «духовный чин», «монашество», «шляхетство», «шляхта», «воинский чин», «приказные люди» («приказные чины»), «купечество», «торговый чин», «купецкий чин», «торговые люди», «промысловые люди» («промышленные люди»), «промышленники», «крестьянство», «разночинцы», «казачество». Интересно, что в таможенных книгах г. Великие Луки 1669—1676 гг. «мещанами» именуется приезжие торговцы не только из городов Речи Посполитой (Витебска, Друи, Могилева, Полоцка и др.), но (в одном, правда, случае) и Смоленска, вновь вошедшего в состав России в самом начале русско-польской войны 1654—1667 гг. В них упоминается и невельская шляхта⁸⁸. СобираТЕЛЬНЫЙ термин «дворянство» для обозначения принадлежности к высшему сословию даже во второй половине XVII в. использовался сравнительно редко. Так, прилуцкому полковнику Лазарю Горленко 17 ноября 1665 г. велено было «жалованную грамоту на дворянство дати»⁸⁹. У Симеона Полоцкого есть стихотворения «Купецтво», «Монашество»⁹⁰.

Описывая осаду Троице-Сергиева монастыря 1608—1610 гг., келарь Авраамий Палицын, пребывавший в то время в Москве, перечисляет среди осажденных людей «священнаго чин» и «воинствующих чин»⁹¹. И.Т. Посошков, большая часть жизни которого прошла в XVII в., в «Книге о скудости и богатстве» (1724 г.) часто использовал термины «воинство», «военной люд», «духовный чин», «купечество», «крестьянство», «помещики»⁹².

В челобитной дворян и детей боярских разных городов о посылке по городам, селам и волостям сыщиков для сыска белых людей, крестьян и бобылей, которую можно датировать 1657, 1660 либо 1662 г., содержится пожелание царю Алексею Михайловичу: «...Чтоб в твоей государеве державе вси люди божи и твои государевы, кож-

до от великих и четырех чинов, освященный, и служивый, и торговый, и земледельной в своем уставе и в твоём царском повелении твердо и непоколебимо стояли, и ни один бы ни от единого ничим же обидим был, и кийждо людие по заповеди Божии от своих прямых трудов питались...»⁹³. Первый публикатор документа В.Н. Сторожев обратил внимание на литературную обработку челобитной и попытку выразить обобщающее представление о чинах⁹⁴. Странно, что торговый и земледельный чины, наряду с освященным и служивым, отнесены в челобитной к великими чинам.

К «торговому чину» относили себя члены государственных служилых купеческих корпораций. При опросе боярином И.Д. Мстиславским гостей, членов Гостиной и Суконной сотен 23 апреля 1662 г. о причинах подорожания хлеба и прочих продуктов питания они советовали, что «всякой не торговый чин, обоготятся торговым промыслом и добыв деньги и всякия вещи, задерживают у себя и с тех промыслов великаго государя пошрины и всякие доходы пропадают...»⁹⁵. В данном случае стрельцы, прочие служилые люди «по прибору», жители Кадашевской слободы, ремесленники, крестьяне (словом, «всякой не торговый чин»), а также представители «духовного» (люди патриарха, казанского митрополита, монастырей, лавочные сидельцы священников), «воинского» и «судебного» («стольники и стряпчие и дворяне и дьяки и подьячие и боярские люди») чинов, занимавшиеся разными промыслами и торговлей, противопоставляются членам государственных купеческих корпораций (то есть, «торговому чину»). Но деление русского общества на великий, освященный, служивый, земледельческий и торговый чины не приобрело устойчивый официально-нормативный характер.

Социально-чиновный и должностной статус, имущественная состоятельность, занятия, конфессиональная принадлежность, глубина и стойкость веры, культурно-бытовой уровень, возраст, наконец, индивидуальные особенности накладывали отпечаток на ментальность и психологию, манеры и поведение россиян. Наряду с общими психическими чертами (страхи за грехи перед Богом, утрату достигнутого социально-экономического положения, жизнь своих близких, перед суровыми наказаниями властей и др.), ментально-психологическая палитра российского общества XVII в. включала и отличительные особенности (разные степени конформизма и прагматизма, склонности к сохранению в неизыблемости старинных традиций либо к новациям, мужество или трусость и т.д.).

Переход из низшего в высший чин, назначение на более высокую должность, стремительное обогащение либо, наоборот, внезапная утрата статусных позиций и обеднение неминуемо влекли за собой

изменения в социальном поведении и бытовой обстановке. Жизненные коллизии разного рода, семейные неурядицы, душевные потрясения, неудачи на деловом поприще — все это также влияло на характер и моральный облик россиян.

2. ГОРИЗОНТАЛЬНО-ВЕРТИКАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ

Эпоха Средневековья и раннего Нового времени характеризуется не только феодальной иерархией, лестницей чинов, системой должностей разного уровня. Присущая ей корпоративность способствовала созданию и функционированию также общностей горизонтально-вертикального характера. Горизонтальные связи в России носили отчасти территориально-корпоративный характер. Общие служебные интересы объединяли членов дворянских уездных корпораций и десятней, посадских, сельских и монашеских общин, казачьих сообществ, жителей городских сотен и слобод, гостей, торговых людей Гостиной и Суконной сотен, «поручиков» (поручителей). Чиновные люди разных разрядов входили в состав одного церковного прихода и могли также временно сплачиваться на основе общих интересов, например, поручительства, получившего широчайшее распространение при оформлении откупных грамот, выезда за границу, казенных и частных подрядов и т.д. Членов служебных купеческих корпораций (гостей, Гостиной и Суконной сотен) объединяла коллективная ответственность за выполнение казенных служб, жителей посадских и сельских общин (их структурных подразделений — концов, сотен, слобод, десятней, сороков и др.) — круговая фискальная порука. В переписных книгах Торжка XVII в. посадских тяглецов регистрировали по приходам⁹⁶.

Кроме того, существовали объединения хозяйственно-производственного характера: промысловые артели и ватаги, торговые складничества, караваны и т.д. Определенной спецификой обладали военные отряды, ватаги рыбаков и охотников, временные купеческие сообщества («котлы», караваны), внутри которых, наряду с хозяйственно-бытовыми отношениями, возникали сиюминутные общности на психологическом уровне, связанные с моментами опасности и прочих приключений.

В фискальном отношении население делилось на три группы: 1) неподатные; 2) привилегированные в податном отношении группы; 3) тяглые податные люди. К неподатным относились служилые люди «по отечеству», белое и черное духовенство, вольные казаки, холопы (за исключением торгово-предпринимательской деятельности). От несения тягла власти освобождали беломестцев (членов

служилых торговых корпораций, московских торговых иноземцев, служилых людей «по прибору», казенных ремесленников). Основная тяжесть уплаты прямых и косвенных налогов, выполнения ряда обязательных казенных повинностей падала на плечи тяглого населения (посадских людей, крестьян).

Административно-территориальными единицами в Россия в XVI—XVII вв. являлись уезды, посады, волости, станы. Судебная власть губных старост, выбиравшихся с середины XVI в. из числа провинциальных дворян, осуществлялась в пределах судебно-административных округов — губ. Огромную роль издавна играли городские (посадские) и сельские общины (миры) с их круговой порукой, которые считаются замкнутыми социальными системами⁹⁷. Значительное место в их жизни занимало установление податей («разруб») «по животам и промыслам» между общинниками-тяглецами, делившимися на три категории: 1) «лучшие»; 2) «средние»; 3) «молодшие». Поскольку сохи, доли сох и даже «живущие четверти» были довольно крупными окладными единицами, налоги в казну распределялись внутри городских тяглых миров, сельских волостей и станов на основе выделенных паев, именовавшихся по-разному («белки», «выти», «деньги», «мортки», «рубли»). Это важное событие обычно проходило на общинных сходах либо собраниях уполномоченных общин («заседках») в трапезных местных храмов или в земских избах. Конечно же, не обходилось при этом без конфликтов между зажиточными и менее состоятельными членами общин⁹⁸. В Смутное время, когда российская государственность переживала глубокий и системный кризис, сопровождавшийся возникновением нескольких правительственных центров, которые претендовали на центральную власть, значительно повысился авторитет территориальных социальных общностей — провинциальных посадских общин и городских советов.

Анализ и сопоставление разноплановых письменных источников заставляет отвергнуть жесткую марксистскую схему формирования антагонистических классов с первых веков российской государственности. Даже на материалах XVII в. невозможно выделить, скажем, класс феодалов, класс крестьян, класс горожан, ибо и феодалы, и крестьяне, и горожане состояли из представителей разных чинов, людей разного имущественного достатка и разного отношения к собственности (средствам производства), способам и размерам извлечения общественного богатства. Не сформировались еще и сословия как крупные замкнутые социально-правовые общности людей, наделенных правами и обязанностями, которые были бы четко очерчены и закреплены в законодательстве и обычно передавались по наследству. Сложнейшая многоуровневая структура социума до-

петровской России, ее многоукладная экономика, судебная и правовая системы не укладываются в рамки как классового, так и сословного деления.

Общество той поры отличалось как чиновно-должностной иерархией, имущественным расслоением, так и социально-профессиональными, социально-территориальными, социально-фискальными и социально-церковными связями горизонтального характера, отражающими, прежде всего, жизненную среду. Слово старославянского происхождения «среда», слегка сократившееся в церковно-славянском книжном языке («среда»), с давних пор означало не только середину чего-либо и средний день недели, но и совокупность людей, сообщество, общину⁹⁹. Во французском языке слово *milieu* также означает и середину (среднее положение), и социальную среду. Представляется уместным использовать термин «среда» (англ. *surroundings, enviroment, set*, нем. *Umgebung*) для обозначения больших групп социума. Среда — это определенное сообщество подданных московских царей, отличающихся по ряду характерных признаков (чин, должность, имущественное состояние, правовой статус, профессия, занятие, административно-территориальная либо фискальная единица). Православные россияне XVII в., обладая даже общей этноконфессиональной идентичностью, действовали и существовали в самых разных средах обитания: феодальной, приказной, воинской, церковной, купеческой, крестьянской, холопской, крепостнической. Этим социально-правовым, социально-экономическим и социально-профессиональным средам частично соответствуют термины и терминологические словосочетания, использовавшиеся преимущественно в нарративных источниках и челобитных XVII в.: 1) «земледельный чин», 2) «духовный чин», «освященный чин», «священный чин»; 3) «воинский чин», «воинствующим чин», «военный люд», «воинство», «служивый чин»; 4) «приказные люди» («приказные чины»); 5) «купечество» («торговый чин», «купецкий чин», «торговые люди»).

В одну и ту же социальную либо территориальную среду, в которой выделялись верхний, средний и нижний слои (страты), могли входить носители разных чинов допетровской России, представители разных религиозных конфессий и этносов, люди разных занятий и разного достатка.

Феодальную среду представляли царская фамилия, чины служилых людей «по отечеству», верхушка приказной бюрократии, высшее и среднее духовенство, гости, а также духовные корпорации (монастыри). К крепостной среде относились, прежде всего, частновладельческие (вотчинные, поместные, церковные) крестьяне и монастырские крестьяне, но она могла также рекрутироваться за счет

архиерейских, дворцовых и черносошных (государственных) крестьян, составлявших резерв для ее пополнения. Купеческая среда состояла из гостей, членов Гостиной и Суконной сотен, торговых иноземцев, посадских людей, служилых людей «по прибору», жителей частновладельческих (до 1649—1652 гг.) и государевых слобод, торгующих крестьян, владельцев лавок из числа священников, государевых и монастырских купчин, «промысловых людей» («промышленных людей»), «промышленников». Холопская среда включала полных, старинных холопов (крепостных людей), кабальных холопов, боевых холопов, пашенных холопов, дворовых людей, ремесленников. Воинская (полки, сотни, отряды и др.) и территориальные среды (городские общины, церковные приходы) отличались от социально-правовых и социально-профессиональных сред разнообразием чинов.

Воинская среда объединяла во время походов и сражений служилых людей «по отечеству» (русских, татар, иностранцев), служилых людей «по прибору», боевых холопов, даточных людей, офицеров-иноземцев, драгун, рейтаров, солдат из полков нового строя, вольных казаков, а также крестьян, призванных служить в «посохе» (вспомогательных саперных отрядах). А в городские ополчения входили посадские торговцы и ремесленники¹⁰⁰. Не являвшихся на смотры и в военные походы дворян («нетчиков») заносили в специальные списки и привлекали к ответственности¹⁰¹. С вотчин, поместий и черносошных волостей на военную службу, особенно во время войн, привлекались даточные люди из крестьянской среды. Порой они должны были являться в конном строю вместо служилых людей «по отечеству». Так, в 1633 г., когда Россия вела военные действия с целью возвращения Смоленска, Смоленщины и других западных земель, отторгнутых в конце Смуты, пришлось в очередной раз призвать на государеву службу «даточных людей конных и с каким боем»¹⁰².

Нередко одним и тем же делом, главным образом торговлей, ремеслом и промыслами, активно занимались люди, принадлежавшие к разным чинам: от гостей, членов Гостиной и Суконной сотен, посадских людей до служилых людей «по прибору» (стрельцов, пушкарей, воротников, городских казаков), монахов, священников, государственных, монастырских и частновладельческих крестьян, вольных казаков. Всех их можно отнести в данном случае к купеческой (торговой) среде. Землю пахали и ухаживали за скотом не только крестьяне, но и сельские священники и дьячки, которые вели, по сути дела, крестьянский образ жизни.

С XVII в. начинается процесс постепенного увеличения численности работников умственного труда — приказных подьячих, площадных писцов, типографских наборщиков.

Дискуссионный характер носят проблемы выделения в XVII в. особых субкультур (дворянской, купеческой, крестьянской, казачьей и др.), характеризующихся специфическими ценностными ориентациями, социально-профессиональной психологией, символикой¹⁰³. По мнению Л.А. Черной, например, в XVII в. распространяются «купеческая архитектура со своими пристрастиями в декоре, тяготением к народным основам, купеческая литература (о купцах и для купцов), особый купеческий быт»¹⁰⁴. В действительности, будучи всегда неоднородным и распадаясь на несколько категорий, русское купечество представляло одну из самых подвижных социальных групп, отличавшуюся мобильностью, неустойчивостью общественного и имущественного статуса, стремлением к освоению нового, склонностью к распространению чужеземных заимствований. Его активность и воздействие на жизнь средневекового русского общества не ограничивались лишь торгово-экономической сферой. Гости и другие представители зажиточного купечества занимали в XVII в. довольно высокое социальное положение, их деятельность оказывала влияние и на формирование культурной среды русских городов, особенно Москвы, Новгорода Великого, Пскова.

Культурно-бытовая среда, в которой обитали нерусские народы России (татары, финно-угры и др.), отличалась специфическими особенностями этноконфессионального характера.

Социально-чиновная дифференциация и имущественное расслоение сочетались с горизонтальными связями внутри российского социума, обеспечивавшими его относительную устойчивость, но нарушавшимися во время социально-политических и экономических потрясений. Вертикальная иерархия и имущественная поляризация частично нивелировались и смягчались за счет горизонтальных общностей и связей.

Разную роль играли стихийные бедствия. Если пожары, наводнения, эпидемии спланивали людей перед общей бедой, то неурожай и голод разъединяли их по имущественному принципу. Главным для самодержавной власти, постепенно эволюционировавшей со второй половины XVII в. в сторону феодального абсолютизма, являлось беспрекословное подчинение, соблюдение законов, несение государственной службы, уплата налогов и выполнение разного рода повинностей. Однако социальное равновесие, базировавшееся на диалектическом сочетании единства и противоположностей людей разных чинов, должностей, правового статуса и имущественного положения, не отличалось перманентной устойчивостью. Во время народных бунтов, в дни народных бедствий (войн, резкого повышения налогового гнета, неурожая, эпидемий) безмерная жадность

и лихоимство торговцев-спекулянтов, массовые злоупотребления представителей центральной и местных властей подвигали низы общества к ожесточенным выступлениям. Зачинщиков беспорядков, мятежей в допетровской России именовали «заводчиками», участников антиправительственных выступлений — «ворами», «воровскими людьми»¹⁰⁵. А среди тех и других были носители разных чинов, которых на время объединяло недовольство своим положением и политикой самодержавного государства. Так, в московском Соляном бунте 1648 г. участвовали и черные посадские люди, и крестьяне, и стрельцы, и представители клира, и даже провинциальные служилые люди «по отчеству» (мелкопоместное дворянство).

Среди населения улиц Варварки и Ильинки московского Китай-города, по данным переписной книги 1638 г., можно было встретить и обладателей думных чинов, и служилых людей «по отчеству» более низких рангов, и приказных людей (дьяков и подьячих), и священников, и членов купеческих корпораций, и холопов¹⁰⁶. Такая же картина была характерна и для Белого города, о чем свидетельствует, в частности описание центра Москвы, сделанное после апрельского пожара 1629 г.¹⁰⁷

Общностью интересов отличались жители новгородских концов, московских сотен и полусотен, государевых и частновладельческих (до посадской реформы 1649—1652 гг.) белых слобод. В Москве существовали Кадашевская, Кузнецкая, Мещанская, Садовая, Хамовная и другие слободы¹⁰⁸. Стрелецкие, ямские и прочие казенные слободы имелись и в других городах России XVII в.

В одном сельском приходском храме находились во время богослужения клир, вотчинники, помещики, их дворовые люди (холопы) и крепостные крестьяне. Молитва, обращенная к Богу, объединяла членов церковно-приходской среды общей православной верой¹⁰⁹.

Первичными родовыми и хозяйственными ячейками русского общества являлись малые и большие семьи¹¹⁰. На материалах переписной книги Вологды 1678 г. М.С. Черкасова выделила три типа городских семей: 1) семьи прямого родства; 2) семьи бокового родства; 3) семьи с неродственниками. Самой распространенной в Вологде (55,2%) была малая отцовская (нуклеарная) семья, которая состояла из супругов и неженатых еще сыновей¹¹¹. Иная картина характерна для южных уездов Европейской части России, где число односемейных дворов с одним хозяином в разных городах в XVII в. колебалось от 9% до 28%, но чаще всего один двор занимали несколько поколений посадской семьи¹¹². Как и сегодня, институт семьи играл важную роль не только в процессе воспроизводства, но и в социализации, передаче жизненного и хозяйственного опыта,

доброты и милосердия, национально-конфессиональных традиций, культурно-бытовых устоев¹¹³.

На протяжении XVII в. Россия стала еще более многонациональным государством, чем прежде, в начальный период существования объединенного Московского государства. В результате вхождения Левобережной Украины и Киева, освоения восточных, северных и южных районов Сибири, русско-польской войны 1654—1667 гг. перечень нерусских народов страны пополнился за счет украинцев, белорусов, поляков, евреев, а также сибирских татар, бурят, ханты и манси, ненцев, селькупов, хакасов, эвенков, якутов и других малочисленных народов, которых впоследствии станут именовать инородцами. У ряда народов Русского Севера и Сибири сохранялись родо-племенные структуры. Находившиеся на разном уровне социально-политического, экономического и культурного развития, они постепенно адаптировались к российским политическим, хозяйственным и фискальным реалиям. Московские же власти в своей политике учитывали национально-региональные и конфессиональные особенности¹¹⁴.

Главным отличительным признаком в России являлась не национальность, а религиозная принадлежность человека. Предпочтение, естественно, отдавалось православным, разделившимся в результате церковной реформы царя Алексея Михайловича на никониан, перешедших на новые обряды и богослужебные книги, и старообрядцев, стойко (порой до фанатизма) выступавших за «старую веру» и обрядность. Против церковной реформы выступало, прежде всего, низшее приходское духовенство (как городское, так и сельское), близкое по уровню и образу жизни к рядовым горожанам и крестьянам¹¹⁵.

Политика царского правительства по отношению к иностранцам, оседавшим в России, носила избирательный характер. Хуже, чем к протестантам, например, московские власти относились к католикам¹¹⁶. Конечно, между русскими православными людьми и выходцами из Западной Европы (офицерами, коммерсантами и др.), осевшими в России, существовали определенные социокультурные барьеры и противоречия как на бытовом уровне, так и на экономической почве, но без использования более передового военно-технического, культурного и торгово-предпринимательского опыта иноземцев наша страна не смогла бы приблизиться к петровским реформам¹¹⁷. Светские власти России отличались в значительной степени веротерпимостью и служебно-фискальным прагматизмом, хотя (главным образом по настоянию церковных иерархов) и стремились распространить православную веру среди нехристианских народов России¹¹⁸. Но в конечном счете главными для царского правительства и уездных воевод были факторы исправной уплаты

налогов и несения государственной службы, но не конфессиональная принадлежность тягловцев. В северных и восточных районах страны власти в фискальных и судебных целях использовали, наряду с выборными лицами общинного русского самоуправления (старостами, сотскими, судейками, целовальниками и др.), князьков, старшин (старост) и просто авторитетных людей из среды аборигенного нерусского населения. Еще большей веротерпимостью и толерантностью отличались рядовые слои русского населения. 4 сентября 1642 г. за крещеного якутского «парня» на Ленском волоке поручились русские «торговые и промышленные люди»¹¹⁹.

За исключением уголовных преступлений, связанных с лишением жизни, в отношении нерусских народов Севера Европейской части России и Сибири применялось не общероссийское законодательство, а нормы обычного права. В Киеве не только в XVII в., но и позже, в XVIII в., судопроизводство основывалось не на Соборном Уложении 1649 г., а на Статуте Великого княжества Литовского 1588 г. На Левобережной Украине до конца XVII в., несмотря на неуклонные тенденции к ограничению «самостийности», сохранялись административно-территориальное деление на полки (к началу XVIII в. их было 16), выборность гетмана Войска Запорожского и другие элементы автономности. Но точно такую же имперскую политику укрепления властной вертикали и автократических начал царское правительство проводило и по отношению к донскому казачеству¹²⁰.

Итак, на протяжении XVII в. в России сосуществовали несколько разновидностей социальной стратификации:

1) социально-правовое деление (категории свободных и несвободных людей, чины, совокупности которых представляли собой предсословные группы);

2) социально-экономическое деление по отношению к средствам производства (внутри чиновных разрядов);

3) социально-профессиональное деление (занятия и профессии разной степени престижности, специфики и доходности);

4) социально-имущественное деление по состоянию и доходам (высший, средний, низший, беднейший слои);

5) социально-территориальное деление (исторически сложившиеся уезды, сельские и посадские общины, городские районы, сотни, слободы, улицы и др.);

6) социально-корпоративное деление (дворянские уездные корпорации и десятни, трудовые коллективы-артели, торговые ряды, ремесленные слободы, купеческие товарищества, монашеские общины);

7) социально-фискальное деление (фискальные единицы, объединенные круговой порукой);

8) социально-религиозное деление (конфессии с неравноправным положением, внутриконфессиональные группы);

9) социально-родственное деление (большие и малые семьи);

10) социально-возрастное и половое деление (несовершеннолетние, совершеннолетняя неженатая и незамужняя молодежь, люди зрелого возраста, пожилые люди).

Социальное устройство общества допетровской России превратилось в сложнейший механизм как взаимодействия, так и отторжения разных сил, чинов, должностей, предсословных (квазисословных), имущественных, профессиональных, территориальных, конфессиональных групп и внутригрупповых прослоек. Оно характеризуется не только вертикально-иерархической структурой, но также разветвленными горизонтальными связями. Наряду с объективными факторами, на настроения и позиции разных представителей одного и того же чина, одного и того же сословия, одной и той же социально-профессиональной (территориальной, корпоративной, конфессиональной) общности, одной и той же имущественной группы влияли и субъективные обстоятельства.

В отечественной историографии XX в. под воздействием догматического марксизма делался упор на антагонистическом характере вертикальной структуры феодального общества: неравноправные в социально-юридическом (сословия) и социально-экономическом (классы) отношении большие группы людей. Однако наряду с ней существовали разнообразные горизонтальные социальные общности. Классы, предсословные группы, сословия, территориальные, профессиональные, корпоративные, религиозные и прочие объединения формировались в разное время. Одни социально-правовые, социально-профессиональные и социально-экономические общности возникали раньше, другие позже. В результате в обществе всегда сосуществовали социальные группы разного порядка и уровня, члены которых были связаны между собой в повседневной жизни. Горизонтальные общности возникали и на основе вложения капиталов для торговли (складничества), и на базе общей недвижимой собственности (шабры-совладельцы соляных колодцев), и путем объединения трудовых усилий (промысловые артели и ватаги бурлаков, охотников). Обстановка внутри горизонтальных общностей отличалась неоднозначностью, выразившейся в сочетании взаимопомощи, круговой поруки, элементов клиентелизма, патернализма, патроната (закладничество) с имущественным расслоением, поляризацией служебных и фискальных интересов¹²¹.

Разветвленное социальное древо постепенно обросло пышной многоцветной кроной. И его картина, изображаемая нередко только при помощи двух красок (черной или белой) либо на основе жесткой схемы классов и сословий, выглядит обедненной и упрощенной.

Внутри и феодальной среды, и воинской среды, и приказной среды, и купеческой среды, и посадской среды, и крестьянской среды, и среды духовенства проявлялись как общие, сближающие интересы и черты, так и разного рода противоречия (на чиновной, должностной, имущественной почве). Усиление налогового гнета, несправедливый суд, социально-правовое неравенство, злоупотребления центральной и местной власти влекли за собой совместное участие в антиправительственных выступлениях представителей разных чинов и общностей российского социума. Политический строй Московского царства середины XVI — середины XVII в. правильнее характеризовать как самодержавная «чиновно-представительная» («соборно-представительная»), а не «сословно-представительная» монархия. А со второй половины XVII в. российская политическая система приобретает черты феодально-абсолютистского государства.

Давно пора уже отказаться от создания искусственно-механических схем устройства феодального общества (не существовавших классов и не оформившихся еще сословий) за счет одномерной и субъективной подборки материалов и догматической их интерпретации. Реальная структура российского социума допетровской эпохи представляется более сложной, разветвленной, разноуровневой. Она включала общности (среды) людей разного порядка, внутри которых социально-имущественные антагонизмы и противоречия сочетались с взаимодействием, взаимовыручкой и патернализмом. Социум мог функционировать в прошлом и функционирует сегодня только на базе законов диалектики (закона единства и борьбы противоположностей, закона перехода количественных изменений в качественные, закона отрицания отрицания), выражающих присущие ему антагонизмы и взаимодействие, противоречия и общие интересы.

Социальное пространство России менялось на протяжении столетий, особенно в переломные эпохи. Члены вертикальных и горизонтальных групп разного уровня находились в прошлом и находятся сегодня в состоянии постоянного социального взаимодействия. Вертикально-горизонтальная структура антагонистического общества обеспечивала его относительную социально-экономическую стабильность. А ее ослабление либо резкие деформации приводили к нежелательным для верхушки катаклизмам. В результате резкого ухудшения экономического и правового положения в поляризованном обществе вспыхивали крупные социальные волнения.

В отличие от позднейших российских сословий XVIII—XIX вв., границы между средами как совокупностями людей, особенно в первой половине XVII в., не были сильно замкнутыми, что создавало возможности для социальной мобильности. Однако по мере пере-

хода к феодальному абсолютизму, в связи с оформлением замкнутости и консолидацией феодальной среды (стиранием различий между вотчиной и поместьем), ужесточением крепостнических порядков, укреплением властной вертикали уже к концу XVII в. возникает гораздо большее, чем прежде, отчуждение между разными группами российского социума. Оно отразилось в окончательном законодательном оформлении российских сословий в екатерининскую эпоху, когда по отношению к ним стал применяться термин «состояние».

¹ См., например: *Вебер М.* Основные понятия стратификации // Социологические исследования. — 1994. — № 5. — С. 96—104; *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация: учеб. пособие для вузов. — М.: Наука, 1995. — 240 с.; *Ильин В.И.* Социальная стратификация. — Сыктывкар: СГУ, 1991. — 221 с.; *Добренков В.И., Кравченко А.И.* Социология: [учебник]: в 3 т. — М.: ИНФРА-М, 2000. — Т. 2: Социальная структура и стратификация. — 535 с.; *Мердок Дж.П.* Социальная структура. — М.: О.Г.И., 2003. — 606 с.

² *Ключевский В.О.* О государственности в России. — М.: Мысль, 2003. — С. 3.

³ См., например: *Беляевский М.Т.* Классы и сословия феодального общества в России в свете ленинского наследия // Вестник Московского университета. Сер. 9, История. — 1970. — № 2. — С. 65—79; *Преображенский А.А.* Об эволюции классово-сословного строя в России // Общество и государство феодальной России: сб. ст., посвящ. 70-летию акад. Льва Владимировича Черепнина. — М., 1975. — С. 67—85; *Устюгов Н.В.* Классы и классовая борьба в России в XVII в. // *Устюгов Н.В.* Научное наследие. — М., 1974. — С. 133—176; *Ключевский В.О.* История сословий в России // *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. — М., 1989. — Т. VI: Специальные курсы. — С. 225—391; *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVII — начало XX в.): в 2 т. — 3-е изд., испр., доп. — СПб., 2003. — Т. 1. — С. 76—78; Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина. — М., 2010. — Т. 1. — 991 с.; Сословное представительство в России в контексте европейской истории (вторая половина XVI — середина XVII вв.): Междунар. науч. конф.: тез. докл. — М., 2013. — 204 с.; Представительные институты в России в контексте европейской истории, XV — середина XVII в. — М.: Древлехранилище, 2017. — 315 с.

⁴ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. — М.: Территория будущего, 2005. — С. 143.

⁵ *Уланов В.Я.* Положение низших классов в Московском государстве в XVI и XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. — М., 1992. — Ч. II, вып. IV. — С. 87.

⁶ *Шахматов М.В.* Государство правды. — М.: Фонд ИВ, 2008. — С. 283.

⁷ Там же. — С. 284.

⁸ История России с древнейших времен до конца XVII века. — М., 1996. — С. 529—532.

⁹ Интервью с Л.С. Клейном французского журналиста Фабриса Депре (ноябрь 2017 г.) на интернет-портале Le Grand Continent. См. перевод на русский язык: «Это моя страна, и здесь я на своем месте»: [интервью Ф. Депре с проф. Л. Клейном, ноябрь 2017 г.] // Троицкий вариант-Наука. — 2018. — 30 янв. — С. 4.

¹⁰ История государственного управления в России: учебник / под ред. В.Г. Игнатова. — М.: ТК Велби: Проспект, 2007. — С. 73—74.

¹¹ *Селин А.А.* Общественные группы Новгорода Великого и плебисцит 1614 г. // Сословное представительство в России в контексте европейской истории (вто-

рая половина XVI — середина XVII вв.): Междунар. науч. конф.: тез. докл. — М., 2013. — С. 130.

¹² *Хоскинг Дж.* Россия: народ и империя (1552—1917). — Смоленск: Русич, 2000. — С. 165.

¹³ История северного крестьянства: [в 4 т.]. — Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. изд-во. Вологод. отд-ние, 1984. — Т. 1: Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. — С. 143.

¹⁴ История ментальностей, историческая антропология: зарубежные исследования в обзорах и рефератах / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории; Рос. гос. гуманитар. ун-т. — М.: б.и., 1996. — С. 84.

¹⁵ *Панях В.М.* : 1) Холопство в XVI — начале XVII века. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. — 268 с. ; 2) Холопство в первой половине XVII века. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. — 261 с.

¹⁶ *Перхавко В.Б.* Представления об устройстве общества в средневековой России // 1150 лет Российской государственности и культуры / [сост. В.Б. Перхавко]. — М., 2012. — С. 69—75.

¹⁷ *Сергеевич В.И.* Древности русского права: в 3 т. — М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2007. — Т. 1: Территория и население. — С. 454—603; *Богданов А.П.* Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. — М.: Академический проект, 2018. — С. 699—703.

¹⁸ *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в период Смуты. — М.: ИРИ РАН; Тула: Гриф и Ко, 2009. — С. 106—111.

¹⁹ Акты исторические ... — СПб.: в тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. — Т. 2. — С. 422—426 (№ 355).

²⁰ Общественная мысль России в XVI—XVII вв. — М.: РОССПЭН, 2010. — Т. 2: Московское царство. — С. 105—116.

²¹ *Тиц А.А.* Загадка древнерусского чертежа. — М.: Стройиздат, 1978. — С. 96.

²² *Фриз Г.Л.* Сословная парадигма и социальная история России // Американская рустика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. — Самара, 2000. — С. 126.

²³ Общественная мысль России в XVI—XVII вв. — Т. 2. — С. 340.

²⁴ Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. — М.: Юрид. лит., 1985. — Т. 3. — С. 102.

²⁵ *Маньков А.Г.* Законодательство и право России второй половины XVII в. — СПб.: Наука, 1998. — С. 64.

²⁶ Памятники русского права. — М.: Госюриздат, 1963. — Вып. 7. — С. 306; Акты писцового дела (1644—1661 гг.) / сост. С.Б. Веселовский. — М.: Наука, 1977. — С. 77—78 (№ 19).

²⁷ Акты, относящиеся до юридического быта древней России / изданы ... под ред. Н. Калачева. — СПб.: в тип. Имп. акад. наук, 1864. — Т. 2. — Стб. 609 (№ 196).

²⁸ Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. — Ярославль: типо-лит. Николаевой, 1913. — Стб. 241.

²⁹ Памятники русского права. — Вып. 7. — С. 50—51.

³⁰ Дворцовые разряды ... — СПб.: в тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1855. — Т. 4. — Стб. 376.

³¹ Памятники русского права. — Вып. 7. — С. 306.

³² Общественная мысль России в XVI—XVII вв. — Т. 2. — С. 226.

³³ *Морохин А.В., Сироткин С.В.* Крестоприводная книга г. Арзамаса 1676 года // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сб. науч. и метод. ст. — Н. Новгород, 2016. — Вып. 14. — С. 104—116.

³⁴ *Богданов А.П., Плигузов А.И.* Книги Псковской приказной избы XVII в. // Советские архивы. — 1987. — № 4. — С. 79, 82 (примеч. 11).

³⁵ *Давид И.* Современное состояние Великой России, или Московии // Вопросы истории. — 1968. — № 3. — С. 93—94.

³⁶ *Сторожев В.Н.* Боярство и дворянство в XVII веке // Три века: Россия от Смуты до нашего времени: ист. сб. / сост.: А.М. Мартышкин, А.Г. Свиридов. — Репр. воспроизв. изд. 1912—1913 гг. — М., 1991. — Т. 2. — С. 201—231; *Павлов-Сильванский Н.П.* Государевы служилые люди. Люди кабальные. — М.: Крафт+, 2001. — 286 с.; Правящая элита Русского государства IX— начала XVIII вв.: очерки истории. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. — 548 с.

³⁷ *Павлов А.П.* Проблема «боярство и дворянство» XVI—XVII вв. и генеалогия // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. — М., 1989. — С. 12—14.

³⁸ См., например: Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. / [составление, подготовка текста и вступ. ст. С.П. Мордвиной и А.Л. Станиславского]. — М.: ЦГАДА, 1979. — [Ч. 1]. — 341 с.; Разрядная книга 1475—1605 гг. — М.: Ин-т истории СССР, 1989. — Т. III, ч. III / [сост. Л.Ф. Кузьмина]. — 228 с.

³⁹ *Лисейцев Д.В.* Указ. соч. — С. 451—573; *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века и ее роль в формировании абсолютизма. — М.: Наука, 1987. — 228 с.

⁴⁰ *Маркевич А.И.* История местничества в Московском государстве в XV—XVII веке. — Одесса: тип. «Одес. вестн.», 1888. — [4], X, 611, [3], CXLIV с.; *Шмидт С.О.* Местничество и абсолютизм: (постановка вопроса) // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). — М., 1964. — С. 168—205; *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI—XVII вв. — М.: Квадрига, 2009. — 509 с.

⁴¹ См.: *Никитин Н.И.* К вопросу о социальной природе приборного войска // История СССР. — 1990. — № 2. — С. 44—59.

⁴² *Глазьев В.Н.* Выборные на земские соборы середины XVII века от городов юга России // Сословное представительство в России в контексте европейской истории, вторая половина XVI — середина XVII вв.: Междунар. науч. конф.: тез. докл. — М., 2013. — С. 37.

⁴³ *Скобелкин О.В.* Изменения социального статуса служилых людей Воронежского уезда в 50—70-х гг. XVII в. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья: сб. науч. докл. IV межвуз. конф. по ист. демографии и ист. географии Центрального Черноземья (Курск, 27 апр. 1994 г.). — Курск, 1994. — С. 64.

⁴⁴ Региональный исторический словарь второй половины XVI — XVIII вв.: (по памятникам письменности Смоленского края). — Смоленск, 2000. — С. 68.

⁴⁵ *Рыблова М.* Казачьи братства на Дону: специфика культурной модели // Родина. — 2009. — № 6. — С. 90—91.

⁴⁶ *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. — М.: Мысль, 1990. — 272 с.

⁴⁷ Нижний Новгород в XVII веке: сб. документов. — Горький: Кн. изд-во, 1961. — С. 48 (№ 17).

⁴⁸ *Тюменцев И.О.* Казаки на избирательном Земском соборе 1613 г. // От Смуты к Империи: новые открытия в области археологии и истории России XVI—XVIII вв.: материалы науч. конф. — М.; Вологда, 2016. — С. 332—338.

⁴⁹ *Румянцева В.С.* Монастыри и монашество в XVII веке // Монашество и монастыри в России, XI—XVII века: ист. очерки. — М., 2002. — С. 163—185.

⁵⁰ *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань: Унив. тип., 1873. С. 4—10; *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII веках. — М.: Индрик, 2002.

⁵¹ *Устинова И.А.* Русское государство и православная церковь в X — начале XX в. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. — С. 112—117.

⁵² 1617/18 — Дозорная книга города Белоозера «письма и дозору» Г.И. Квашина и подьячего П. Дементьева / (подготовлена к печати Ю.С. Васильевым) // Белоозерье: ист.-лит. альманах. — Вологда, 1994. — Вып. 1. — С. 73.

⁵³ *Фомин К.Н.* Город Тула в первой половине XVII в.: по археологическим данным // Древняя Русь: вопросы медиевистики. — 2017. — № 3 (69). — С. 150.

- ⁵⁴ *Касаткин В.А.* Тульские кирпичники в XVII веке: принципы формирования корпорации // *Сословия, институты и государственная власть в России: (Средние века и раннее Новое время): сб. ст. памяти акад. Л.В. Черепнина.* — М., 2010. — С. 752.
- ⁵⁵ *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. — М.: Памятники ист. мысли, 1998. — Т. 1. — 512 с.; *Перхавко В.Б.* Средневековое русское купечество. — М.: Кучково поле, 2012. — С. 172—208.
- ⁵⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. — СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. — Т. 1. — С. 484 (№ 247); Соборное уложение 1649 года. — Л.: Наука, 1987. — С. 34, 36.
- ⁵⁷ *Эскин Ю.М.* Указ. соч. — С. 313—318.
- ⁵⁸ Там же. — С. 319—321.
- ⁵⁹ *Демидова Н.Ф.* Указ. соч. — С. 85.
- ⁶⁰ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. — М.: Наука, 1975. — С. 222, 378, 479—480; *Демидова Н.Ф.* Указ. соч. — С. 77—79; *Голикова Н.Б.* Указ. соч. — Т. 1. — С. 97, 102.
- ⁶¹ Таможенная книга города Вологды 1634—1635 гг.: [в 3 т.] / сост. и авт. введ. Е.Б. Французова. — М.: [Ин-т истории СССР], 1983. — [1] — С. 33, 55, 76, 83, 86, 102, 104, 132, 179 и др.
- ⁶² Таможенные книги сибирских городов XVII века. — Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1997. — Вып. 1: Сургут и Тара. — С. 19—25, 75—77, 88, 91, 94 и др.; Новосибирск, 2000. — Вып. 3: Верхотурье, Красноярск. — С. 19, 137—139 и др.; Новосибирск, 2001. — Вып. 4: Тюмень, Пелым. — С. 27—28 и др.; Новосибирск, 2003. — Вып. 5: Тобольск, Кетск. — С. 8—9 и др.
- ⁶³ *Смирнов Л.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. — 2 т.
- ⁶⁴ История форм труда в Русском государстве первой половины XVII века: материалы по истории ремесленного труда и форм найма на посадах Русского государства: документы по г. Москве / сост. А.Н. Сперанский, Н.В. Устюгов, В.И. Шунков; подгот. к изданию Н.Ф. Демидовой. — М.: Ин-т истории СССР, 1988. — 3 т.; Писцовые и переписные книги Торжка XVII — начала XVIII в. — М.: Рукописные памятники Древней Руси: ЯСК, 2014. — Ч. 1 / сост. И.Ю. Анкудинов, П.Д. Малыгин. — С. 281—284.
- ⁶⁵ Акты писцового дела (1644—1661 гг.) / сост. С.Б. Веселовский. — М.: Наука, 1977. — С. 182 (№ 65).
- ⁶⁶ *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Изд-во Акад. наук, 1954. — Т. II. — С. 357—390; История крестьянства в России с древнейших времен до 1917 г. — М.: Наука, 1993. — Т. 3. — С. 16—35; и др.
- ⁶⁷ *Сахаров А.Н.* Русская деревня XVII в.: по материалам патриаршего хозяйства. — М.: Наука, 1966. — С. 157—177.
- ⁶⁸ *Горская Н.А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке: о сущности и формах феодально-крепостнических отношений. — М.: Наука, 1977. — 365 с.; Владения и крепостные крестьяне русской церкви в конце XVII века / сост. и отв. ред. Я.Е. Водарский. — М.: Ин-т истории СССР, 1988. — 168 с.
- ⁶⁹ *Крижанич Юрий.* Политика. — М.: Новый свет, 1997. — С. 63.
- ⁷⁰ Крестьянские челобитные XVII в.: из собраний Государственного Исторического музея. — М.: Наука, 1994. — С. 187 (№ 245).
- ⁷¹ См.: *Юшков С.В.* К вопросу о сословно-представительной монархии в России // Советское государство и право. — 1950. — № 10. — С. 39—51; *Тихомиров М.Н.* Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI века // Вопросы истории. — 1958. — № 5. — С. 3—22; *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. — М.: Наука, 1978. — 417 с.

⁷² *Пушкарев С.Г.* Россия и Европа в их историческом прошлом // Евразийский временник. — Париж, 1927. — Кн. 5. — С. 121—152; Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. — М.: ИВИ, 1992. — С. 73.

⁷³ *Кареев Н.И.* Поместье-государство и сословная монархия средних веков: очерк развития социального строя и политических учреждений в Западной Европе в средние века. — 3-е изд. — СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1913. — С. 6—7. Ср.: *Бойцов М.А.* Сословно-представительная монархия: ошибка в переводе? // Сословное представительство в России в контексте европейской истории (вторая половина XVI — середина XVII вв.): Междунар. науч. конф.: тез. докл. — М., 2013. — С. 30. Более подробно см.: Там же. — С. 29—32.

⁷⁴ *Коллманн Н.Ш.* Соединенные чество: государство и общество в России раннего нового времени. — М.: Древлехранилище, 2001. — С. 108.

⁷⁵ *Ключевский В.О.* История сословий в России. — С. 381.

⁷⁶ *Петрикеев Д.И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в.: по материалам вотчины боярина Б.И. Морозова. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1967. — С. 135—183.

⁷⁷ *Новохатко О.В.* Начальник Разрядного приказа думный дьяк В.Г. Семенов в делопроизводственных документах и частной переписке // Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская империя и их соседи: материалы науч. конф., Москва, 13—14 окт. 2016 г. — М., 2016. — С. 158—160.

⁷⁸ *Устинова И.А.* Книги Патриарших приказов 1620—1649 гг. как исторический источник. — М.: Ин-т рос. истории РАН, 2011. С. 26, 33, 53, 68—69, 73—75, 128, 156—158, 247, 289; *Черкасова М.С.* К изучению церковно-административных и территориальных структур на Русском Севере в XVI — начале XVIII в. // Государство и общество в России XV — начала XX века: сб. ст. памяти Н.Е. Носова. — СПб., 2007. — С. 216—219.

⁷⁹ «Что в государстве делаетца дурно...»: «Государево дело» стряпчего И.А. Буртулина. 1634 г. / текст подготовлен Т.А. Лаптевой // Исторический архив. — 1993. — № 4. — С. 178—186; Общественная мысль России в XVI—XVII вв. — Т. 2. — С. 331—335, 443—448.

⁸⁰ *Богданов А.П.* Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. — С. 267—274, 586—595.

⁸¹ *Оболенский М.А.* Проект устава о служебном старшинстве бояр, окольных и думных людей по тридцати четырем степеням, составленный при царе Феодоре Алексеевиче / сообщен кн. М.А. Оболенским // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н.В. Калачевым. — М., 1850. — Кн. 1. — С. 23—33 (Отд-ние II).

⁸² *Седов П.В.* Закат Московского царства: царский двор конца XVII века. — [2-е изд., испр.]. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. — С. 221.

⁸³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. — СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и в. канцелярии, 1830. — Т. 2. — С. 218 (№ 777).

⁸⁴ *Седов П.В.* К изучению источников по истории отмены местничества // Вспомогательные исторические дисциплины. — СПб., 1998. — [Т.] 26. — С. 209—223.

⁸⁵ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. — М.: Соцэкгиз, 1961. — Кн. 7. — С. 314 (Прил. 4: Разряд без места царя Федора Алексеевича 1682 г.). (Ссылка на источник: РГАДА. — Ф. 156. — Д. 147. — Л. 1—16).

⁸⁶ *Седов П.В.* К изучению источников по истории отмены местничества. — С. 222.

⁸⁷ *Ровинский Д.А.* Материалы для русской иконографии / собрал Д.А. Ровинский. — СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1884. — Вып. 1. — С. 5—6 (№ 39).

⁸⁸ Таможенные книги города Великие Луки, 1669—1676 гг. / подготовил к печати А.В. Юрасов. — М.: Ин-т рос. истории РАН, 1999. — С. 24, 46, 85, 126, 130, 132, 134, 138—142, 244 и др.

- ⁸⁹ Акты исторические ... — СПб.: в тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1842. — Т. 4. — С. 348 (№ 183); Словарь русского языка XI—XVII вв. — М.: Наука, 1977. — Вып. 4. — С. 195.
- ⁹⁰ *Полоцкий Симеон*. Избранные произведения. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. — С. 7—8.
- ⁹¹ Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII веков. — М.: Худож. лит., 1987. — С. 232—233.
- ⁹² *Посошков И.Т.* Книге о скудности и богатстве; Завещание отеческое / сост., авторы вступ. ст. и коммент.: Н.В. Козлова, Л.Н. Вдовина. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 49—52, 120—124, 159—161, 168—172 и др.
- ⁹³ *Сторожев В.Н.* Два челобитья: (к библиографии материалов для истории русского дворянства) // Библиографические записки. — 1892. — № 1. — С. 14—15.
- ⁹⁴ Там же. — С. 8. См. также: Журнал Министерства народного просвещения. — 1891. — № 3. — С. 39 (примеч. 4), 40 (примеч. 2); *Новосельский А.А.* Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века // Памяти Александра Николаевича Савина (1873—1923): сб. ст. — М., 1926. — С. 352. — (Труды Института истории РАН ИОН; т. 1).
- ⁹⁵ *Зерцалов А.Н.* О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском 1648, 1662 и 1771 гг. / сообщение ... А. Зерцалова. — М.: Унив. тип., 1890. — С. 260, 262.
- ⁹⁶ Писцовые и переписные книги Торжка XVII — начала XVIII в. — Ч. 1.
- ⁹⁷ *Александров В.А.* Сельская община в России (XVII — начало XIX в.) — М.: Наука, 1976. — 323 с.; *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. — М.: Археогр. центр, 1997. — С. 234—239; *Черкасова М.С.* Брак и семья на севере России в XV—XVII вв.: народный обычай и церковное регулирование // Историческое краеведение и архивы. — Вологда, 2009. — Вып. 15: История северорусской семьи в социокультурном и демографическом контексте: источники и исследования. — С. 4—23.
- ⁹⁸ *Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацлло М.К.* История налогов в России, IX — начало XX века. — М.: РОССПЭН, 2006. — С. 56—59.
- ⁹⁹ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. — 2-е изд., стереотип. — М.: Прогресс, 1987. — Т. III. — С. 607, 740; *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Русский язык, 1991. — Т. IV. — С. 176—177; *Виноградов В.В.* История слов. — М., 1999. — С. 1014—1019.
- ¹⁰⁰ *Елифанов П.П.* Войско // Очерки русской культуры XVII века. — М., 1979. — Ч. 1: Материальная культура. Государственный строй / гл. ред. А.В. Арциховский. — С. 234—264; *Богоявленский С.К.* Войско в Москве в XVI и XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. — Репринт. — М., 1992. — [Ч. II, вып. IV]. — С. 62—84; *Алексеев Ю.Г.* Военная история допетровской России. — СПб.: О. Абышко, 2018. — 743 с.
- ¹⁰¹ *Новохатко О.В.* Разряд в 185 году. — М.: Памятники ист. мысли, 2007. — С. 216—226.
- ¹⁰² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею Академии наук. — СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1836. — Т. 3. — С. 222, 230.
- ¹⁰³ См. о понятии «субкультура»: *Мудрик А.В.* Субкультура // Человек: философско-энциклопедический словарь. — М., 2000. — С. 364—368; *Разлогов К.Э.* Субкультура // Новая философская энциклопедия: в 4 т. — М., 2001. — Т. III. — С. 651; *Хренов Н.А.* Парадоксы функционирования российской цивилизации сквозь призму субъекта исторического процесса (социально-психологический аспект) // Человек как субъект культуры. — М., 2002. — С. 189—249.
- ¹⁰⁴ См.: *Черная Л.А.* Русская культура переходного периода от средневековья к новому времени: философско-антропологический анализ русской культуры XVII — первой трети XVIII в. — М.: Яз. рус. культуры, 1999. — С. 191.
- ¹⁰⁵ Городские восстания в Московском государстве XVII в. — М.; Л.: Соцэкгиз, 1933. — С. 119, 122, 142—143.

¹⁰⁶ Переписная книга города Москвы 1638 года. — М.: Мос. гор. дума, 1881. — [4] с., 316 стб. Исключение составляла Никольская улица, которую чех Бернгард Таннер называл «Священной улицей», поскольку ее заселяли по преимуществу монахи трех обителей, священники, иконописцы, книжники, но, наряду с ними, проживали бояре Шереметевы (Шереметевы), князья Воротынские, Трубецкие, Черкасские (что иностранный путешественник оставил без внимания). См.: *Шокарев С.Ю.* Повседневная жизнь средневековой Москвы. — М.: Молодая гвардия, 2012. — С. 47—58.

¹⁰⁷ Из истории Москвы: (опись г. Москвы после пожара 10 апреля 1629 г.) / подгот. к печати В.И. Троицким // Красный архив. — 1940. — № 4 (101). — С. 200—228.

¹⁰⁸ *Богоявленский С.К.* : 1) Московские слободы и сотни в XVII в. // Московский край в его прошлом. — М., 1930. — Ч. 2. — С. 117—131 ; 2) Московская Мещанская слобода в XVII в. // *Богоявленский С.К.* Научное наследие: о Москве XVII в. — М., 1980. — С. 19—21.

¹⁰⁹ См.: *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. — [2-е изд.] — СПб.: Изд-во СПбГУ: Петербургское востоковедение, 2007. — 440 с.

¹¹⁰ *Лещенко В.Ю.* Русская семья (XI—XIX вв.). — СПб.: СПГУТД, 2004. — 608 с.

¹¹¹ *Черкасова М.С.* : 1) Северная Русь: история сурового края XIII—XVII вв. — М.: Центрполиграф, 2017. — С. 114 ; 2) Брак и семья в Московской Руси в XVI—XVII вв. // Вопросы истории. — 2017. — № 11. — С. 46—60.

¹¹² *Кондратьева С.К.* Посадские люди юга России в XVII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Воронеж, 2012. — С. 21.

¹¹³ *Антонов А.И., Медков В.М.* Социология семьи. — М.: Изд-во МГУ: Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. — 304 с.; *Добренков В.И., Кравченко А.И.* Социология: [в 3 т.] — М.: ИНФРА-М, 2000. — Т. 3: Социальные институты и процессы. — С. 286—379; *Лещенко В.Ю.* Указ. соч.

¹¹⁴ История Урала с древнейших времен до 1861 г. — М.: Наука, 1989. — С. 158—161, 232—233; *Булгаков М.Б.* Народы Европейского Севера России в XVII веке: управление и хозяйство. — М.: Ин-т рос. истории РАН, 2008. — 293 с.; Русские в Евразии XVII—XIX вв. Миграция и социокультурная адаптация в иноэтнической среде. — М.: Ин-т рос. истории РАН, 2008. — 478 с.; *Тренилов В.В.* Этнокультурный фактор в развитии Московского государства и ранней Российской империи // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. — М., 2012. — С. 66—101.

¹¹⁵ *Анкудинова Л.Е.* Социальный состав первых раскольников // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. — 1956. — Вып. 3, № 14. — С. 54—68.

¹¹⁶ *Цветаев Д.В.* : 1) Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. — М.: Унив. тип., 1886. — [8], 462, LIX с. ; 2) Протестанство и протестанты в России до эпохи преобразований. — М.: Унив. тип., 1890. — VIII, 782, II с.

¹¹⁷ *Черникова Т.В.* Европеизация России во второй половине XV—XVII веках. — М.: МГИМО-Университет, 2012. — С. 544—730.

¹¹⁸ *Верняев И.И.* Очерки истории этноконфессиональной политики в России. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. — С. 22—25, 51—67 и др.

¹¹⁹ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. — СПб.: в тип. Имп. Акад. наук, 1864. — Т. 2. — Стб. 785 (№ 257).

¹²⁰ Российская империя от истоков до начала XIX века: очерки социально-политической и экономической истории. — М.: Русская панорама, 2011. — С. 83—85, 184—188; *Никитин Н.И.* Разинское движение: взгляд из XXI в. — М.: Ин-т рос. истории РАН, 2017. — С. 7—11.

¹²¹ *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность. — 2-е изд., доп. — М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2000. — С. 84—101.

Е.Л. Киселева

**ДОКУМЕНТЫ О ЧИСТКЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
СССР И РСФСР КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ
ПРОЦЕССОВ КОНЦА 1920-Х — НАЧАЛА 1930-Х ГОДОВ:
A CASE STUDY**

Статья посвящена анализу основных групп документальных источников, возникших в результате кампании чистки 1929—1932 гг. в центральных учреждениях СССР и РСФСР. На конкретных примерах показано, что сохранившиеся документы о ходе кампании в союзных и республиканских наркоматах открывают широкие возможности для исследования биографий служащих и создания общего социального портрета тех, кто вольно или невольно был вовлечен в это мероприятие, шумное и масштабное для современников, «затерявшееся» на фоне последующих событий в отечественной истории новейшего времени. Автор обращает особое внимание на информационный потенциал данного массового источника для изучения социальных процессов периода «начала широкого наступления социализма по всему фронту» микроисторическими методами.

Ключевые слова: служащий; наркомат; биография; чистка; микроистория; кампания; повседневность; госаппарат.

Ye.L. Kiseleva

Documents on the purge (chistka) of the central institutions of the USSR and the RSFSR as a reflection of social processes of the late 1920s and early 1930s: a case study

The article analyses the main categories and characteristics of documents created (and later preserve in the archive) as a result of the purge (chistka) campaign of 1929—1932 in the central institutions (narkomaty) of the USSR and the RSFSR. The author demonstrates on the particular examples the information potential of the documents for researching not only biographies of employees, and for reconstructing a social portrait of those who were voluntarily or involuntarily involved in the chistka event, but moreover — for studying the controversial social processes in the times of the socialist offensive policy by microhistory approach.

Keywords: commissariat; biography; purge; inspection of employees (chistka); microhistory; campaign; everyday life; state apparatus.

В свое время именно поиск ответа на вопросы «почему?» и «зачем?» применительно к кампании чистки госаппарата 1929—1932 гг., проходившей в рамках борьбы с бюрократизмом под эгидой НК РКИ СССР, заставил нас обратить пристальное внимание на источники.

Знакомство с темой у автора началось еще на студенческой скамье со статей в журналах «Работник просвещения» и «Народное просвещение» о ходе и результатах чистки Наркомпроса РСФСР¹. О том, какое значение придавали мероприятию современники и какое место оно занимало в повседневной жизни общества, свидетельствовала книга, вышедшая в 1932 г.² На первый взгляд все это напоминало «театр абсурда». В советской историографии о кампании вспоминали лишь в связи с деятельностью наркоматов РКИ СССР и РСФСР по совершенствованию госаппарата, и «история власти» не давала ответ на вопрос о ее причинах, ограничиваясь в основном общепринятыми идеологическими штампами³. В постсоветский период тема так или иначе затрагивалась в литературе⁴. В книгах «Голос народа» и «Общество и власть, 1930-е годы» содержится ряд документов о чистке в советских учреждениях, представленных нами⁵. Однако на фоне масштабных исследований, посвященных переосмыслению событий советской истории, кампания оставалась «незамеченной».

Впервые место и роль чисток в повседневной жизни советского общества определила в своих исследованиях Т.М. Смирнова. Особого внимания заслуживает ее монография и ряд статей по теме. Автор изучала социальные процессы, опираясь на материалы архивных фондов учреждений Москвы и Московской области⁶. Следуя за Т.М. Смирновой, мы попытались обратить более пристальное внимание на «генеральную чистку» советского аппарата 1929—1932 гг. в центральных учреждениях СССР и РСФСР, в том числе на источники по данной теме⁷.

До настоящего времени источники, отражающие ход кампании в центральных учреждениях СССР и РСФСР, не были предметом исследования. Между тем, их информационные возможности как для исследования сюжетов, связанных с данным мероприятием, так для изучения социальной истории конца 1920-х — начала 1930-х годов в целом весьма обширны. Основой статьи послужили результаты нашего диссертационного исследования⁸. Следует оговориться, что в тексте содержатся обширные цитаты из документов, поскольку иначе нельзя передать особенности этого официального источника с элементами «эго-документов», пропитанного «духом эпохи».

ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ ИСТОЧНИКОВ ПО ЧИСТКЕ И МЕТОДЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Как уже неоднократно подчеркивалось, чистка государственного аппарата 1929—1932 г. была общесоюзным мероприятием, руководимым из центра, поэтому ее документальное наследие представляет собой видовое разнообразие нормативных и делопроизводственных источников, созданных в соответствии с целями и задачами кампании.

В комплексе документов по чистке можно выделить две основные группы источников: *документы о подготовке и об организации чистки; документы о ходе чистки в конкретных учреждениях*. С целью определения взаимосвязи источников различных групп и видов и наиболее полного раскрытия их информационного потенциала для изучения социальных процессов в обществе в период «наступления социализма по всему фронту» целесообразно использование определенных приемов и методов.

Все кампании этого периода были шумными, содержали в себе элементы показухи. Чистка не была исключением. Для всех документов характерна тенденциозность и эмоциональный накал, что, несомненно, может мешать объективному восприятию их содержания. Историк, подобно переводчику, необходимо изначально «снижать экспрессивность исходного текста», как бы отделяя выражения с яркой эмоциональной окраской от основного содержания документа. Крылатые выражения и стилистические обороты того времени сами по себе тоже могут служить предметом анализа, поскольку отражают, хотя и в несколько искаженном виде, мироощущение и мировосприятие современников.

Проблематика и задачи микроистории, пишет С.В. Журавлев, заставляют обращаться к новым методам анализа, к иному прочтению и интерпретации известных и особенно к неизученным пластам источников⁹.

Кампания чистки существовала в общем историческом контексте и в этом смысле выступала отражением массового сознания, поэтому обращаясь к источникам, возникшим в результате этого события на уровне микроисследования, уделяя внимание эпизодам повседневной жизни, можно понять, что же происходило в государственном аппарате и в обществе в целом, какие социальные процессы определяли перспективы развития нового социалистического государства на 13-м году его существования.

Об этой совсем не круглой дате современники тогда очень любили вспоминать на собраниях, что подтверждается документами. Стенограмма одного из заседаний комиссии по чистке Издатель-

ства НКПТ СССР зафиксировала трагикомический случай, в котором, на наш взгляд, нашел отражение настрой на «великий рывок», присутствующий в массовом сознании того времени: «пока они загнивают, мы их перегоним»¹⁰. Центральной темой обсуждения стала открытка с видом Волги, выпущенная Издательством НКПТ СССР по заказу АО «Интурист»¹¹. В этой открытке рабочая бригада, да и сам председатель комиссии В.С. Калашников усмотрели «контрреволюцию», которая скрывалась за маленьким судном, плывущем по великой реке. На собрании он прокомментирует это следующим образом: «На 13-ом году революции, когда проводится индустриализация, а у нас такой допотопный пароход»¹². Главным виновником был объявлен заведующий Рекламным отделом Издательства — Е.М. Паперно, хотя открытка вышла в свет после традиционных многочисленных согласований, в том числе с председателем правления АО «Интурист» А.Э. Рудзутаком. Сам заведующий объяснял:

«“Интурист” поручил нам дать виды Волги, Кавказа и Крыма. ... Мы дали в эскизе громадный пароход, председатель “Интуриста” вызвал нас по телефону и сказал: “Видите, мы иностранцев не удивим громадным пароходом, а нам нужна экзотика берегов Волги — жигули и маленький пароходик”. Даже один из консультантов сказал, что хорошо было бы добавить кабачок, но кабачок мы дать не могли, а мы дали эту открытку. Эта открытка завизирована замнаркомом»¹³.

Для изучения механизмов самой чистки, а также для понимания взаимодействия общества и власти в этот исторический период важно реконструировать процесс разработки законодательных и нормативных актов о чистке. Они по своему уникальны, поскольку появились и «канули в лету» вместе с кампанией.

Документы об их подготовке содержатся как в составе фондов ЦКК ВКП (б), союзного и республиканского наркоматов РКИ, так и в составе документальных комплексов Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП (б) и Управления делами СНК СССР. Чтобы определить последовательность появления тех или иных документов и их роль в создании того или иного нормативного акта, все названные комплексы важно изучать синхронно. Ключом к их прочтению являются стенограммы совещаний «группы Петерса», которые проходили в НК РКИ СССР с конца 1928 г. В республиканском НК РКИ работала группа инспекции советского строительства, которая также разрабатывала проекты нормативных документов о чистке. В составе фонда НК РКИ СССР сохранились проекты «Инструкции по чистке госаппарата» с предложениями и поправками, внесенными местными КК—РКИ. Несмотря на обилие и внешнее многообразие

поправок, далеко не все касались принципиальных вопросов организации кампании. Текстологический анализ позволяет проследить «эволюцию» документа от момента создания первого проекта до его официального издания.

Перед организаторами кампании стояла сложная задача начать «с чистого листа», и они активно обращались к общественному мнению, о чем также сообщают источники. Найти ответы на вопрос, как создавались проекты документов, не имеющие ничего общего с традиционным законодательством и нормотворчеством, помогают письма граждан по вопросам чистки в средства массовой информации, которые собирала «группа Петерса». Они тщательно изучались, составлялись сводки, которые представлялись председателю Центральной комиссии по чистке советского аппарата (ЦКЧСА). Таким образом, у исследователя есть возможность сравнить тексты писем и сводок, а значит, получить представление о том, какие предложения вызвали интерес, какие находили отражение в нормативных документах, а какие, наоборот, остались «незамеченными».

Делопроизводственная документация о подготовке и организации кампании разнообразна и обширна. То, что она в общем и целом достоверно отражает события, не вызывает сомнения. Ведь речь идет о скрытом от глаз широкой общественности комплексе, фиксирующем организационную работу союзного и республиканского наркоматов рабоче-крестьянской инспекции и соответствующих центральных комиссий. Многие документы уже тогда получали гриф «секретно». Здесь содержится много характерной для того времени «самокритики». Хвалить себя было тогда не принято.

Опираясь на источники данного комплекса, можно одновременно проводить проверку достоверности сведений о подготовке кампании, публикуемых в печати и в литературе того времени. В ходе анализа данных двух видов источников историк может делать выводы о том, что и по каким причинам «укрывалось» от публики в ходе «постановки пьесы», а что, наоборот, специально для зрителя выносилось на передний план.

Одна из основных источниковедческих проблем, которую приходится решать при работе с делопроизводственной документацией по подготовке и организации кампании, поиск или реконструкция содержания отсутствующих документов, в том числе отдельных. Нередки случаи, когда копии недостающих протоколов заседаний комиссий по чистке наркоматов можно обнаружить среди материалов партийной чистки в фондах партиячек соответствующих учреждений. Иногда восстановить содержание недостающего документа возможно, проанализировав другие источники, где содержатся какие-

либо сведения о нем. Так, сведения об организации кампании из докладных записок председателей комиссии по чистке наркоматов РСФСР раскрывают содержание «глухих» или просто отсутствующих протоколов ЦКЧСА НК РКИ РСФСР.

Самого пристального внимания, с точки зрения их источниковедческой критики, требуют документы о ходе чистки в учреждениях. Здесь на уровне микроисследования появляются возможности для перекрестной проверки или двойной проверки данных различных источников и установления наиболее «надежных» с точки зрения их достоверности. Целесообразнее, на наш взгляд, начинать изучение сюжетов проведения кампании в конкретных учреждениях «с конца», то есть с отчетной документации. *Докладные записки о результатах чистки*, представляемые председателями комиссий в ЦКЧСА НК РКИ СССР и соответственно в ЦКЧСА НК РКИ РСФСР, по сути, краткое хронологическое изложение событий. Кроме того, в них получали отражение сведения о структуре учреждения, о результатах чистки на момент ее окончания. Они позволяют быстрее сориентироваться в комплексе стенограмм заседаний комиссии, поскольку в заголовках дел, как правило, не указано, стенограммы заседаний комиссий по чистке каких структурных подразделений в них собраны. Иногда и в самой стенограмме отсутствуют сведения о том, заседание по чистке какого структурного подразделения в нем зафиксировано, указывается дата заседания. В самом архиве ЦКЧСА НК РКИ СССР стенограммы собирались и систематизировались в определенной хронологической последовательности. Поэтому наличие графика чистки уже на данном этапе позволяет идентифицировать документ без его предварительного текстологического анализа.

Протоколы заседания комиссий — главные итоговые документы о результатах проведения чистки в учреждении. Протоколы первых заседаний комиссий касались, в основном, организационных вопросов, поэтому это одновременно и ценный источник, отражающий вопросы подготовки и проведения кампании в учреждении. Сопоставление данных протоколов об организации кампании со сведениями о ходе кампании из докладных записок позволяет видеть, как интерпретировались те или иные события и мероприятия в докладных записках.

Для возможности полноценного микроанализа данных протоколов о результатах чистки важна их предварительная систематизация. С этой целью нами была создана база данных о результатах чистки в ряде союзных наркоматов. Она позволила, с одной стороны, собрать сведения о сотрудниках учреждения, проходивших чистку, с другой стороны, дала возможность сопоставить данные о результатах, из-

влеченные из протоколов, с данными из докладных записок. Выявленные, хотя и незначительные различия дают право предположить, что пересмотр решений комиссий был возможен и «по горячим следам», причем не во всех случаях это получало отражение в документах самих комиссий.

Протоколы заседаний комиссий содержат краткие биографии служащих, прошедших чистку, и выдвинутые против них обвинения. Биографические сведения имеют общий характер, без какой-либо конкретики. Для того, чтобы увидеть «скрытые слои» этого источника, для понимания того, чем же и почему тот или иной сотрудник стал «неугоден», требуется дополнительная работа с целым комплексом документов. В первую очередь это стенограммы заседаний комиссий по персональной чистке.

На заседаниях все начиналось с того, что один из членов рабочей бригады зачитывал биографическую справку о проверяемом. Иногда она фиксировалась стенографисткой, а иногда о ней только упоминалось. В первом случае есть возможность увидеть, что из этой биографической справки в дальнейшем вошло в текст протокола, то есть стало своего рода составной частью обвинений. Стенограмма фиксировала практически весь ход обсуждения, поэтому есть возможность видеть, как «наслаивались» различные обвинения друг на друга. Они могли появляться «вдруг»: из случайной реплики одного из выступающих. При изучении этого противостояния служащего и аудитории важно обращать внимание на то, кто из членов рабочей бригады зачитывал биографическую справку, кто задавал вопросы. Иногда в материалах комиссий можно найти информацию о выступающих на собраниях, заседаниях и понять мотивацию их активности.

Стать «главным героем театрального действия» персональной чистки можно было в результате деятельности «рабочих следователей». Она нашла отражение во многих документах — отчетах и докладных записках рабочих бригад, различного рода переписке, в многочисленных черновых «промежуточных» материалах. Зачастую разобраться в этом, как правило, несистематизированном массиве бывает очень сложно. В данном случае оказать существенную помощь может подокументное описание в электронном виде. Оно позволяет восстановить хронологию создания тех или иных документов, дает возможность строить предположения и делать выводы о первопричинах обвинений, предъявленных конкретному человеку, а также судить об их обоснованности.

Говоря об источниках, нельзя не остановиться на статистических данных и методах их анализа. Здесь возможности исследователя крайне ограничены, поскольку в его распоряжении агрегированные

данные. ЦКЧСА СССР с усердием, но безуспешно собирала статистику, составляя обширные таблицы и диаграммы, проверить точность и достоверность данных которых практически невозможно по причине отсутствия «первоисточников» информации. Поэтому данные статистики по СССР, приводимые в отчетах современниками, приходится принимать «на веру».

Что касается данных по центральному аппарату СССР и РСФСР, то здесь у исследователя появляется (хотя далеко не всегда) возможность сопоставлять данные о результатах чистки, полученные в ходе анализа протоколов, с данными ЦКЧСА, а также вносить коррективы в процессе обработки протоколов заседаний апелляционных троек, где пересматривались решения комиссий.

Однако уточнение статистических данных о результатах чистки центральных учреждений СССР и РСФСР, как уже говорилось, не дает возможности скорректировать существующую общую цифру о результатах кампании, даже строить какие-либо версии об ее точности.

Документальные материалы о ходе чистки в центральных учреждениях, как уже упоминалось, позволяют историку обратиться к судьбе конкретного человека. В рамках изучаемого комплекса есть возможность провести перекрестную проверку биографических данных служащих центральных учреждений СССР и РСФСР, содержащихся в различных источниках: *в информационных письмах ОГПУ, характеристиках ячеек ВКП(б), протоколах и стенограммах заседаний комиссий.*

В некоторых случаях, когда, например, человек стал «жертвой» кампании 1937—1938 гг., можно сопоставить уже имеющиеся биографические данные с данными из архивно-следственных дел. Анкеты арестованного, протоколы допросов порой достаточно подробно освещают отдельные факты биографии, существенно дополняя уже известные по материалам чистки. Методы изучения судебно-следственных дел уже были предметом специальных исследований¹⁴. Они могут быть использованы и при анализе документов чистки центральных учреждений СССР и РСФСР, поскольку в основе кампании 1929—1932 гг. и так называемой «Большой чистки» работали схожие механизмы.

По данным статистики ЦКЧСА НК РКИ, через процедуру «персональной чистки» прошли 1752 сотрудника центрального аппарата, то есть в распоряжении исследователя примерно такое же количество кратких и полных биографий. Можно ли на основе сохранившегося «массива биографий» создать социальный портрет советского служащего этого периода? Как известно, вопрос репрезентативности источников является одним из ключевых в ходе изучения истории новейшего времени. В то время как медиевисту привычно работать с небольшим

комплексом источников, из которого он всякий раз пытается извлечь максимум информации путем традиционного для него микроанализа, историк новейшего времени, как правило, имеет дело с большими комплексами массовых источников, степень информационной полноты и сохранности которых может существенно различаться. Поэтому выработка единых методов и приемов микроанализа для источников новейшего времени представляет определенную сложность. Об этом свидетельствуют материалы чистки центральных учреждений СССР и РСФСР.

ДОКУМЕНТЫ ПО ЧИСТКЕ СОВЕТСКОГО АППАРАТА И ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ

Знакомство с вышеупомянутыми статьями о ходе чистки Наркомпроса РСФСР, опубликованными современниками «по горячим следам», обещало наличие некоего единого массива источников, который без особого труда позволит детально раскрыть и описать сюжет на примере данного учреждения. Однако при обращении к архивному фонду НК РКИ РСФСР пришлось столкнуться с обширным комплексом делопроизводственных документов Центральной комиссии по чистке советского аппарата при НК РКИ РСФСР, который характеризовался пестротой, многообразием и плохо поддавался анализу. Данные статистики чистки в отдельных наркоматах РСФСР из докладных записок, представляемых в центральную комиссию, практически невозможно было сопоставить с данными из глухих протоколов о персональной чистке сотрудников. Такая «хаотичность» в делопроизводстве — характерная черта этого периода. Многое решалось «на ходу», не находя отражения на бумаге.

Но работа с полным комплексом документов скорее недостижимый идеал для историка, реконструировать прошлое на основании сохранившихся источников его основная задача.

В связи с тем, что в составе комплекса документов ЦКЧСА НК РКИ РСФСР практически отсутствуют стенограммы заседаний комиссий по чистке наркоматов, порой сложно восстановить картину событий, в том числе судить о том, что лежало в основе тех или иных обвинений, предъявляемых сотрудникам. Вопрос о том, всегда ли велись стенограммы заседаний комиссий по чистке центральных учреждений РСФСР или данное достаточно дорогостоящее мероприятие проводилось только в союзных наркоматах, остается открытым¹⁵.

Давая общую характеристику источникам по чистке центральных учреждений РСФСР, можно с сожалением констатировать,

что крайне редко дают возможность собрать сведения о «маленьком человеке», о его деятельности и повседневной жизни. Однако они позволяют ощутить атмосферу работы госаппарата, который был вынужден приспособливаться к перманентным изменениям в общественно-политической жизни. Анализ протоколов заседаний комиссий, докладных записок о результатах чистки в центральных учреждениях РСФСР дает возможность наблюдать на микроуровне социально-политические процессы, активным катализатором которых выступала кампания, а также элементы сопротивления им со стороны служащих.

В документах по чистке нашли отражение факты «повседневного неповиновения» и самому мероприятию. Так, в ходе работы по сбору «компромата» на сотрудников Наркомторга РСФСР комиссия столкнулась с таким явлением, как «заговор молчания». По сути он захватил весь аппарат. Сотрудники вообще отказывались сообщать рабочим бригадам какие-либо сведения¹⁶. Возникли сложности и у комиссии по чистке Наркомпочтеля (НКПТ СССР). Председатель комиссии В.С. Калашников жаловался наркому РКИ Г.К. Орджоникидзе и председателю Центральной комиссии по чистке советского аппарата Я.Х. Петерсу на то, что замнаркома Н.И. Смирнов и другие представители администрации «встают на защиту своих сотрудников» и мешают нормальной работе. 8 сентября 1930 г. на заседании Партколлегии ЦКК ВКП(б) рассматривалось заявление бригады ленинградских рабочих по чистке НКПТ СССР в ЦКК ВКП(б), в котором говорилось:

«Тов. Смирнов почти всех работников, работающих в подведомственных ему отделах брал под личную защиту, тогда как имелся у рабочих бригад достаточно веский материал о их непригодности и безответственной деятельности в аппарате»¹⁷.

Основной комплекс документов по чистке центральных учреждений СССР сохранился в составе фонда Центральной комиссии по чистке советского аппарата НК РКИ СССР (ЦКЧСА). Его уникальность и ценность заключается в том, что за время своего «архивного существования» он практически не подвергался пресловутой экспертизе ценности и перед нами источник в его первоизданном виде.

Пожалуй, единственным «вмешательством» архивистов в структуру фонда стало объединение пяти описей в одну, в ходе которого, если верить учетным документам, утраты архивных материалов не случилось¹⁸.

При работе с комплексом документов фонда ЦКЧСА периодически возникает ощущение, что после завершения кампании он сначала был предан «забвению», а затем строго засекречен, поэтому «избежал чистки».

Однако априори установленная «монолитность» комплекса документов ставит перед исследователем ряд источниковедческих вопросов, прежде всего, связанных с архивной эвристикой, на которые еще предстоит искать ответы:

Кем, когда и для какой цели были изъяты отсутствующие протоколы и стенограммы заседаний комиссий и где могут храниться?

В результате проведенной нами подокументной систематизации материалов по чистке НКФ СССР, НКТорга СССР и НКТруда СССР было установлено отсутствие уже в архиве самой ЦКЧСА ряда протоколов заседаний комиссий по персональной чистке и стенограмм. Причем отношение к этим документам, а также предполагаемая повестка дня заседаний не позволяет объяснять их «исчезновение» халатностью делопроизводителя архива.

Почему в комплексе документов ЦКЧСА НК РКИ СССР не отложились документы по чистке целого ряда учреждений, где, по данным комиссии, чистка была проведена?

Например, чистка Центрархива, согласно документам комиссии, проходила одновременно с чисткой НКПС СССР, Наркомторга СССР и НКПТ СССР¹⁹. Жалобы и заявления сотрудников Центрархива на решения комиссии по чистке рассматривались на заседаниях апелляционных троек²⁰. Материалы по чистке Центрархива в фонде ЦКЧСА не отложились.

В своем докладе на III Пленуме ЦКК ВКП (б) в 1931 г. нарком РКИ А.А. Андреев упомянул о чистке наркомата²¹. В составе фонда ЦКЧСА НК РКИ СССР также отсутствуют какие-либо материалы о ходе кампании в наркомате. Не выявлены они и в составе документов архивного фонда данного учреждения, также хранящегося в ГА РФ.

Не отложились в составе фонда материалы по чистке целого ряда учреждений, значимость и роль которых в системе государственного управления не вызывает сомнений. Их чистка прошла в 1931 г. — Наркомзем СССР, Промакадемия, Комакадемия, НКИД, Наркомвоенмор и Осовиахим²².

Можно лишь строить предположения, что на этапе «затухания» кампании, как публичного мероприятия, чистка этих учреждений проходила «при закрытых дверях» и ее материалы откладывались в учреждениях «для внутреннего пользования». Сегодня же, как документы, содержащие тайну личной жизни, они остаются где-то на закрытом хранении.

Как показал микроанализ, «исчезновение» из единого комплекса отдельных протоколов и стенограмм может быть связано с «особой судьбой» тех «вычищенных», о которых в них упоминается, а именно: их возможное сотрудничество с ОГПУ, принадлежность к категории «враг народа» и др. Так, например, в составе комплекса протоколов заседаний комиссии по чистке Наркомфина СССР отсутствует протокол с данными о чистке консультанта Планово-экономического управления Н.Н. Андреса, «вычищенного» по первой категории. Данными архивно-следственного дела 1936 г. подтверждается его сотрудничество с ЭКУ ОГПУ, а в архивно-следственном деле 1941 г. отложилась выписка из отсутствующего в фонде ЦКЧСА протокола заседания комиссии по чистке НКФ СССР от 18 ноября 1929 г.²³

Тем не менее, в распоряжении историка огромные документальные массивы, возникшие в результате деятельности самой центральной комиссии, а также комиссий по чистке центральных союзных и республиканских учреждений. Они открывают возможности для изучения конкретных «микрообъектов» — коллективы центральных учреждений и, по выражению С.В. Журавлева, для решения проблемы реконструкции социальных практик на микроуровне, уделяя внимание восприятию повседневной жизни маленьким человеком²⁴.

ДОКУМЕНТЫ КОМИССИИ ПО ЧИСТКЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СССР И «СКРЫТЫЕ СЛОИ» ИСТОЧНИКОВ

О «скрытых слоях» источников еще в 70-е годы прошлого века говорил С.О. Шмидт²⁵. Обнаружить их в, казалось бы, давно известных источниках возможно методами комплексного анализа или микроанализа.

Для того, чтобы сориентироваться в документальном многообразии фонда комиссии Я.Х. Петерса и эффективно использовать методы микроанализа, целесообразно выработать *стратегию источниковедческого исследования*. Необходимо, как уже говорилось выше, изначально определить — в какой последовательности изучать различные виды или группы источников, как провести «историческую экспертизу ценности», определив место каждого источника в картине событий.

В составе фонда ЦКЧСА НК РКИ СССР сохранилось значительное количество черновых, рабочих материалов, копий документов, которые также сгруппированы в отдельные дела, где зачастую отсутствует нумерация. В этом как основное достоинство, так и основной недостаток этой части комплекса. С одной стороны, черновые и рабочие материалы могут содержать сведения, которые по различным причинам не нашли отражения в итоговых документах. С другой стороны, в них, как правило, бессистемно «сваленных» изначально, бывает трудно определить место того или иного документа, его значимость в освещении микросюжета, что требует от исследователя постоянного возвращения к ранее изученным источникам для перепроверки и уточнения уже имеющейся информации. Продемонстрируем это на конкретном эпизоде из истории чистки.

13 марта 1930 г., взамен ликвидированного Государственного Акционерного общества «Продуктопереработка» согласно постановлению СТО, приказом по НКТоргу СССР было создано Всесоюзное объединение «Союзплодоовощь», а уже в августе этого же года началась его чистка. Рабочая бригада обнаружила множество недостатков в работе по заготовке продукции. Обвиняя во всем начальника Управления промышленности А.М. Браиловского, настаивала на его персональной чистке. Как позволяет судить протокол, на заседании комиссии 6 августа 1930 г., где рассматривалось «дело» А.М. Браиловского, обсуждали не только и не столько начальника Управления, а общие проблемы заготовок. Общий смысл всех речей сводился к тому, что, несмотря на недостатки в работе Браиловского и Управления, нельзя выполнить задачи пятилетки на предприятиях «из 6 конфорок и 6 тазов», где нет протирочных машин и нет специалистов. Самого Браиловского характеризовали как ценного работника, «преданного советской власти». Правда, в итоге А.М. Браиловский был «снят из аппарата по 2-ой категории с правом использования только на технической работе». Официальное решение комиссии было оформлено протоколом от 16 августа 1930 г.²⁶ Согласно базе данных «Жертвы политического террора в СССР», уже 10 августа 1930 г. А.М. Браиловский был арестован, обвинен во «вредительстве», а 24 сентября 1930 г. приговорен Коллегией ОГПУ к высшей мере. Приговор был приведен в исполнение 2 октября 1930 г.²⁷ Поскольку мы не имели возможности ознакомиться с материалами дела, оставался открытым вопрос, легли ли материалы чистки в основу предъявленных Браиловскому обвинений. В результате просмотра черновых и рабочих материалов комиссии по чистке «Союзплодоовощь» была обнаружена неофициальная записка без подписи и даты, которая отчасти отвечает на поставленный вопрос:

«Браиловский начальник управления промышленности вычищен нами из аппарата по 2-ой категории с правом использования только на технической работе, в момент чистки комиссия по чистке не знала, что гр. Браиловский подозревается во вредительстве»²⁸.

Маленькая записка вполне могла остаться незамеченной в комплексе других документов, если бы не столь часто встречающаяся фамилия.

Вообще при работе с источниками на макроуровне перед исследователем всегда, как нам кажется, стоит задача не упускать из внимания любую мелочь, поскольку это может содержать ключ к разгадке или дополнить картину повседневной жизни конкретного человека или группы людей. Приведем эпизод из чистки Наркомторга СССР. Рабочая бригада с усердием собирала материалы на подозрительного с их точки зрения сотрудника Отдела Востока — Мая. По традиции были собраны сомнительные факты из дореволюционного прошлого, вскрыт факт исключения из ВКП (б)²⁹. На имя председателя комиссии Б.А. Ройзенмана поступали письма с нелестными характеристиками сотрудника. В одном из них указывалось на сокрытие и небрежный учет секретных бумаг в период его работы в Торгпредстве в 1925—1926 гг. В характерном для того времени стиле сообщалось:

«Достаточно ясно, что такие спецы как Май вредны для советского учреждения. Мы выгоняем много таких буржуазных спецов, карьеристов, рвачей и бюрократов с тем, чтобы новые кадры рабочих — выдвиженцев их заменит, и партия никогда не останавливалась перед этим»³⁰.

Главное обвинение в адрес Мая заключалось в издании экономической карты Персии. Член коллегии НКТорга СССР С.В. Мальшев писал Б.А. Ройзенману:

«В моей хозяйственной практике не раз приходилось встречаться с тем, что наши чиновники руководящих органов, придумывая те или иные пути увеличения своего заработка, изобретали какие-нибудь литературные издания. ... При чистке этого субъекта прошу Вас остановить свое внимание на этом безобразном распространенном факте и сделать так, чтобы впредь эти чиновники не посмели использовать свое положение для извлечения себе пользы разными изданиями и прочими незаконными доходами, нанося тем самым ущерб государству в десятки тысяч»³¹.

Рабочая бригада составила для комиссии специальный документ под названием «Характерные резолюции Мая», свидетельствующий о его бюрократизме. В итоге он даже не подвергся чистке.

В делах ЦКЧСА по чистке Наркомторга СССР отсутствуют документы, объясняющие полное невнимание к отчетам рабочих бригад и такое лояльное отношение к данному сотруднику. Объяснение можно найти в мемуарах Г.С. Агабекова, который вспоминал о периоде работы в Персии:

«Май был старым чекистом и даже одно время работал на крупном посту в Экономическом управлении ГПУ, но, проворовавшись, попался. Был исключен из ВКП (б) и уволен из ЧК, но, будучи по натуре чекистом, сумел опять втереться в секретные работники ЧК. Дело свое, надо отдать справедливость, он знал прекрасно»³².

В своей книге Г.С. Агабеков подробно рассказывает о партийной чистке Иностранного отдела ОГПУ:

«Каждый про себя перебирал свои прошлые грехи и думал о своей судьбе. В конце концов, вопрос партийности помимо всего был вопросом хлеба, вопросом работы, ибо будучи исключенным из партии, сотрудник должен потерять и службу»³³.

Далее он упоминает о двух сотрудниках Иностранного отдела ОГПУ, которые были исключены из-за своего социального происхождения и уволены с работы, что подтверждается сохранившимися протоколами по чистке Иностранного отдела ОГПУ. Один из них — сын чиновника Департамента полиции, исключенный из партии «за сокрытие социального происхождения», по словам Г.С. Агабекова, застрелился вместе с женой³⁴. Интересно, что в сохранившемся подлинном протоколе комиссии по чистке имеются явные следы «забивки» первоначального текста решения, а напечатанное поверх ранее написанного текста решение гласило: «объявить выговор за сокрытие социального происхождения»³⁵.

О самоубийстве помощника Планово-экономического управления Н.Н. Деревянко — инициатора создания газеты «Экономическая жизнь» и опытного совхоза на территории разрушенного имения в марте 1921 г. — идеи, за которую его особо осудят в ходе чистки, — снятого без категории, с формулировкой «предложить администрации снять с должности... и использовать исключительно на редакционно-консультационной работе», вскользь сообщает «стенограмма расширенного заседания по обсуждению вопроса о чистке в клубе имени Сталина» 5 января 1930 г. Примечательно выступление на заседании члена рабочей бригады, активистки Тамариной:

«...В то время, когда у нас идет бешеным темпом работа по пятилетке ... мы разбазариваем столь дорогое время на похороны какого-то профессора Деревянко»³⁶.

Центральным элементом, вокруг которого, как пазлы, «собираются в единую картину» различные виды и группы источников, является человек, вовлеченный в вихрь кампании. Воссоздание биографий и судеб служащих центральных учреждений СССР, членов комиссий по чистке и «рабочих следователей», представляется нам в данном случае наиболее эффективным методом микроанализа.

Поскольку кампания чистки развивалась по единому сценарию, раскрытие ее механизмов методом ситуационного анализа (*case studies*, *Fallstudien*)³⁷, широко используемым в современных исследованиях, то есть посредством изучения отдельных сюжетов из истории чистки учреждений или фрагментов истории жизни конкретных людей, которых затронула кампания, представляется вполне оправданным.

В целом комплекс документов по чистке позволяет воссоздать процесс организации и хода кампании в отдельных учреждениях, получить представление о приемах и методах работы комиссий и рабочих бригад, а кроме того, ощутить социально-политические процессы в обществе в указанный хронологический период.

«МЫ ДОЛЖНЫ УВИДЕТЬ КАК РАБОТАЕТ НАШ АППАРАТ...»

Изучение стенограмм собраний по чистке открывает перед исследователем новые возможности с точки зрения понимания происходящего, что называется, «изнутри». Открытые и публичные собрания на заводах и фабриках, характерные для первого этапа кампании, проходили с большим пафосом и помпой. Они отражают скорее влияние официальной идеологии на повседневную жизнь людей. На закрытых собраниях было значительно меньше «громких речей» в угоду аудитории и они носили более деловой и практический характер. Сотрудники наркоматов должны были, прежде всего, доступно объяснить рабочим бригадам, где кроются основные причины недостатков в их работе. Они понимали, что просто удаление из аппарата *Ивановых* и *Петровых* едва ли устранил проблемы и пытались сконцентрировать внимание на провозглашенной основной задаче чистки — совершенствовании структуры госаппарата для более эффективного его функционирования.

Изучая стенограммы, историк получает возможность «слушать» диалоги сотрудников и видеть, с какими повседневными проблемами приходилось сталкиваться управленцам в той или иной отрасли.

Такие проблемы, как правило, не получали отражение в обобщающих отраслевых документах, либо намеренно замалчиваясь, либо поглощаясь более масштабными. Поэтому для понимания причинно-следственных связей тех или иных явлений в различных отраслях экономики изучение этих материалов периода кампании чистки крайне важно. Проиллюстрируем это, обращаясь к эпизодам из истории чистки Наркомторга СССР и Главного военно-промышленного управления (ГВПУ) ВСНХ СССР и НКПТ СССР.

Одним из основных источников «добывания денег» на индустриализацию была внешняя торговля. Поэтому НКТорг СССР входил в число центральных учреждений, чистке которого придавалось особое значение, а Управление внешней торговли (УВТ) было под особым контролем председателя комиссии по чистке наркомата Б.А. Ройзенмана³⁸.

Как отмечается в современных исследованиях, один из парадоксов экономической политики страны состоял в том, что вопреки товарному кризису и продовольственному дефициту страна экспортировала как продовольственные, так и потребительские товары, машины и оборудование. По формальным показателям в период первой пятилетки 1928/29—1931/32 гг., как пишет в своей работе Е.А. Осокина, соотношение экспортного плана и реального экспорта было неплохим³⁹. Тем не менее, Главная инспекция ВСНХ СССР констатировала, что за первое полугодие 1929/30 гг. план промэкспорта был выполнен на 82,2%. В качестве основной причины называлась плохая организация работы объединений и экспортирующих организаций НКТорга СССР. Был не выполнен план и по другим статьям экспорта⁴⁰. Благодаря стенограммам совещаний рабочей бригады по чистке есть возможность узнать, как оценивал причины сложившейся ситуации начальник УВТ Фушман:

«Отчасти потребителями предъявляются такие сроки к доставке, которые не под силу отечественным машиностроителям. ... Мы до сих пор не научились разбивать агрегаты на составные части. ...Мы провалились с размещением заказов за границей из-за отсутствия людей. ... Если человек ленив и неаккуратен его можно исправить, но квалификации его не исправить»⁴¹.

На аналогичном совещании через неделю тема была продолжена. Сотрудник Петросов поведал рабочей бригаде о том, как компания «Мерседес» продавала СССР рефрижераторные суда на 20—25% дороже, сравнивая НКТорг СССР с военной разведкой, рассказывал о соперничестве с ВСНХ СССР в сфере торговли на внешнем рынке. Был затронут на совещании вопрос о поставках оборудования. Один

из членов рабочей бригады в свою очередь изложил историю, которую узнал на чистке карандашной фабрики Красина:

«В [19]25 г. туда был привезен из-за границы гидравлический пресс. Такой пресс идет для химической промышленности. Ввезли станки, но они оказались негодными, вместе с прессом лежат»⁴².

Сотрудник Импортного сектора Черняк, парируя очередные упрёки рабочей бригады в бумажной волоките, заметил:

«Главный вопрос не сколько лежала бумажка, а научились ли мы торговать на 13-году революции»⁴³.

Как отметил в своей монографии А.К. Соколов, в непосредственной связи с индустриализацией находилось повышение обороноспособности страны. Создание военно-промышленного комплекса было непременным условием выживания СССР⁴⁴. Как свидетельствуют документы фонда ЦКЧСА, чистка ГВПУ ВСНХ СССР проходила при непосредственном контроле Экономического управления (ЭКУ) ОГПУ⁴⁵. Протокол общего собрания сотрудников ГВПУ ВСНХ СССР, проходившего перед началом чистки, получил гриф «секретно». В нем были зафиксированы в изложении речи выступающих. У «оборонщиков» проблем было ничуть не меньше, хотя, конечно, они имели свою специфику. Инженер Данилов обращал внимание на скверное нормирование труда и отсутствие расценок.

«На одном из заводов, — говорил он, — на вопрос сколько стоит вещь ответили, что расценка у них в голове».

Другой сотрудник сетовал на ненормальное планирование работы внутри управления:

«На проработку контрольных цифр и профинплана дается очень незначительный срок 1—2 дня на трест, а потом проработанные материалы лежат неделями до рассмотрения их в Коллегии. Такая спешка влияет на качество работы — показатели выходят недостаточно проработанными»⁴⁶.

Как показывает анализ сохранившихся стенограмм, всех без исключения, независимо от сферы их деятельности, волновал вопрос: почему все много работают, а результата не видно.

Нарком Н.К. Антипов на совещании ударных бригад по чистке аппарата Наркомпочтеля СССР, напомнив о недавно вскрытом

«вредительстве», говорил о перспективах развития телефонно-телеграфной и радиосети как в городе, так и в деревне, все же главную причину проблем видел не в нем:

«Через установку микрофонов в трансляционных узлах мы будем иметь большой охват населения. По этой части мы имеем 90 узлов. Но кроме всего для осуществления этих планов нам нужно 30 тысяч тонн проволоки, а нам дают 13 тысяч тонн, вследствие чего план на этот год едва ли выполним. Принимаем все меры к выполнению — все зависит от промышленности. Мы взяли темпы, которых никогда не было»⁴⁷.

Выступая на одном из первых заседаний Центральной комиссии по чистке НКПТ 28 февраля 1930 г., старший экономист Отдела сооружений М.С. Райхенберг отмечал:

«У нас нет людей, и мы работаем по способу “Тришкина кафтана”. Нам негде взять кадров. У нас нет метода и опыта, такие работы раньше не велись»⁴⁸.

Стенограммы демонстрируют, что тема «вредительства» была обязательной на всех этих собраниях, но причину неудач и провалов явно видели не в нем, а в неэффективности работы самого аппарата, отсутствии опыта и специалистов.

Член рабочей бригады Наркомторга СССР Брызгалов возбужденно говорил:

«Меня крайне интересует и, я думаю, всех рабочих это должно интересовать. — Фушман об этом сказал, — что у нас нет кадров, которые изучали бы рынки. ... Кто же должен этим вопросом заниматься?... Неужели завод или другое какое-либо предприятие должно выращивать того или другого работника, который бы изучал рынки. Для меня как для рабочего этот вопрос непонятен»⁴⁹.

С поиском ответа на вечный русский вопрос «Что делать?» было сложнее, хотя следует отметить, что разнообразные материалы о совершенствовании структуры и механизмов работы управленческого аппарата, включающие предложения как самих сотрудников, так и членов рабочих бригад, занимают значительный объем среди документов комиссий по чистке. Они довольно тщательно собирались, но до их изучения «руки членов комиссии доходили редко», о чем косвенно свидетельствует их первозданный вид, то есть отсутствие следов ознакомления с их содержанием.

В Госплане СССР для предложений сотрудников по организации работы аппарата были организованы «красные книги», в одной из которых сохранилась такая запись:

«Схема построения любого учреждения — это костяк живого организма. Схема должна быть простой и целесообразной. Сложность и запутанность схемы говорит о нерациональном построении работы учреждения»⁵⁰.

Как видно из материалов чистки центральных учреждений, нерационального и бюрократического в их работе было много. Так, например, в основе взаимоотношений между наркоматами труда СССР и РСФСР, располагавшимися в одном здании на Старой площади, было соперничество. Оно касалось законодательной работы. Зачастую НКТ РСФСР выступал в качестве инициатора подготовки того или иного положения и утверждал его на заседании СНК РСФСР, а союзный наркомат пытался «забрать» инициативу в свои руки. В прениях по докладу о работе организационно-правового отдела на заседании комиссии по чистке НКТ СССР 24 июля 1929г. сотрудник НКТ РСФСР Орлов отмечал:

«...О разграничении компетенции НКТ СССР и НКТ союзных республик вопрос стоит уже 2—2,5 года. Вопрос обсуждался на комиссии Петерса. ... Необходимо, чтобы не получалось, по одному и тому же вопросу разрешение двух Наркомтрудов и инспекций труда. ...В законодательной работе чувствуется линия на централизацию законодательства и НКТ СССР претендует на издание разъяснений и постановлений на основании наших»⁵¹.

Возникали конфликты и на бытовом уровне. Они были связаны со спорами между отделами наркоматов из-за помещений. В целях реализации поставленных в масштабе страны задач по экономии средств, рабочих площадей и перестройки быта, а также решения споров по поводу площадей в августе 1929 г. на страницах двухнедельной наркоматовской газеты «Искра» обсуждался вопрос о переходе НКТ СССР и НКТ РСФСР на двухсменный график работы, который предусматривал работу в одних и тех же помещениях в одну смену — НКТ СССР и Цустраха, а в другую НКТ РСФСР и Госстраха⁵². Интересен и тот факт, что некоторые работники союзного наркомата по совместительству работали в НКТ РСФСР.

На наш взгляд, если отбросить идеологические штампы, характерные для всех документов эпохи, этот источник дает богатый материал для понимания того, как современники событий на бытовом

уровне воспринимали проблемы в работе государственного аппарата и какими путями предлагали их устранять. Приведем еще несколько цитат различных корреспондентов из одной из «красных книг» Госплана СССР:

«Создать условия для продуктивной работы, тем, что улучшить техническое обслуживание: своевременное печатание бумаг, разnosку бумаг в бюро переписки и доставку обратно. Наблюдается, что на эти и подобные работы тратят время квалифицированные работники».

«Необходимо самое срочное укомплектование большинства секторов (в особенности сектора транспорта и связи) высококвалифицированными специалистами и молодыми партийцами».

«Общественной работой заниматься исключительно в обеденное время».

«Поднять трудовую дисциплину среди высококвалифицированных специалистов: аккуратная явка на работу и т.д.»⁵³.

Безусловно и здесь можно встретить предложения по выявлению «методов вредительства». Однако при изучении этого источника складывается впечатление, что далеко не всех увлекала эта идея. Она была типична скорее для шумных собраний по чистке в других публичных мероприятиях того времени.

Так, например, тема вредительства была предметом активных обсуждений на слете ударников Госплана СССР, РСФСР и Мособлплана 8 апреля 1931 г., сведения о котором сохранились в материалах комиссии⁵⁴.

Но все же «наедине с собой» причины недостатков чаще видели в неправильной организации производственных процессов, имеющей свое начало в русском ментальном «авось». Сотрудник металлургической секции Госплана Гаврилов 2 марта 1931 г. записал:

«Я работаю в Госплане с апреля 1930 года и на практике убедился, что в работе Госплана нет самого важного элемента — нет плана»⁵⁵.

«ЧИСТКА — ШТУРМ КАПИТАЛИЗМА»

Выступая на собрании рабочих бригад по чистке аппарата ВСНХ СССР в феврале 1930 г., один из участников начал свое выступление словами:

«Товарищи, чистка не просто является чисткой, как в баню сходить и помыться. Чистка, по-моему, является, как говорил Петерс, подготовкой к штурму капитализма»⁵⁶.

«Штурм капитализма», «наступление социализма» — так определяли в периодической печати мероприятия, связанные с ограничениями частного сектора. Материалы по чистке центральных учреждений РСФСР позволяют ощутить, как это осуществлялось на повседневном уровне, то есть в деятельности учреждений.

Документы о чистке свидетельствуют — «наступление» на частный сектор в городе и деревне путем увеличения налогов далеко не всегда находило поддержку в НКФ РСФСР. Особенно это касалось Налогово-экономического управления (НЭУ), куда был направлен основной удар. Рабочим бригадам было поручено выявлять случаи недообложения частника, в которых усматривались «правоуклонистские тенденции», берущие свое начало в союзном Наркомфине. Не случайно все «вычищенные» по первой категории были работниками НЭУ, в основном ответственные работники⁵⁷. По первой категории был снят начальник вышеупомянутого управления. Обращения сотрудников НКФ РСФСР в комиссию по чистке не изменили ее решения. Вообще, как свидетельствуют протоколы заседаний апелляционных троек ЦКСЧСА НК РКИ РСФСР, где в январе — феврале 1930 г. рассматривались жалобы снятых с работы в НКФ РСФСР, решения комиссий пересматривались крайне редко. Исключение составляли технические работники⁵⁸. Причины снятия с работы «по категориям» были самыми разнообразными: от «искривления классовой линии» до аполитичного ответа на вопрос в анкете об отношении к Октябрьскому перевороту⁵⁹.

К числу особо «неблагополучных» относился и республиканский Наркомзем, где, согласно докладной записке, служащие с дореволюционным стажем составляли 31%. Именно с этим связывали тот факт, что общие собрания проходили без особого энтузиазма, «вяло, не вызывая интереса, особенно среди служащих и беспартийных»⁶⁰.

В числе подлежащих персональной проверке большинство составляли сотрудники Управления сельского хозяйства (УСХ). Рабочие бригады с особым рвением искали «искривления классовой линии». Особо злостные были усмотрены в работе сектора полеводства УСХ, осуществлявшего отпуск леса по инструкции 1926 г., где все крестьянство называлось трудовым. Большинство работников отдела коневодства и конезаводства были сняты за «искривления» в области племенной работы. Они заключались в «содействии кулакам и подкулачникам в приобретении лошадей». Работники опытных сельхозучреждений обвинялись в «буржуазном академизме», как проводящие эксперименты на индивидуальных хозяйствах⁶¹.

Наркомтруд РСФСР относился к числу центральных учреждений, «наиболее связанных в своей повседневной работе с широко-

ми массами трудящихся». И здесь рабочие бригады тщательно искали «искривления» в нормативных документах и инструкциях. Они были обнаружены в циркуляре НКТруда РСФСР от 4 января 1929 г. «О порядке вербовки торфоробочих в сезоне 1928/1929 г.», в директивном письме от 23 января 1929 г. «О мероприятиях по регулированию рынка труда в строительном сезоне 1929 г.», где отсутствовали указания о классовом отборе, в циркуляре НКТруда РСФСР от 4 июля 1929 г. «О подборе и закреплении торфоробочих торфодобывающими хозорганами на сезон 1930 г.», где, по мнению членов комиссии, должны были быть указания о запрещении выдвигать в торфоробочие кулацкий элемент⁶². В периодической печати нормотворческая деятельность наркомата по вербовке рабочей силы определялась как «еще одна правая ошибка»⁶³.

Изучая особенности многоукладной экономики при НЭПе, исследователи обращали внимание на то, как к середине 1920-х годов предпринимались попытки решить проблему взаимодействия плановых и рыночных методов регулирования, но партийно-государственное руководство иначе видело пути решения перспективных задач⁶⁴. Об этом «противостоянии» на уровне повседневной деятельности служащих свидетельствуют документы чистки центральных учреждений РСФСР.

Наступление на «идеологическом фронте» демонстрирует чистка Наркомпроса РСФСР и подведомственных ему учреждений. Информационные доклады об ее ходе только в центральном аппарате трижды обсуждались на заседаниях Пленумов ЦКЧСА НК РКИ РСФСР⁶⁵. Из анализа итоговых документов можно сделать вывод, что объектом пристального внимания было Главное управление по делам литературы и издательства (Главлит) Наркомпроса РСФСР, чистка которого началась в феврале 1930 г. Согласно докладу председателя комиссии Я. Бауэра, с особой тщательностью проверялась работа Русского и Иностранного отделов, осуществлявших «политико-идеологический» контроль выходящей русской и иностранной литературы, а также работа Военно-экономического отдела, в задачи которого входил просмотр газет общесоюзного значения, всей военной и экономической литературы. В результате его сотрудники были обвинены в «разглашении военно-экономических тайн» о военных заводах и дислокации войск и т.д.⁶⁶ Подобное обвинение в условиях настроений о существующей военной угрозе имело особый акцент. Дополняют сюжет чистки наркомата, выводя на имена сотрудников Главлита — членов партии, протоколы заседаний комиссии по проверке членов ячейки ВКП (б) Наркомпроса РСФСР, хранящиеся в фонде Московской областной контрольной комиссии и РКИ. К со-

жалению, обнаружить полный комплекс протоколов заседаний комиссии по чистке Наркомпроса РСФСР, а также их стенограммы так и не удалось.

Следует обратить особое внимание на тот источниковедческий факт, что материалы генеральной партийной чистки, проходившей в центральных учреждениях в 1929 г., зачастую составляют неотъемлемую часть комплекса документов о чистке госаппарата, хотя формально речь шла о двух разных мероприятиях. В тех учреждениях, где чистка госаппарата проходила до генеральной чистки партии, рассмотрение персональных дел служащих-коммунистов переносилось на заседание по чистке ячейки ВКП (б). И наоборот, там, где партийная чистка предшествовала чистке госаппарата, ее материалы служили основой для обвинений коммунистов в скверной работе учреждения. Показательно, что в фонде первичной организации ВКП (б) НКФ СССР сохранились копии всех протоколов заседаний комиссии по чистке и проверке аппарата НКФ СССР, которые, как свидетельствуют пометы, активно использовались в ходе партийной чистки⁶⁷.

На партчистке, проходившей в Наркомпросе РСФСР в июле — августе 1929 г., 8 сотрудников Главлита получили различные взыскания. Примечательно, что в характеристике заведующего Русским отделом особое внимание обращалось на то, что в 1924 г. он уже получал строгий выговор «за распространение секретных сведений», а в характеристике заведующего Военно-экономическим отделом указывалось на факт исключения из партии в 1921 г.⁶⁸ Однако отсутствие документов о персональной чистке сотрудников Главлита, в частности стенограмм заседаний комиссии, не позволяет установить, что же легло в основу обвинений и как это конкретно отразилось на ее результатах.

Пример наступления «новой идеологии на уровне повседневности» демонстрирует эпизод чистки НКПТ СССР. Имя бригадира и выдвиженца Ермакова в Отделе искусств стало нарицательным. О методах работы бригады красноречиво свидетельствует его выступление на заседании комиссии 20 марта 1930 г.:

«Мы пошли на передачу, я повторяю, мы сами присутствовали с бригадой. Это был день 8-го марта. День посвященный работнице. Передаются песенки Шумана. Правда, может быть это очень известный композитор, но такие передачи не для дня работницы. Дальше поет артистка. Голосок ничего, но цикл совсем неподходящий. Она, например, поет песенку, как молодая женщина обручилась с молодым человеком, любит его и т.д. В этом жизнь женщины. Нужны ли такие песенки в день 8-го марта, день международной работницы?! Мы говорим, что это плохой политический подход. Плохо дело обстоит с

руководством. К следующему дню работницы нужно составить более подходящую программу, более политически выдержанную»⁶⁹.

Сотрудники потребовали удалить бригадира, который активно вмешивался в творческую работу.

КАК ГОТОВИЛИСЬ НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ЧИСТКЕ, ИЛИ «ЛИШНИЕ ЛЮДИ»

Изучение законодательных и нормативных актов, в том числе источниковедческих аспектов, связанных с их разработкой, крайне важно для понимания принципов функционирования государственной машины и ее взаимодействия с обществом. Документальные комплексы, сохранившиеся в составе фонда НК РКИ СССР и СНК СССР, позволяют проследить процесс подготовки основных документов, причем в связи с тем, что их проекты готовились, как правило, в НК РКИ СССР, большая часть рабочих материалов сохранилась именно в составе его фонда. Источники свидетельствуют об активной «законотворческой деятельности» союзного и республиканского НК РКИ, причем республиканский наркомат постоянно пытался «конкурировать» с союзным, предлагая свои формы и методы работы. Их изучение представляет особый интерес, поскольку позволяет увидеть, какие социальные проблемы по замыслам современников должна была решить кампания. Так, в проекте инструкции, разосланной Я.Х. Петерсом 19 апреля 1929 г., о котором уже упоминалось, напрямую предлагалось:

«Ввиду множества жалоб на то, что дети рабочих и демобилизованные красноармейцы, участники Гражданской войны находятся на Бирже труда, в то время, когда люди настроенные против нас работают в советском аппарате, РКИ (в тех случаях когда это не вызывает затруднений) производить соответствующую замену»⁷⁰.

Письма граждан, поступившие в адрес ЦКЧСА в период подготовки чистки, это, прежде всего, жалобы и обиды на отсутствие работы у пролетария — вчерашнего «защитника революции». Именно поэтому в условиях роста безработицы⁷¹ идея чистки как способа освобождения рабочих мест была очень популярна в рабочей среде. Но организаторы кампании не могли не учитывать и учитывали — об этом свидетельствуют пометы на проекте — низкую квалификацию вчерашних красноармейцев. В итоге этот «популистский» пункт был изъят из текста.

Для всех первоначальных проектов инструкций была характерна детализация процесса чистки, а также яркая эмоциональная окраска в характеристиках тех, кого должны были «вычистить» из аппарата.

К сожалению, далеко не всегда удается установить, кто был автором того или иного документа. Однако при анализе текстов обращает на себя внимание наличие различных, порой противоположных взглядов. В одних проектах говорилось о длительном характере чистки, обусловленном ее задачами, в других, напротив, подчеркивалась необходимость провести ее в максимально короткие сроки. Где-то основной акцент делался на процессе замены «вычищенных» выдвиженцами как основном результате чистки, а где-то особо обращали внимание на необходимость бережного отношения к специалистам.

Самым сложным оказался вопрос критериев, по которым те или иные сотрудники могли оставаться на службе в госаппарате или должны были покинуть ее. Из документов видно, что четких представлений об этом не было и у «идеологов чистки». Проекты инструкций предлагали разные вариации и варианты, но едва ли какой-то из них мог быть применен в практической работе. Так, в уже упоминавшемся проекте, разосланном Я.Х. Петерсом, например, предлагалось снимать по второй категории

«лиц, которых нежелательно использовать в данном учреждении, как по родственным связям или в силу создавшихся взаимоотношений внутри учреждения»⁷².

О семейственности, о конфликтах между старыми спецами и «партийной прослойкой» в учреждениях часто писали рабкоры, о чем также свидетельствуют письма, поступавшие в НК РКИ СССР в период подготовки кампании.

Хлесткие определения, бытующие в общественном сознании, употребляемые в периодической печати для характеристики болезненных явлений в обществе и госаппарате, переносились в нормативные документы и, конечно, не имели под собой никакой правовой основы. Трудно сказать, как определялись авторами проектов «неисправимые бюрократы и волокитчики» или «злостные лжеспециалисты». Среди же широких слоев пролетарского населения, руками которых предполагалось проводить чистку, об этом едва ли вообще задумывались, в ожидании указаний сверху.

Один из первых проектов, предположительно НКТ РСФСР, предлагал делить вычищенных на четыре категории, причем в отличие от официально утвержденной инструкции здесь к первой категории в соответствии с привычным восприятием: «первый — отличный, передовой» — были отнесены:

«Все те работники, против работы которых в советском аппарате никаких препятствий не имеется... кои, несмотря на допущенные ими незначительные неправильности в общественной или служебной работе, будут признаны годными для дальнейшего ее несения».

Четвертую категорию в этом документе соответственно составляли

«разложившиеся работники, использующие служебное положение в корыстных целях, злостные, неисправимые бюрократы и волокитчики, злостные растратчики, взяточники; лица имеющие связь в своей работе с классово-чуждыми элементами, деятельность которых направлена в ущерб интересам советского государства; злостные лжеспециалисты, бывшие организаторы и активные деятели контрреволюции, крупные помещики и фабриканты, жандармы, охранники, полицейские, земские начальники, совмещающие службу с торговлей, со спекуляцией, с работой в религиозных общинах и культах» и т.п.⁷³

Окончательный вариант инструкции, опубликованный в июне 1929 г., существенно отличался от проектов, прежде всего, обтекаемостью формулировок. Из инструкции был исключен раздел «О замене вычищенных», включено положение о бережном отношении к специалистам.

В итоге был выработан документ, с одной стороны, учитывающий поправки, высказанные в ходе обсуждения, а с другой стороны, позволяющий использовать и трактовать его основные положения в зависимости от ситуации.

Один из вопросов, который рассматривается в связи с изучением советского законодательства, — роль совместных постановлений.

В конце 1920-х — начале 1930 годов традиция совместных постановлений еще не сложилась, хотя партийные постановления были важной идеологической составляющей правительственных решений, появляясь в зависимости от обстоятельств либо до, либо после последних. Партийное постановление или директива ВКП (б) было формой обращения к «революционной совести». «Привычка» обсуждать наиболее важные вопросы в узкопартийном кругу брала свое начало в дореволюционной подпольной деятельности большевиков и, как свидетельствуют источники, вовсе не воспринималась современниками как нарушение демократии. Наоборот, в мировоззрении современника участие партийцев — в прошлом активных борцов с царизмом — в решении принципиальных вопросов социалистического строительства служило гарантией успеха.

Чистка госаппарата 1929—1932 гг. рассматривалась как общесоюзная кампания и ее идеологической составляющей придава-

лось особое значение. Идея чистки, рожденная в партийных кругах, изначально проходила под их непосредственным контролем, а руководство ее ходом осуществлялось с помощью директив ЦК ВКП (б). Директивы регулярно обсуждались на заседаниях Оргбюро ЦК ВКП (б). Первой была директива «О партруководстве чисткой соваппарата». Ее проект обсуждался на заседании Оргбюро ЦК ВКП (б) 17 июня 1929 г. Чистка определялась как метод политического воспитания, а ее основная задача виделась в необходимости «путем улучшения личного состава учреждений, сделать их более боеспособными в деле социалистического строительства»⁷⁴. На основании этой директивы было принято одноименное постановление ЦК ВКП (б) от 3 июля 1929 г., в котором указывалось на необходимость всем партийным организациям и коммунистам «содействовать органам РКИ в тщательном подборе комиссий по чистке соваппарата», а также организовать агитационную работу с целью разъяснения политического значения чистки⁷⁵. Эти документы обеспечили возможность и в дальнейшем «дирижировать» ее ходом. Важными с точки зрения управления кампанией являются совместное постановление ЦК и ЦКК ВКП (б) от 12 сентября 1929 г. «О ходе проверки и чистки соваппарата» и директива ЦК ВКП (б) «О подготовке выдвижения новых кадров в связи с чисткой госаппарата», утвержденная в ноябре 1929 г. Благодаря этим документам идеи о необходимости в первую очередь сосредоточиться на чистке финансовых и земельных органов и увязать последнюю с выдвижением в госаппарат рабочих от станка получили силу закона⁷⁶.

Документы чистки центральных учреждений СССР и РСФСР демонстрируют, что именно партийные директивы были для рабочих бригад тем самым главным указанием «сверху», определяющим направление деятельности.

Поскольку по замыслу чистка должна была проводиться при широким участии масс, письменные обращения в средства массовой информации приветствовались и всячески инициировались. С одной стороны, они должны были продемонстрировать открытость и всеобщий характер предстоящей кампании, с другой стороны, с их помощью изучалось общественное мнение.

Для пролетарского большинства чистка обозначила образ конкретного врага, с которым надо бороться и во что бы то ни стало победить, поэтому находила здесь живой отклик.

Публикации о предстоящей чистке соваппарата, которые с ноября 1928 г. все чаще стали появляться на страницах периодической печати, служили толчком для появления различного рода письменных обращений в редакции центральных газет и в ЦКК — НК РКИ,

в которых люди высказывали свои мысли по поводу предстоящего мероприятия.

В документах ЦКЧСА сохранились подлинники и копии писем в «Правду» и «Рабочую газету», присланные после публикации статей С.П. Писарева и Я.Х. Петерса⁷⁷. Они различны по объему и содержанию. Авторы писем — «рабочие от станка», рабкоры, работники местных РКИ.

В коротких записках чаще лишь эмоциональная оценка положений вышеупомянутых статей или предстоящей чистки в целом, как например, в письме кочегара Н. Шевцова:

«Ну, в общем, товарищ Писарев, я рабочий Донбасса, рудника Титова, присоединяюсь к твоим мнениям на все сто процентов, и требую от правительства выгнать бюрократов из совучреждений, и нет им возврата или передвиженчества на другое место»⁷⁸.

Многостраничные сочинения содержат сведения о взглядах автора на ситуацию в стране и предложения о проведении кампании. Часто информируют исследователя о том, с какими проблемами повседневной жизни приходилось сталкиваться обычному человеку того времени.

Очень часто в рассматриваемых письмах наряду и в связи с чисткой поднималась проблема безработицы. Так, например, в объемном письме в ЦКК-НК РКИ и редакцию газеты «Правда» П. Ванягина из г. Харькова содержатся интересные наблюдения о социальной напряженности в обществе в связи с безработицей:

«Неблагополучно со многими служащими из одной семьи: служит муж, служит жена, служит брат, служит сестра, а другая семья из 5—6 человек, часто с маленькими детьми, но никто не может получить работы и вся семья влачит самое жалкое существование. Нормально ли это? Едва ли. Здесь могут возразить, что в этой семье, где все служат и работают все квалифицированные, а в другой квалифицированных нет, но чаще всего это не так, а здесь действуют просто ловкие люди, имеющие связи через родственников и знакомых, а поэтому легко устраивающиеся; другая же семья, где таких “хороших” знакомых нет, остается безработной, что ни для кого не секрет, что протекционизм у нас процветает самый махровый и можно быть дельным и полезным работником, но если не будешь иметь “своих людей”, то работы не получишь. Этого вопроса обойти молчанием нельзя и двух-трех работников из одной семьи, когда параллельно десятки и сотни тысяч безработных, оставлять и дальше на работе недопустимо. Во всяком случае, возможность работы для безработных хотя бы полдня (3—4 часа) даст поддержку и материальную и моральную: человек не будет считать себя лишним»⁷⁹.

Проблема «лишних людей» затрагивается в письме безработного «инвалида Красной Армии» А.В. Шульца из г. Новгорода:

«...Достоин получить себе работы, дабы дать возможность отдохнуть хотя бы в мирной обстановке и принести пользу Советскому строительству, а равно, чтобы не мучалась моя семья, терпя в настоящее время недостаток во всем».

Именно в решении проблемы безработицы для правящего класса видит автор письма главную задачу чистки:

«Дать возможность работать тем, кто действительно завоевал себе право на самоуправлении и стоял на защите Октября и, благодаря протекционизма, остался без куска хлеба за бортом»⁸⁰.

Практически все письма о чистке содержат сведения о бытовых невзгодах самих авторов — отсутствие работы, денег, квартиры. В качестве доказательства необходимости чистки обязательно приводятся факты бюрократизма в аппарате. В сознании рабочих бюрократизм, благодаря проведенной в 1928 г. кампании по «вскрытию гнойников и нарывов» в госаппарате, чаще всего ассоциировался именно с «бывшими».

Так, возражая автору статьи в «Рабочей газете» по поводу установки на борьбу с бюрократами и волокитчиками вне зависимости от их происхождения, рабочий маслозавода Воронежского округа Русаков пишет:

«Давайте тов. Писарев возьмем Шахтинское дело. Кто там оказался вредителем рабочие-выдвиженцы или старые лакеи хозяев? Смоленское дело — тоже самое. У нас ЦЧО — Острожское. Эти факты говорят одно, и они заставили нас чистить сов. аппарат»⁸¹.

Деятельность учреждения, ее содержание, смысл и качество в представлениях рабочих связывались с наличием или отсутствием «бумажной волокиты», о которой часто писали в центральной периодической печати тех лет. Служба в соваппарате казалась более легким трудом, чем работа на заводе или фабрике. Так, рабочий меднолитейного цеха ленинградского завода «Знамя труда» Гольдин писал в газету «Правда»:

«В связи с предстоящей чисткой госаппарата помимо выдвижения, мне кажется, что необходимо на освободившиеся места выдвигать рабочих занятых на тяжелых физических работах и работающих на вредных производствах, ибо зачастую мы видим, что люди, поте-

рившие чуть ли не 50% и более своего здоровья, а все-таки во вред своему здоровью продолжают работать, боясь перевода на низкооплачиваемую работу или на пенсию»⁸².

Рассматривая «письма во власть», как исторический источник, исследователи, затрагивая проблему их авторства, обращают внимание на тот факт, что пишущие — лица, как правило, склонные к поиску жизненных ориентиров, эмоционально возбудимые или просто желающие прославиться⁸³.

Чистка, как мероприятие, предусматривающее в той или иной степени репрессивные меры, конечно, особо привлекало людей, склонных к агрессии, уверенных в том, что навести порядок можно, лишь применяя активные репрессивные меры. Об этом свидетельствует лексика самих писем, где часто возникает образ «поганой или железной метлы», которой из аппарата должна быть выгнана «вся сволочь», «проволочные заграждения и баррикады» против антисоветского элемента и «бывших людей». Показательно в этом смысле конкретное предложение рабочего А. Заваленко:

«...Если он присвоил 20 тысяч рублей на свои нужды, по-моему, расстрелять на губернию одного, мы ничем не страдаем, а наоборот, дисциплину и яркую в пример прошлым годам сделаем по СССР»⁸⁴.

«Армия коленного пера» — так определяли себя сами рабкоры и рабселькоры — рождала яркие образы госаппарата и чистки как способа его совершенствования. Они воссоздают колорит эпохи. Приведем некоторые из них:

«он (сваппарат) должен быть построен самым гибким и подобран с самого лучшего материала без “ржавчин” и “раковин”. А что мы имеем сейчас? Мы имеем не только отдельные ржавчины, а зачастую и глубокие раковины».

«[чистка] рецепт для борьбы хороший, но только будет нуждаться в надзоре широких масс и верховных властей, чтобы этот рецепт правильно прописывался по диагнозу болезни».

«Так их найдется столько пней в подрезанном лесу. Часть этих пней уже подгнила, но большая половина с нежелательностью ждет хорошего рубя леса. НК РКИ РСФСР, которая со всеми корнями эти заросли пней вытащит»⁸⁵.

Как свидетельствуют сохранившиеся стенограммы совещаний, Я.Х. Петерс использовал в своих речах художественные образы чистки, созданные «народом». Хотя, конечно, «группу Петерса» интересовали не столько яркие разнообразные образы чистки или

житейские проблемы корреспондентов, сколько конкретные предложения по организации кампании. Однозначного представления о ходе кампании у ее организаторов до партийной конференции, призванной официально объявить о предстоящей чистке, еще не было.

Обобщая данные всех изученных нами писем, можно выделить три основных сюжета, которые затрагивались авторами в связи с данным мероприятием: его сроки, методы работы и итоги.

Практически все авторы писем рассматривали чистку как «широкую общественную и важнейшую политическую кампанию». В истории советского периода мероприятия, демонстрирующие быстрые результаты, находили общественную поддержку, что в свою очередь активно использовалось властью.

В изученном нами комплексе выявлен только один случай, когда автор возражал против кампанейского характера чистки. Работник райкома ВКП (б) г. Бобров Воронежского округа П. Тимошенко, приславший свою статью о чистке в редакцию газеты «Правда», подчеркивал:

«...Нужно сделать вывод, что в этом важном и сложном вопросе кампанейским методом работы в виде отдельной кампании по чистке или “легкой кавалерией” ничего решающего нельзя сделать. По-нашему, нужно критически подумать над самой системой контроля и учета работы советского аппарата».

Примечательно, что на полях помета красным карандашом читавшего письмо: «ЧЕГО ЖЕ ОН ХОЧЕТ?»⁸⁶.

Однако все авторы были едины в том, что такое мероприятие не может быть проведено в короткие сроки, но конкретных сроков не называли. Только А. Заваленко, письмо которого уже цитировалось выше, писал:

«Я только одного боюсь, что чистка займет 2—3 месяца, а нужно сделать так, чтобы она называлась Государственная чистка по СССР с таким расчетом, чтобы эта чистка не прерывалась ровно год»⁸⁷.

Что касается методов чистки, то здесь «народная фантазия» находила самые разнообразные решения. Преобладала точка зрения об открытом характере чистки, причем сторонники публичных методов, как правило, особо настаивали на широких собраниях, где бюрократы и волокитчики должны быть подвергнуты «остракизму». Показательно в этом отношении предложение И. Богдановича из Ленинграда о «трудовом суде», которое отчасти нашло свое отражение в инструкции по чистке, а именно: в определении ограничений

для вычищенных по категориям. Трудовой суд, где в качестве народных заседателей должны быть рабочие, по мнению автора, должен рассматривать именно те проступки, «что в общежитии зовутся бюрократизмом, волокитой и прочим».

«В зависимости от тяжести преступления суды, — пишет Богданович, — должны совершенно не пускать виновных на работу вообще, а в более легких случаях — запрещать работу на 1—2 года и т.п., а в некоторых случаях ограничиваться вынесением выговоров и предупреждений. Классификация таких проступков и наказаний должна быть, конечно, разработана»⁸⁸.

Вскрывать факты бюрократизма большинство авторов предлагало при помощи «журналов жалоб», которые следует положить в каждом учреждении с обязательным письменным воззванием — призывом к каждому, кто заметил факты бюрократизма, делать запись в этих журналах. Расследовать факты бюрократизма и волокиты должны были рабочие «тройки», «пятерки», и здесь большинством корреспондентов допускался закрытый характер работы.

Приверженцев у идеи «закрытой» читки тоже было достаточно. По имеющимся отдельным упоминаниям в документах, в частности, в связи с подготовкой проектов инструкции по чистке, сам Я.Х. Петерс был ее сторонником. Возможно, не случайно именно Я.Х. Петерсу было адресовано письмо одного из поборников тайных методов работы в ходе чистки, который предлагал свой «жизненный способ, проверенный на опытах»:

«Нужно завербовать сотрудников секретных, так чтобы в каждом отделе фабрики имелся. Его, конечно, нужно инструктировать по тем или иным вопросам. ... Из этих сотрудников выбрать одного старшего, который будет называться информатор, и который только один будет знать своих сотрудников и будет иметь связь с Уполномоченным ОГПУ»⁸⁹.

Если методы проведения кампании, предлагаемые авторами писем, были разнообразны, то в вопросе закрепления результатов чистки, используя лексику самих корреспондентов, можно заметить, что «ярость пролетариата» в ответ на «классовую ехидность бывших» была направлена исключительно на всеобщий учет всех «вычищенных».

Инструктор рабкоров А. Эшкинин писал Е. Ярославскому в марте 1929 г.:

«...Самодержавие умело защищать себя от своих врагов, оно не стеснялось иметь черные списки на революционных деятелей, в

частности конечно в этом списке когда-то числили и Вас т. Ярославский, а почему же нам не учитывать всех вычищенных чуждых элементов. ... При НК РКИ надо иметь центральный карточный стол, где учитывать всех чуждых вычищенных по всей СССР элементов, которые не могут и не должны быть в наших аппаратах»⁹⁰.

Аналогичная идея об издании «за счет вредителей госаппарата» книги-справочника, где должны быть фамилии и имена всех «вычищенных» из учреждений СССР, была высказана в письме счетовода из Житомирского отделения Госбанка И.Г. Мешбея⁹¹. В другом письме предлагалось издание «периодического бюллетеня по борьбе с бюрократизмом», где автор также предлагал отражать сведения о «вычищенных» из госаппарата. Одной из самых популярных была идея «желтых билетов» с фотографиями, которые предполагалось выдавать «чуждым элементам» по результатам чистки. В письмах, не столь переполненных «классовой ненавистью», звучали предложения для всех служащих в обязательном порядке ввести «трудовые паспорта» или «послужные формуляры». В них должны были фиксироваться как перемещения по службе, так и результаты предстоящей чистки.

Мысль о суровом наказании «чистых» (такой термин иногда использовался современниками. — *Е.К.*) также будоражила воображение современников. Очень характерно в этой связи предложение Н. Вексина:

«А для таких злостных вредителей и врагов власти советской должны быть специальные “работные” исправительные дома, где бы они работали самые черные и грязные работы и обрабатывали свое содержание, не принося ущерба, государству как сейчас, когда они сидят в исправ. домах и бездельничают на казенном содержании в ущерб государству»⁹².

Вопрос о замене «вычищенных», как правило, решался автоматически: по принципу, изложенному в письме Г.В. Капралова: «лучше взять на работу в свой аппарат малограмотных рабочих, крестьян, бедняков и батраков, нежели держать около себя грамотных, но бюрократов и чиновников». Хотя были и более осторожные высказывания по этому поводу. Рабочий фабрики «Ока» из г. Озеры Б. Польский писал в «Правду»:

«Невольно задаю себе вопрос: кем заменить? Работая на небольшой фабрике (ткацкая ф-ка “ОКА”) около 800 человек я не вижу тех, которые заменили бы действительно вредных, злостных типов. Я чувствую большую раздраженность в рабоче-крестьянской массе (здесь почти каждый рабочий крестьянин), но не могу ее оформить, не нахожу источника»⁹³.

Как уже говорилось выше, первый председатель ЦКЧСА НК РКИ СССР Я.Х. Петерс в ходе подготовки к чистке сам запрашивал сводки писем в «Рабочую газету» и «Правду».

Кроме того, Я.Х. Петерс собирал записки, которые передавались ему из зала в ходе различных совещаний. Их копии частично сохранились в фонде НК РКИ СССР. Наиболее тщательно вычленились из писем и записок предложения о «клеянии вычищенных» с помощью печатей, записей в трудовые списки и т. д., которое рассматривалось в качестве единственного способа закрепления результатов чистки. Предложения об организации процедуры чистки также «брались на карандаш» чтецами писем и включались в сводки. Любопытно, что предложение Токарева о создании сети информаторов вызвало особый интерес, видимо, как и самому автору письма, напоминая о далеких годах подпольной работы.

Обращаясь к письмам, сводкам писем, а также запискам, можно заметить, что очень многие идеи в той или иной форме находили воплощение в ходе кампании. В сохранившемся комплексе особенно обращают на себя внимание объемные письма бывшего политкагоржанина из Гагры Евгения Гелевского. Он подробно, в деталях описывал порядок организации чистки. К сожалению, пока не удалось найти каких-либо сведений об авторе, который явно искренне верил в необходимость и эффективность кампании. Из текста писем можно только сделать предварительные выводы о достаточно высоком уровне его образованности. Несомненен и тот факт, что письма были объектом пристального внимания «группы Петерса». Ведь, по сути, процедура чистки, с небольшими отклонениями, проходила по предложенной им схеме. Как и большинство авторов писем, он рассматривал чистку как масштабное мероприятие:

«Чистка соваппарата от негодных элементов, разложившихся чуждых, не восприимчивых в своем сознании, по своей психологии к требованиям эпохи социалистического строительства, от бюрократов, волокитчиков и головотяпов даст только в том случае солидные, реальные практические результаты, когда эта чистка будет проведена как широкая, общественная и важнейшая политическая кампания. Результаты ее будут тем более грандиозны и окажут тем более глубокое последствие на темпы нашего социалистического строительства во всех областях хозяйства и жизни, чем более широкие миллионные массы трудящихся будут вовлечены в эту кампанию. Одним из наиболее важных ее последствий может явиться чрезвычайное оживление нашей демократии. ... Темпы нашего строительства в результате проделанной самими массами хирургической операции советского, кооперативного, хозяйственного, профсоюзного аппаратов и в результате последующей партийной чистки значительно повысятся»⁹⁴.

Гелевский принадлежал к числу тех, кого особенно интересовал вопрос «закрепления» результатов чистки. Он предлагал им тщательно продуманную систему введения трудовых паспортов или послужных формуляров, описанию которой посвятил отдельное письмо. Фактически это прообраз привычных для нас трудовых книжек.

«Строгие, точно сформулированные, правила о введении этих трудовых паспортов — послужных формуляров должны составить предмет особого законодательного постановления». «...Трудовой паспорт — рабочий или послужной формуляр должен стать свидетельством поведения гражданина СССР на великой социалистической стройке нашего будущего!»⁹⁵.

Когда знакомишься с письмами и сводками, невольно бросается в глаза присутствующее постоянное стремление к наведению порядка «жесткой рукой», возникающее как реакция на хаос, неопределенность и неуверенность в завтрашнем дне. Чистка привлекала как реальное действие, за которым следует видимый результат. Поэтому, как нам кажется, не совсем верно рассматривать кампанию как очередное «злое» изобретение тоталитарного режима. Идея «очищения» была крайне популярна в массовом сознании того времени, на что, кстати, указывала в уже упомянутых выше работах Т.М. Смирнова.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПОКОЛЕНИЙ: «ЯРОСТЬ ПРОЛЕТАРИАТА» И «КЛАССОВАЯ ЕХИДНОСТЬ»

Документы о ходе персональной чистки в центральных учреждениях демонстрируют столкновения интересов двух поколений — с «дореволюционным прошлым» и «пролетариев-выдвиженцев» на уровне повседневности. В условиях кардинальных перемен общественного устройства это столкновение, на наш взгляд, было неизбежным.

Вообще XX век стал эпохой кардинальных перемен во всем мире. Михаэль Штоляйс в своей книге, посвященной истории публичного права в Германии периода Веймарской республики и национал-социализма, обозначая август 1914 г. как веху всемирной истории, когда в движении пришли гигантские военные машины, когда, по выражению Стефана Цвейга, «золотой век надежности» ушел в прошлое, обращает внимание на то, что первая мировая война «без остатка уничтожила XIX век, по крайней мере в том виде, в каком он все еще мог бы казаться идиллией»⁹⁶. В России, как показали российские исследователи, она «породила революцию»⁹⁷.

Современники, как правило, не замечают, а чаще и не хотят замечать смену эпох, всегда надеясь на возвращение «старых добрых времен». Такая ностальгия по прошлому была характерна для большинства служащих госаппарата из числа «бывших».

Интересные наблюдения в этой связи содержатся в записях приват-доцента политехникума в Шарлоттенбурге, инженера-строителя, консультанта Строительного комитета ВСНХ СССР Келлена о его пребывании в нашей стране в конце 1927 — начале 1928 г., копия которых хранится в составе материалов Управления Делами СНК СССР. Он пишет:

«Вообще говоря, русские инженеры думают, что по окончании войны во всех странах, за исключением России, восстановились довоенные условия жизни и не хотят понять, что в других странах условия жизни совсем иные, чем перед войной. ... Совершенно удивительно как судорожно эти люди хватаются за приятный для них, но уже несуществующий мир прошлого»⁹⁸.

Такая ностальгия по прошлому была характерна не только для инженеров. Когда обращаешься к стенограммам заседаний комиссий по чистке, нетрудно заметить, что она присутствует практически всегда, лишь иногда скрываясь за репликами о значимости октябрьских событий. Следует заметить, что даже на чистке, то есть находясь под угрозой быть изгнанным из госаппарата, служащие не слишком «увлекались» хвалебными речами в адрес новой власти.

Показательны характеристики, которые давала представителям «бывших» коммунистическая прослойка Наркомфина СССР накануне чистки:

«...Хвалит существующие до революции порядки и вспоминает старое “доброе” время»; «...Занимается посторонними разговорами (воспоминания о прошлом, разговоры о театре и т. д.)»; «...Приспособляется, одновременно вращаясь в кругу чуждой нам профессуры»; «...Вращается в мецанско-профессорских кругах, безусловно, классово-чуждый элемент»⁹⁹.

Материалы чистки в центральных учреждениях сохранили множество ярких примеров неприятия служащими с дореволюционным стажем представителей нового поколения — выдвиженцев. Во время чистки «пришельцы» с заводов и фабрик часто вызывали негативное отношение со стороны сотрудников учреждений, поскольку просто нарушали нормальный ритм работы. В одном из номеров стенгазеты «Искра», издававшейся в НКТ СССР, работница Текстильной фабрики им. Макарова сообщила:

«Когда я пришла работать в комиссию по чистке аппарата, мне пришлось по делу обратиться в секретную часть НКТ. Уходя оттуда, с непривычки, не могла открыть дверь. На вопрос «Как открыть двери мне зав. секретной частью ответил «Как сумела войти, так сумей и выйти»¹⁰⁰.

Существовало неприятие и на более глубинном уровне, оно передается стенограммами заседаний комиссий по персональной чистке. Выступая на собрании по сотруднице Планово-экономического управления Алексеевой, молодая выдвиженка Заславская жаловалась:

«...Как сотрудница Алексеева держала себя. Я, хотя немного, наблюдала ее в библиотеке и на одном общем собрании в ПЭУ, но, несомненно, было одно, что сотрудница Алексеева отмежевывалась от общей массы сотрудников Наркомфина, вернее, проявлялось классовое высокомерие. ... В чем это проявлялось? Исключительно в ее высокомерном отношении к сотрудникам не научным и вот этого интереса и стремления связаться с общей массой абсолютно не наблюдалось»¹⁰¹.

Сотрудница библиотеки Наркомфина СССР Богословская на заседании комиссии по чистке вспомнила другой эпизод:

«К незнакомому для меня читателю сотрудник обратился и сказал: «Пойдите вниз за книгой в книгохранилище, машина вновь не действует». И со стороны этого читателя последовала очень свободная характеристика советского строительства, презрительно раздраженная. ...Я заинтересовалась этим читателем и узнала его фамилию. Это был Андрес из Планово-экономического управления»¹⁰².

Однако, как известно, отдельными примерами ничего нельзя доказать и ничего нельзя опровергнуть. Повседневная жизнь разнообразна. Иллюстративны в этом смысле вышеупомянутые дневниковые записи немецкого инженера. Он пишет: «Интересно, что здешняя интеллигенция стыдится передо мной из-за революции; они думают, что в результате нынешнего режима они впали в варварское состояние»¹⁰³. Но тут же, противореча самому себе, рисует образ дореволюционного инженера «коммунистических взглядов», с которым ему пришлось столкнуться на строительстве в Балахне¹⁰⁴.

Изучение эпизодов самой чистки и исследования биографий слушающих, в нее вовлеченных, демонстрируют и тенденцию успешной интеграции «бывших», в новое социалистическое общество.

Анализ стенограмм позволяет увидеть, они включались в работу по подготовке нормативных документов, активно проводили в

жизнь идеи всеобщей радиофикации. Проблема мотивации поступков каждого из них, а также общий вопрос о том, что лежало в основе успешной социализации «бывших», — предмет кропотливого микроисследования.

Здесь мы хотели лишь обратить внимание на тот факт, что документы с определенной частотой фиксируют чувство неприятия старыми спецами новых порядков, что новое поколение советских служащих образно определило как «классовую ехидность».

Материалы чистки соваппарата 1929—1932 гг. создают яркие эскизы к групповому портрету новых советских чиновников, чьи ряды пополнялись партийными активистами и «выдвиженцами». К началу кампании эта группа была достаточно активна. Отказывая старому чиновничеству в способности восприятия революционных идей, она была к тому же крайне подозрительна.

Один из молодых сотрудников НКФ СССР, долго слушая о темном «белогвардейском прошлом» спеца из числа «бывших» Калашникова, высказался весьма определенно:

«Я считаю, что пока это отсутствует (Калашникова обвиняли в участии в боевых действиях против Красной Армии, а он сам это отрицал. — *Е.К.*) и нет достаточного опровержения, он безусловно является моим личным врагом, с которым в одном отделе или даже в одном наркомате, я работать не буду»¹⁰⁵.

Внутренний мир и профессиональная деятельность нового поколения практически не имели ничего общего с мировосприятием и профессиональными «привычками» дореволюционного чиновничества. Оно формировалось под непосредственным влиянием революционных идей и принципиально отметало дореволюционное прошлое.

Безусловно, чистка была острой фазой конфликта двух поколений, но сам конфликт не был результатом самой чистки. Он был положен логикой исторического развития и играл решающую роль в социальных процессах в советском обществе в конце 1920-х — середине 1930-х годов. В этом смысле документы по чистке центральных учреждений подтверждают точку зрения специалиста по социальной истории профессора А.К. Соколова, который, говоря о репрессиях 1937—1938 гг., еще в конце 90-х годов прошлого века писал: «Если в целом “ежовщина” прежде представляла небывалое прежде явление, то все ее компоненты уже просматривались в исторической ретроспективе»¹⁰⁶.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Одна из причин, по которой документы по чистке центральных учреждений СССР и РСФСР уже после процедуры рассекречивания в 1993—1995 г. не были предметом пристального внимания историков, — сложность работы с сохранившимся «многослойным» комплексом.

Трудности в работе с обширными материалами возникали и у современников, которые не успевали их систематизировать о чем говорил Я.Х. Петерс на совещании комиссий по чистке союзных учреждений в марте 1930 г.¹⁰⁷

Опыт работы с документальными массивами показал, что без подокументного описания микроанализ большинства источников практически невозможен. Между тем особенность этого комплекса, содержащего сведения о микрообъектах — учреждениях, предполагает использование именно этого метода, широко применяющегося сегодня при изучении социальной истории и истории повседневности.

Давнее «знакомство» с архивными фондами ЦКЧСА НК РКИ СССР, союзного и республиканского наркоматов РКИ показало, что в основе предварительной систематизации должен быть «маленький человек». В результате в распоряжении историка оказывается «массив биографий и судеб» служащих центрального аппарата. Сравнительные биографии участников и свидетелей одного события позволяют обращать внимание на «скрытые слои» источника, незаметные при традиционном почтении.

Еще одна причина, по которой историки оставляли без особого внимания этот «документальный пласт», как нам кажется, кроется в узких хронологических рамках и незначительности данного события на фоне происходящих в советской истории и «до» и «после» чистки госаппарата.

И тем не менее, возьмем на себя смелость утверждать, следуя путем изучения этого источника методами микроистории, возможно найти дополнительное подтверждение уже высказанным идеям о социальных процессах в обществе в конце 1920-х — начале 1930-х годов¹⁰⁸, или же приблизится к истине в поисках ответов на вечные вопросы новейшей истории о тоталитарных системах XX в.

¹ См.: Комиссия по чистке НКП — Под контроль масс // Народное просвещение. — 1930. — № 1. — С. 2—3; *Бауэр Я.* : 1) Первые итоги чистки Наркомпроса // Там же. — № 2. — С. 1—3; 2) Итоги чистки НКП РСФСР // Там же. — № 6. — С. 13—14; *Тихомиров.* Из ведомственного органа в штаб культурной революции // Работник просвещения. — 1930. — № 5/6. — С. 20—21.

² *Шкловский Генр., Челябинский Н., Хаевский М.* Чистка как метод борьбы за пролетарский госаппарат. — М.: Власть советов, 1932. — 184 с.

³ *Иконников С.Н.* Создание и деятельность объединенных органов ЦКК—РКИ в 1923—1934 гг. — М., 1972. — С. 281—319; *Краснов А.В.* ЦКК—РКИ в борьбе за социализм: роль ЦКК—РКИ в осуществлении ленинского плана построения социализма в СССР (1923—1934 гг.). — Иркутск, 1973. — С. 310—340; *Чугунов А.И.* Органы социалистического контроля РСФСР, 1923—1934 гг. — М., 1972. — С. 213—226.

⁴ *Абрамова Т.А.* Советское общество 20—30-х годов XX века: опыт политического контроля: (на материалах партийной Контрольной Комиссии). — Н. Новгород: Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т, 2005. — 144 с.; Лишненцы, 1918—1936 / публикация А.И. Добкина // Звенья: ист. альманах. — М.; СПб., 1992. — Вып. 2. — С. 600—628; *Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф.* Лишение избирательных прав в Москве в 1920—1930-е годы. Новые архивные материалы и методы обработки. — М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», 1998. — 256 с.; *Юшин И.Ф.* Социальный портрет московских «лишенцев» (конец 1920-х — начало 30-х годов) // Социальная история, 1997: ежегодник. — М., 1998. — С. 95—122.

⁵ Голос народа: письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. — М.: РОССПЭН, 1998. — 326 с.; Общество и власть, 1930-е годы: повествование в документах / отв. ред. А.К. Соколов. — М.: РОССПЭН, 1998. — 352 с.

⁶ *Смирнова Т.М.* : 1) «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути Интеграции, 1917—1936 годы. — М.: Мир истории, 2003. — 296 с. ; 2) «Вычистить с корнем социально-чуждых»: нагнетание классовой ненависти в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и ее влияние на повседневную жизнь советского общества: (по материалам «чисток соваппарата» Москвы и Московской области) // Россия в XX веке. Реформы и революции. — М., 2002. — Т. 2 ; 3) Ужесточение социальной политики советской власти и «классовая борьба» на уровне повседневного-бытового общения // Вестник Российского университета Дружбы Народов. Серия «История России». — 2003. — № 2. — С. 74—87 ; 4) Чистки соваппарата как часть советской повседневности 1920—1930-х гг. // Там же. — 2009. — № 3. — С. 103—120.

⁷ *Киселева Е.Л.* : 1) Чистка государственного аппарата 1929—1932 гг. // Российская история. — 2009. — № 1. — С. 96—110 ; 2) Борьба с бюрократизмом «побольшевикски»: чистки государственных учреждений в 1929—1932 гг. // Социальная история, 2009: ежегодник. — М., 2010. — С. 219—240; и др.

⁸ *Киселева Е.Л.* Чистка государственного аппарата 1929—1932 гг.: основные комплексы источников, их анализ и значение: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. — М., 2014. — 39 с.

⁹ *Журавлев С.В.* Современные методы и новые источники изучения истории России XX века: учебно-методическое пособие. — М., 2010. — С. 42.

¹⁰ Цитата из доклада наркома РКИ СССР А.А. Андреева. См.: За темпы, качество, проверку. — 1931. — № 6/7. — С. 7.

¹¹ Следует отметить, что события в СССР тех лет привлекали внимание иностранцев, которые в погоне за «экзотикой» активно посещали страну строящегося социализма. Так, по данным АО «Интурист», в 1929 г. услугами Общества

воспользовались 2572 иностранных туриста. (См.: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). — Ф. 374. — Оп. 28. — Д. 3576. — Л. 15).

¹² Там же. — Ф. Р-8341. — Оп. 1. — Д. 380. — Л. 65.

¹³ Там же. — Л. 18.

¹⁴ См.: *Журавлев С.В.* Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под ред. А.К. Соколова. — М., 2004. — Разд. 1, гл. 3. — С. 148—198.

¹⁵ В составе фонда ЦКЧСА НК РКИ СССР нами выявлены лишь отдельные стенограммы заседаний комиссии по чистке Госплана РСФСР. — *Е.К.*

¹⁶ ГА РФ. — Ф. А-406. — Оп. 1. — Д. 1033. — Л. 204.

¹⁷ Там же. — Ф. Р-374. — Оп. 28. — Д. 3584. — Л. 69, 53—47; Ф. Р-8341. — Оп. 1. — Д. 383. — Л. 40.

¹⁸ Там же. — Ф. Р-8341. — Дело фонда. — Л. 4.

¹⁹ На заседании Президиума ЦКК и Коллегии НК РКИ СССР 11 февраля 1930 г. было принято решение приступить к чистке аппарата Центрархива и создана комиссия под председательством Ю.П. Фигатнера в составе С.С. Кржижановского и В.В. Артишевского (Там же. — Оп. 1. — Д. 21. — Л. 135).

²⁰ В процессе обработки протоколов заседаний троек ЦКЧСА по рассмотрению апелляций за 1931 г. нами выявлены 5 случаев рассмотрения заявлений сотрудников Центрархива (Там же. — Д. 1519).

²¹ См.: За темпы, качество, проверку. — 1931. — № 6/7. — С. 11.

²² Материалы по чистке Осовиахима в составе фонда, хранящегося в ГА РФ, нам также обнаружить не удалось.

²³ См.: ГА РФ. — Ф. 10035. — Оп. 1. — Д. П-15954; П-10429. — Л. 10.

²⁴ *Журавлев С.В.* Современные методы и новые источники изучения истории России XX века. — С. 12.

²⁵ См. об этом: Материалы Симпозиума по актуальным проблемам источниковедения (Таллин, 2—6 октября 1972 г.) // Источниковедение отечественной истории, 1976: сб. ст. — М., 1977. — С. 241.

²⁶ См.: ГА РФ. — Ф. Р-8341. — Оп. 1. — Д. 1194. — Л. 45—61, 104.

²⁷ Реабилитирован в сентябре 1957 г. Место захоронения — Ваганьковское кладбище.

²⁸ ГА РФ. — Ф. Р-8341. — Оп. 1. — Д. 1199. — Л. 249.

²⁹ Там же. — Д. 3574. — Л. 128.

³⁰ Там же. — Л. 50.

³¹ Там же. — Л. 47.

³² *Агабеков Г.С.* ЧК за работой. — М., 1992. — С. 150.

³³ Там же. — С. 213.

³⁴ Там же. — С. 216.

³⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГА-СПИ). — Ф. 613. — Оп. 2. — Д. 24. — Л. 14 об.

³⁶ ГА РФ. — Ф. Р-8341. — Оп. 1. — Д. 389. — Л. 11.

³⁷ См., например: *Журавлев С.В.* Массовые репрессии 1930-х годов на микроуровне: иностранцы Электрозавода под прицелом НКВД // Россия в XX веке: люди, идеи, власть. — М., 2002. — С. 65—79.

³⁸ Более подробно вопросы чистки НКТорга СССР рассмотрены в статье: *Киселева Е.Л.* Чистка государственного аппарата 1929—1932 гг. — С. 96—110.

³⁹ См.: *Осокина Е.А.* Иерархия потребления: о жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928—1932 гг. — М., 1993. — С. 122—123.

⁴⁰ ГА РФ. — Ф. Р-374. — Оп. 28. — Д. 3579. — Л. 184.

⁴¹ Там же. — Д. 3572. — Л. 15 об.

⁴² Там же. — Л. 47.

- ⁴³ Там же. — Л. 86.
- ⁴⁴ *Соколов А.К.* От военпрома к ВПК: советская военная промышленность, 1917 — июнь 1941 гг. — М., 2012. — С. 67.
- ⁴⁵ Председатель комиссии по чистке ГВПУ ВСНХ СССР был начальником одного из отделов ЭКУ ОГПУ. — *Е.К.*
- ⁴⁶ ГА РФ. — Ф. Р-374. — Оп. 28. — Д. 3562. — Л. 6—4.
- ⁴⁷ Там же. — Ф. Р-8341. — Оп. 1. — Д. 377. — Л. 1.
- ⁴⁸ Там же. — Л. 4, 5.
- ⁴⁹ Там же. — Ф. Р-374. — Оп. 28. — Д. 3572. — Л. 65.
- ⁵⁰ Там же. — Ф. Р-8341. — Оп. 1. — Д. 1630. — Л. 23.
- ⁵¹ Там же. — Д. 53. — Л. 68—68 об.
- ⁵² См: *Искра*: двухнедельная газета НКТ. — 1929. — 16 авг. (ГА РФ. — Ф. Р-8341. — Оп. 1. — Д. 60. — Л. 26 об.).
- ⁵³ Там же. — Д. 1628. — Л. 6—8.
- ⁵⁴ Там же. — Д. 1698. — Л. 13.
- ⁵⁵ Там же. — Л. 18.
- ⁵⁶ Там же. — Д. 389. — Л. 53.
- ⁵⁷ Там же. — Ф. А-406. — Оп. 3. — Д. 1096. — Л. 17—18 об.
- ⁵⁸ Там же. — Л. 49—58.
- ⁵⁹ Там же. — Оп. 1. — Д. 1033. — Л. 55 об.
- ⁶⁰ Там же. — Оп. 3. — Д. 1096. — Л. 86.
- ⁶¹ Там же. — Оп. 1. — Д. 1120. — Л. 3—13, 17—19, 54—56; Д. 1121. — Л. 5—7, 9—12; *Ляховец Д., Тернавский Н.* На проверке земорганов. — М.; Л., 1930. — С. 30—36.
- ⁶² ГА РФ. — Ф. А-406. — Оп. 3. — Д. 1097. — Л. 13—14.
- ⁶³ *Правда*. — 1929. — 28 авг.
- ⁶⁴ *Суворова Л.Н.* Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. — М., 2013. — С. 136—137.
- ⁶⁵ ГА РФ. — Ф. А-406. — Оп. 3. — Д. 1097. — Л. 3—5, 10, 40, 183.
- ⁶⁶ Там же. — Оп. 1. — Д. 1112. — Л. 46, 59.
- ⁶⁷ Центральный архив общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ). — Ф. 388. — Оп. 1. — Д. 49.
- ⁶⁸ Там же. — Ф. 7. — Оп. 1. — Д. 65. — Л. 45, 78.
- ⁶⁹ ГА РФ. — Ф. Р-8341. — Оп. 1. — Д. 378. — Л. 7.
- ⁷⁰ Там же. — Ф. Р-5468. — Оп. 12. — Д. 62а. — Л. 52.
- ⁷¹ По данным Наркомата труда СССР в 1928/29 гг. безработица по индустриальным профессиям по сравнению с 1927/1928 гг. выросла на 14,5%, причем наибольший рост безработицы давали текстильщики (52,7%). Безработица среди металлистов выросла на 10,3% главным образом за счет рабочих низкой квалификации. Цит. по: *История индустриализации, 1929—1932 гг.: документы и материалы*. — М., 1970. — С. 570.
- ⁷² ГА РФ. — Ф. Р-5468. — Оп. 12. — Д. 62а. — Л. 51—52.
- ⁷³ Там же. — Ф. Р-374. — Оп. 28. — Д. 3051. — Л. 185—184.
- ⁷⁴ РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 113. — Д. 742. — Л. 64—67.
- ⁷⁵ *Известия ЦК ВКП (б)*. — 1929. — № 19. — С. 16.
- ⁷⁶ РГАСПИ. — Ф. 613. — Оп. 1. — Д. 81. — Л. 19; Ф. 17. — Оп. 113. — Д. 800. — Л. 40; *Правда*. — 1929. — 13 сент.
- ⁷⁷ *Писарев С.П.* Покончим с передвиженчеством аппарата // *Рабочая газета*. — 1929. — 19 февр.; *Петерс Я.Х.* Готовьтесь к чистке соваппарата // *Правда*. — 1929. — 16 февр.
- ⁷⁸ ГА РФ. — Ф. Р-8341. — Оп. 1. — Д. 867а. — Л. 17.
- ⁷⁹ Там же. — Л. 71.
- ⁸⁰ Там же. — Л. 84.

- ⁸¹ Там же. — Л. 12.
- ⁸² Там же. — Л. 70.
- ⁸³ *Соколов А.К.* Письма // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под ред. А.К. Соколова. — М., 2004. — Разд. 2, гл. 3. — С. 334.
- ⁸⁴ ГА РФ. — Ф. Р-8341. — Оп. 1. — Д. 867а. — Л. 43.
- ⁸⁵ Там же. — Л. 19, 21, 158.
- ⁸⁶ Там же. — Л. 159. Если сравнить пометы на других документах, касающихся подготовки чистки, сделанные Петерсом примерно в это же время, то можно с определенной долей вероятности предположить, что это «его рука» и его вопрос к автору. — *Е.К.*
- ⁸⁷ Там же. — Л. 41.
- ⁸⁸ Там же. — Л. 54.
- ⁸⁹ Там же. — Л. 82.
- ⁹⁰ Там же. — Л. 75.
- ⁹¹ Там же. — Л. 96.
- ⁹² Там же. — Л. 13.
- ⁹³ Там же. — Л. 67.
- ⁹⁴ Там же. — Л. 95.
- ⁹⁵ Там же. — Л. 91.
- ⁹⁶ *Штоляйс М.* История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм. — М., 2017. — С. 48—49.
- ⁹⁷ *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. — М.: Новый хронограф, 2015. — 720 с.
- ⁹⁸ ГА РФ. — Ф. Р-5446. — Оп. 71. — Д. 119. — Л. 39.
- ⁹⁹ Там же. — Ф. Р-8341. — Оп. 1. — Д. 88. — Л. 113, 114—114 об.
- ¹⁰⁰ Там же. — Д. 60. — Л. 21.
- ¹⁰¹ Там же. — Д. 85. — Л. 154.
- ¹⁰² Там же. — Л. 98—98 об.
- ¹⁰³ Там же. — Ф. Р-5446. — Оп. 71. — Д. 119. — Л. 23.
- ¹⁰⁴ Там же. — Л. 21.
- ¹⁰⁵ Там же. — Ф. Р-7021. — Оп. 1. — Д. 107. — Л. 210—211.
- ¹⁰⁶ *Соколов А.К.* «Ежовщина» // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20—40-е гг.): сб. ст. — М., 1999. — С. 270.
- ¹⁰⁷ ГА РФ. — Ф. Р-374. — Оп. 28. — Д. 3049. — Л. 101 об.
- ¹⁰⁸ См. об этом: *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени Россия, 1920—1930 гг. — М.: РОССПЭН, 2012. — 759 с.; *Журавлев С.В.* «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электростановского завода в советском обществе 1920-х — 1930-х гг. — М.: РОССПЭН, 2000. — 352 с.; *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции, 1917—1936 годы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Араловец Наталья Аркадьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, ученый секретарь Центра изучения истории территории и населения России Института российской истории Российской академии наук

Батченко Виктория Сергеевна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории Российской академии наук

Быстрова Ирина Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории Российской академии наук

Вандалковская Маргарита Георгиевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра «Историческая наука России» Института российской истории Российской академии наук

Дюков Александр Решидевич — научный сотрудник Центра экономической истории Института российской истории Российской академии наук

Киселева Екатерина Львовна — кандидат исторических наук, заместитель начальника Отдела научно-информационной и справочной работы Государственного архива Российской Федерации

Кондрашин Виктор Викторович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра экономической истории Института российской истории Российской академии наук

Конявская Елена Леонидовна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра по истории древней Руси Института российской истории Российской академии наук

Красовицкая Тамара Юсуфовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории Российской академии наук

Куприянов Александр Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории Российской академии наук

Кучкин Владимир Андреевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра по истории древней Руси Института российской истории Российской академии наук

Мухин Михаил Юрьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории Российской академии наук

Павлов Дмитрий Борисович — доктор исторических наук, заместитель директора, начальник Отдела внешних и общественных связей Института российской истории Российской академии наук

Перхавко Валерий Борисович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук

Рогожин Николай Михайлович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук

Смирнова Татьяна Михайловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной истории России Института российской истории Российской академии наук

Научное издание

**ТРУДЫ
ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ**

Выпуск 15

Редактор: О.А. Пруцкова
Макет и оформление: Ю.В. Балабанов

Подписано к печати 3.12.2019
Формат 60×90/16. Гарнитура Newton.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,5. Уч.-изд. л. 23,8.
Тираж 500 экз.
Заказ

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в Публичном акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80

